

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2025. № 4 (Вып. 56)

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2025, no. 4, iss. 56

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2025. № 4 (Вып. 56)

Научный журнал

Электронное сетевое издание
ISSN 2712-9608

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2025. № 4 (Вып. 56)

Основан в 1993 г. Периодичность – 4 раза в год. Издается на русском и английском языках.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Кошкарёва Н. Б.**, д-р филол. наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Зам. главного редактора по разделу «Лингвистика» – **Селютин И. Я.**, д-р филол. наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Зам. главного редактора по разделу «Фольклористика» – **Солдатов Г. Е.**, канд. искусствоведения, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Ответственный секретарь по разделу «Лингвистика» – **Байыр-оол А. В.**, канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Ответственный секретарь по разделу «Фольклористика» – **Козырева К. Д.**, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Дыбо А. В., д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Россия
Леонова Н. В., канд. искусствоведения, доцент, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, Новосибирск, Россия
Невская И. А., д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Никольский А. В., PhD in systematic musicology, Frontiers Media, Швейцария
Ойроткинова Н. Р., д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Рыжикова Т. Р., канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Соловар В. Н., д-р филол. наук, доцент, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Россия
Тажиева С. Ж., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Тыбыкова Л. Н., канд. филол. наук, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия
Тюнтешева Е. В., канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Шамина Л. А., д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета – **Кузьмина Е. Н.**, д-р филол. наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Аникин А. Е., д-р филол. наук, академик РАН, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Бавуу-Сюрюн М. В., д-р филол. наук, Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия
Дампилова Л. С., д-р филол. наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия
Данилова Н. И., д-р филол. наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия
Джапуа З. Д., д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухуми, Абхазия
Кляус В. Л., д-р филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия
Кондратьев М. Г., д-р искусствоведения, профессор, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары, Россия
Олмез М., д-р филол. наук, Стамбульский университет, Стамбул, Турция
Скрибник Е. К., д-р филол. наук, профессор, Мюнхенский университет, Мюнхен, Германия
Сыченко Г. Б., канд. искусствоведения, доцент, Президент Ассоциации «Архив “Евразия” имени Романо Маттеи», Рим, Италия
Хабтагаева Б., PhD habil, Неаполитанский Восточный Университет, Неаполь, Италия
Чугункова А. Н., д-р филол. наук, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

ISSN 2712-9608

630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8, Институт филологии СО РАН
yaz_fol_sibiri@mail.ru
<https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2025, no. 4 (iss. 56)

Scientific Journal

An online electronic publication
ISSN 2712-9608

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

2025, no. 4 (iss. 56)

Founded in 1993. The Journal is issued four times a year and published in Russian and English.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **Koshkareva N. B.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia
Deputy Editor-in-Chief for the Linguistics section – **Selyutina I. Ya.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Deputy Editor-in-Chief for the Folklore section – **Soldatova G. E.**, Candidate of Art Studies, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Executive Secretary for the Linguistics section – **Bayyr-ool A. V.**, Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Executive Secretary for the Folklore section – **Kozyreva K. D.**, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Dybo A. V., Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

Leonova N. V., Candidate of Art Studies, Docent, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory, Novosibirsk, Russia

Nevskaya I. A., Doctor of Philology, Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

Nikolsky A. V., Ph.D in systematic musicology, Frontiers Media, Switzerland

Oinotkinova N. R., Doctor of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Ryzhikova T. R., Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Solovarov V. N., Doctor of Philology, Docent, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, Khanty-Mansiysk, Russia

Tazhibayeva S. Zh., Doctor of Philology, Professor, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Tybykova L. N., Candidate of Philology, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

Tyuntseva E. V., Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Shamina L. A., Doctor of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Head of the Editorial council – **Kuzmina E. N.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Anikin A. E., Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Bavuu-Syuryun M. V., Doctor of Philology, Tuvan State University, Kyzyl, Russia

Dampilova L. S., Doctor of Philology, Professor, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude, Russia

Danilova N. I., Doctor of Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS, Yakutsk, Russia

Dzhapua Z. D., Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia, D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Sukhumi, Abkhazia

Khabtagaeva B., PhD habil, Associate Professor, University of Naples L'Orientale, Naples, Italy

Klyaus V. L., Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russia

Kondratyev M. G., Doctor of Art Studies, Professor, Chuvash State Institute of Humanities Studies, Cheboksary, Russia

Olmez M., Doctor of Philology, Istanbul University, Turkey

Skrinik E. K., Doctor of Philology, Professor, University of Munich, Germany

Sychenko G. B., Candidate of Art Studies, Docent, President of the Association "Archive "Eurasia" named after Romano Mastromattei", Rome, Italy

Chugunekova A. N., Doctor of Philology, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

ISSN 2712-9608

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

yaz_fol_sibiri@mail.ru

<https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Фонетика

Селютина И. Я.

Категория фонетической мягкости в языках алтайской общности:
корреляционные модели и палатальный сингармонизм 9–26

Рыжикова Т. Р., Шиндрова К. В.

Палатализация согласных в языке барабинцев как рефлекс закона
палатальной гармонии гласных (по данным УЗИ-визуализации) 27–38

Амелина М. К., Макеева Н. В.

Ультразвуковое исследование артикуляции велярных согласных
в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка 39–72

Якимец Н. В.

Шумные смычные согласные 2-го артикуляционного ряда в идиоме
юрт-орских чатов по акустическим данным (сопоставительный
аспект) 73–89

Гусев В. Ю.

Гармония гласных и звуко-символизм в нганасанском языке 90–99

Иванов В. А., Идрисов Р. И.

Говор тегинских ханты и некоторые проблемы вокализма
(в сопоставлении с данными казымского диалекта) 100–116

Тимкин Т. В., Ли П. И., Ляпина П. А., Шамрин А. С.

Факторы вариативности гласных по длительности в казымском диа-
лекте хантыйского языка на основе новых акустических данных 117–128

Уртегешев Н. С., Прокопьева П. Е.

Редукция системы дифтонгов в одульском языке: диахронический
и инструментально-фонетический анализ 129–144

Ковылин С. В.

Рефлексы адъективного суффикса **-li: -l / -li, -j / -i* в селькупских
диалектах в синхронии и диахронии 145–152

Морозова О. Н.

Усть-нюкжинский говор эвенкийского языка: фонетика 153–162

Социолингвистика

Павлова О. М.

К вопросу о языковых идеологиях науканского сообщества 163–183

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Мифология эпоса

Арбачакова Л. Н.

Образ птиц *кыйгылык* в эпосе шорцев

184–195

Этномузыковедение

Кардашевская Л. И.

Звукорядная организация песен тувинцев Цэнгэла (Монголия)
и Республики Тыва (Россия): опыт сравнительного исследования

196–209

Солдатова Г.Е.

Варган в культуре обских угров

210–226

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бурнакова К. Н., Добрынина А. А.

Перспективные научные направления в трудах Ираиды Яковлевны
Селютиной по фонетике языков народов Сибири и сопредельных
регионов

227–241

Юбилей Светланы Павловны Рожновой

242–243

CONTENTS

LINGUISTICS

Phonetics

- Selyutina I. Ya.**
The category of phonetic softness in the languages of the Altai community: correlation models and palatal synharmonism 9–26
- Ryzhikova T. R., Shindrova K. V.**
Consonant palatalization in Barabian as a reflex of the vowel palatal harmony law (based on ultrasound visualization data) 27–38
- Amelina M. K., Makeeva N. V.**
Ultrasound analysis of velar consonant articulation in the Yamal dialect of Tundra Nenets 39–72
- Yakimets N. V.**
Obstruent plosive consonants of the second articulatory row in the Yurt-Ora Chat idiom: an acoustic comparative study 73–89
- Gusev V. Ju.**
Vowel harmony and sound symbolism in Nganasan 90–99
- Ivanov V. A., Idrisov R. I.**
The Tegi Khanty idiom and selected issues of the vowel system (a comparative analysis with Kazym Khanty dialect) 100–116
- Timkin T. V., Li P. I., Lyapina P. A., Shamrin A. S.**
Factors of the vowel duration variability in Kazym Khanty: new acoustic evidence 117–128
- Urtegeshev N. S., Prokopyeva P. E.**
Reduction of the diphthong system in the Odul language: a diachronic and instrumental-phonetic analysis 129–144
- Kovylin S. V.**
Reflexes of adjectival suffix *-li: -l / -li, -j / -i in Selkup dialects: a synchronic and diachronic perspective 145–152

System description

- Morozova O. N.**
Ust'-Nyukzha idiom of the Evenki language: phonetics 153–162

Sociolinguistics

- Pavlova O. M.**
On the linguistic ideologies of the Naukan Yupik community 163–183

FOLKLORISTICS

Mythology of the epic

Arbachakova L. N.

The image of the *kyigylyk* birds in Shor epic poetry 184–195

Ethnomusicology

Kardashevskaya L. I.

The sound organization of the songs of the Tuvans of Tsengel (Mongolia) and the Republic of Tyva (Russia): a comparative study 196–209

Soldatova G. E.

Jaw harp in the culture of the Ob Ugrians 210–226

SCIENTIFIC MEETINGS AND EVENTS

Burnakova K. N., Dobrynina A. A.

Promising research directions the works of Iraida Yakovlevna Selyutina on the phonetics of the languages of the peoples of Siberia and adjacent regions 227–241

Anniversary of Svetlana Pavlovna Rozhnova 242–243

ЛИНГВИСТИКА

ФОНЕТИКА

УДК 811.512:81'34

DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-9-26

Категория фонетической мягкости в языках алтайской общности: корреляционные модели и палатальный сингармонизм

И. Я. Селютина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Сопоставительно-типологический анализ данных по языкам алтайской общности (южносибирским тюркским, северным монгольским и тунгусо-маньчжурским) позволил выявить три стратегии реализации категории фонетической мягкости. Стратегия обеспечения мягкости фонации детерминирует выбор говорящим моделей корреляции вокальных и консонантных компонентов звуковой цепи мягкорядной словоформы, объединенных по сходству функций в два типа: сильнопалатальный (мягкий) и слабопалатальный (полумягкий). Функционирование в составе мягкорядной словоформы двух типов моделей выдвигается в качестве объяснительной базы для случаев так называемого «смешения» сингармонизма. Утверждается, что нарушение сингармонизма в принципе невозможно, поскольку законы гармонии строго алгоритмичны и автоматически воспроизводятся его носителями. Предполагается, что современное состояние палатального сингармонизма является рефлексом древнетюркского состояния.

Ключевые слова

южносибирские тюркские языки, северные монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, фонетика, фонология, инструментальные методы, консонантизм, палатальность, палатализация, палатальный сингармонизм

Для цитирования

Селютина И. Я. Категория фонетической мягкости в языках алтайской общности: корреляционные модели и палатальный сингармонизм // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 9–26. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-9-26.

The category of phonetic softness in the languages of the Altai community: correlation models and palatal synharmonism

I. Ya. Selyutina

Institute of Philology of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract

This article addresses current issues in the study of palatality and palatalization as mechanisms for expressing the category of phonetic softness in the languages of the Altai linguistic community. A comprehensive interdisciplinary methodology is applied, combining traditional linguistic approaches with modern high-technology instrumental techniques. A comparative typological analysis of South Siberian Turkic, Northern Mongolian, and Tungusic-Manchurian languages reveals three strategies for realizing phonetic softness. These employ palatal consonants, palatalized consonants, or a combination of both. The strategy for implementing phonetic softness in a language dictates how a speaker selects one of three correlation models to regulate the relationship between the vocalic and consonantal elements in a word. Based on functional simi-

© И. Я. Селютина, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

larity, these models are grouped into two types: Type I (*strong mollis*, “soft”) and Type II (*weak mollis*, “semi-soft”). The coexistence of these two correlation types within a soft-order word form is proposed as an explanatory framework for cases traditionally interpreted in Turkology as “violations” of synharmonism, often attributed to deviations from an assumed “ideal” model of vowel harmony. Theoretically, native speakers of harmonic languages cannot violate synharmonism in a monothematic word form. This is because the synharmonic rules, integral to the articulatory-acoustic articulatory-acoustic base of the language, are inherently algorithmic and are automatically reflected in speech production. From this perspective, the heterogeneity observed in Turkic soft-order word forms is interpreted as a reflex of the Ancient Turkic state.

Keywords

South Siberian Turkic languages, northern Mongolian languages, Tungus-Manchurian languages, phonetics, phonology, instrumental methods, consonantism, palatality, palatalization, palatal synharmonism

For citation

Selyutina I. Ya. Kategoriya foneticheskoy myagkosti v yazykakh altayskoy obshchnosti: korrelyatsionnye modeli i palatal'nyy singarmonizm [The category of phonetic softness in the languages of the Altai community: correlation models and palatal synharmonism]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 9–26. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-9-26

Введение

Цель исследования – обобщение полученных ранее результатов изучения артикуляторных механизмов и фонологического статуса палатальности и палатализации как средств реализации категории мягкости (моллисности) в языках алтайской общности: южносибирских тюркских, северных монгольских и тунгусо-маньчжурских, определение языковых стратегий имплементации акустико-перцептивного эффекта мягкости звучания в речевой коммуникации, выявление моделей корреляции вокальных и консонантных компонентов звуковой цепи мягкорядной словоформы, детерминирующих общность и специфику палатального сингармонизма [Селютина 2024а, 2024б, 2025].

Материалы для исследования получены в разные годы фонетистами Сибири с использованием комплексной методики, включающей, в том числе, инструментальные соматические методы статического рентгенографирования, дентопалатографирования и магнитно-резонансного томографирования (МРТ). К анализу привлекались данные по северным монгольским языкам России и Монголии (хори-бурятский, калмыцкий, халха-монгольский) и южносибирским тюркским. Тунгусо-маньчжурские языки представлены одним из северных идиомов – селемджинским говором восточного наречия эвенкийского языка. При проведении аудитивного анализа и транскрибировании языковых материалов по тюркским и монгольским языкам использовались архивные аудиозаписи ЛЭФИ ИФЛ СО РАН, исследования звучащей эвенкийской (селемджинской) речи проводились по «Звуковому эвенкийско-русско-английскому тематическому словарю: на материале селемджинского говора» [Булатова, Морозова, Стручков 2017].

Если дискуссионные вопросы палатализации в разносистемных языках обсуждаются специалистами с XIX в., то остальная рассматриваемая в данной статье комплексная проблематика либо описана мало, либо не подвергалась анализу вовсе. Вместе с тем функционирование среднеязычных или палатализованных согласных артикуляций в звуковых системах генетически и типологически различных языков предопределяет выбор стратегии реализации категории мягкости и формирует систему фонотактических моделей сочетаемости гласных и согласных звуков, определяющих звуковой облик мягкорядной словоформы в гармонических языках алтайской типологической общности.

1. Палатальность и палатализация как средства реализации категории моллисности

В фонетической литературе термины *палатальность*, *палатализация* и их русские соответствия *мягкость*, *смягчение* и производные от них не имеют однозначного функционирования, их истолкования нечеткие и непоследовательные. Понятия *палатализованный*, *мягкий*, *смягченный* часто используются как синонимы. Следует четко разграничивать палатальность (среднеязычность, мягкость) как характеристику основной, базовой артикуляции согласных, с одной стороны, и палатализованность (смягченность), с другой [Селютина 2024а: 11].

Если традиционные представления фонетистов о физиолого-акустической природе палатализованных согласных акцентируют, как правило, «дополнительный к основной артикуляции согласных подъем средней части языка к твердому нёбу..., резко повышающий характерный тон и шум» [Ахманова 2007: 308], то современные лингвисты придают не меньшее значение «смещению тела языка вперед и вверх...» [Князев, Пожарицкая 2011: 40], сдвигению языка всей своей массой несколько вперед [Соколянский 2017: 399]. Наиболее полно, на наш взгляд, специфика палатализации сформулирована С. В. Кодзасовым и О. Ф. Кривновой: «при дополнительной артикуляции палатализации происходит смещение языка вперед, сопровождаемое расширением фарингального прохода и уменьшением объема ротовой полости» [Кодзасов, Кривнова 2001].

Исследования, проведенные на материале языков алтайской общности – тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, свидетельствуют о том, что палатализация характеризуется не только – и не столько – подъемом средней части спинки языка к нёбу, но и активным смещением сжатого тела языка вперед-вверх. Вследствие компрессии языка и его выдвижения происходит переформатирование конфигурации речевого тракта, изменение соотношения объемов частей резонатора, образование значительного по объему заднеротово-глоточного отдела резонаторной полости, детерминирующее усиление высокочастотных составляющих спектра звукового сигнала, ассоциируемых перцептивно с мягкостью звучания [Селютина 2024: 9].

Следует отметить, что наше толкование палатализации традиционно базируется на наблюдениях за укладом артикулирующих органов лишь в надгортанной полости. Обращение исследовательского интереса ученых в последние годы к механизмам работы произносительных органов в подгортанных отделах речевого аппарата позволило получить перспективные результаты. Н. С. Уртегешев по итогам изучения ларингальных коррелятов моллисности выдвинул гипотезу о ключевой роли ларингальных механизмов, включая ингерентную соартикуляцию голосовых складок и гортани [Уртегешев 2025: 167]. Очевидно, что лишь комплекс сведений о работе артикуляторных органов орально-назально-фарингальных и ларингальных отделов речевого тракта позволит приблизиться к разгадке сложных механизмов палатализации.

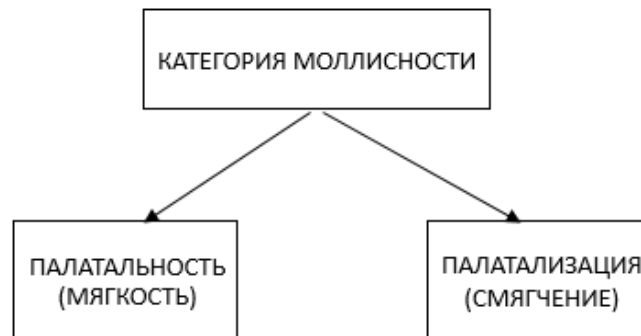
Палатальные (среднеязычные) согласные образуются средней частью спинки языка при опущенном к нижним зубам кончике языка [Зиндер 1979: 160–163]. Как свидетельствуют инструментальные данные, полученные методами рентгено-, томо-, денто- и лингвографирования, в языках Сибири согласные данного функционального ряда реализуются преимущественно как переднеязычно-среднеязычные и продуцируются передне-средней частью спинки языка. Как и при продуцировании палатализованных согласных, при произнесении палатальных консонантов происходит смещение языка вперед-вверх с одновременным отодвижением корня от задней стенки фаринкса, причем выражено оно контрастнее по сравнению с палатализованными настройками вследствие исключения из активной работы опущенного кончика языка и прилегающего участка передней части спинки языка: рентгено снимки и томограммы среднеязычных согласных демонстрируют самые значительные объемы гортанно-глоточного отдела резонаторной полости.

Таким образом, и палатальность, и палатализация являются *артикуляторными средствами* достижения *акустического* эффекта мягкости звучания. Ранее для объединения понятий *палатальность* и *палатализация* мы предложили ввести термин *категория мягкости*. Косвенным образом на необходимость понятия обобщающего характера указал А. В. Лемов: «называя звуки мягкими, мы должны уточнять характер этой мягкости: мягкий палатализованный, то есть с добавлением артикуляции палатализации, например, [л'], [т'] и подобные, или мягкий палатальный – [j]» [Лемов 2017: 183].

К сожалению, термин *мягкость* имеет очень долгую и противоречивую историю, за ним тянется шлейф многозначности, создающей затруднения в научной коммуникации, а потому неприемлемой в терминоведении. По моей просьбе Н. С. Уртегешев предложил и апробировал в печати термин *моллисность* (лат. *mollis* ‘мягкий’), представляющийся нам удачным: «моллисные согласные (традиционно палатальные и палатализованные, которые сопровождаются акустическим эффектом мягкости)» [Уртегешев, Морозова 2025: 115].

Термин *категория моллисности* призван объединить понятия палатальности и палатализации, он является общим (родовым) по отношению к частным (видовым) терминам *палатальность* (или мягкость) и *палатализация* (или смягчение) (см. схема 1).

Система средств реализации категории моллисности
The system of means of realization of the category of mollicity

Итак, мы выделяем категорию моллисности (мягкости), средствами реализации которой являются палатальность и палатализация.

**2. Стратегии реализации категории моллисности
в языках алтайской общности**

Выбор стратегии реализации категории мягкости в конкретном языке детерминирован спецификой консонантных фонико-фонологических систем – наличием в них среднеязычных и (или) палатализованных настроек [Селютина 2025], а также фонологическим статусом палатализации. В отличие от русского языка, где палатализация релевантна, в монгольских языках она реализуется и на фонемном уровне, и на аллофонном – в корреляции с сингармонической мягкорядностью лексем; в южносибирских тюркских языках и в эвенкийском палатализация аллофонная, проявляющаяся лишь в мягкорядных словоформах. На наш взгляд, в одном языке не могут функционировать и среднеязычные, и переднеязычные палатализованные единицы на фонематическом уровне; они сосуществуют лишь в статусе аллофонов.

Рассмотрим на материале языков алтайской общности, какие стратегии применяются в идиомах для воплощения категории моллисности.

2.1. Монгольские языки

В монгольских языках представлены два типа консонантных субсистем, единицы которых участвуют в передаче мягкости звучания речи. В языках хоринских бурят и халха-монголов класс среднеязычных согласных включает лишь одну фонему [j], зато представлены развернутые коррелятивные ряды по палатализации: 10 пар единиц у хоринских бурят: [p]-[p'], [b]-[b'], [m]-[m'], [t]-[t'], [d]-[d'], [l]-[l'], [r]-[r'], [n]-[n'], [x]-[x'], [g]-[g'] [Соктоева 1988: 116–118, 126] и 14 пар – у халха-монголов: [p]-[p'], [b]-[b'], [m]-[m'], [t]-[t'], [d]-[d'], [s]-[s'], [ts]-[tʃ], [dz]-[dʒ], [l]-[l'], [r]-[r'], [n]-[n'], [g]-[g'], [x]-[x'], [ŋ]-[ŋ'] [Наделяев 1985; Кузьменков 2004]). В калмыцком языке, наоборот, оппозиций по палатализации нет, но есть развернутый ряд среднеязычных согласных из семи фонем: [h], [h̥], [h̥s], [h̥z], [ɲ], [ɲ̥], [j] [Биткеев 1965: 30].

Соответственно, можно констатировать функционирование в рассматриваемых монгольских языках двух стратегий реализации категории моллисности: в хори-бурятском и халха-монгольском акустический эффект мягкости достигается с использованием, прежде всего, палатализации согласных, в калмыцком языке эту роль выполняют среднеязычные согласные. Ниже показаны переднеязычные палатализованные настройки «t'» в хори-бурятском [Соктоева 1988: 44] и халха-монгольском [Селютина 1924 б: 14–16] языках и среднеязычная артикуляция «h̥» в калмыцком [Биткеев 1965: 38] (см. рис. 1–3 на с. 13).

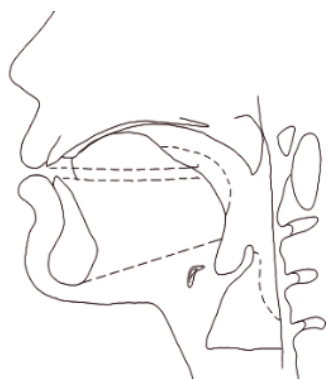

Рис. 1. Хори-бурятский звук *t* «т'» в слове *этигел* 'доверие'
Fig. 1. The Khor-Buryat sound *t* «t'» in the word *ethigel* 'trust'

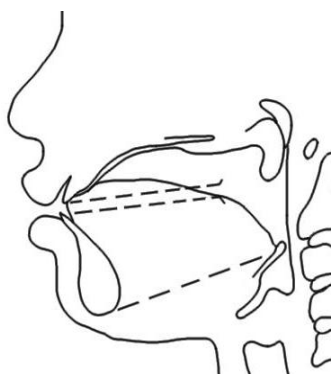

Рис. 2. Халха-монгольский звук *тб* «т'» в слове *боть* 'том'
Fig. 2. The Khalkha-Mongol sound *t'* «t'» in the word *bot'* 'tom'

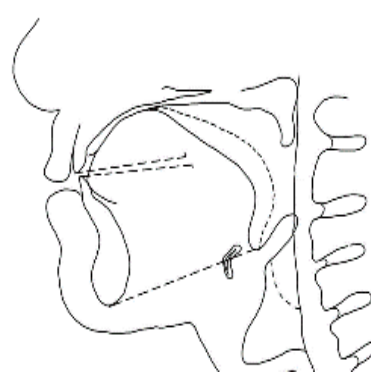

Рис. 3. Калмыцкий звук *тб* «h» в слове *хатяр* 'редкий'
Fig. 3. The Kalmyk sound *t'* «h» in the word *hatyar* 'rare'

Рассматриваемые стратегии характерны для центра звуковых систем, на периферии же фиксируются факультативные варианты, отражающие различные этапы развития языков. О незавершенности процесса выбора стратегии реализации категории моллисности свидетельствует опциональное использование среднеязычных согласных в качестве необязательных маргинальных аллофонов переднеязычных палатализованных фонем в бурятском и монгольском идиомах, а в калмыцком языке, напротив, мягкие палатальные консонанты могут иметь смягченные переднеязычные реализации.

Результаты, представленные по языку халха-монголов, носят предварительный характер, они нуждаются в расширении объема выборки. К огромному сожалению, богатейший архив экспериментально-фонетических данных по монгольскому языку (рентгенограммы, дентопалатограммы, лабиограммы), полученных в свое время В. М. Надеяевым как в Новосибирске, так и во время экспедиций в различные аймаки МНР, были утеряны. Особенно прискорбна для нас потеря рентгенограмм, которые могли бы прояснить многие «темные места» в фонетике языка монголов.

2.2. Тюркские языки

Привлечение данных по тюркским языкам Южной Сибири позволило выявить третью стратегию выражения мягкости звучания – и через аллофонную палатализацию, и через палатальность, с помощью среднеязычных артикуляций. На рис. 4–5 приведены настройки переднеязычного слабопалатализованного аллофона *t* «t'» фонемы [t] в мягкорядном слове *эт* 'мясо' и среднеязычного *тб* «h» в твердорядном слове *тбаа* 'новый' в чалканском языке [Кирсанова 2003: 38, 57].

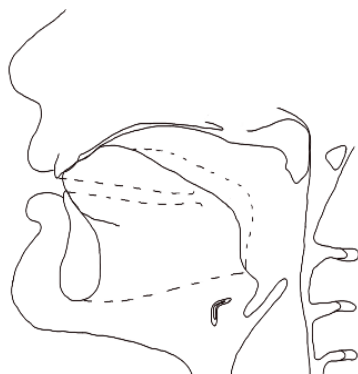

Рис. 4. Чалканский звук *t* «t'» в слове *эт* 'мясо', диктор 4
Fig. 4. The Chalcan sound *t* «t'» in the word *et* 'meat'

Рис. 5. Чалканский звук *тб* «h» в слове *тбаа* 'новый', диктор 5
Fig. 5. The Chalcan sound *t'* «h» in the word *tyaa* 'new'

Исключение среди южносибирских тюркских языков составляет хакасский, консонантизм которого не имеет среднеязычных согласных, вследствие чего в качестве инструмента для передачи моллисности звучания используется только палатализация. На рис. 6–7 представлены артикуляторные настройки переднеязычных согласных типа *m*: сильнопалатализованного «t'» в мягкорядной словоформе *тиин* ‘белка’ и слабопалатализованного «t» в твердорядном слове *ти* ‘говори’ [Субракова 2006: 88, 87].

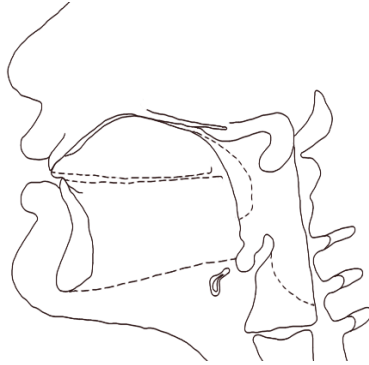

Рис. 6. Хакасский звук *t* «t'»
в слове *тиин* ‘белка’
Fig. 6. The Khakass sound *t* «t'»
in the word *tiin* ‘squirrel’

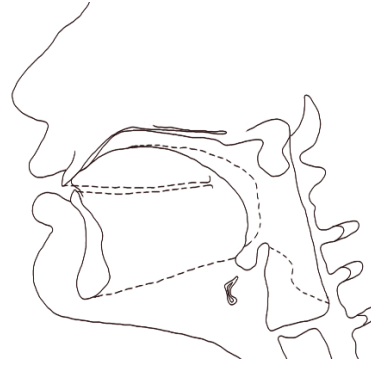

Рис. 7. Хакасский звук *t* «t»
в слове *ти* ‘говори’
Fig. 7. The Khakass sound *t* «t»
in the word *ti* ‘to speak’

2.3. Тунгусо-маньчжурские языки (эвенкийский)

Консонантная система эвенкийского языка (селемджинский говор) представлена 18-ю фонемами [Селютина и др. 2014: 187]. Среди эвенковедов нет единства мнений относительно квалификации некоторых фонем, но мы исходим из того, что в селемджинском говоре фонематической оппозиции по палатализации нет, но есть класс палатальных (среднеязычных) согласных, представленный 4-мя фонемами: шумными смычно-щелевыми [hʃ'] и [hʒ'] и сонорными [j] и [ɲ]. Палатализация функционирует у селемджинцев на аллофонном уровне в мягкорядных словоформах и зависит от фонетического контекста.

На рис. 8–10 приведены томосхемы селемджинских согласных [Селютина и др. 2014: 188]. Все они артикулируются с подъемом средней части спинки языка к твердому нёбу, а объем заднеротовоглоточного отдела резонатора увеличивается в соответствии с нарастанием степени моллисности – от слабопалатализованного звука *m* «t'» в слове *дэт* ‘тундра’ к палатальному *д* «hʃ'» в слове *дюр* ‘два’.

Рис. 8. Эвенкийский звук *t* «t'»
в слове *дэт* ‘тундра’
Fig. 8. The Evenk sound *t* «t'»
in the word *det* ‘tundra’

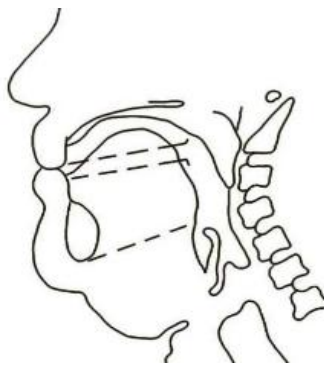

Рис. 9. Эвенкийский звук *n* «p'»
в слове *чэпī* ‘утопить’
Fig. 9. The Evenk sound *n* «p'»
in the word *chapī* ‘to drown’

Рис. 10. Эвенкийский звук *д* «hʃ'»
в слове *дюр* ‘два’
Fig. 10. The Evenk sound *д* «hʃ'»
in the word *dūr* ‘two’

Итак, в эвенкийско-селемджинском языке можно констатировать, как и в южносибирских тюркских языках (кроме хакасского), функционирование третьей стратегии выражения моллисности звучания: и через аллофонную палатализацию, и через палатальность, с помощью среднеязычных артикуляций.

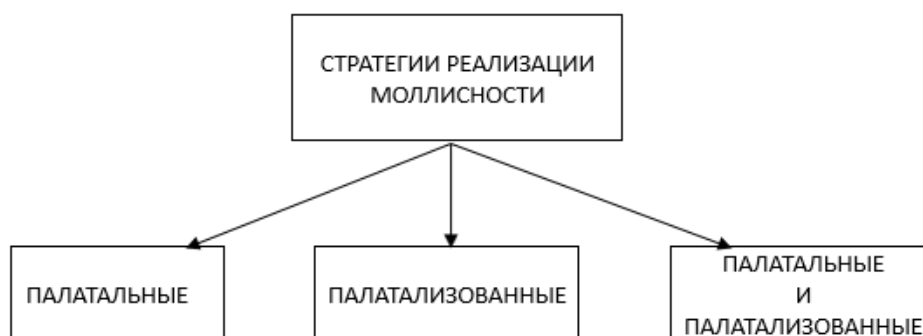
В отличие от рассмотренных выше монгольских языков, где при определении стратегии реализации категории моллисности предполагается альтернатива, исключение, выбор одного из вариантов: «или – или» – или палатальность (калмыцкий), или палатализация (хори-бурятский и халха-монгольский), в южносибирских тюркских языках и в эвенкийско-селемджинском, напротив, действует связка «и – и», означающая объединение, допускающая сочетание средств выражения моллисности, взаимно дополняющих друг друга: и палатальность, и палатализация.

В хакасском, не имеющем среднеязычных консонантов, используется палатализация различной степени выраженности. И в этом отношении хакасский обнаруживает сходство с хори-бурятским и халха-монгольским, но палатализация в этих языках имеет различный фонологический статус.

В обобщенном виде типы стратегий реализации категории моллисности представлены на схеме 2.

Схема 2
Scheme 2

Стратегии реализации категории моллисности
The strategies of realization of the category of mollicity

Следовательно, система средств реализации эффекта моллисности в южносибирских тюркских языках (кроме хакасского) и в эвенкийском охватывает весь спектр инструментов, используемых для передачи моллисности звучания в языках алтайской общности.

3. Модели корреляции вокальных и консонантных компонентов
мягкорядной сингармонической словоформы

Выявленные в языках алтайской общности три стратегии обеспечения мягкости фонации – с использованием либо палатальных согласных, либо палатализованных, либо и тех, и других – определяют выбор говорящим одной из трех моделей комбинаторики вокальных и консонантных компонентов звуковой цепи мягкорядной словоформы:

1-я модель: $C_3, C_4 + V_1$;

2-я модель: $C' + V_1$;

3-я модель: $C'(C_2, C_5, C_6) + V_2, V_3, V_5$ ¹.

При анализе фонотактических закономерностей сочетаемости вокальных и консонантных составляющих звуковой оболочки мягкорядного слова и при квалифицировании качества глас-

¹ Здесь и далее: V – гласный, C – согласный. C' – слабопалатализованный, C' – умереннопалатализованный, C'' – сильнопалатализованный согласный.

V₁, V₂, V₃, V₅ – гласные переднего (V₁), центрального (V₂), центральнозаднего (V₃) и смешанного (V₅) артикуляторных рядов.

C₁, C₂, C₃, C₄, C₅, C₆ – согласные губного (C₁), переднеязычного (C₂), среднеязычного (C₃), средне-межзубноязычного (C₄), межзубноязычного (C₅) и заднеязычного (C₆) артикуляторных рядов.

ных по параметрам артикуляционного ряда мы ориентировались на принципы классификации гласных, разработанные В. М. Наделяевым [Наделяев 1980].

Кроме того, мы исходили из необходимости четкого разграничения *артикуляторной* и *сингармонической* рядности. В классификации гласных В. М. Наделяева выделяется пять артикуляторных рядов: передний, центральный, центральнозадний, задний и смешанный. С позиций палатального сингармонизма различают твердый и мягкий ряды, а также активно формирующийся нейтральный ряд.

Мягкий сингармонический ряд гласных может быть представлен в языках и диалектах четырьмя артикуляторными рядами: передним, центральным, центральнозадним и смешанным. Гласные переднего ряда по характеру аккомодационных процессов внутри сочетания «согласный + гласный» в составе мягкорядной словоформы и по характеру комбинаторики резко отличаются от мягкорядных гласных остальных артикуляторных рядов: центрального, центральнозаднего и смешанного. Таким образом, мягкорядный вокализм можно разделить на две подсистемы: переднерядный и непереднерядный (центральнорядный, центральнозаднерядный и смешаннорядный) вокализм. В обобщенном виде он представлен на схеме 3.

Схема 3
Scheme 3

Вид модели определяется характером составляющих ее компонентов.

1-я модель: $C_3, C_4 + V_1$. Сogласные среднеязычные (C_3) и средне-межзубочные (C_4) могут сочетаться препозитивно только с гласными переднего артикуляторного ряда (V_1), например: алт. *jer* «*ʃer*» ‘земля’, *kel* «*keɭ*» ‘приходи’, *kerək* «*keɾek*» ‘надо; эвенк. *nyor* «*nyʊɣ*» ‘стрела’, *hēki* «*hɜki*» ‘пень’. Сogласные типов C_3 и C_4 , не допускают в постпозиции к себе непереднерядных гласных, то есть гласных центрального (V_2), центральнозадного (V_3) или смешанного (V_5) артикуляторных рядов, также функционирующих в рамках мягкого сингармонического ряда. Эта модель используется в языках, консонантные системы которых включают палатальные (среднеязычные и средне-межзубочные) сogласные: в южносибирских тюркских языках (кроме хакасского), калмыцком, эвенкийском (селемджинский говор).

2-я модель: $C' + V_1$. В языках, не имеющих в консонантной системе среднеязычных и средне-межзубочных сogласных единиц, в препозиции к гласным переднего ряда употребляются сogласные переднеязычные сильно- или умереннопалатализованные, например: хак. *тиин* «*tʰi:n*» ‘белка’, *кем* «*k'em*» ‘кто’; эвенк. *бега* «*b'ɛ:ɡɔ*» ‘месяц’, *дѐло* «*d'ɔlɔ*» ‘камень’. Как и в 1-й модели, использование в составе сочетания непереднерядных гласных мягкого сингармонического ряда неприемлемо. Эта модель используется в хакасском, а также в хори-бурятском, халха-монгольском, эвенкийском, то есть в языках, консонантные системы которых включают сильно или умеренно палатализованные сogласные различного фонематического статуса.

3-я модель: переднеязычные (C_2) непалатализованные или слабопалатализованные, а также гуттуральные – межзубочные (C_5) и заднеязычные (C_6) сogласные, напротив, требуют по-

сле себя непереднерядных гласных центрального (V_2), центральнoзаднего (V_3) или смешанного (V_5) артикуляторных рядов, также входящих в состав мягкого сингармонического ряда, например: алт. *тер* «t'ɜr'» 'пот', *темир* «t'ɜm'ir'» 'железо'; хак. *mi* «t'ɜ'» 'говори'; эвенк. *дэт* «d'ɜt'» 'тундра'. Указанные согласные не могут сочетаться препозитивно с переднерядными гласными (V_1). Эта модель используется во всех рассматриваемых языках, достаточно частотна, особенно в аффиксальных морфемах.

1-я и 2-я модели реализуются с акустическим эффектом сильной или умеренной палатализации консонанта, перцептивно сопоставимой с палатализацией в русском языке. 3-я модель продуцирует эффект слабой или сверхслабой палатализации.

По сходству функций – генерирование акустико-перцептивного эффекта моллисности – 1-я и 2-я коартикуляционные модели следует объединить в один тип, условно обозначив его как тип I – *сильномоллисный* (мягкий). Как отмечалось выше, выбор языком между 1-й и 2-й моделями I типа обусловлен наличием или отсутствием в консонантной системе среднеязычных (C_3) и среднеязычно-межзубочных (C_4) согласных. 3-я корреляционная модель представляет тип II – *слабомоллисный* (полумягкий).

В обобщенном виде типы корреляционных моделей в тюркских языках Южной Сибири, в северных монгольских и в северном тунгусо-маньчжурском – эвенкийском (селемджинский говор) – приведены в таблице 1.

Таблица 1

Table 1

**Модели комбинаторики вокальных и консонантных компонентов
звуковой цепи мягкорядной словоформы в языках алтайской общности**
**Models of combinatorics of vocal and consonant components
of the sound chain of a soft-order word form in the languages of the Altai community**

Комплекс моделей		Языки
Тип I: сильно- моллисный	1-я модель: $C_3, C_4 + V_1$	южносибирские тюркские (кроме хакасского), калмыцкий, эвенкийский (селемджинский говор)
	2-я модель: $C' + V_1$	хакасский, хори-бурятский, халха-монгольский, эвенкийский (селемджинский говор)
Тип II: слабо- моллисный	3-я модель: $C'(C'_2, C'_5, C'_6) + V_2, V_3, V_5$	все рассматриваемые языки: южносибирские тюркские (включая хакасский), хори-бурятский, халха-монгольский, калмыцкий, эвенкийский (селемджинский говор)

Представленная типология корреляционных моделей нуждается в дальнейшей детализации с учетом артикуляторной рядности и фонологического статуса входящих в их состав консонантных единиц.

4. Неоднородность мягкорядной сингармонической словоформы как производная стратегии реализации категории моллисности

Проблематика сингармонизма – базового типологического свойства языков агглютинативного типа, реализующегося на морфонологическом уровне как дистантная ассимиляция по ряду, подъему, огублению, фарингализации, ассимиляции и др., несмотря на неизменный на протяжении почти двух столетий исследовательский интерес лингвистов не только далека от решения, но появляются новые грани дискуссии, требующие обсуждения.

4.1. Сингармонизм как просодическое явление

По мнению В. Б. Касевича, законы сингармонизма «определяют фонологический облик слова (словоформы) в целом» [Касевич 1986: 119–120], то есть распространяются как на вокальную, так и на консонантную ось. Сингармонизм как «закон образования синтагматических цепочек из элементов системы» [Мельников 2003: 242], «определяющий фонетический облик словоформы с помощью ограниченного набора имеющихся в данном языке сингармонических моделей, в тюркских языках, вписываясь в обобщенную гармоническую модель, восходящую

к гипотетической идеальной, имеет в каждом из идиомов свои особенности, подчиняющиеся строгим системным связям сегментного и суперсегментного уровней» [Селютин 2024а: 101].

На наш взгляд, важным моментом в дискуссии о сингармонизме является переход к концепции о сингармонизме как просодическом явлении, выполняющем словоорганизующую и делимитативную функции. А. Жунибек (Джунибеков), указывая на неправомерность распространения европоцентричного подхода к трактовке принципов формирования фонетической структуры слова в акцентных (асингармоничных) языках на языки сингармонического типа и говоря о недопустимости разграничения «фонологии корня» и «фонологии аффикса», отмечает: «Сингармонизм – своеобразный результат коартикуляции по горизонтальному положению языка и по участию губ между гласными и согласными, составляющими слог. ... Эта коартикуляция в сингармологической системе тюркских языков является фундаментальным артикуляционно-перцептивным признаком просодии слова. С точки зрения сингармонической просодии слова *гласные* и *согласные* имеют равный сингармологический статус. Следовательно, ... модификации согласных зависят не от тембра соседнего гласного, а результат сингармопросодии всего слога (слова)» [Жунибек 2020: 21].

Соглашаясь с точкой зрения А. Жунибека, мы считаем, что мягкорядность или твердорядность словоформы определяется не гласным, не согласным, а всем звуковым комплексом 1-го слога. В начале произнесения словоформы задается единый артикуляционный импульс, детерминирующий акустико-перцептивный облик всей словоформы, варьируемый в соответствии с качественно-количественными параметрами ее реальных компонентов и законами комбинаторики, алгоритмами ассимиляции и аккомодации, свойственными тому или иному идиому. Различные модификации этой закономерности реализуются во всех языках сингармонического типа. Образно выражаясь, эти модификации уникальны и неповторимы, как папиллярные узоры на отпечатках пальцев, и являются универсальным идентификатором личности говорящего в оппозиции «свой – чужой».

На просодический характер сингармонизма указывают и современные инструментальные исследования с использованием высокотехнологичной аппаратуры. Так, изучение особенностей коартикуляции по палатальности в алтайском языке с помощью ультразвукового аппарата с применением динамического подхода позволило установить, что «в мягкорядных словоформах в течение всего фонетического слова сохраняется подъем средней части спинки языка, придающий согласным палатализованный оттенок», то есть нёбная гармония вокальных и консонантных компонентов звуковой цепи распространяется на все фонетическое слово. В то же время, динамический анализ среднеязычных (палатальных) настроек в составе твердорядных словоформ показал, что «подъем средней части спинки языка переходит на начало гласного, затем спинка опускается, создавая коартикуляционное движение» [Тимкин 2024: 156].

4.2. Принципы формирования южносибирской тюркской мягкорядной словоформы

Исследования фонетических систем языков алтайской общности свидетельствуют о том, что функционирование корреляционных моделей, детерминируемых стратегией реализации моллиности конкретного языка, определяет специфику его сингармонической системы, формирует сингармонические слоговые цепочки и сингармонические звуковые цепи словоформ.

Как показано выше, звуковая цепь мягкорядной словоформы формируется корреляционными моделями двух типов: сильномоллиными (мягкими) ($C_3, C_4 + V_1; C' + V_1$) и слабомоллиными (полумягкими) ($C' (C'_2, C'_5, C'_6) + V_2, V_3, V_5$).

В соответствии с типом используемой корреляционной модели, слоговые сингармонические цепочки (СЦ), формирующие звуковую цепь мягкорядной словоформы, могут быть двух основных типов:

1-й тип СЦ (сильномоллиный, мягкий) включает 1-ю или 2-ю корреляционные модели:

$C_3, C_4 + V_1$: алт. *juk* « ʃik » ‘шов’, *чий* « ʃci » ‘сырой’; кум. *jer* « ʃer » ‘земля’, *чий* « ʃci » ‘есть’, *нек* « rek » (~ « p'ek ») ‘корова’, *кебе* « keβ'e » ‘лодка’, *көл* « köl » ‘озеро’, *бугун* « bugun » ‘сегодня’ (биматематическое слово); эвенк. *нюр* « nyr » ‘стрела’, *няма* « naema » ‘тепло’, *һеки* « hɛki » ‘пень’, *һиви* « xiv'i » ‘дрозд’;

$C' + V_1$: хак. *тин* «t'in» 'опьянеть', *тин* «t'ip» 'пни', *кем* «k'em» 'кто'; эвенк. *бега* «b'ε:gl» 'месяц', *дело* «d'ølò» 'камень', *эрин* «εr'in» 'дыхание', *бабир* «b'ab'ir» 'морщинка', *ге* «gε» 'другой', *абулин* «l'bol'in» 'не могу=я'.

2-й тип СЦ (слабомоллисный, полумягкий) использует 3-ю корреляционную модель:

$C' + V_2, V_3, V_5$: алт. *тил* «t'ɛl» 'язык', *тий* «t'ij» 'удерживай'; кум. *тер* «t'εr» 'пот', *ший* «ʃ'ij» 'писать', *нек* «n'εk» (~ «ɲεk») 'корова', *кижи* «k'ij'ɛ» 'человек', *күс* «k'üs» 'глаз', *көк* «k'ök» 'синий'; шор. *кер* «k'εr'ε» 'гнедой (о коне)', *какүгыбыс* «k/kλ:k:ö:g'β'ɛs'» 'кукушка=наша'; хак. *тин* «t'ipn» 'узечка', *тик* «t'ipk» 'шей'; эвенк. *дэт* «d'εt» 'тундра', *илэ* «il'ε» 'куда', *налэ* «n'ä:l'ε» 'рука'.

Типы корреляционных моделей и формируемых ими сингармонических цепочек представлены в табл. 2.

Таблица 2
Table 2

Типы корреляционных моделей и сингармонических цепочек
Types of correlation models and harmonic chains

Корреляционные модели		Гласные	Сингармоническая цепочка
Тип	Вид		
Тип I	1-я модель: $C_3, C_4 + V_1$	переднерядные	сильномоллисная мягкая
	2-я модель: $C' + V_1$		
Тип II	3-я модель: $C'(C'_2, C'_5, C'_6) + V_2, V_3, V_5$	непереднерядные ²	слабомоллисная полумягкая

Характер 1-го слога мягкорядной словоформы не регламентирован: он может быть оформлен и по 1-му (сильномоллисному, мягкому) типу, и по 2-му (слабомоллисному, полумягкому).

В следующих – непервых – слогах эти два типа сингармонических цепочек, нанизываясь друг на друга, формируют звуковую цепь всей мягкорядной словоформы.

Порядок следования двух типов цепочек в пределах словоформы произволен.

Все слово может состоять:

– только из сингармонических цепочек 1-го типа (сильномоллисных, мягких), например: алт. *келгелек* «kεlɛ:λek» 'еще не пришедший'; кум. *кебелерин* «kεβ'el'ε:riŋ» 'ваша лодка', *жерибиске* «ʃεr'ip'is'ke» 'нашей земле';

– только из СЦ 2-го типа (слабомоллисных, полумягких), например: кум. *тиште* «t'ɛʃt'ε» 'закусить зубами', *тикти* «t'ik'ti» 'шить', *төртөн* «t'ört'ön» 'сорок';

– слово может включать оба типа сингармонических цепочек, например: алт. *келдилер* «kεlɛd'ɛl'εr» 'пришли', *текелер* «t'εkε'l'εr» 'горные козлы', *темир* «t'εm'ir» 'железо', *тертпектер* «t'εrt'p'ekt'εr» 'хлеб (мн. ч.), лепешки'; кум. *слердин* «s'l'εr'd'ipn» 'от вас', *текелердин* «t'εkε'l'εr'd'ipn» 'от козлов', *кижилерде* «k'iz'ɛl'erd'ε» 'на людях (букв.: на человеках)', *түлкүчек* «t'ül'küçek» 'лисица'; шор. *эбектен* «ʔer'β'ekt'εr» 'сказав', *түжүбисти* «t'üz'ip'ist'ɛ» 'спустились', *тезибискен* «t'εz'εβ'is'k'en» 'убежали', *кирибисти* «k'ir'ib's'te'ε» 'вошли'.

Таким образом, мягкорядный сингармонизм неоднороден, он представлен двумя подвидами: сильномоллисным (мягким) и слабомоллисным (полумягким).

4.3. Алгоритмический характер сингармонизма как доминанта артикуляционно-акустической базы

Звуковая цепь любой словоформы – как твердорядной, так и мягкорядной – подчиняется предельно четким алгоритмам сочетаемости вокальных и консонантных компонентов внутри слога и слова. Эти алгоритмы реализуются автоматически, говорящий не задумывается над ними, он впитал их в младенчестве с артикуляционной базой матери или другого воспитателя, в общении с которым ребенок усваивал язык.

² Центральнорядные, центральнозаднерядные, смешаннорядные.

И если исследователь говорит о нарушении сингармонизма в том или ином слове, это не обязательно означает, что нарушение действительно есть. Представляется более очевидным, что лингвисты не смогли разгадать закономерности комбинаторики, действующие в данном слоге и слове. Нарушение сингармонизма в монотематической словоформе носителем гармонического языка в принципе невозможно, как невозможно носителю русского языка произнести слово *дуб* со звонким *б* в конце слова – это противоречило бы нормам артикуляционной базы родного языка.

Некоторые исключения из общего правила типа слома модели сингармонизма твердоярдной словоформы, звуковая цепь которой включает среднеязычный или сильнопалатализованный согласный, лишь подтверждают правило автоматизма: среднеязычный (палатальный) или палатализованный, мягкие по своей акустической природе, сочетаясь лишь с гласными переднего ряда, создают прецедент включения мягкорядной сингармонической цепочки в состав твердоярдного слова, но с последующего слога твердоярдная отнесенность словоформы восстанавливается в соответствии с артикуляционно-акустическим импульсом, заданным для всей словоформы в 1-м слоге, например: кум. *капчагай* «qɑpħsa:qɑj» ‘быстро’, *койонок* «qojoŋoq» ‘зайчик’; шор. *оцыптым* [ʔɔ:ʃʹɪp̚t̚m] ‘сизжу=я’.

При этом особенности аудитивного восприятия исследователя, ориентированного научной традицией на бинарное противопоставление твердого и мягкого сингармонизма, таковы, что тюркское слово, состоящее только из моделей 1-го типа (сильномоллисных, мягких), четко опознается как мягкорядное: алт. *жерлер* «ħerʹlʹer» ‘земли (мн. ч.)’, *келгелек* «keλde:λek» ‘еще не пришедший’. Но наличие в слове моделей 2-го типа (слабомоллисных, полумягких) вызывает у лингвиста (в том числе и носителя тюркского языка) настороженность и замечания относительно нарушения палатальной гармонии; например, гласный 1-го слога в алт. *тийин* «tʲijɪŋ» ‘белка’, оба гласных в *тикти* «tʲiq̣.tʲɪŋ» ‘сшил’ перцептивно осознаются довольно близкими к гласному *ы* в твердоярдном слове *тын* «tɪŋ» ‘горло’.

Аналогичные «нарушения» палатальной гармонии отмечаются и в языках несибирского региона. Так, в крымчакском языке функционирование гласного *ы* в словах с мягкорядной вокальной осью типа *сыздэ* ‘у вас’, появление в первых слогах на месте *ö* и *ü* более задних вариантов (*ö* / *o*, *ü* / *y*), по мнению Э. Р. Тенишева, отражает непоследовательность орфографирования грамматических форм [Реби и др. 1997: 310 (Примечание отв. ред.)].

В действительности же это не нарушение, а реализация слабомоллисного (полумягкого) варианта сингармонии. И абсолютно точным показателем, своего рода лакмусовой бумажкой, является проверка методом аффиксации. Если предложить носителю языка нарастить аффикс к такому слову с якобы несоблюдением сингармонизма, он безошибочно выберет мягкорядный вариант морфемы, например: алт. *тийиндер* «tʲijɪŋdʲɪr» ‘белки’, *келдилер* «keλdʲɪlʲɪr» ‘пришли’.

Говоря о «нарушениях» сингармонизма, мы ориентируемся на идеальную абстрактную модель, существующую в наших представлениях, но не зафиксированную, по-видимому, ни в одном языке мира. А. Жунисбек – носитель и исследователь казахского языка, тонко чувствующий его структуру и семантику, отмечает: «Нарушение сингармонизма в пределах слога (слова) недопустимо как в исконно казахских словах, так и в ранних заимствованиях» [Жунисбек 2020: 55]. Иными словами, звучание слова, трактуемое исследователями, опирающимися на традиции асингармоничных языков, как нарушающее законы сингармонизма, таковым не является. Оно подчиняется более тонким глубинным алгоритмам гармонии, существенно отличающимся от сконструированной лингвистами идеальной модели. У носителей языка с перцептивной базой, ориентированной на сингармонизм, осуществление процесса коммуникации не вызывает трудностей, в отличие от собеседников с иной языковой традицией; носитель тюркского языка при наращении аффиксов безошибочно определит сингармоническую отнесенность словоформы.

Приведенные здесь наблюдения о характере мягкорядной гармонии базируются на материалах по южносибирским тюркским языкам. Однако привлечение имеющихся в литературе данных по тунгусо-маньчжурским языкам свидетельствует о процессах и закономерностях, типологически идентичных языкам тюркской семьи.

Е. Ф. Афанасьева, глубокий и тонкий знаток и носитель эвенкийского языка, отмечает, что функционирующие в современном эвенкийском языке только одна гласная фонема /i/ и одна гласная фонема /u/ исторически восходят к двум различным фонемам /i/ и /u/ (соответственно), гармонизовавшим в прошлом с гласными разного ряда – твердоядным /a/ и мягкорядным /э/: *илан* ‘три’ – *иллэ* ‘тело’, *хутама* ‘огненный’ – *хутэ* ‘дитя’ [Афанасьева 2010: 64].

О. А. Константинова и Е. П. Лебедева констатируют, что если в составе основы имеются узкие гласные /u/ и /i/, то различить, к какому гармонирующему ряду («твердому» или «мягкому») относятся данные гласные звуки слова, бывает трудно, так как в современном эвенкийском языке различить на слух произношение /u/ и /i/ первого («твердого») ряда от /u/ и /i/ второго («мягкого») ряда не всегда возможно. Однако эти различия существуют, о чем свидетельствует гармония гласных [Константинова, Лебедева 1953; Морозова 2021: 63–64].

Как видим, в составе мягкорядных эвенкийских словоформ авторы выделяют два ряда гласных, единицы одного из которых по своим характеристикам сближаются с гласными твердого ряда. И здесь просматривается прямая аналогия с закономерностями, выявленными выше для тюркских языков: гласные мягкого сингармонического ряда делятся на две группы – гласные переднего артикуляционного ряда (акустически мягкие) // гласные непереднего (центрального, центральнозаднего, смешанного) артикуляционного ряда (акустически полумягкие).

Но несмотря на то, что артикуляционно-акустические различия между двумя разновидностями узких фонем /i/ и /u/ в современном эвенкийском языке фактически нивелировались, носители языка безошибочно отождествляют их в составе звуковой цепи конкретной словоформы, присоединяя твердоядные или мягкорядные аффиксы в зависимости от качества гласного элемента основы. Следовательно, и в современном языке различия между двумя типами гласных /i/ и /u/ существуют, на что указывают особенности реализации сингармонизма.

Отмечаемая закономерность позволяет нам высказать предположение об отсутствии противоречий между наблюдением В. И. Цинциус, объяснявшей отсутствие в эвенкийском языке классической тембровой гармонии смешением гласных по признаку ряда: «артикуляционная четкость противоположения гласных одного ряда (“заднего”) гласным другого ряда (“переднего”) стерта» [Цинциус 1949: 121], и выводами Е. Ф. Афанасьевой о том, что, напротив, смешения нет, все дело в специфике реализации эвенкийского сингармонизма: распространяясь на все слово в целом, он в каждом из слогов подчиняется различным алгоритмам, действующим в пределах слога в зависимости от фонетического контекста [Афанасьева 2010].

Наличие слабомоллисного (полумягкого) типа сингармонических цепочек в составе мягкорядных словоформ становится базой для формирования нейтральнорядных сингармонических моделей. Сначала их функционирование связывали в литературе с хакасским языком, но сейчас они фиксируются повсеместно, по всей Сибири, и развивается процесс с ускорением, по-видимому, не без влияния русского языка.

Тем не менее, перестраиваясь и формируя новые модели сочетаемости, сингармонизм реализуется в строжайшем соответствии с закономерностями, действующими в данном языке и в данный период его развития.

4.4. Палатальный сингармонизм в южносибирских тюркских языках как рефлекс древнетюркского состояния

В исследованиях древнетюркских рунических текстов А. М. Щербака, Д. Д. Васильева, И. Л. Кызласова и других тюркологов встречаются упоминания о нарушениях гармонии гласных и – шире – сингармонизма. Особенно много таких констатаций для руники Алтая, которой свойственно, по мнению авторов, систематическое несоблюдение норм классической рунической орфографии, смешение знаков для мягкорядных и твердоядных согласных, нечеткость в разграничении графем, передающих гласные звуки и особенно узкие гласные. В. М. Наделяев в статье «Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача» отмечает, что слова *adirtī* и *adīriltīm* отражают свойственное многим енисейским памятникам фонетическое смешение твердоядных и мягкорядных знаков при соседстве узкого неогубленного гласного типа *i* [Наделяев 1973: 110]. Большой интерес представляет также замечание В. М. Наделяева о некоторых переборах с сингармонической рядностью и предположение о наличии в древнетюркском языке алтайского региона нейтральнорядного *i*-образного гласного, который может

сочетаться в одной словоформе с гласными твердого ряда и с гласными мягкого ряда и, видимо, фонематически отличается и от гласного *i*, и от гласного *i* [Наделяев 1981: 71].

На наш взгляд, фиксируемые в надписях Горного Алтая несоблюдения норм классической рунической орфографии могут свидетельствовать о том, что генетически сингармонизм, в том числе и палатальный, не был свойствен языку писцов, он воспринимался ими как явление внешнее, привнесенное, не до конца освоенное носителями горноалтайского идиома.

Как известно, языки этносов Алтая, формировавшиеся на различной субстратной базе, вступавшие в многочисленные контакты с языками, различающимися генетически и типологически, неоднократно подвергавшиеся тюркизации различного типа, представляют собой неоднородную сложноорганизованную конструкцию. Отмечаемая в памятниках Алтая непоследовательность в графической передаче алгоритмов тюркского сингармонизма может рассматриваться как результат ассимиляции тюрками предшествующего нетюркского населения, как следствие незавершившейся адаптации артикуляционных баз субстратных угро-самодийских этносов алтае-саянского региона к фонологической системе тюркского языка-суперстрата, одной из структурных доминант которого является сингармонизм.

Допуская возможность ошибочных написаний писцов, а также отражения ими в тексте памятников региональных языковых особенностей, сформировавшихся в результате контактных взаимодействий, нельзя, тем не менее, не отметить в констатируемых исследователями руники нарушения сингармонизма сходства с процессами, происходящими в современных тюркских языках Южной Сибири: функционированием в них двух подтипов мягкорядного сингармонизма – сильномоллисного (мягкого) и слабомоллисного (полумягкого), формирующих неоднородность сингармонического облика мягкорядной словоформы. Можно предположить, что данная специфическая особенность современного тюркского сингармонизма уходит корнями в древнетюркский период.

Заключение

Сопоставительно-типологический анализ данных по языкам алтайской общности (южносибирским тюркским, северным монгольским и тунгусо-маньчжурским) позволил выявить три стратегии реализации категории фонетической мягкости, выбор которых обусловлен наличием в консонантной системе языка в качестве средств реализации категории мягкости класса среднеязычных согласных фонем или палатализованных консонантов различных артикуляционных рядов.

Исследование показало, что функционирующая в языке стратегия обеспечения мягкости фонации детерминирует выбор говорящим одной из трех моделей корреляции вокальных и консонантных компонентов звуковой цепи мягкорядной словоформы: 1-я модель – $C_3, C_4 + V_1$; 2-я модель – $C' + V_1$; 3-я модель – $C'(C_1, C_2, C_5, C_6) + V_2, V_3, V_5$.

По сходству функций – генерирование акустико-перцептивного эффекта мягкости (моллисности) – 1-я и 2-я корреляционные модели объединены в один тип – тип I: *сильномоллисный* (мягкий). 3-я модель представляет тип II – *слабомоллисный* (полумягкий). Функционирование в составе мягкорядной словоформы двух типов моделей корреляции звуковых компонентов слова выдвигается в качестве объяснительной базы для постулируемых в тюркологии – под давлением традиционных представлений об «идеальной модели» гармонии гласных – случаев «нарушения» сингармонизма.

Утверждается, что нарушение сингармонизма в монотематической словоформе носителем гармонического языка в принципе невозможно, поскольку законы сингармонизма, свойственные артикуляционно-акустической базе того или иного языка, строго алгоритмичны и автоматически воспроизводятся его носителями.

Проецирование выявленных закономерностей на древнетюркские рунические тексты указывает на необходимость анализа, переосмысления сложившихся представлений о смешении в ряде памятников енисейского письма символов для обозначения гласных твердого и мягкого рядов как следствии распада (или незавершенности процесса формирования) сингармонической системы. Высказывается предположение о том, что сосуществование в структуре мягкорядных словоформ современных южносибирских тюркских языков двух типов мягкорядных сингармонических цепочек – сильномоллисных (мягких) и слабомоллисных (полумягких) – являются рефлексом древнетюркского состояния.

Список сокращений и условных обозначений

МРТ – магнитно-резонансная томография
СЦ – сингармоническая цепочка
алт. – алтайский язык; кум. – кумандинский язык; хак. – хакасский язык; шор. – шорский язык; эвенк. – эвенкийский язык

Список литературы

- Афанасьева Е. Ф.* Фонология и фонетика эвенкийского языка: учеб. пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 116 с.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стер. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
- Биткеев П. Ц.* Согласные фонемы калмыцкого языка (на материале экспериментальных исследований). Улан-Удэ: Бурят. книжн. изд-во, 1965. 68 с.
- Булатова Н. Я., Морозова О. Н., Стручков Г. А.* Звуковой эвенкийско-русско-английский тематический словарь. Звуковой русско-эвенкийско-английский тематический словарь: на материале селемджинского говора эвенкийского языка. Благовещенск, 2017. 184 с.
- Жунисбек А.* Сингармология или неизвестный сингармонизм. Алматы: «Абзал-Ай» баспасы, 2020. 144 с.
- Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1979. 312 с.
- Касевич В. Б.* Морфонология. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1986. 160 с.
- Кирсанова Н. А.* Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 149 с.
- Князев С. В., Пожарицкая С. К.* Современный русский литературный язык: фонетика, орфоэпия, графика и орфография: учеб. пособие. Изд. 2-е. М.: Гаудеамус, 2011. 430 с.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. Москва: ИЦ РГГУ, 2001. 591 с.
- Константинова О. А., Лебедева Е. П.* Эвенкийский язык: учеб. пособие. М.; Л.: Госучпедгиз, 1953. 332 с.
- Кузьменков Е. А.* Фонологическая система современного монгольского языка. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2004. 212 с.
- Лемов А. В.* Особенности функционирования некоторых лингвистических терминов в учебной литературе // Международный научный журнал «Символ науки». 2017. № 3. С. 182–183.
- Мельников Г. П.* Системная типология языков. М.: Наука, 2003. 395 с.
- Морозова О. Н.* Парадигматика и синтагматика звуковых систем тунгусских языков Верхнего Приамурья (на материале эвенкийского и ороchonского языков): Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2021. 481 с.
- Наделяев В. М.* Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1973. Вып. 1. № 1. С. 108–110.
- Наделяев В. М.* Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.
- Наделяев В. М.* Древнетюркские надписи Горного Алтая // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1981. Вып. 3. № 11. С. 65–81.
- Наделяев В. М.* Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 3–24.
- Реби Д. И., Ачкинази Б. М., Ачкинази И. В.* Крымчакский язык // Языки мира. Тюркские языки. Бишкек: ИД «Кыргызстан», 1997. С. 309–319.
- Селютина И. Я.* Корреляция вокальных и консонантных компонентов словоформы в тюркских и монгольских языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024а. 4 (46). С. 100–111.
- Селютина И. Я.* Артикуляторные параметры палатальности и палатализации в монгольских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024б. № 3 (Вып. 51). С. 9–20.
- Селютина И. Я.* Модели корреляции вокальных и консонантных компонентов мягкорядной словоформы в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып 11 (4) (в печати).

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Добринина А. А. Типологическая специфика эвенкийского консонантизма (по данным рентгенографирования и МР-томографирования) // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 186–191.

Соколянский А. А. Корреляция твердости / мягкости согласных в русском языке // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 2 (Вып. 56). Ч. I. С. 39–44.

Соктоева С. П. Консонантизм хоринского диалекта бурятского языка. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 165 с.

Субракова В. В. Система согласных сагайского диалекта хакасского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 244 с.

Тимкин Т. В. Коартикуляция по палатальности в алтайском языке по данным УЗИ в динамическом аспекте // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 156–171.

Уртегешев Н. С. Артикуляционно-акустические корреляты мягкости согласных типа «s» и «z» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11 (3). С. 167–179.

Уртегешев Н. С., Морозова О. Н. Гласные шорского языка в постпозиции к моллисным согласным // Арктика XXI век. 2025. № 2. С. 110–143.

Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949. 342 с.

References

Afanas'eva E. F. *Fonologiya i fonetika evenkiyskogo yazyka: ucheb. posobie* [Phonology and phonetics of the Evenki language: a handbook]. Ulan-Ude, Buryat State University Press, 2010, 116 p. (In Russian)

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, KomKniga, 2007, 576 p. (In Russian)

Bitkeev P. Ts. *Soglasnye fonemy kalmytskogo yazyka (na materiale eksperimental'nykh issledovaniy)* [Consonant phonemes of the Kalmyk language (based on experimental research)]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1965, 68 p. (In Russian)

Bulatova N. Ya., Morozova O. N., Struchkov G. A. *Zvukovoy evenkiysko-russko-angliyskiy tematicheskiy slovar'*. *Zvukovoy russko-evenkiysko-angliyskiy tematicheskiy slovar': na materiale selemdzhinskogo govora evenkiyskogo yazyka* [Evenki-Russian-English thematic sound dictionary. Russian-Evenki-English thematic sound dictionary: based on the Selemdzhin dialect of the Evenki language]. Blagoveshchensk, 2017, 184 p. (In Russian)

Kasevich V. B. *Morfonologiya* [Morphonology]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1986, 160 p. (In Russian)

Kirsanova N. A. *Konsonantizm v yazyke chalkantsev (po eksperimental'nykh dannym)* [Consonantism in the Chalkan language (according to experimental data)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2003, 149 p. (In Russian)

Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk: fonetika, orfoepiya, grafika i orfografiya: ucheb. posobie* [Modern Russian literary language: phonetics, orthoepy, graphics, and spelling: A handbook]. Moscow, Gaudeamus, 2011, 430 p. (In Russian)

Kodzasov S. V., Krivnova O. F. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, RSUH, 2001, 591 p. (In Russian)

Konstantinova O. A., Lebedeva E. P. *Evenkiyskiy yazyk: ucheb. posobie* [The Evenki language: a handbook]. Moscow, Leningrad, Gosuchpedgiz, 1953, 332 p. (In Russian)

Kuz'menkov E. A. *Fonologicheskaya sistema sovremennogo mongol'skogo yazyka* [The phonological system of the modern Mongolian language]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2004, 212 p. (In Russian)

Lemov A. V. Osobennosti funktsionirovaniya nekotorykh lingvisticheskikh terminov v uchebnoy literature [Functioning patterns of some linguistic terms in the educational literature]. *International Scientific Journal "Symbol of Science."* 2017, no. 3, pp. 182–183. (In Russian)

Mel'nikov G. P. *Sistemnaya tipologiya yazykov* [System typology of languages]. Moscow, Nauka, 2003, 395 p. (In Russian)

Morozova O. N. *Paradigmatika i sintagmatika zvukovykh sistem tungusskiykh yazykov Verhnego Priamur'ya (na materiale evenkiyskogo i orochonskogo yazykov)* [Paradigmatics and syntagmatics of the

sound systems of the Tungusic languages of the Upper Amur region (based on the material of the Evenk and Orochon languages). Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2021, 481 p. (In Russian)

Nadelyaev V. M. Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh [Articulation classification of vowels]. In *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam* [Phonetic research on Siberian languages]. Novosibirsk, 1980, pp. 3–91. (In Russian)

Nadelyaev V. M. Drevnetyurkskaya runicheskaya nadpis' iz Kosh-Agacha [Ancient Turkic runic inscription from Kosh-Agach]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk* [Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. A series of social sciences]. 1973, iss. 1, no. 1, pp. 108–110. (In Russian)

Nadelyaev V. M. Drevnetyurkskie nadpisi Gornogo Altaya [Ancient Turkic inscriptions of the Altai Mountains]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk* [Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. A series of social sciences]. 1981, iss. 3, no. 11, pp. 65–81. (In Russian)

Nadelyaev V. M. Sostav fonem v zvukovoy sisteme sovremennogo mongol'skogo yazyka [The composition of phonemes in the sound system of the modern Mongolian language]. In *Fonetika sibirskikh yazykov* [Phonetics of Siberian languages]. Novosibirsk, 1985, pp. 3–24. (In Russian)

Rebi D. I., Achkinazi B. M., Achkinazi I. V. Krymchakskiy yazyk [The Krymchak language]. In *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world. Turkic languages]. Bishkek, ID “Kyrgyzstan,” 1997, pp. 309–319. (In Russian)

Selyutina I. Ya. Artikulyatornye parametry palatal'nosti i palatalizatsii v mongol'skikh yazykakh [Articulatory parameters of palatality and palatalization in Mongolian languages]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024b, no. 3 (iss. 51), pp. 9–20. (In Russian)

Selyutina I. Ya. Korrelyatsiya vokal'nykh i konsonantnykh komponentov slovoformy v tyurkskikh i mongol'skikh yazykakh [Correlation of vocal and consonant components of word form in Turkic and Mongolian languages]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2024a, no. 4 (46), pp. 100–111. (In Russian)

Selyutina I. Ya. Modeli korrelyatsii vokal'nykh i konsonantnykh komponentov myagkoryadnoy slovoformy v evenkiyskom yazyke [Correlation models of vocal and consonant components of the soft-order word form in the Evenk language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2025, iss. 11 (4), (In press). (In Russian)

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Dobrinina A. A. Tipologicheskaya spetsifika evenkiyskogo konsonantizma (po dannym rentgenografirovaniya i MR-tomografirovaniya) [Typological specificity of Evenk consonantism (according to X-ray and MRI imaging)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2014, no. 1, pp. 186–191. (In Russian)

Sokolyanskiy A. A. Korrelyatsiya tverdosti/myagkosti soglasnykh v russkom yazyke [Correlation of hardness/softness of consonants in Russian]. *International research journal*. 2017, no. 2 (iss. 56), pt. I, pp. 39–44. (In Russian)

Soktoeva S. P. Konsonantizm khorinskogo dialekta buryatskogo yazyka [Consonantism of the Khorin dialect of the Buryat language]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 165 p. (In Russian)

Subrakova V. V. Sistema soglasnykh sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka [The consonant system of the Sagai dialect of the Khakass language]. Novosibirsk, ID “Sova,” 2006, 244 p. (In Russian)

Timkin T. V. Koartikulyatsiya po palatal'nosti v altayskom yazyke po dannym UZI v dinamicheskoy aspekte [Palatal coarticulation in the Altai language according to ultrasound data in a dynamic aspect]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2024, no. 4, pp. 156–171. (In Russian)

Tsintsius V. I. *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative phonetics of Tungus-Manchu languages]. Leningrad, 1949, 342 p. (In Russian)

Urtegeshev N. S. Artikulyatsionno-akusticheskie korrelyaty myagkosti soglasnykh tipa “s” i “z” [Articulatory and acoustic cues of softness in consonants of s- and z-type]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. 2025, iss. 11 (3), pp. 167–179. (In Russian)

Urtegeshev N. S., Morozova O. N. Glasnye shorskogo yazyka v postpozitsii k mollisnym soglasnym [Vowels of the Shor language in postposition to mollis consonants]. *Arctic XXI Century*. 2025, no. 2, pp. 110–143. (In Russian)

Zhunisbek A. *Singarmologiya ili neizvestnyy singarmonizm* [Synharmology or unknown synharmonism]. Almaty, Abzal-Aj baspasy, 2020, 144 p. (In Russian)

Zinder L. R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. 2nd ed., rev. and enl., Moscow, Vyssh. shk., 1979, 312 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
26.08.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Ираида Яковлевна Селютина – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Iraida Ya. Selyutina – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

siya_irina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9457-3237>

**Палатализация согласных в языке барабинцев
как рефлекс закона палатальной гармонии гласных
(по данным УЗИ-визуализации)**

Т. Р. Рыжикова, К. В. Шиндрова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Рассматриваются механизмы достижения акустического эффекта мягкости в языке барабинцев с применением метода ультразвуковой визуализации. Самым сильным палатализирующим триггером для переднеязычных и гуттуральных фонем является переднеязычный гласный высокого подъема [i], который вызывает поднятие и продвижение вперед тела языка в ротовой полости вне зависимости от того, где стоит триггер – в препозиции или постпозиции к целевому согласному. Это особенно актуально при палатализации ауслатных согласных /s/, /ʃs/, /ʃ/, /r/ в мягкорядных словоформах. Гуттуральные согласные под влиянием палатализирующего гласного меняют место образования, продвигаясь в область межуточно-заднеязычных твердо-мягконёбных согласных.

Ключевые слова

палатальность, палатализация, язык барабинцев, консонантизм, ультразвуковое исследование, тюркский сингармонизм, коартикуляция

Благодарности

Выражаем благодарность научному сотруднику Института филологии СО РАН, кандидату филологических наук Т. В. Тимкину за помощь при статистической обработке данных ультразвуковой визуализации.

Для цитирования

Рыжикова Т. Р., Шиндрова К. В. Палатализация согласных в языке барабинцев как рефлекс закона палатальной гармонии гласных (по данным УЗИ-визуализации) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 27–38. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-27-38

**Consonant palatalization in Barabian as a reflex of the vowel palatal harmony law
(based on ultrasound visualization data)**

T. R. Ryzhikova, K. V. Shindrova

Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract

Issues of palatality and palatalization continue to be the subject of scholarly debate, particularly considering recent advances in experimental phonetic methods and instrumentation. For Turkic languages with a stable system of palatal vowel harmony, both the theoretical interpretation and the empirical description of palatalization are of particular importance. This article investigates the mechanisms by which the acoustic effect of consonantal softness is achieved in Barabian, a Turkic language of Siberia, using ultrasound tongue imaging. Forty-five stimuli containing target consonants in various positional contexts were recorded using an ultrasound helmet and an electroglottograph from seven speakers of Barabian. Data from three speakers were statistically processed using R software. Ultrasound images are presented with the tongue tip oriented to the left. The results demonstrate that the most powerful palatalizing trigger for coronal and dorsal consonants is the high front vowel [i], which induces raising and anterior displacement of the tongue body regardless of whether the vowel occurs in a pre- or post-consonant position. This effect is especially evident in the palatalization of

© Т. Р. Рыжикова, К. В. Шиндрова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

consonants such as /s/, /ʃs/, /l/, and /r/ in words exhibiting soft vowel harmony. When influenced by a palatalizing vowel, dorsal consonants exhibit a shift in their place of articulation toward the region associated with palatal and palato-alveolar consonants. The issue of auslaut consonant palatalization remains unresolved and opens new opportunities for discussion. Although ultrasound data provide substantial insight into articulatory processes, this method has inherent limitations, and the present findings require verification using complementary somatodynamic and acoustic experimental techniques.

Keywords

palatality, palatalization, the Barabian language, consonantism, ultrasound examination, Turkic vowel harmony, coarticulation

Acknowledgements

The authors express their gratitude to T. V. Timkin, Candidate of Philology, Researcher at the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, for his assistance with the statistical processing of the ultrasound data.

For citation

Ryzhikova T. R., Shindrova K. V. Palatalizatsiya soglasnykh v yazyke barabintsev kak refleks zakona palatal'noy garmonii glasnykh (po dannym UZI-vizualizatsii) [Consonant palatalization in Barabian as a reflex of the vowel palatal harmony law (based on ultrasound visualization data)]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 27–38. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-27-38

Введение

Вопросы палатальности и палатализации звуков в языках мира являются актуальными, поскольку до сих пор нет четкого определения этих явлений. Палатальная зона определяется по-разному в зависимости от фонетической традиции, но чаще всего распространяется от границы лингвального склона альвеол с твердым нёбом до границы твердого и мягкого нёба. Термин *палатализация* является гораздо более сложным, поскольку может описывать совершенно разные явления, обусловленные взаимодействием согласных, во-первых, с переднерядными гласными, во-вторых, с гласными верхнего подъема и, в-третьих, со среднеязычным спирантом *j*. Эти процессы получили множество названий:

палатализация (*palatalization*; согласный приобретает вторичную палатальную (нёбную) артикуляцию: $t \rightarrow t'$) [Hume 1994];

коронализация или *опереднение* (продвижение вперед, фронтизация) и одновременная (синхронная) спирантизация (*coronalization or fronting and simultaneous spirantization*; велярный смычный становится переднеязычной аффрикатой: $k \rightarrow tʃ$) [Hume 1994; Bhat 1978];

поднятие (*raising*; апикальный согласный продвигается назад: $t \rightarrow tʃ$) [Bhat 1978];

спирантизация (*spirantization*; согласный спирантизуется в палатализирующей среде: $r \rightarrow s$) [Bhat 1978];

ассимиляция (*assibilation*; дентальный смычный *t* переходит в аффрикату *ts* перед переднерядной гласной *i*) [Telfer 2006; Kim 2001].

Палатализация может быть *полной* (при которой исходный согласный меняет место и / или способ образования) и *вторичной* (приобретение мягкого звучания без изменения места и способа артикуляции вследствие дополнительной палатализирующей артикуляции) [Bateman 2007: 5].

В русскоязычной фонетической литературе определение палатализации более однозначно: *палатализация* (*осреднеязычение, смягчение, среднеязычное сближение), англ. *palatalization*, фр. *mouillement, mouillure*, нем. *Palatalisierung, Erweichung*, исп. *Palatalization* – дополнительный к основной артикуляции согласных подъем средней части языка к твердому нёбу (или йотовая артикуляция), резко повышающий характерный тон и шум [Ахманова 1966: 296]. Палатализация сопровождается губную, переднеязычную или заднеязычную артикуляцию согласного. Палатализация является дополнительной артикуляцией, если она обусловлена лишь фонетической позицией согласного (перед гласными переднего ряда или перед [j]) или различительным признаком в тех случаях, когда она не определяется позицией (например, в русском языке, где палатализованные – мягкие – согласные возможны и перед гласными заднего ряда, и в абсолютном конце слова). Мягкость как самостоятельный фонологический признак возникает не в результате дополнительной артикуляции палатализации, а, наоборот, сама предопределяет развитие всей артикуляционной картины, характерной для класса мягких согласных. Сильная палатализация, характерная для дорсальной артикуляции (например, в русском языке), приводит к существенным

изменениям фонетических характеристик палатализованных согласных по сравнению с непалатализованными: так, смычные [t'], [d'] становятся сильно аффрицированными (приближаются к аффрикатам) в результате расширения зоны контакта языка с твердым нёбом и увеличения времени эксплозии; дрожащий [r'] теряет способность быть многоударным; заднеязычные [k'], [g'], [x'] значительно продвигаются вперед и становятся почти среднеязычными [ЛЭС 1990: 357].

Для тюркских языков разделение палатальных и палатализованных консонантных артикуляций является чрезвычайно важным, поскольку, по закону тюркского сингармонизма, использование согласного звука детерминируется следующим гласным. Считается, что мягкорядные гласные сочетаются с палатализованными согласными, твердорядные – с непалатализованными. Н. С. Уртегешев ставит это утверждение под сомнение. В ходе экспериментально-фонетического исследования звуковой системы шорского языка он установил, что существует большое количество мягкорядных с точки зрения сингармонизма словоформ, в которых умереннопалатализованные согласные встречаются в ауслаутной позиции, причем не только после гласных переднего артикуляторного ряда, но и после центральнорядных и смешаннорядных гласных; умеренное смягчение согласных здесь не обусловлено фонетическим контекстом. Автор приходит к выводу, что слабо- и умереннопалатализованные согласные шорского языка можно было бы определить как позиционно-комбинаторные оттенки одной фонемы: слабопалатализованные – в составе мягкорядных словоформ в препозиции к центральнорядным гласным, умереннопалатализованные – в мягкорядных словоформах в препозиции к гласным переднего ряда. Однако такая трактовка не объясняет использования в мягкорядных словоформах умереннопалатализованных звуков, употребляющихся в конце слова и слога – в финально-поствокальной -V(C) и в медиальной поствокально-преконсонантной -V(C)C- позициях, где их появление не соответствует фонотактическим закономерностям современного шорского языка: в этих позициях наиболее вероятными являются слабопалатализованные согласные. Н. С. Уртегешев высказывает предположение, что такие финальные звуки представляют собой рефлекс самостоятельной фонемы, умеренная палатализация которой в конце слова не обусловлена комбинаторными условиями, а признается имманентным свойством: оказавшись при агглютинации в медиали словоформы в препозиции к слабопалатализованным типа C₁ или C₂, эти согласные, вопреки алгоритмам сочетаемости, действующим в шорском языке на современном этапе его развития, сохраняют умеренную палатализацию, а не замещаются слабопалатализованным звуком [Уртегешев 2021: 244–245].

Еще одним последствием сингармонизма в тюркских языках является разведение сочетаемости палатализованных и палатальных (среднеязычных) согласных в зависимости от ряда следующего гласного. И. Я. Селютина вывела следующую закономерность: в большинстве южносибирских тюркских языков (кроме хакасского) в составе звуковой цепи мягкорядной словоформы функционируют две модели комбинаторики вокальных и консонантных компонентов:

1) среднеязычные (C₃) и средне-межзубочные (C₄) согласные сочетаются только с гласными переднего артикуляторного ряда (V₁), но не допускают в постпозиции к себе непереднерядных гласных, то есть гласных центрального (V₂), центральнозаднего (V₃) или смешанного (V₅) артикуляторных рядов, также функционирующих в рамках мягкого сингармонического ряда; эта модель реализуется с акустическим эффектом сильной или умеренной палатализации консонанта, перцептивно сопоставимой с палатализацией в русском языке;

2) переднеязычные (C₂), а также гуттуральные – межзубочные (C₅) и заднеязычные (C₆) согласные, напротив, требуют после себя непереднерядных гласных центрального (V₂), центральнозаднего (V₃) или смешанного (V₅) артикуляторных рядов, также входящих в состав мягкого сингармонического ряда; в данной модели реализуется акустический эффект слабой или сверхслабой палатализации [Селютина 2024б: 106].

Ранее проведенные исследования гармонии гласных показали, что автосегментный анализ позволяет объяснить ряд общих свойств систем гармонии в мировых языках. К этим свойствам относятся: фонетическая мотивированность гармонии гласных в терминах универсальной теории дистинктивных признаков; двунаправленность (корни управляют гармонией как приставок, так и суффиксов); обязательный характер (правила гармонии гласных обязательны, тогда как ассимиляционные правила часто носят опциональный характер); неорганичность в пределах слова – гармония распространяется на максимально длинные последовательности гармоничных гласных [Clements, Sezer 1982: 215].

Для большинства тюркских языков оппозиция по палатализованности / непалатализованности не является фонематической, по крайней мере для регулярных основ. Так, в ходе исследования консонантной системы языка барабинцев было установлено, что в мягкорядных словоформах фиксируется палатализованный оттенок фонемы, для которого, по данным рентгенографирования, характерен подъем средней части спинки языка к середине твердого нёба, а по данным дентопалатографирования констатируется бóльшая область контакта спинки языка с твердым нёбом [Рыжикова 2005: 54–62], это справедливо по крайней мере для переднеязычных согласных типа «t» и «d». У гуттуральных фонем мягкорядные аллофоны меняют место артикуляции на более продвинутое вперед и реализуются в межзубных заднетвердонёбных (факультативно – в средне-межзубных заднетвердонёбных-переднемягконёбных) и нижнекорнеязычных верхнефарингальных (в интервокальной, пре- и постсонантной позициях) вариантах для нефарингализованной смычной /q/ и корнеязычных верхнефарингальных для щелевой /x/ [Рыжикова 2005: 127–128].

Кроме того, в ряде слов в финальной позиции в мягкорядных словоформах наблюдается мягкое произнесение ряда ауслаутных согласных [sʰ], [rʰ], [lʰ], о чем выше говорилось в отношении шорского языка, при этом отмечается и в других тюркских языках.

Однако в турецком языке выделяется целая группа «нерегулярных» или «неправильных» основ с твердорядным гласным в середине, финальный согласный которых является палатализованным, и дальнейшая аффиксация происходит по мягкорядному алгоритму. В ходе акустического анализа установлено, что турецкий язык действительно содержит фонетически палатализованные финальные согласные и что их палатализация – внутреннее фонологическое свойство этих единиц. Эти данные согласуются с тем, что в турецком существуют палатализованные фонемы /tʰ/, /rʰ/ (хотя бы в кластерных позициях) и /dʰ/, помимо широко признанных /lʰ/, /kʰ/ и /gʰ/ в ауслауте слов [Canalis, Dikmen 2020].

Целью нашего исследования является доказательство наличия вторичной (дополнительной) артикуляции в языке барабинцев у палатализованных реализаций фонем /t/ и /tʰ/, смене места артикуляции у гуттуральных /q/ и /qʰ/ и наличии палатализации у финальных [lʰ], [rʰ], [sʰ] в мягкорядных словоформах по данным ультразвуковой визуализации.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили аудиозаписи, полученные от носителей барабинского языка, которые были предварительно прослушаны, выявлены примеры с целевыми согласными в мягкорядных и твердорядных словах, а затем проаннотированы в программе Praat. Всего было выбрано 45 примеров со звуками [t], [tʰ], [k], [kʰ], [q], [qʰ] в разных позициях в твердорядных и мягкорядных словоформах, а также со звуками [sʰ], [rʰ], [lʰ] в абсолютном конце слова.

Параллельно эти же словоформы были записаны при помощи УЗИ-шлема от 7 носителей барабинского, хорошо владеющих языком, в трехкратном произнесении. Сплайны обрисованы для трех дикторов, а в статье в качестве иллюстративного материала приводятся данные по двум дикторам.

Шлем состоит из жесткого каркаса и УЗИ-датчика TelmedMicrUS. На ноутбук проводится синхронная запись звуковой дорожки, видеоизображения губ и артикуляции при помощи программы ArticulateAssistantAdvanced (AAA). Речь информанта записывалась на микрофон RødesmartLav и звуковую карту FocusriteScarlett с последующей автоматической оцифровкой полученных данных. Обработка материалов выполнялась в программе ArticulateAssistant Advanced. Полученные результаты были объединены в базу данных; для статистической обработки и визуализации результатов использовался язык программирования R.

Для оценки места артикуляции по данным УЗИ определяется место максимального сужения, которое вычисляется как точка, имеющая наименьшее расстояние до ближайшей точки нёбного свода (нёбный свод на УЗИ-изображениях не наблюдается; для вычислений нёбо реконструируется по наивысшему возможному положению языка). Данный параметр позволяет определить вектор подъема языка к пассивному артикулятору, но оказывается недостаточным для разграничения всех согласных [Рыжикова и др. 2024: 102; Тимкин 2022]. Из рассмотрения были исключены заднеязычно-корнеязычные примеры из-за особенностей ультразвуковой визуализации, которая не захватывает корневую часть языка.

Результаты и обсуждение

В ряде тюркских языков Южной Сибири существует класс среднеязычных или средне-межточных язычных смычных звуков, которые, по утверждению И. Я. Селютинной, сочетаются только с переднерядными гласными (см. об этом выше). В языке барабинцев зафиксирован единственный малозвонный среднеязычный щелевой [j], поэтому в случае с мягкими аллофонами фонем /t/ и /ʔt/ можно говорить лишь об их палатализованности. На рис. 1 представлены сплайны реализаций звуков [t] и [tʰ] в словах *тиз* ‘колено’, *ма́ктаб* ‘школа’, *китап* ‘книга’, *көптә* ‘много’, *бүтүн* ‘весь, целый’, *тос* ‘пыль’, *түш* ‘сон’, *таш* ‘камень’, *қат* ‘слой’, *ат* ‘мерин’, *атам* ‘отец=мой’, *таба* ‘крыша’. Поскольку язык бесписьменный и орфоэпические нормы не устоялись, то слова *түш* ‘сон’ и *таба* ‘крыша’ диктор произнесла с твердоязычными гласными.

Красный контур соответствует словам *түш* [tuʃ] ‘сон’, *таш* ‘камень’, *қат* ‘слой’, *ат* ‘мерин’, *атам* ‘отец=мой’, *таба* [tɒɒ] ‘крыша’ и характерен для типичной *m*-образной артикуляции без дополнительных признаков (ср. с рис. 2, на котором представлен [ʔt] в слове *ат* ‘мерин’). Зеленый и фиолетовый контуры соответствуют разным степеням палатализации. Общеизвестно, что самым сильным и частотным палатализирующим триггером является переднерядный гласный высокого подъема [i]: зеленый цвет на графике соответствует сильнопалатализованному звуку [tʰ] в слове *тиз* ‘колено’. В остальных мягкорядных примерах палатализация звука [tʰ] варьируется от сильной до слабой (фиолетовый цвет на графике) в словах *ма́ктаб* ‘школа’, *китап* ‘книга’, *көптә* ‘много’, *бүтүн* ‘весь, целый’. Веляризованная настройка характерна для твердых произнесений звука [t] в примере *тос* ‘пыль’.

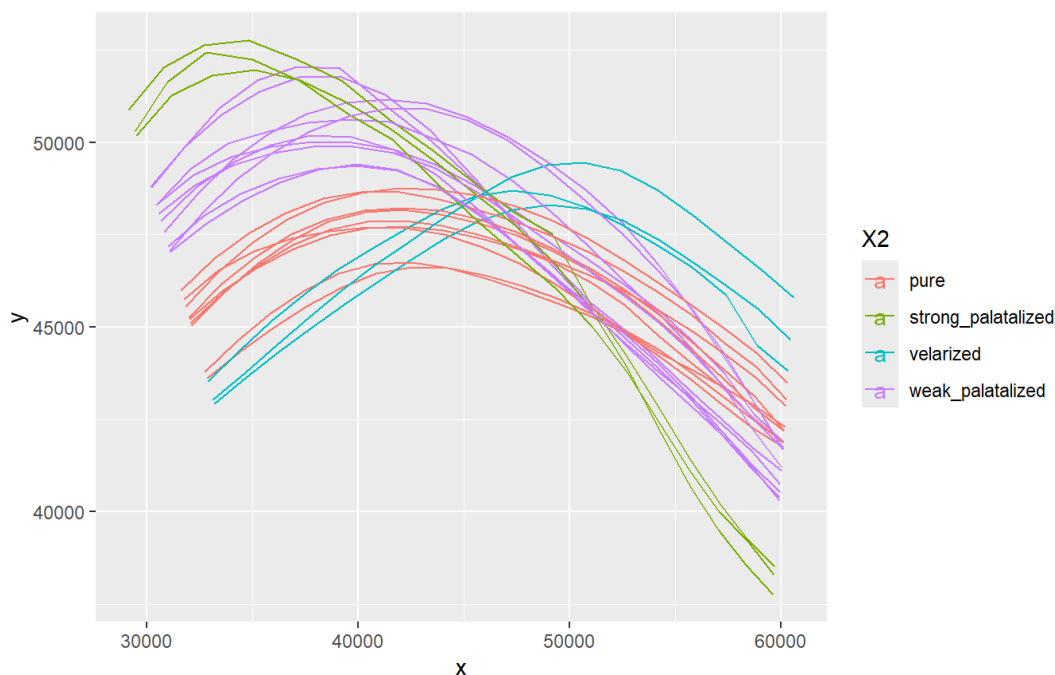

Рис. 1. Визуальное представление ¹ произнесения звуков [t] и [tʰ] диктора ГРШ
Fig. 1. Visual representation of the pronunciation of sounds [t] and [tʰ] by speaker GRSh

Как видно из графика, представленного на рис. 1, у аллофонов фонем /t/ и /ʔt/ отмечается разная степень палатализации, однако эта артикуляция вторична, она накладывается на основную: все тело языка продвигается вперед и вверх, создавая акустический эффект мягкости, в то время как у веляризованной настройки тело языка, наоборот, смещается назад и вверх относительно

¹ Как отмечалось выше, ультразвуковая визуализация имеет ряд особенностей, связанных с зоной захвата УЗИ-датчиком артикуляторных органов. В данном случае в ряде примеров не удалось отобразить кончик (слева) и прилегающую к нему переднюю часть спинки языка. Поэтому на рисунке создается впечатление обрезанности изображения.

нейтрального уклада в ротовой полости и создает дополнительный эффект твердости. Это согласуется с выводами И. Я. Селютиной о том, что основными параметрами палатализации в языках Сибири являются не только – и не столько – подъем средней части спинки языка к твердому нёбу, но и смещение сжатого тела языка вперед-вверх. Следствием указанных работ является увеличение объема заднеротово-глоточного отдела системы резонаторов, обеспечивающее усиление верхних формант с акустическим эффектом мягкости [Селютина 2024а: 38].

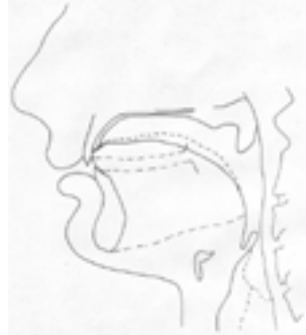

Рис. 2. Рентгенограмма звука [ʔ] в слове *at* ‘мерин’
Fig. 2. Radiogram of the sound [ʔ] in the word *at* ‘horse’

Артикуляторные настройки реализаций гуттуральных фонем /q/ и /ʔq/ более единообразны (см. рис. 3). Красному контуру соответствуют произнесения межзубно-заднеязычного твердо-мягконёбного звука [k] перед переднерядным [i] в словах *китан* ‘книга’, *кел* [kil] ‘иди сюда!’, *кес* [kis] ‘отрежь!’, *кезин* [kiz’ip] ‘отрезав’. Синий контур представляет заднеязычные твердо-мягконёбные реализации [k] в словах *кәмә* ‘лодка’, *көптә* ‘много’, *киндик* [kindik] ‘пупок’, *көк* ‘голубой’, *кер* [kəg] ‘уйди!’, *китан* ‘книга’, *кәвик* ‘кукушка’ с переднерядными гласными среднего и нижнего подъема и смешаннорядными. Зеленый контур соответствует заднеязычному велярно-увулярному [q] в примерах *қат* ‘слой’, *ақ* ‘белый’, *қыр* ‘поле’, *қар* ‘снег’, *қатық* ‘простокваша, сыворотка’.

Следует обратить внимание на то, что в слове *китан* ‘книга’ диктор может произнести как переднерядный высокого подъема [i], в этом случае артикуляция межзубно-заднеязычная твердо-мягконёбная, так и переднерядный, но более низкого подъема [ɪ] или [e], и в этом случае гуттуральный имеет заднеязычную настройку.

В финальной позиции в словах *ижик* ‘дверь’ и *бүйүк* ‘высокий’ зафиксирована заднеязычная твердо-мягконёбная артикуляция (см. рис. 4).

Вопросы палатализации гуттуральных смычных и щелевых вызывают бурные дискуссии среди лингвистов и фонетистов: является ли их мягкая (палатальная, палатализованная) реализация вторичной или первичной артикуляцией. Однозначного ответа на этот вопрос до сих пор не найдено.

Так, С. Каналис и Ф. Дикмен для турецкого языка используют три пары символов для обозначения палатальных, палатализованных и непалатализованных гуттуральных смычных звуков. Рассматривая законы сочетаемости палатальных и палатализованных с разными типами гласных, они отмечают (в ответ на замечание о том, что палатализация гуттуральных весьма предсказуема), что в словах с переднерядным гласным в корне велярные смычные всегда палатализируются. Если в корне используются твердорядные гласные, то встречаются обычные [k] и [g]. Однако в небольшом, но довольно значительном количестве слов звуки [ç] и [j] сочетаются с заднерядными гласными, что делает законы использования палатализации гуттуральных не полностью предсказуемыми. Другими словами, палатальные звуки [ç] и [j] являются аллофонами фонемы /k/ в основах с переднерядными гласными и аллофонами фонем /ki/ и /gi/ в словах с твердорядными гласными [Canalis, Dikmen 2020: 43]. Далее авторы подчеркивают, что, какой бы ни была фонетическая реализация турецких фонем /ki/, /gi/ и /li/, они будут считать, что, по крайней мере фонологически, эти согласные имеют первичное и вторичное место образования: они являются фонологически палатализованными единицами, то есть у них есть первичное место образования (для смычных велярных [–корональные, –лабиальные]) и вторичное [–задние] [Canalis, Dikmen 2020: 43].

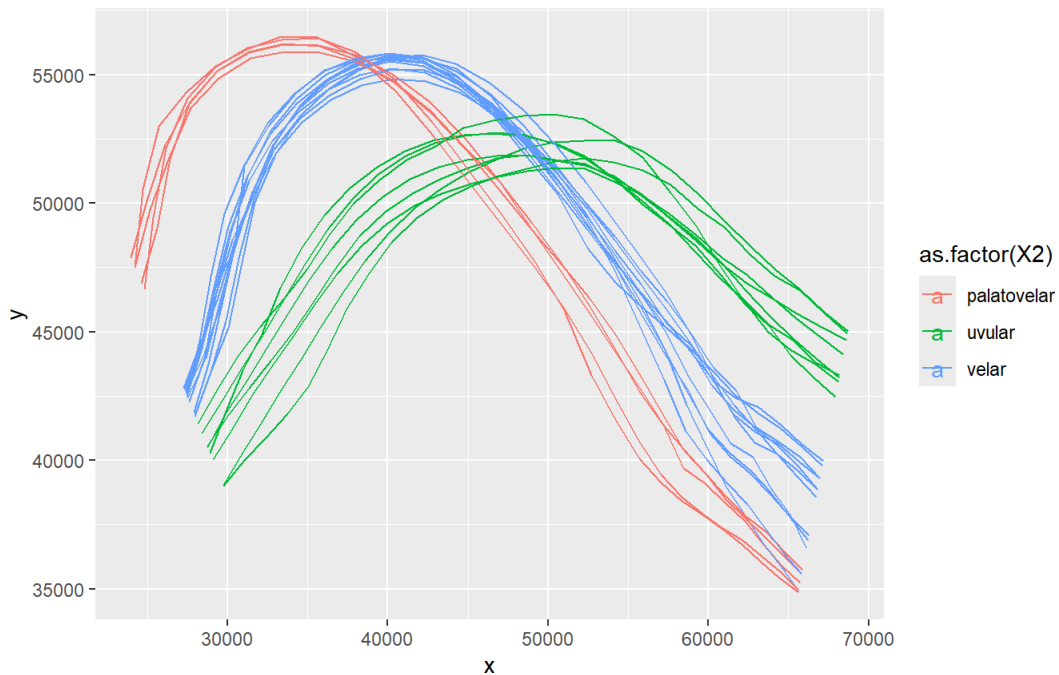

Рис. 3. Визуальное представление произнесения звуков [k], [k], [q] диктором ГРШ
Fig. 3. Visual representation of the pronunciation of sounds [k], [k], [q] by speaker GRSh

Таким образом, под палатализованными смычными гуттуральными авторы имеют в виду продвинутые вперед заднеязычные твердонёбно-мягконёбные артикуляции. Это соответствует определениям, данным в ЛЭС, и соматическим наблюдениям по тюркским языкам: смычные и щелевые гуттуральные, а также смычный носовой заднеязычный [ŋ] при сочетании с мягко-рядными гласными продвигаются вперед и становятся межзубно-заднеязычными твердо-мягконёбными.

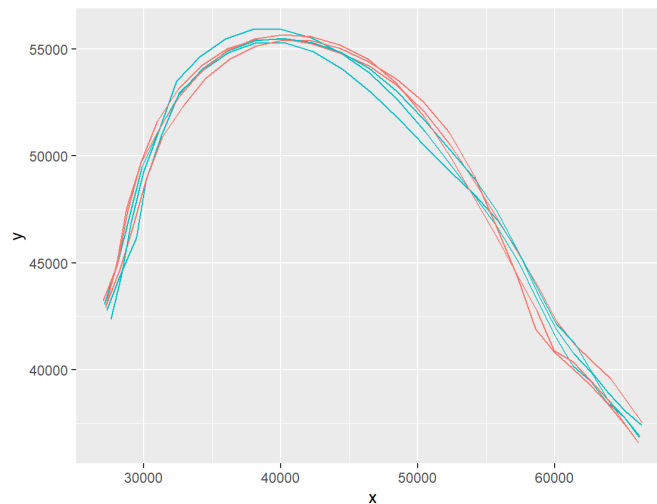

Рис. 4. Визуальное представление произнесения звука [k] финальной позиции диктором ГРШ
Fig. 4. Visual representation of the pronunciation of sound [k] in auslaut by speaker GRSh

Особый интерес представляют случаи, когда палатализуется финальный согласный. Дж. Клементс и Е. Сизер рассматривают целый ряд случаев вокального и консонантного сингармонизма, когда после финального палатализованного согласного используются аффиксы с непередними гласными и, наоборот, после непалатализованного консонанта следуют аффиксы с передними гласными [Clements, Sezer 1982]. Вслед за ними С. Каналис и Ф. Дикмен провели акустический

анализ «неправильных основ», в корне которых используется заднерядный гласный, а аффиксация идет по мягкорядным законам. Они пришли к выводу, что в таких корнях финальный согласный палатализованный, что обуславливает дальнейшую мягкорядную аффиксацию [Canalis, Dikmen 2020].

В языке барабинцев не зафиксировано случаев мягкорядной аффиксации после твердых (непалатализованных) согласных, однако некоторые согласные (например, [s'], [r'], [l']) палатализируются в финали ряда мягкорядных слов, другие же – нет. Отметим, что для языка барабинцев использования ауслатных (сильно или слабо) палатализованных согласных в твердорядных словоформах не отмечено, однако, вероятно, следует провести целенаправленное систематическое обследование таких консонантов, поскольку палатализация не всегда воспринимается ауди-тивно.

На рис. 5а представлены совмещенные сплайны реализаций звука [l'] в финальной позиции в словах *кел* [kil'] 'иди сюда!' (зеленая линия), *күл* [køl'] 'озеро' (синяя линия), *тел* 'язык' (красная линия), произнесенные диктором ГРШ. На графике видно, что максимальное поднятие спинки языка к передне-средней части твердого нёба отмечается после переднерядного гласного верхнего подъема [i], немного меньше после [ø] и наименьшее после [ə]. У диктора АГТ настройки более вариативные: красной линией отмечена нейтральная артикуляция в твердорядном слове *йылбам* 'кобыла=моя', причем констатируется продольный прогиб спинки языка, характерный для данного согласного, фиолетовая и коричневая линии соответствуют словам *көгйл* 'утка' и *ййжил* 'зеленый', синяя и зеленая – *үл* 'умри!' и *үлен* 'умерев'.

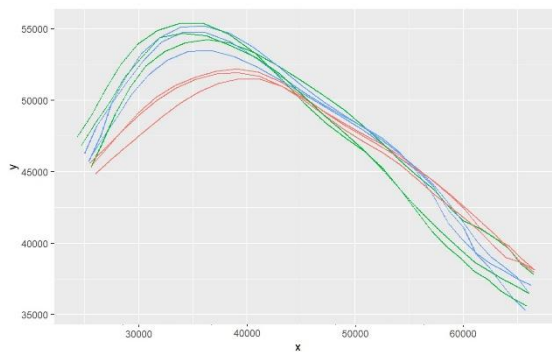

Рис. 5а. Визуальное представление произнесения звука [l'] в финальной позиции диктором ГРШ
Fig. 5a. Visual representation of the pronunciation of sound [l'] in auslaut by speaker GRSh

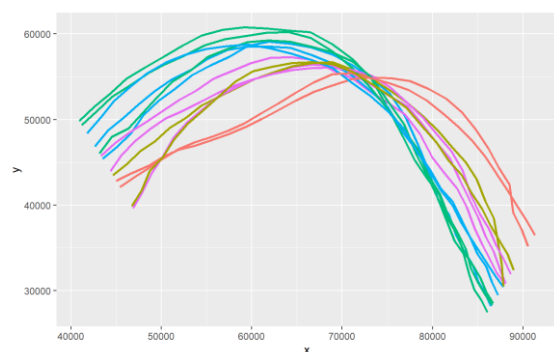

Рис. 5б. Визуальное представление произнесения звуков [l] и [l'] диктором АГТ
Fig. 5б. Visual representation of the pronunciation of sounds [l] and [l'] by speaker AGT

На рис. 6а и 6б изображены контуры спинки языка при произнесении звуков [s] и [s'] у двух дикторов в словах: а) *кес* [kis'] 'отрежь!' (красная линия), *көс* 'осень' (синяя линия), *көс* 'глаз' (зеленая линия); б) *сүт* 'молоко' (красная линия), [s'] и [s] в *сегис* [s'igis] 'восемь' (бирюзовая и зеленая линии соответственно) и *көс* 'глаз' (фиолетовая линия). Максимальное продвижение вперед и подъем к твердому нёбу констатируется после [i]. У диктора ГРШ при произнесении звука [s'] *көс* 'осень' и *көс* 'глаз' спинка языка поднята высоко, но все тело языка немного оттянуто назад. У диктора АГТ locus палатализации не меняется, однако тело языка немного опущено по сравнению с произнесением после [i].

На рис. 7а приведены графики произнесений звуков [r] и [r'] диктором ГРШ в финальной позиции в словах *қар* 'снег' (красный контур), *кер* 'уйди!' (зеленый контур), *көбир* 'мох' (синий контур). На рис. 7б совмещены артикуляторные настройки звука [r'] у диктора АГТ: *йәр* 'земля' (красная линия), *ирин* 'губа' (зеленая линия), *көбир* 'мох' (синяя линия).

При произнесении финального [r] в слове *қар* 'снег' (красный контур на рис. 7а) форма языка повторяет палатализованную настройку, однако отстояние спинки языка от твердого нёба больше, чем у палатализованных реализаций. Это может объясняться артикуляторной природой рассматриваемого звука: в финальной позиции звук [r] в языке барабинцев обычно реализуется как многосложный: три-четыре цикла смычки и взрыва. УЗИ аппарат, вероятно, не может точно зафиксировать такие дрожащие движения языка.

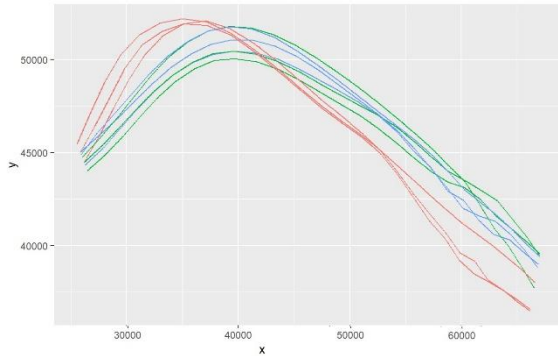

Рис. 6а. Визуальное представление произнесения звука [s'] в финальной позиции диктором ГРШ
Fig. 6a. Visual representation of the pronunciation of sound [s'] in auslaut by speaker GRSh

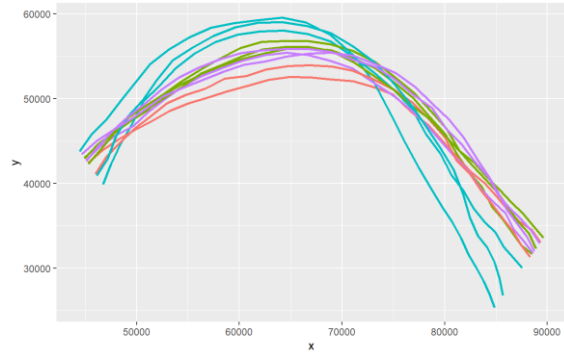

Рис. 6б. Визуальное представление произнесения звуков [s] и [s'] диктором АГГ
Fig. 6б. Visual representation of the pronunciation of sounds [s] and [s'] by speaker AGG

Еще одним объяснением может быть наличие палатализации у всех звуков в финальной позиции, если опираться на данные акустического анализа, который показал, что у большинства ауслаутных согласных вторая и третья форманты превышают 1700–1800 Гц и 2500 Гц соответственно, в том числе у смычных типа «б», что соотносится с палатализованной настройкой. Возможно, это погрешность работы компьютерной программы, которая считает форманты даже в области продолжительной смычки согласного.

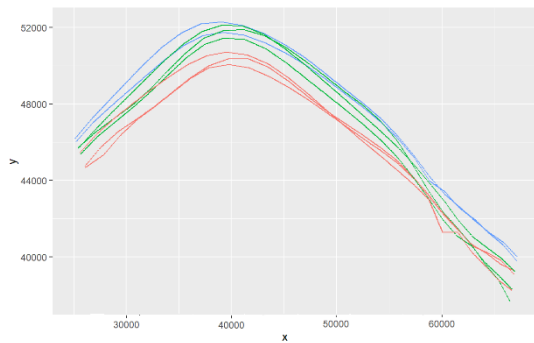

Рис. 7а. Визуальное представление произнесения звуков [r] и [r'] в финальной позиции диктором ГРШ
Fig. 7a. Visual representation of the pronunciation of sounds [r] and [r'] in auslaut by speaker GRSh

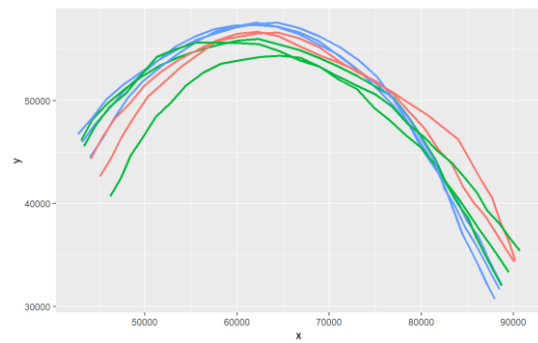

Рис. 7б. Визуальное представление произнесения звука [r'] диктором АГГ
Fig. 7б. Visual representation of the pronunciation of sounds and [r'] by speaker AGG

Описание артикуляции *p*-образных звуков признается достаточно сложным. В языках мира существует целый ряд согласных, определяемых как ротические [Ladefoged 2005; Lindau 1985; Van de Velde, van Hout 2001]. Кроме того, это один из самых сложных звуков для усвоения и артикулирования детьми (см. таблицу в [Boyce et al. 2016: 200]). Ряд авторов, например [Lindau 1985; Catford 1986], предполагают двойное место образования у ротических звуков: первое в ротовой полости от зубов до мягкого нёба, а второе – в полости гортани при оттягивания корня языка к задней стенке фаринкса – артикуляция, которая в традиционной лингвистической и фонетической литературе называется фарингализованной. Изучая ротические настройки в английском, малайском, французском, персидском и испанском языках методом ультразвуковой визуализации, С. Бойс с коллегами отмечают, что УЗИ не позволяет визуализировать твердое нёбо или заднюю стенку фаринкса, не давая физической возможности точно определить место сужения и вклад фаринкса в артикуляцию. Кроме того, датчик УЗИ захватывает только спинку языка, не фиксируя продольный прогиб и работу боковых поверхностей языка, которые могут существенно влиять на соотношение резонаторов и место сжатия [Boyce et al. 2016].

Для барабинского звука [r] по данным рентгенографирования констатируется существенное оттягивание корня языка к задней стенке фаринкса, однако оно недостаточно, чтобы трактовать

эти реализации как фарингализованные [Рыжикова 2005: 226–228]. На дентопалатограммах отчетливо видно касание твердого нёба боковыми поверхностями языка, причем как у палатализованных, так и у непалатализованных вариантов фонемы /r/ [Рыжикова 2005: 143–145]. Описывая артикуляторно-акустические характеристики фонем /r/ и /r'/ языка немцев-меннонитов Сибири плотдич, К. В. Шиндрова отмечает наличие вокальных компонентов в зависимости от позиции в слове: вокальный компонент (или компоненты) присутствует в случаях, когда звук [r] стоит в инициальной позиции, в препозиции к звонким, глухим и сонорным согласным, а также в постпозиции к глухим и звонким смычным и щелевым согласным. По данным магнитно-резонансной томографии у данных фонем констатируется наличие фарингализации [Шиндрова 2025: 88].

Все сказанное выше свидетельствует о том, что ультразвуковая визуализация как метод быстрого и неинвазивного получения соматической информации является весьма перспективной, несмотря на технические ограничения. Однако расшифровка и интерпретация полученных результатов требует определенного исследовательского опыта и должна дополняться другими артикуляторными и акустическими данными.

Заключение

Проведенное исследование параметров палатализации смычных переднеязычных и гуттуральных звуков языка барабинцев как рефлекс вокального и консонантного сингармонизма показало, что эффект мягкости у реализаций переднеязычных фонем /t/ и /'t/ достигается поднятием средней части спинки языка к середине твердого нёба, при этом чем более передним и высоким по подъему является палатализирующий триггер, в данном случае гласный [i], тем сильнее вперед и вверх продвигается тело языка. У гуттуральных /q/ и /'q/ происходит изменение места артикуляции, которое смещается ближе к началу ротовой полости в область межзубно-заднеязычных твердо-мягконёбных настроек. Палатализация ауслаутных фонем /s/, /'s/, /r/, /l/ действительно происходит в мягкорядных словоформах, однако интерпретация твердорядных реализаций, которые по данным УЗИ образуются в области палатализованных вариантов, требует дальнейшего изучения с привлечением других соматических и акустических методов, в частности электропалатографии.

Список литературы

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 606 с.
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 709 с.
Рыжикова Т. Р. Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 269 с.
Рыжикова Т. Р., Тимкин Т. В., Добрынина А. А. Язычные носовые согласные алтайского языка (результаты электропалатографического и ультразвукового исследования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 92–110.
Селютина И. Я. Артикуляторные параметры палатализации в южносибирских тюркских языках // Языки коренных народов России в поликультурном пространстве: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 105-летию со дня рождения Е. Г. Мултуевой, 90-летию со дня рождения В. Н. Тадыкина, Горно-Алтайск, 06–07 июня 2024 года. Горно-Алтайск: Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2024а. С. 31–39.
Селютина И. Я. Корреляция вокальных и консонантных компонентов словоформы в тюркских и монгольских языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024б. № 4 (46). С. 100–111.
Тимкин Т. В. Гласные первого слога сургутского диалекта хантыйского языка по данным ультразвукового исследования // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 196–211.
Уртегешев Н. С. Фоико-фонологическая система шорского языка в южносибирском тюркском контексте: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2021. 583 с.
Шиндрова К. В. Артикуляторно-акустические характеристики звуков типа «г» в языке плотдич // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025. № 2 (48). С. 76–90.

- Bateman N. A crosslinguistic investigation of palatalization: PhD dissertation. San Diego: University of California, 2007. 527 p.
- Bhat D. N. S. A general study of palatalization // *Universals of Human Language* / J. Greenberg (Ed.). Palo Alto, CA: Stanford University Press, 1978. Pp. 47–92.
- Boyce S. E., Hamilton S. M., Rivera-Campos A. Acquiring rhoticity across languages: An ultrasound study of differentiating tongue movements // *Clinical linguistics and phonetics*. 2016. Vol. 30 (3–5). Pp. 174–201. URL: <https://doi.org/10.3109/02699206.2015.1127999> (дата обращения: 10.07.2025).
- Catford J. C. Comment on “Variability in Feature Specifications” // *Invariance and variability in speech processing* / Perkell JS, Klatt DH (Eds). Hillsdale, N. J: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1986. Pp. 478–479.
- Canalis S., Dikmen F. Turkish palatalized consonants and vowel harmony // *Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic*. T. 5. 2020. Pp. 41–55.
- Clements G. N., Sezer E. Vowel and consonant disharmony in Turkish // *The structure of phonological representations II* / Harry van der Hulst & Norval Smith (Eds.). Dordrecht: Foris, 1982. Pp. 213–255.
- Hume E. Front vowels, coronal consonants and their interaction in nonlinear phonology. New York: Garland Publishing, 1994. 278c.
- Kim H. A phonetically based account of phonological stop assibilation // *Phonology*. 2001. Vol. 18. Pp. 81–108.
- Ladefoged P. A course in phonetics. New York: Harcourt, 2005. 322 c.
- Lindau M. The story of /r/ // *Phonetic linguistics: Essays in honor of Peter Ladefoged* / Fromkin V. A. (Ed). Orlando, FA: Academic Press, 1985. Pp. 157–168.
- Telfer C. S. Coronalization as assibilation: PhD dissertation. Calgary (Alberta), 2006. 155 p.
- Van de Velde H, van Hout R. Patterns of /r/ variation // *r-atics. Sociolinguistic, phonetic and phonological characteristics of /r/*. Vol. 4 / Van de Velde H., van Hout R. (Eds.). Bruxelles: Université Libre de Bruxelles, 2001. C. 1–10.

References

- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sov. entsikl., 1966, 608 p. (In Russian)
- Bateman N. A crosslinguistic investigation of palatalization: PhD dissertation. San Diego, University of California, 2007, 527 p.
- Bhat D. N. S. A general study of palatalization. In *Universals of human language*. J. Greenberg (Ed.) Palo Alto, CA, Stanford University Press, 1978, pp. 47–92.
- Boyce S. E., Hamilton S. M., Rivera-Campos A. Acquiring rhoticity across languages: An ultrasound study of differentiating tongue movements. *Clinical linguistics and phonetics*. 2016, 30 (3–5), pp. 174–201. URL: <https://doi.org/10.3109/02699206.2015.1127999> (accessed 10.07.2025).
- Catford J. C. Comment on “Variability in feature specifications”. In *Invariance and variability in speech processing*. Perkell J. S., Klatt D. H. (Eds). Hillsdale, N. J, Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1986, pp. 478–479.
- Canalis S., Dikmen F. Turkish palatalized consonants and vowel harmony. *Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic*. 2020, vol. 5, pp. 41–55.
- Clements G. N., Sezer E. Vowel and consonant disharmony in Turkish. In *The structure of phonological representations II*. Harry van der Hulst & Norval Smith (Eds.). Dordrecht, Foris, 1982, pp. 213–255.
- Hume E. *Front vowels, coronal consonants, and their interaction in nonlinear phonology*. New York, Garland Publishing, 1994, 278 p.
- Kim H. A phonetically based account of phonological stop assibilation. *Phonology*. 2001, vol. 18, pp. 81–108.
- Ladefoged P. *A course in phonetics*. New York, Harcourt, 2005, 322 p.
- Lindau M. The story of /r/. In *Phonetic linguistics: Essays in honor of Peter Ladefoged*. Fromkin V. A. (Ed). Orlando, FA, Academic Press, 1985, pp. 157–168.
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1990, 709 p. (In Russian)

Ryzhikova T. R. Konsonantizm yazyka barabinskikh tatar: sopostavitel'no-tipologicheskii aspekt [Consonantism of the Baraba Tatar language: comparative-typological aspect]. Novosibirsk, SB RAS, 2005, 269 p. (In Russian)

Ryzhikova T. R., Timkin T. V., Dobrinina A. A. Yazychnye nosovye soglasnye altayskogo yazyka (rezul'taty elektropalatograficheskogo i ul'trazvukovogo issledovaniya) [Lingual nasal consonants of the Altai language (results of electropalatographic and ultrasound research)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2024, no. 88, pp. 92–110. (In Russian)

Selyutina I. Ya. Artikulyatornye parametry palatalizatsii v yuzhnosibirskikh tyurkskikh yazykakh [Articulatory parameters of palatalization in South Siberian Turkic languages]. In *Yazyki korennykh narodov Rossii v polikul'turnom prostranstve: Sbornik materia-lov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 105-letiyu so dnya rozhdeniya E. G. Multuevoy, 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. N. Tadykina, Gorno-Altaysk, 06–07 iyunya 2024 goda* [Languages of the indigenous peoples of Russia in a multicultural space: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 105th anniversary of the birth of E. G. Multueva, the 90th anniversary of the birth of V. N. Tadykin, Gorno-Altaysk, June 6–7, 2024]. Gorno-Altaysk, S. S. Surazakov Research Institute of Altai Studies, 2024a, pp. 31–39. (In Russian)

Selyutina I. Ya. Korrelyatsiya vokal'nykh i konsonantnykh komponentov slovoformy v tyurkskikh i mongol'skikh yazykakh [Correlation of vocal and consonant components of word form in Turkic and Mongolian languages]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2024b, no. 4 (46), pp. 100–111. (In Russian)

Shindrova K. V. Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki zvukov tipa “r” v yazyke plottidich [Articulatory and acoustic characteristics of [r] sounds in the Plautdietsch]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2025, no. 2 (48), pp. 76–90. (In Russian)

Telfer C. S. *Coronalization as assimilation: PhD dissertation*. Calgary (Alberta), 2006, 155 p.

Timkin T. V. Glasnye pervogo sloga surgut'skogo dialekta khatyyskogo yazyka po dannym ul'trazvukovogo issledovaniya [First syllable vowels in Surgut khanty according to the ultrasonography data]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2022, no. 3, pp. 196–211. (In Russian)

Urtegeshev N. S. *Foniko-fonologicheskaya sistema shorskogo yazyka v yuzhnosibirskom tyurkskom kontekste* [Phonic-phonological system of the Shor language in the South Siberian Turkic context]. Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2021, 583 p. (In Russian)

Van de Velde H., van Hout R. Patterns of /r/ variation. In *'r-atics. Sociolinguistic, phonetic and phonological characteristics of /r/*. Van de Velde H., van Hout R. (Eds.). Bruxelles, Université Libre de Bruxelles, 2001, vol. 4, pp. 1–10.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
12.07.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Татьяна Раисовна Рыжикова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

Tatiana R. Ryzhikova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

tanya12@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6337-725X>

Ксения Вячеславовна Шиндрова – младший научный сотрудник сектора языков народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

Ksenia V. Shindrova – Junior Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

ksenia.shindrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4468-5107>

Ультразвуковое исследование артикуляции велярных согласных в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка

М. К. Амелина, Н. В. Макеева

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

Данная статья посвящена ультразвуковому исследованию особенностей предвосхищающей аккомодации при артикуляции велярных согласных *ŋ* и *x* в контексте различных гласных тундрового ненецкого языка. Статистический анализ значений трех выбранных артикуляторных параметров показывает, что схема смещения места преграды велярных согласных в контексте разных гласных повторяет известную, но недостаточно исследованную тенденцию, согласно которой значимое различие имеется только между двумя основными типами локализации преграды, соответствующими контексту передних и непредних гласных соответственно. Согласный *x* реагирует на вокалический контекст более выражено, чем согласный *ŋ*, что предположительно обусловлено уникальной прозрачностью этого согласного для гармонии гласных в тундровом ненецком языке.

Ключевые слова

тундровый ненецкий язык, ямальский диалект, артикуляторная фонетика, ультразвуковое исследование, консонантизм, велярные согласные, аккомодация, коартикуляция, ассимиляция

Для цитирования

Амелина М. К., Макеева Н. В. Ультразвуковое исследование артикуляции велярных согласных в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 39–72. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-39-72

Ultrasound analysis of velar consonant articulation in the Yamal dialect of Tundra Nenets

M. K. Amelina, N. V. Makeeva

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The place of constriction in the production of velar consonants is commonly believed to be determined by the quality of the following vowel. Typically, only two constriction locations are distinguished, corresponding to front versus non-front vowel contexts. This phenomenon has been described using very limited data, necessitating further investigation through enlarging the empirical base. The present study examines velar–vowel coarticulation in Tundra Nenets using ultrasound tongue imaging. The articulation of two word-initial velar consonants, /ŋ/ and /x/, is analyzed in the context of nine vowels. The dataset comprises 629 consonant productions elicited from two speakers using a set of 80 carrier words. Three articulatory parameters are statistically analyzed: curve degree, curve position, and radial distance to the furthest point of the tongue contour. The results are consistent with the prevailing typological trend and confirm the existence of two significantly distinct constriction locations corresponding to front and non-front vowel contexts. Variation within each group is not uniform across consonants, vowel contexts, or speakers. Coarticulatory effects are found to be most pronounced in the articulation of /x/ for both speakers. This finding is supported by visual inspection of averaged tongue contours, revealing articulatory strategy differences of the two speakers. A general tendency for /x/ to be highly sensitive to vowel context is observed. In contrast, /ŋ/ demonstrates a more stable articulatory realization. The hypothesis is that the pronounced coarticulatory effect seen in /x/ could be associated with its specific transparency in vowel harmony processes in Tundra Nenets.

© М. К. Амелина, Н. В. Макеева, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

Keywords

Tundra Nenets, the Yamal dialect, articulatory phonetics, ultrasound analysis, consonants, velar consonants, accommodation, coarticulation, assimilation

For citation

Amelina M. K., Makeeva N. V. Ul'trazvukovoe issledovanie artikulyatsii velyarnykh soglasnykh v yamal'skom dialekte tundrovogo nenetskogo yazyka [Ultrasound analysis of the velar consonants articulation in the Yamal dialect of Tundra Nenets]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 39–72. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-39-72

Введение

Данная статья посвящена ультразвуковому исследованию артикуляции велярных согласных в одном из диалектов тундрового ненецкого языка – ямальском.

Тундровый ненецкий язык (прежние названия – *юрако-самоедский*¹, *самоедский*) относится к самодийской группе уральской языковой семьи. Территория преимущественного проживания тундровых ненцев входит в состав четырех субъектов Российской Федерации: Ненецкого автономного округа Архангельской области (7504 чел.), северных районов Республики Коми (503 чел.), Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области (28222 чел.) и Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края (3494 чел.) [Nikolaeva 2014: 3; Буркова 2016: 316].

Существует мнение, что, несмотря на широкую географическую распространенность тундрового ненецкого языка, его диалекты довольно единообразны [Терещенко 1956: 183; Salminen 1997: 13–14; Nikolaeva 2014: 14] и носители «окраинных говоров» понимают друг друга «без особых затруднений» [Терещенко 1965: 8]². Членение тундрового ненецкого языка на диалектные группы проходит в первую очередь по двум крупным географическим объектам – р. Печоре и Уральским горам. Тундровый ненецкий язык распадается на три основных диалектных группы: западную (к западу от р. Печоры, по левому берегу р. Печоры), центральную (между р. Печорой и Уральскими горами) и восточную (к востоку от Уральских гор) [Терещенко 1965: 8–11; Nikolaeva 2014: 4].

Западная диалектная группа включает в себя три крайнезападных диалекта (канинский, тиманский, колгуевский) и один западный диалект (малоземельский) и считается наиболее «инновативной» с точки зрения фонологии; ср.: “The most important dialect boundary follows the Pechora River and separates the phonologically innovative Western dialects from the Central-Eastern dialect group” [Salminen 1997: 14]. Центральная диалектная группа представлена говорами большеземельского диалекта. К восточной (или сибирской) диалектной группе относятся восточные диалекты (приуральский, ямальский) и крайневосточные диалекты (надымский, тазовский, гыданский, таймырский = енисейский)³. В данной статье к рассмотрению привлекается материал по одному из восточных диалектов – ямальскому.

¹ Под названием «юрако-самоедский» ранее понимались оба языка: не только тундровый ненецкий, но и лесной ненецкий. В настоящее время тундровый и лесной ненецкий принято считать самостоятельными языками, а не диалектами (наречиями) одного языка; см., например, [Казакевич 2003; Казакевич, Парфенова 2003; Буркова 2010: 182; Стенин 2015: 93; Коряков 2018: 164] и мн. др.

² Ср.: “In spite of the fact that the area where Tundra Nenets is spoken is spread over a vast territory, the language itself exhibits relatively little dialectal diversity. Speakers of different varieties of Tundra Nenets can easily understand each other, partly because the traditional nomadic way of life means that the population is highly mobile and so the different groups of Tundra Nenets speakers are often in contact with each other” [Nikolaeva 2014: 4].

³ О диалектном членении тундрового ненецкого языка см. подробнее [Терещенко 1956: 183; Терещенко 1965: 8–11; Nikolaeva 2014: 4].

1. Общие сведения о фонетической системе ямальского диалекта тундрового ненецкого языка

1.1. Система консонантизма ямальского диалекта тундрового ненецкого языка

В общем виде система консонантизма центрального большеземельского диалекта и восточных диалектов: приуральского и рассматриваемого в данной статье ямальского – представлена в табл. 1. В таблице соблюдаются принципы записи и трактовка фонологической системы, принятые Т. Салминеном [Salminen 1997: 37] (см. также аналогичное представление системы консонантизма в работе И. Николаевой [Nikolaeva 2014: 19] – с обозначением «мягкости» с помощью символа ⁵)⁴.

Таблица 1
Table 1

Система согласных ямальского диалекта тундрового ненецкого языка
Consonant system of the Yamal dialect of Tundra Nenets

Способ образования		Место образования					
		Губные		Переднеязычные зубные	Палатальные	Велярные	Глоттальные (гортанные)
		Непалатализованные	Палатализованные				
Носовые		m	my	n	ny	ŋ ⁵	
Смычные взрывные	Глухие (сильные)	p	py	t	ty	k	q / h
	Звонкие (слабые)	b	by	d	dy		
Аффрикаты				c	cy		
Фрикативные				s	sy	x	
Глайды		w			ɥ		
Сонорные	Латеральные (боковые)			l	ly		
	Вибранты (дрожачие)			r	ry		

Система консонантизма ямальского диалекта тундрового ненецкого языка включает в себя следующие согласные фонемы:

- 1) носовые *m* и *my* (губные), *n* и *ny* (зубные), а также *ŋ* (велярная);
- 2) смычные взрывные *p* и *py*, *b* и *by* (губные), *t* и *ty*, *d* и *dy* (зубные), а также *k* (велярная) и *q / h* (гортанный / гортанные)⁶;
- 3) аффрикаты *c* (зубная) и *cy* (палатальная);
- 4) фрикативные *s* (зубная), *sy* (палатальная) и *x* (велярная);
- 5) губной глайд *w* и палатальный глайд *ɥ*;
- 6) сонорные боковые *l* и *ly*;
- 7) сонорные дрожачие *r* и *ry*.

⁴ В работах Н. М. Терещенко *ny*, *ty*, *dy*, *cy*, *sy*, *ly* и *ry* трактуются не как палатальные, а как палатализованные согласные [Терещенко 1993: 327].

⁵ В более ранних работах Т. Салминена обозначается с помощью диграфа *ng*.

⁶ Вопрос о том, сколько гортанных смычных фонем (одна или две) существует в тундровом ненецком языке, по-разному решался исследователями. По мнению Н. М. Терещенко, в тундровом ненецком представлены две гортанные смычные фонемы [Терещенко 1956: 13–16; Терещенко 1965: 862]: «назализованная» («звонкая») гортанная смычная фонема (обозначается как *h* в фонологической транскрипции и с помощью символа «^h» в орфографии) и «неназализованная» («глухая») гортанная смычная фонема (обозначается как *q* в фонологической транскрипции и с помощью символа «^q» в орфографии). По мнению Ю. Янхунена, на синхронном уровне существует одна гортанная смычная фонема, «которая проявляет морфонологическую и диахроническую дихотомию» [Буркова 2010: 225] (см. подробнее [Janhunen 1986]); эта точка зрения представлена также в работах [Люблинская 1993; Salminen 1997, 1998; Буркова 2010].

Таким образом, велярный ⁷ ряд ямальского диалекта тундрового ненецкого языка (а также центрального большеземельского и приуральского) представлен тремя согласными фонемами: носовым сонантом *ŋ*, фрикативной глухой фонемой *x* и смычной взрывной глухой фонемой *k*; при этом фонему *k* принято считать «вторичной», она встречается в ограниченном количестве позиций и не может стоять в абсолютном начале слова (см. подробнее о “secondary consonants” в [Salminen 1997; Nikolaeva 2014: 19]). В инновативных западных диалектах количество согласных фонем больше, чем в центральном и восточных: в том числе в западных диалектах представлена еще одна самостоятельная фонема в велярном ряду – смычная взрывная звонкая фонема *g*. В обзорном очерке Н. М. Терещенко *g* также отмечается как самостоятельная согласная фонема для всех ненецких диалектов [Терещенко 1966: 377; Терещенко 1993: 327], однако во многих других работах отечественных и зарубежных исследователей *g* трактуется как комбинаторный аллофон фонемы *k* (в позиции после *ŋ*) [Буркова 2010: 226].

1.2. Система вокализма ямальского диалекта тундрового ненецкого языка

Система вокализма ямальского диалекта тундрового ненецкого языка (а также всех остальных диалектов, кроме западных) представлена десятью гласными фонемами:

- 1) пять нейтральных по длительности монофтонгов – *i*, *u*, *e*, *o*, *a* (“plain” в терминологии Т. Салминена, “short” в терминологии И. Николаевой);
- 2) один восходящий дифтонгоид *æ* (“stretched” в терминологии Т. Салминена, “long” в терминологии И. Николаевой);
- 3) два долгих монофтонга *ī* и *ū* (“stretched” в терминологии Т. Салминена, “long” в терминологии И. Николаевой) ⁸;
- 4) один краткий монофтонг *ə* (“reduced” в терминологии Т. Салминена, “over-short” в терминологии И. Николаевой), при чередовании с которым по правилам редукции реализуется также фонема *°* (“schwa phoneme”) ⁹;
- 5) фонема *°* (“schwa phoneme” в терминологии Т. Салминена, “reduced” в терминологии И. Николаевой), которая реализуется при чередовании с фонемой *ə* по правилам редукции в безударной позиции ¹⁰.

См. подробнее о системе ненецкого вокализма в работах [Salminen 1997: 36; Nikolaeva 2014: 17]. Система гласных фонем тундрового ненецкого языка из работы [Nikolaeva 2014: 17] приводится в табл. 2 (с нашими комментариями в угловых скобках).

Таблица 2
Table 2

Система гласных ямальского диалекта тундрового ненецкого языка
Vowel system of the Yamal dialect of Tundra Nenets

Подъем	Long <долгие>	Short <нейтральные по длительности>	Over-short <краткие>	Reduced <редуцированные>
High <верхний подъем>	<i>ī</i> <i>ū</i>	<i>i</i> <i>u</i>		
Mid <средний подъем>		<i>e</i> <i>o</i>		
Low <нижний подъем>	<i>æ</i>	<i>a</i>	<i>ə</i>	<i>°</i>

Ранее исследователями отмечалась особенность произнесения *ə* как довольно открытого гласного: “*ə* <...> is typically pronounced as a very short *a*” [Nikolaeva 2014: 17].

В более ранних работах трактовка системы ненецкого вокализма значительно отличалась от общепринятой в настоящее время, см. например [Прокофьев 1937; Терещенко 1966: 377; Hajdú

⁷ В работах Н. М. Терещенко велярные согласные называются «заднеязычными» [Терещенко 1966: 377; Терещенко 1993: 327].

⁸ В работах Т. Салминена обозначаются как *ī* и *ū* соответственно.

⁹ В работах Т. Салминена *ə* обозначается также символом *ø*.

¹⁰ См. подробнее о правилах чередования *ə* и *°* в [Nikolaeva 2014: 18].

1968; Терещенко 1993: 327]. Для сравнения система гласных фонем тундрового ненецкого языка из работы [Терещенко 1993: 327] приводится в табл. 3. В данной статье [i] и [i̥] рассматриваются как позиционно распределенные аллофоны одной фонемы *i* в ямальском диалекте; аналогично [i:] и [i:] – как аллофоны фонемы *ī*.

Таблица 3

Table 3

**Система гласных тундрового ненецкого языка, по данным [Терещенко 1993]
Tundra Nenets vowel system by [Tereshchenko 1993]**

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
	Иллабиальные		Лабиальные
Верхний	<i>u</i> /i/	<i>ы</i> /i/	<i>y</i> /u/
Средний	<i>э</i> /e/ ¹¹	<i>э</i> /e/ ¹²	<i>о</i> /o/
Нижний		<i>a</i> /a/	

Как отмечается в работе С. И. Бурковой, «по результатам экспериментальных исследований и наблюдений М. Д. Люблинской, противопоставление *e* – *e̥* в произношении современных носителей <...> часто нейтрализуется, проходит непоследовательно и разными информантами реализуется в разных словах» [Буркова 2010: 225] (подробнее см.: [Люблинская 2002]).

В данной работе мы рассматриваем *æ* как гласный средне-нижнего подъема – более открытый, чем *e* среднего подъема.

2. Методология и материал исследования

2.1. Метод ультразвукового исследования в артикуляторной фонетике

Ультразвуковой метод позволяет получать изображение и проводить количественные исследования положения, структуры, формы, размеров различных биологических тканей. В основе метода лежат свойство ультразвуковых волн (волн с частотой более 16 кГц) распространяться в различных биологических тканях (за исключением костной и легочной) с примерно одинаковой скоростью и так называемый эффект раздела сред, который заключается в отражении ультразвуковых волн от границы сред с различным акустическим импедансом – сопротивлением среды, определяемым преимущественно ее плотностью [Волков 2005].

Несомненными достоинствами метода УЗИ, позволяющими широко использовать его в артикуляторных исследованиях, являются мобильность аппаратуры, низкая инвазивность и безопасность, а также возможность визуализации естественной речи в реальном времени. В то же время метод УЗИ имеет целый ряд ограничений и недостатков [Волков 2005; Резников и др. 2015]. Одно из основных ограничений связано с невозможностью визуализации некоторых структур. При исследовании язычных артикуляций ультразвуковое окно оказывается ограничено акустической тенью позади подъязычной кости и нижней челюсти – костных структур с высокой плотностью, в которых происходит полное затухание ультразвука. С другой стороны, из-за практически полного отражения ультразвука на границе мягкой ткани и воздуха фактически недоступными для наблюдения становятся структуры над языком, в том числе нёбо. Целый ряд ограничений связан с индивидуальными особенностями физиологического строения речевого аппарата. Наконец, в связи со сравнительно недолгой историей проведения артикуляторных ультразвуковых исследований трудно говорить о какой-либо устоявшейся методологии в этой области [Washington 2016].

Ультразвуковой метод в лингвистике получил распространение в последние два десятилетия и успел пролить свет на особенности артикуляции целого ряда звуков в различных языках мира: щелкающих согласных, или кликсов, в койсанских языках [Miller et al. 2007, 2009; Miller 2016],

¹¹ В орфографии после твердых согласных часто обозначается не только как *э*, но и как *э́* (с точкой сверху).

¹² Соответствует фонеме *æ* в системе вокализма, представленной выше.

т. н. эмфатических, или фарингализованных, согласных в арабском языке [Al Solami 2017; Alfaifi et al. 2020], велярных и увулярных согласных в тюркских языках [Токмашев и др. 2023], признака продвинутости корня языка и признака ряда в языках Африки и в тюркских языках [Gick et al. 2006; Hudu et al. 2009; Hudu 2010, 2014; Allen et al. 2013; Kirkham, Nance 2017; Washington 2016, 2019] и др. Также существуют ультразвуковые исследования, рассматривающие явление аккомодации, которому посвящена данная работа [Wodzinski 2004; Zharkova, Hewlett 2009; Krebs et al. 2013; Frisch, Wodzinski 2016].

Аккомодация представляет собой адаптацию целевой артикуляции некоторого звука под целевую артикуляцию соседних звуков, проявляющуюся не только на границе соседних звуков, как это имеет место при собственно коартикуляции, но и в фазе выдержки. По-видимому, аккомодация является устойчивым и универсальным явлением, тем не менее некоторые ее типы имеют большее распространение, чем другие. Так, чрезвычайно распространенной является адаптация точного места образования начального согласного слога к ряду следующего за ним вокалического ядра [Laver 1994: 377].

Предвосхищающей аккомодации велярных согласных посвящен целый ряд артикуляторных исследований, показавших, что существует зависимость места преграды при производстве велярных смычных от типа следующего гласного: чем более передним является вокалическое ядро слога, тем ближе к ротовому отверстию создается велярная преграда при производстве начального смычного [Wodzinski 2004; Liker and Gibbon 2008; Krebs et al. 2013; Frisch, Wodzinski 2016]. При этом отмечается тенденция, согласно которой четко различаются лишь два типа вокалического контекста – передний и непредний, тогда как варьирование внутри каждой из групп незначительно [Wodzinski 2004; Liker and Gibbon 2008; Zharkova, Hewlett 2009; Frisch, Wodzinski 2016]. Существующие исследования основаны прежде всего на материале английского языка, при этом исследуемый контекст включает в первую очередь кардинальные гласные *i*, *u*, *a*. Это делает необходимым выявление устойчивости параметров варьирования обнаруженной тенденции и требует расширения эмпирической базы за счет увеличения числа рассматриваемых языков и вокалических контекстов, а также самих велярных согласных.

Целью нашего исследования является выявление особенностей предвосхищающей аккомодации при артикуляции велярных согласных *ŋ* и *x* в контексте различных гласных тундрового ненецкого языка (на материале ямальского диалекта).

2.2. Материал для ультразвукового исследования

Для целей данного исследования был разработан специальный опросник, включающий в себя определенные стимулы. Стимулами стали фонетические слова, в которых велярные согласные *ŋ* и *x* находятся в позиции абсолютного начала в разном вокалическом окружении – перед всеми возможными гласными ямальского диалекта тундрового ненецкого языка. Каждое из данных слов было озвучено респондентами в изолированном одиночном произнесении, в тройном произнесении и в середине фразы.

Респондентами стали двое носителей северной разновидности тамбейского говора ямальского диалекта тундрового ненецкого языка, выходцы из самой северной части полуострова Ямал – Тамбейской тундры, расположенной к северу от деревни Тамбей Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО):

1) респондент [1] – Окотэтто Артём Игоревич (Хадри Хаволэвич), 1993 г. р., мужского пола (запись произведена авторами статьи в январе 2022 г., рис. 1);

2) респондент [2] – Окотэтто (урожд. Яунгад) Ненгацки Енгавна, 1962 г. р., женского пола (запись произведена авторами статьи в марте 2025 г., рис. 2)¹³.

Количество привлеченных к разметке и последующему анализу фонетических слов, в которых *ŋ* находится в позиции абсолютного начала перед всеми возможными гласными, составило 152 произнесения респондентом [1] и 140 – респондентом [2] (всего 292 произнесения обоими носителями); см. подробнее в табл. 4, где символом # обозначена позиция абсолютного начала слова, а в круглых скобках после знака «+» указана гласная фонема, следующая после согласной.

¹³ Сведения об информантах публикуются с их разрешения.

Рис. 1. Респондент [1]
Fig. 1. Interviewee [1]

Рис. 2. Респондент [2]
Fig. 2. Interviewee [2]

Таблица 4
Table 4

Количество фонетических слов с η
Phonetic words with η

Количество произнесений	# $\eta(+\text{ə})$	# $\eta(+\text{a})$	# $\eta(+\text{æ})$	# $\eta(+\text{e})$	# $\eta(+\text{i})$	# $\eta(+\text{ĩ})$	# $\eta(+\text{o})$	# $\eta(+\text{u})$	# $\eta(+\text{ū})$	Всего
Респондент [1]	20	20	20	20	20	8	20	20	4	152
Респондент [2]	12	20	20	20	18	8	18	20	4	140

Количество привлеченных к разметке и последующему анализу фонетических слов, в которых x находится в позиции абсолютного начала перед всеми возможными гласными, составило 168 произнесений респондентом [1] и 169 – респондентом [2] (всего 337 произнесений обоими носителями); см. подробнее в табл. 5.

Таблица 5
Table 5

Количество фонетических слов с x
Phonetic words with x

Количество произнесений	# $x(+\text{ə})$	# $x(+\text{a})$	# $x(+\text{æ})$	# $x(+\text{e})$	# $x(+\text{i})$	# $x(+\text{ĩ})$	# $x(+\text{o})$	# $x(+\text{u})$	# $x(+\text{ū})$	Всего
Респондент [1]	20	21	22	20	12	12	21	20	20	168
Респондент [2]	20	21	20	20	12	12	24	20	20	169

Полный список вошедших в опросник фонетических слов с η и x с записью в фонологической транскрипции и в орфографии, а также с переводом на русский язык и указанием на количество произнесений респондентами [1] и [2] приведено в табл. 6 и 7 соответственно.

Таблица 6
Table 6Полный список фонетических слов с *η*
List of the phonetic words with *η*

Контекст	Ненецкое слово в фоно-логической транскрипции	Ненецкое слово в орфографии	Перевод на русский язык	Количество произнесений	
				Респондент [1]	Респондент [2]
#η(+ə)	ηəbt°	ηəbt	‘запах’	4	– <4> ¹⁴
	ηəmsa	ηəmsa	‘мясо’	4	– <3>
	ηəmkə	ηəmkə	‘что’	4	4
	ηəno	ηəno	‘лодка’	4	4
	ηətyih	ηərti'(h)	‘морской заяц, лах-так’	4	4
	общее количество произнесений:			20	12 <19>
#η(+a)	ηa	ηa	‘бог подземного мира’	4	4
	ηaŋk°	ηaŋg	‘мочевой пузырь’	4	4
	ηaŋŋo	ηa''yo	‘утка-нырок, утка-морянка (вид утки)’	4	4
	ηarka	ηarka	‘большой’	4	4
	ηaya	ηaya	‘кожа (человека), тело’	4	4
	общее количество произнесений:			20	20
#η(+æ)	ηæ	ηæ	‘нога, лапа’	4	4
	ηæsyah	ηæsy'(h)	‘мешок’	4	4
	ηæwa	ηæwa	‘голова’	4	4
	ηæwak°	ηæwak	‘уменьш. от ‘голова’; узор «головки»’	4	4
	ηæwey°	ηæwəy	‘головной мозг’	4	4
	общее количество произнесений:			20	20
#η(+e)	ηebt°	ηəbt	‘волосы; грива’	4	4
	ηel°q	ηəl''(d)	‘мягкий, рыхлый (о снеге)’	4	4
	ηerm°	ηərm	‘север’	4	4
	ηeryo	ηəre	‘осень’	4	4
	ηesoh	ηəso'(h)	‘сустав’	4	4
	общее количество произнесений:			20	20
#η(+i) [ηi]	ηil°	ηyl''(d)	‘подошва (обуви)’	4	4
	ηilyeka	ηylyeka	‘(миф.) злое страшное сверхъестественное существо’	4	3
	ηin°	ηyn	‘лук (оружие)’	4	4
	ηit°rma	ηytərma	(ямал.) ‘(этно.) кукла, которую изготавливают после смерти взрослого человека; очень старый’	4	3
	ηiyera	ηyera	‘канюк’	4	4
	общее количество произнесений:			20	18

¹⁴ Четыре произнесения слова ηəbt° ‘запах’ и три произнесения слова ηətsa ‘мясо’ респондентом [2] были привлечены к разметке, однако они были исключены из подсчетов при последующем анализе, так как контур языка на УЗИ-снимках был виден очень нечетко.

#ŋ(+ī) [ŋi:]	ŋīsi	ŋȳsy	(ямал.) ‘стойбище’	4	4
	ŋīxi°	ŋȳxy	‘далекий, дальний; давний’	4	4
	общее количество произнесений:			8	8
#ŋ(+o)	ŋo	ŋo	‘остров’	4	4
	ŋoba	ŋoba	‘рукавица’	4	4
	ŋodya	ŋodya	‘ягода’	4	4
	ŋoka	ŋoka	‘много’	4	4
	ŋoroy°	ŋoroy	‘один’	4	2
	общее количество произнесений:			20	18
#ŋ(+u)	ŋu	ŋu	‘шест, жердь (для чума)’	4	4
	ŋuda	ŋuda	‘рука’	4	4
	ŋulyiq	ŋulyi	‘вовсе, совсем, совершенно; весьма, вполне, очень’	4	4
	ŋum	ŋum	‘трава, сено; стелька (для обуви)’	4	4
	ŋuq	ŋu”(o)	‘след’	4	4
	общее количество произнесений:			20	20
#ŋ(+ū)	ŋūtoq	ŋūto”(o)	‘нарта без настила для перевозки шестов от чума’	4	4
	общее количество произнесений:			4	4

Таблица 7
Table 7

Полный список фонетических слов с x
List of the phonetic words with x

Контекст	Ненецкое слово в фонологической транскрипции	Ненецкое слово в орфографии	Перевод на русский язык	Количество произнесений	
				Респондент [1]	Респондент [2]
#x(+ə)	xəda	xāda	‘ноготь, коготь’	4	4
	xəli	xāly	‘червь’	4	4
	xəp°	xān	‘нарта’	4	4
	xəg°	xār	‘нож’	4	4
	xəga	xāra	‘изгиб; изогнутый, кривой’	4	4
	общее количество произнесений:			20	20
#x(+a)	xa	xa	‘ухо’	4	5
	xabt°	xabt	‘кастрированный олень-самец’	4	4
	xada	xada	‘бабушка’	4	4
	xalya	xalya	‘рыба’	5	4
	xampra	xamba	‘волна’	4	4
	общее количество произнесений:			21	21
#x(+æ)	xæh	xə’(n)	‘гром’	4	4
	xæm	xəm	‘короткий’	4	4
	xæqmya	xə”мя	‘место ухода’	6	4
	xæw°	xəv	‘сторона, половина’	4	4
	xæx°	xəxə	‘дух-покровитель, идол’	4	4
	общее количество произнесений:			22	20

#x(+e)	xeb°	хэб	‘оса’	4	4
	xebt°	хэбт	‘смородина’	4	4
	xed°q	хэд”	‘злой, вредный, хитрый’	4	4
	xem	хэм’	‘кровь’	4	4
	xeqnyo	хэ”нѐ	‘тихий (о погоде)’	4	4
	общее количество произнесений:			20	20
#x(+i) [xi]	xīdyā	хыдя	‘чашка, миска’	4	4
	xīŋk°	хыŋг	‘емкость’	4	4
	xīnəbc°	хынябц	‘песня’	4	4
	общее количество произнесений:			12	12
#x(+ī) [xīi:]	xībyā	хйбя	‘кто’	4	4
	xībyaryi	хйбяри	‘кто-либо, кто-нибудь’	4	4
	xībyaxərt°	хйбяхəрт	‘никто’	4	4
	общее количество произнесений:			12	12
#x(+o)	xo	хо	‘береза’	4	4
	xoba	хоба	‘шкура’	5	4
	xoq	хо”(ð)	‘кашель’	4	4
	xora	хора	‘олень-самец’	4	4
	xou°	хой	(вост.) ‘тундра; гора’	4	4
	xor°	хор	(ямал.) ‘печь’	—	4
	общее количество произнесений:			21	24
#x(+u)	xu	ху	‘ложка’	4	4
	xuli	хулы	‘ворон’	4	4
	xuŋko	хуŋго	‘дыхательное горло’	4	4
	xurko	хурко	‘веревка’	4	4
	xux°r	хухұр”	‘щель’	4	4
	общее количество произнесений:			20	20
#x(+ū)	xū	хұ	(ямал.) ‘плавник (дерево, вынесенное на берег)’	4	4
	xūbt°q	хұбт”(ð)	‘свинец’	4	4
	xūdyah	хұдя’(h)	‘грудная кость (птицы)’	4	4
	xūri	хұры	‘корыто’	4	4
	xūti	хұты	‘сапог’	4	4
	общее количество произнесений:			20	20

2.3. Получение и разметка ультразвуковых данных

Ультразвуковой материал был получен при помощи портативного прибора “Micro Ultrasound System” и программного обеспечения “Articulate Assistant Advanced” (AAA, Articulate Instruments 2004–2025; versions 2.19.01, 220.5.1), предназначенного для записи данных, получаемых с помощью различных методов изучения артикуляции: ультразвука, электромагнитной артикулографии, электропалатографии и др., а также для их обработки и анализа. Программа позволяет производить синхронную запись, разметку и обработку ультразвуковых и акустических данных, а также подсчет некоторых артикуляторных параметров.

При записи ультразвукового материала зонд прибора размещался под подбородком спикера и фиксировался при помощи специального стабилизирующего шлема, обеспечивающего возможность сравнивать данные, полученные в ходе одной сессии. Частота ультразвука составляла 2 мГц при глубине проникновения 90 мм. Запись ультразвуковых данных осуществлялась с частотой около 83 кадров в секунду, интервал между ультразвуковыми изображениями составил примерно 12 миллисекунд. Запись акустического сигнала производилась с помощью петличного микрофона при частоте дискретизации 22050 Гц и разрядности квантования 16 бит.

Разметка исследуемых сегментов производилась при помощи широкополосной спектрограммы и осциллограммы. Далее выбирался ультразвуковой снимок, соответствующий цен-

тральному участку исследуемого согласного. На выбранном фрейме при помощи предустановленного в программе алгоритма “Snap-to-fit” производилась прорисовка контура поверхности языка, которая затем корректировалась вручную. Одним из важных этапов ручной корректировки являлась разметка областей, соответствующих акустической тени позади подъязычной кости и нижней челюсти и обрезка концов контура языка на границе с этими областями. Обрезка концов контура производилась также в том случае, если на крайних участках, соответствующих передней части языка и корню языка, граница сред язык-воздух визуально не определялась или ее точное определение вызывало значительные затруднения.

Следующий этап работы включал обработку данных в специальном рабочем пространстве “Workspace”, предназначенном для наложения и сравнения кривых языка с разных ультразвуковых снимков, а также получения усредненных контуров. Дальнейшая подготовка графиков с усредненными кривыми производилась при помощи встроенного графического пакета “Publisher”.

2.4. Исследуемые артикуляторные параметры

Для исследования конфигурации языка при произнесении велярных согласных были выбраны три метрики, разработанные в области логопедии и предлагаемые программой AAA: степень изогнутости контура языка (Curve Degree, или CD), место изгиба контура языка (Curve Position, или CP) и местоположение точки контура языка, максимально удаленной от начала координат (Maximum Position, или MaxP).

Параметры степени изогнутости и места изгиба контура языка определяются следующим образом. Между двумя концами контура языка, представляющего собой криволинейный отрезок, проводится отрезок АВ. Затем из точки на кривой контура языка, наиболее удаленной от отрезка АВ, к последнему опускается перпендикуляр CD. Степень изогнутости языка определяется как отношение CD/AB. Таким образом, чем более пологой является форма языка, тем ниже значение данного параметра, тогда как при искривленной форме эта метрика получает более высокие значения. Параметр места изгиба языка определяется как отношение AD/DB, более высокие значения этой метрики соответствуют формам языка, при которых точка максимальной кривизны расположена дальше от ротового отверстия [Aubin, Ménard 2006; Ménard et al. 2012; Zharkova et al. 2015].

Третий параметр определяется в программе AAA при помощи полярной системы координат. Эта система координат задается веерной сеткой из 42 осей, каждая из которых соответствует пути ультразвукового луча, исходящего от датчика, а начало координат соответствует местоположению последнего. Параметр местоположения максимально удаленной точки определяется как индекс оси, в точке пересечения с которой кривая контура языка максимально удалена от начала координат.

На рис. 3 и 4 (с. 50) на примере кривой контура языка при изолированном произнесении существительного *халя* ‘рыба’ респондентом [1] проиллюстрирован расчет всех трех параметров (на всех иллюстрациях к данной статье кончик языка расположен слева, а задняя часть языка – справа).

В целях исследования аккомодационных эффектов, которые могут возникать при производстве согласных *η* и *х* в разных вокалических контекстах, были выдвинуты и проверены три гипотезы. Мы ожидаем обнаружить статистически значимые различия по параметрам места изгиба и местоположения максимально удаленной точки контура языка при производстве каждого согласного в контексте гласных переднего ряда, с одной стороны, и гласных центрального и заднего рядов, с другой стороны. Напротив, статистически значимых различий по степени изогнутости языка мы не ожидаем.

- H1: $CD(\eta(+FRONT)) = CD(\eta(+CENTRAL)) = CD(\eta(+BACK)),$
 $CD(x(+FRONT)) = CD(x(+CENTRAL)) = CD(x(+BACK));$
- H2: $CP(\eta(+FRONT)) < CP(\eta(+CENTRAL)) = CP(\eta(+BACK)),$
 $CP(x(+FRONT)) < CP(x(+CENTRAL)) = CP(x(+BACK));$
- H3: $MaxP(\eta(+FRONT)) < MaxP(\eta(+CENTRAL)) = MaxP(\eta(+BACK)),$
 $MaxP(x(+FRONT)) < MaxP(x(+CENTRAL)) = MaxP(x(+BACK)).$

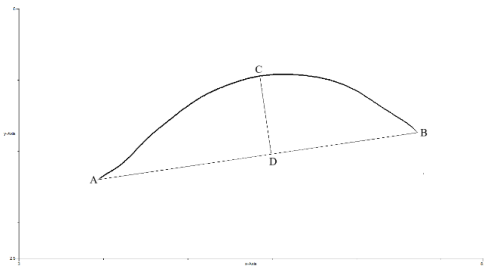

Рис. 3. Пример среднесагиттальной кривой языка, иллюстрирующий расчет артикуляторных метрик степени изогнутости и места изгиба контура языка

Fig. 3. An example of the midsagittal tongue curve, illustrating the calculation of the Curve Degree and Curve Position metrics

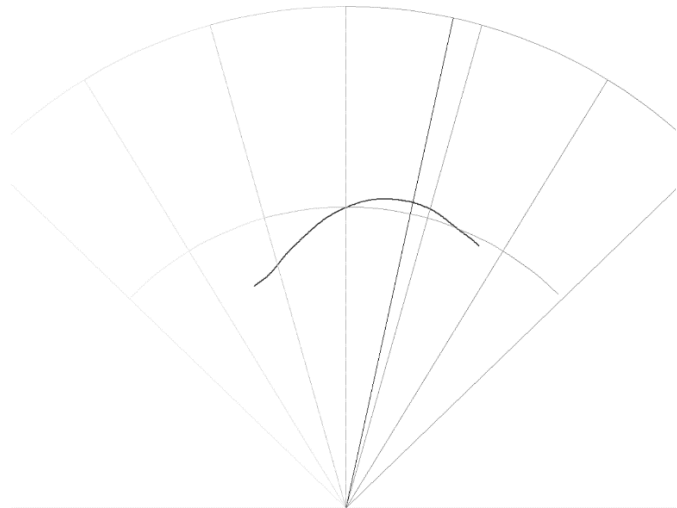

Рис. 4. Пример среднесагиттальной кривой языка, иллюстрирующий расчет метрики местоположения точки контура, максимально удаленной от начала координат

Fig. 4. An example of the midsagittal tongue curve, illustrating the calculation of the Maximum Position metrics

2.5. Статистический анализ данных

Статистические расчеты производились при помощи библиотеки Scipy на языке Python. Исследуемые нами параметры имеют разный характер, поэтому потребовалось применение разных статистических тестов.

Параметры степени изогнутости и места изгиба контура языка представляют собой вещественные переменные. Статистический анализ их значений включал предварительную проверку на нормальное распределение при помощи теста Шапиро-Уилка, далее проводились парные тесты на неоднородность между выборками. Если обе сравниваемые выборки демонстрировали нормальное распределение, использовался тест Стьюдента для независимых выборок, в противном случае – непараметрический тест Манна-Уитни.

Параметр местоположения максимально удаленной точки контура языка представляет собой порядковую переменную, для попарного сравнения выборок в данном случае использовался тест Колмогорова-Смирнова.

Статистические тесты проводились отдельно для данных, полученных от каждого носителя.

Графики, иллюстрирующие распределение значений параметров в зависимости от типа вокалического контекста, были построены при помощи библиотек Matplotlib и Seaborn на языке Python.

3. Ультразвуковое исследование артикуляции велярных согласных в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка

3.1. Ультразвуковое исследование артикуляции велярных согласных *ŋ* и *x* перед гласными среднего ряда

На рис. 5–8 наглядно показаны усредненные контуры языка при произнесении велярных согласных *ŋ* и *x* перед нелабиализованными гласными среднего ряда: *a* (сплошной линией) и *ə* (пунктирной линией) – обоими носителями; здесь и далее более тонкими линиями очерчена область стандартных отклонений. На всех иллюстрациях к данной статье кончик языка расположен слева, а задняя часть языка – справа. Значительные колебания на концах некоторых усредненных контуров вызваны неравномерной обрезкой контуров языка на крайних участках и возникающей вследствие этого разницей в длине отдельных криволинейных отрезков. Данные колебания возникают при графическом представлении усредненных контуров и не оказывают влияния на оценку значений артикуляторных параметров.

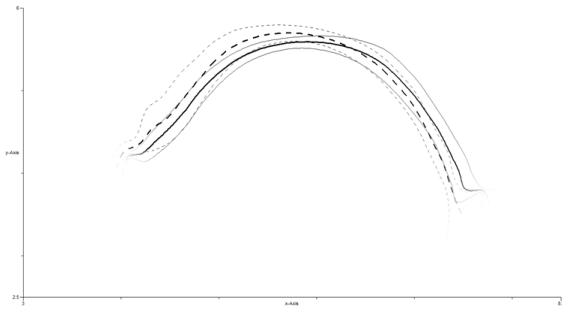

Рис. 5. Контуры языка при произнесении η перед гласными a и ə респондентом [1]: $\# \eta(+a)$, $\# \eta(+\text{ə})$
Fig. 5. Tongue contours for η before a and ə , pronounced by speaker [1]: $\# \eta(+a)$, $\# \eta(+\text{ə})$

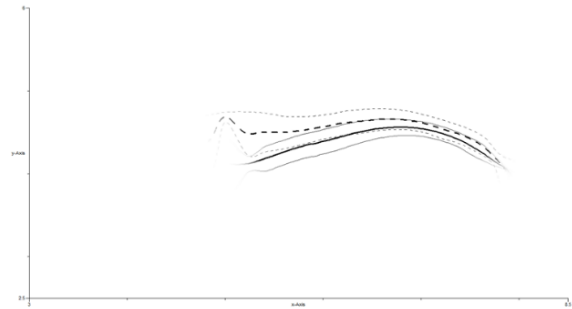

Рис. 6. Контуры языка при произнесении η перед гласными a и ə респондентом [2]: $\# \eta(+a)$, $\# \eta(+\text{ə})$
Fig. 6. Tongue contours for η before a and ə , pronounced by speaker [2]: $\# \eta(+a)$, $\# \eta(+\text{ə})$

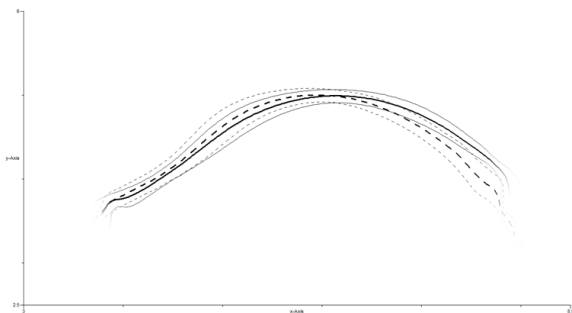

Рис. 7. Контуры языка при произнесении x перед гласными a и ə респондентом [1]: $\# x(+a)$, $\# x(+\text{ə})$
Fig. 7. Tongue contours for x before a and ə , pronounced by speaker [1]: $\# x(+a)$, $\# x(+\text{ə})$

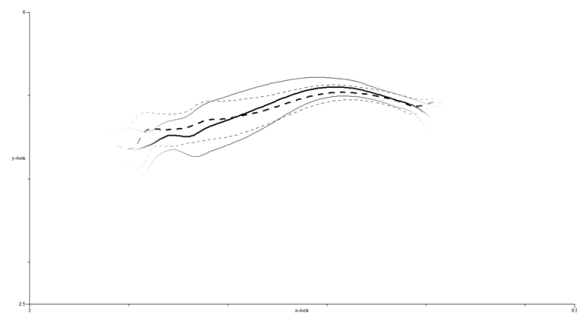

Рис. 8. Контуры языка при произнесении x перед гласными a и ə респондентом [2]: $\# x(+a)$, $\# x(+\text{ə})$
Fig. 8. Tongue contours for x before a and ə , pronounced by speaker [2]: $\# x(+a)$, $\# x(+\text{ə})$

В первую очередь необходимо отметить, что на всех иллюстрациях видимая длина контура языка у респондента [1] всегда больше, чем у респондента [2], также и сам контур языка респондента [1] виден на УЗИ-снимках значительно четче, чем у респондента [2], что связано с физиологическими особенностями речевых трактов данных носителей.

Для произнесений η перед обоими гласными среднего ряда респондентом [1] область стандартных отклонений невелика (рис. 5). Усредненные кривые контуров языка при произнесении $\# \eta(+a)$ и $\# \eta(+\text{ə})$ проходят довольно близко друг к другу: передняя и средняя части языка при произнесении $\# \eta(+\text{ə})$ подняты выше, чем при произнесении $\# \eta(+a)$, а задняя часть спинки языка чуть более оттянута назад при произнесении $\# \eta(+a)$. Для произнесений x перед обоими нелабиализованными гласными среднего ряда респондентом [1] характерна незначительная вариативность положения языка и «компактность» области стандартных отклонений, при этом усредненные кривые контуров языка при произнесении $\# x(+a)$ и $\# x(+\text{ə})$ похожи друг на друга и практически совпадают в передней части, отличаясь только в задней: язык сильнее оттянут назад при произнесении $\# x(+a)$ (рис. 7).

При произнесении велярных согласных η и x перед обоими гласными среднего ряда носителем [2] наблюдается значительная вариативность положения кончика и передней части языка: область стандартных отклонений в этой части заметно шире, чем в средней и задней, при этом в задней части усредненные кривые контуров языка при произнесении $\# x(+a)$ и $\# x(+\text{ə})$ полностью совпадают друг с другом (рис. 8), а при произнесении $\# \eta(+a)$ и $\# \eta(+\text{ə})$ отличаются незначительно: язык при произнесении $\# \eta(+\text{ə})$ располагается немного выше, чем при произнесении $\# \eta(+a)$ (рис. 6). При произнесении η перед гласными среднего ряда информантом [2] язык расположен в более задней части ротовой полости, чем при произнесении x перед этими гласными.

Респондент [1] и респондент [2] используют разные артикуляционные «стратегии» при произнесении велярных согласных η и x . Для носителя [1] характерно более высокое положение

языка при произнесении η , чем при произнесении x , при этом место образования согласных относительно совпадает (рис. 5, 7). Для носителя [2], напротив, характерно более высокое положение языка при произнесении x , чем при произнесении η , при этом по месту образования η оказывается значительно более задним, чем x (рис. 6, 8).

3.2. Ультразвуковое исследование артикуляции велярных согласных η и x перед гласными переднего ряда

3.2.1. Ультразвуковое исследование артикуляции велярных согласных η и x перед гласными переднего ряда средне-нижнего и среднего подъёмов

На рис. 9–12 показаны усредненные контуры языка при произнесении велярных согласных η и x перед нелабиализованными гласными переднего ряда средне-нижнего и среднего подъёмов: æ (сплошной линией) и e (пунктирной линией) – обоими носителями.

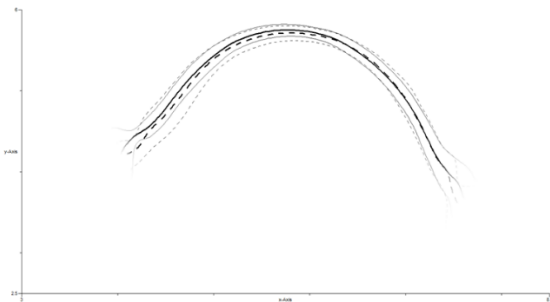

Рис. 9. Контуры языка при произнесении η перед æ и e респондентом [1]: $\# \eta(+\text{æ})$, $\# \eta(+e)$
Fig. 9. Tongue contours for η before æ and e , pronounced by speaker [1]: $\# \eta(+\text{æ})$, $\# \eta(+e)$

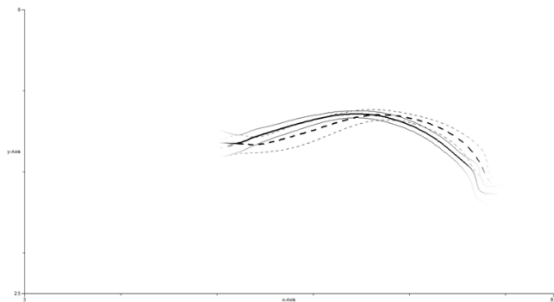

Рис. 10. Контуры языка при произнесении η перед æ и e респондентом [2]: $\# \eta(+\text{æ})$, $\# \eta(+e)$
Fig. 10. Tongue contours for η before æ and e , pronounced by speaker [2]: $\# \eta(+\text{æ})$, $\# \eta(+e)$

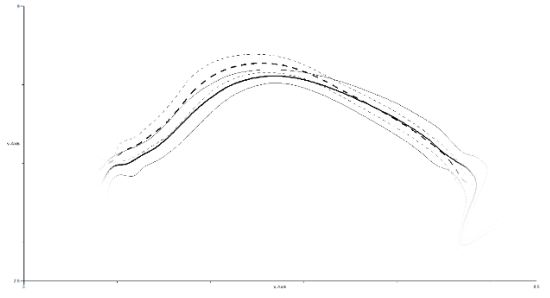

Рис. 11. Контуры языка при произнесении x перед æ и e респондентом [1]: $\# x(+\text{æ})$, $\# x(+e)$
Fig. 11. Tongue contours for x before æ and e , pronounced by speaker [1]: $\# x(+\text{æ})$, $\# x(+e)$

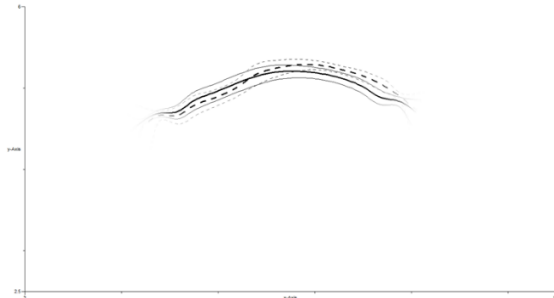

Рис. 12. Контуры языка при произнесении x перед æ и e респондентом [2]: $\# x(+\text{æ})$, $\# x(+e)$
Fig. 12. Tongue contours for x before æ and e , pronounced by speaker [2]: $\# x(+\text{æ})$, $\# x(+e)$

Для произнесений η перед гласными переднего ряда средне-нижнего и среднего подъёмов респондентом [1] области стандартных отклонений невелики. Практически полностью совпадают между собой (особенно в задней части) как усредненные кривые контуров языка при произнесении $\# \eta(+\text{æ})$ и $\# \eta(+e)$, так и их области стандартных отклонений (рис. 9).

При произнесении x перед нелабиализованными гласными переднего ряда средне-нижнего и среднего подъёмов респондентом [1] (рис. 11) тело языка заметно смещено вперед и вверх по сравнению с положением языка при произнесении x перед открытыми гласными среднего ряда (рис. 7). Для произнесений $\# x(+\text{æ})$ и $\# x(+e)$ респондентом [1] также характерна незначительная вариативность положения языка и «компактность» области стандартных отклонений, при этом усредненные кривые контуров языка при произнесении $\# x(+\text{æ})$ и $\# x(+e)$ совпадают в задней части, отличаясь только в передней: язык более продвинут вперед и вверх при произнесении $\# x(+e)$, чем при артикуляции $\# x(+\text{æ})$, что ожидаемо (рис. 11).

Для произнесений $\# \eta(+e)$ респондентом [2] характерно более высокое положение задней части спинки языка, чем при произнесении $\# \eta(+\text{æ})$ (рис. 10).

При произнесении x перед гласными переднего ряда средне-нижнего и среднего подъемов респондентом [2] (рис. 12) тело языка также несколько смещено вперед и вверх по сравнению с положением языка при произнесении x перед открытыми гласными среднего ряда (рис. 8), но не так значительно, как это характерно для произнесений респондента [1] (рис. 11). Для произнесений $\# x(+\text{æ})$ и $\# x(+e)$ респондентом [2] также характерна «компактность» области стандартных отклонений, при этом усредненные кривые контуров языка при произнесении $\# x(+\text{æ})$ и $\# x(+e)$ практически совпадают, однако средняя и задняя части спинки языка более приподняты вверх при произнесении $\# x(+e)$, чем при артикуляции $\# x(+\text{æ})$ (рис. 12).

3.2.2. Ультразвуковое исследование артикуляции велярных согласных η и x перед гласными переднего ряда верхнего подъема

На рис. 13–16 показаны усредненные контуры языка при произнесении велярных согласных η и x перед аллофонами нелабиализованных гласных фонем переднего ряда верхнего подъема: нейтральной по длительности фонемы i (сплошной линией) и долгой фонемы \bar{i} (пунктирной линией) – обоими носителями. Отметим, что фонема i в позиции после η и x представлена аллофоном $[i]$ (сочетания $[\eta i]$ и $[x i]$), а долгая фонема \bar{i} – как аллофоном $[i:]$, так и аллофоном $[i:]$ (сочетания $[\eta i:]$ и $[x i:]$); при этом фонема x реализуется палатализованным вариантом – $[x']$.

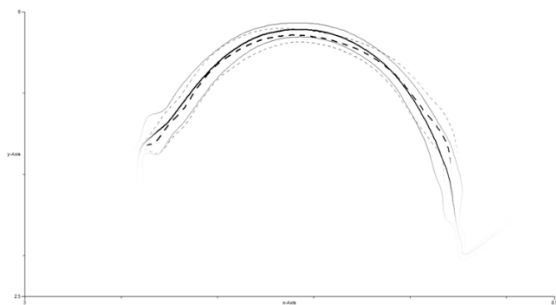

Рис. 13. Контуры языка при произнесении η перед i и \bar{i} респондентом [1]: $\# \eta(+i)$ $[\eta i]$, $\# \eta(+\bar{i})$ $[\eta i:]$
Fig. 13. Tongue contours for η before i and \bar{i} , pronounced by speaker [1]: $\# \eta(+i)$ $[\eta i]$, $\# \eta(+\bar{i})$ $[\eta i:]$

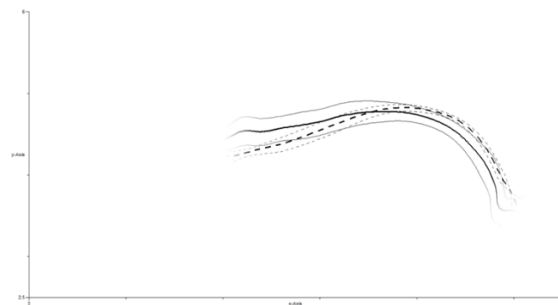

Рис. 14. Контуры языка при произнесении η перед i и \bar{i} респондентом [2]: $\# \eta(+i)$ $[\eta i]$, $\# \eta(+\bar{i})$ $[\eta i:]$
Fig. 14. Tongue contours for η before i and \bar{i} , pronounced by speaker [2]: $\# \eta(+i)$ $[\eta i]$, $\# \eta(+\bar{i})$ $[\eta i:]$

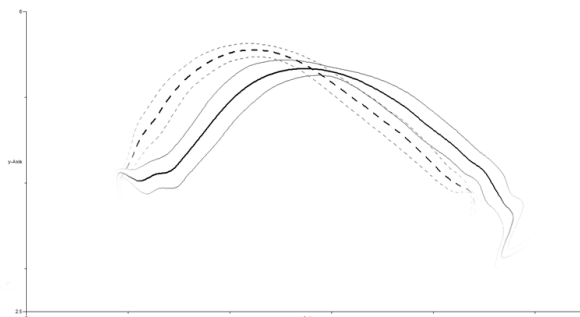

Рис. 15. Контуры языка при произнесении x перед i и \bar{i} респондентом [1]: $\# x(+i)$ $[x i]$, $\# x(+\bar{i})$ $[x i:]$
Fig. 15. Tongue contours for x before i and \bar{i} , pronounced by speaker [1]: $\# x(+i)$ $[x i]$, $\# x(+\bar{i})$ $[x i:]$

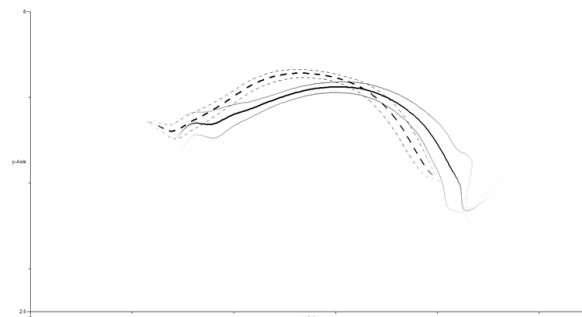

Рис. 16. Контуры языка при произнесении x перед i и \bar{i} респондентом [2]: $\# x(+i)$ $[x i]$, $\# x(+\bar{i})$ $[x i:]$
Fig. 16. Tongue contours for x before i and \bar{i} , pronounced by speaker [2]: $\# x(+i)$ $[x i]$, $\# x(+\bar{i})$ $[x i:]$

Для произнесений η перед $[i]$ и $[i:]$, перед аллофонами гласных фонем i и \bar{i} , респондентом [1] характерны незначительные области стандартных отклонений; также практически полностью совпадают между собой как усредненные кривые контуров языка при произнесении $\# \eta(+i)$ и $\# \eta(+\bar{i})$, так и их области стандартных отклонений (рис. 13). При произнесении x перед $[i]$, аллофоном нелабиализованной гласной фонемы переднего ряда верхнего подъема i , респондентом [1] (рис. 15) тело языка смещено вверх по сравнению с положением языка при произнесении x

перед гласными средне-нижнего и среднего подъёмов (см. выше рис. 11 в п. 3.2.1.). При произнесении палатализованного аллофона [xʲ] фонемы *x* перед [i:], аллофоном долгой гласной фонемы переднего ряда верхнего подъёма *i̯*, респондентом [1] язык значительно продвинут вперед и вверх (рис. 15).

Для произнесений #ŋ(+i̯) респондентом [2] характерно более высокое положение задней части спинки языка, чем при произнесении #ŋ(+i), а также чем при произнесении #ŋ(+æ) и #ŋ(+e) (рис. 14). При произнесении палатализованного аллофона [xʲ] фонемы *x* перед [i:] (аллофоном долгой фонемы *i̯*) респондентом [2] язык также значительно продвинут вперед и вверх (рис. 16).

Предположение о двух разных артикуляционных «стратегиях» респондента [1] и респондента [2] при произнесении велярных согласных *ŋ* и *x*, выдвинутая выше в п. 3.1., подтверждается также и на материале произнесений данных согласных перед нелабиализованными гласными переднего ряда средне-нижнего, среднего и верхнего подъёмов: для носителя [1] характерно более высокое положение языка при произнесении *ŋ*, чем при произнесении *x*, при этом место образования согласных (за исключением палатализованного аллофона [xʲ], при артикуляции которого язык значительно смещен вперед) относительно совпадает (рис. 9, 11, 13 и 15); для носителя [2], напротив, характерно более высокое положение языка при произнесении *x*, чем при произнесении *ŋ*, при этом по месту образования *ŋ* оказывается более задним, чем *x* (рис. 10, 12, 14 и 16).

3.3. Ультразвуковое исследование артикуляции велярных согласных *ŋ* и *x* перед гласными заднего ряда

На рис. 17–20 показаны усредненные контуры языка при произнесении велярных согласных *ŋ* и *x* перед лабиализованными гласными заднего ряда среднего и верхнего подъёмов: *o* (сплошной линией), *u* (пунктирной линией) и *ū* (прерывистой линией из точек) – обоими носителями.

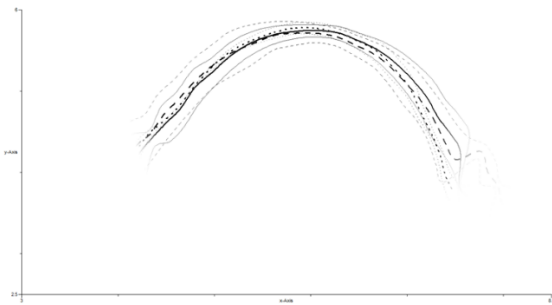

Рис. 17. Контурсы языка при произнесении *ŋ* перед *o*, *u* и *ū* респондентом [1]: #ŋ(+o), #ŋ(+u), #ŋ(+ū)
Fig. 17. Tongue contours for *ŋ* before *o*, *u* and *ū*, pronounced by speaker [1]: #ŋ(+o), #ŋ(+u), #ŋ(+ū)

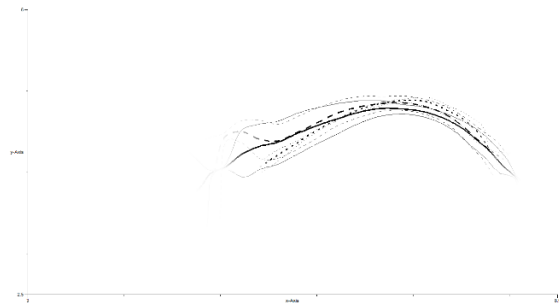

Рис. 18. Контурсы языка при произнесении *ŋ* перед *o*, *u* и *ū* респондентом [2]: #ŋ(+o), #ŋ(+u), #ŋ(+ū)
Fig. 18. Tongue contours for *ŋ* before *o*, *u* and *ū*, pronounced by speaker [2]: #ŋ(+o), #ŋ(+u), #ŋ(+ū)

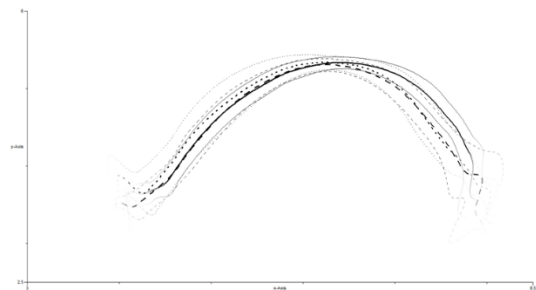

Рис. 19. Контурсы языка при произнесении *x* перед *o*, *u* и *ū* респондентом [1]: #x(+o), #x(+u), #x(+ū)
Fig. 19. Tongue contours for *x* before *o*, *u* and *ū*, pronounced by speaker [1]: #x(+o), #x(+u), #x(+ū)

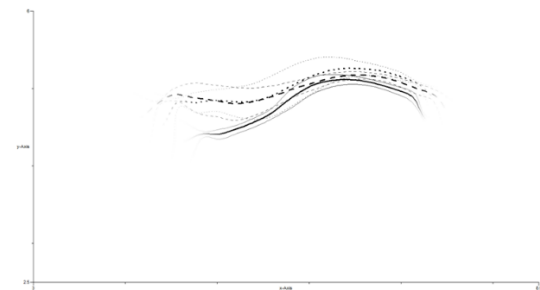

Рис. 20. Контурсы языка при произнесении *x* перед *o*, *u* и *ū* респондентом [2]: #x(+o), #x(+u), #x(+ū)
Fig. 20. Tongue contours for *x* before *o*, *u* and *ū*, pronounced by speaker [2]: #x(+o), #x(+u), #x(+ū)

Усредненные кривые контуров языка при произнесении $\# \eta(+o)$, $\# \eta(+u)$ и $\# \eta(+\bar{u})$ респондентом [1] проходят довольно близко друг к другу, области стандартных отклонений также почти совпадают (рис. 17).

При произнесении x перед лабиализованными гласными заднего ряда среднего и верхнего подъёмов респондентом [1] (рис. 19) тело языка смещено назад и вверх по сравнению с положением языка при произнесении x перед открытыми гласными среднего ряда (рис. 7). В месте наибольшего подъёма языка при произнесении $\# x(+o)$, $\# x(+u)$ и $\# x(+\bar{u})$ наблюдается наименьшая вариативность: область стандартных отклонений наиболее «компактна» именно там, в отличие от передней и задней части, где вариативность представлена шире. При этом усредненные кривые контуров языка при произнесении $\# x(+u)$ и $\# x(+\bar{u})$ похожи, что ожидаемо, они практически полностью совпадают в задней части, незначительно отличаясь в передней: язык немного продвинут вперед и вверх при произнесении $\# x(+\bar{u})$, чем при артикуляции $\# x(+u)$. Усредненные кривые контуров языка при произнесении $\# x(+o)$ и $\# x(+u)$, напротив, совпадают в передней части, тогда как задняя часть спинки языка оттянута назад и вверх при произнесении $\# x(+o)$, в отличие от артикуляции $\# x(+u)$ и $\# x(+\bar{u})$ (рис. 19).

Усредненные кривые контуров языка при произнесении $\# \eta(+o)$, $\# \eta(+u)$ и $\# \eta(+\bar{u})$ респондентом [2] проходят довольно близко друг к другу (рис. 18): при произнесении η перед лабиализованными гласными заднего ряда тело языка смещено назад и вверх по сравнению с положением языка при произнесении η перед открытыми гласными среднего ряда (рис. 6). При этом область стандартных отклонений в передней части заметно шире, чем в средней и задней. В задней части ниже всего проходит усредненная кривая контуров языка при произнесении $\# \eta(+o)$, выше всего – усредненная кривая контуров языка при артикуляции $\# \eta(+\bar{u})$ (рис. 18).

При произнесении x перед лабиализованными гласными заднего ряда среднего и верхнего подъёмов респондентом [2] (рис. 20) тело языка также смещено назад и вверх по сравнению с положением языка при произнесении x перед открытыми гласными среднего ряда (рис. 8). При произнесении $\# x(+u)$ и $\# x(+\bar{u})$ носителем [2] наблюдается значительная вариативность положения кончика и передней части языка: область стандартных отклонений в этой части заметно шире, чем в средней и задней, тогда как при артикуляции $\# x(+o)$ область стандартных отклонений «компактна». При этом усредненные кривые контуров языка при произнесении $\# x(+u)$ и $\# x(+\bar{u})$ ожидаемо похожи, они практически полностью совпадают в передней части, незначительно отличаясь в задней: язык более заметно приподнят вверх при произнесении $\# x(+\bar{u})$, чем при артикуляции $\# x(+u)$. Усредненная кривая контуров языка при произнесении $\# x(+o)$ выглядит иначе: кончик языка опущен вниз, а форма языка менее «пологая», чем при артикуляции $\# x(+u)$ и $\# x(+\bar{u})$ (рис. 20).

Предположение о двух разных артикуляционных «стратегиях» респондента [1] и респондента [2] при произнесении велярных согласных η и x , выдвинутая в п. 3.1., подтверждается также и на материале произнесений данных согласных перед лабиализованными гласными заднего ряда среднего и верхнего подъёмов: для носителя [1] характерно более высокое положение языка при произнесении η , чем при произнесении x , при этом место образования согласных относительно совпадает (рис. 17, 19); для носителя [2], напротив, характерно более высокое положение языка при произнесении x , чем при произнесении η , при этом по месту образования η оказывается более задним, чем x (рис. 18, 20).

3.4. Ультразвуковое исследование артикуляции велярных согласных: общие результаты

На рис. 21–24 суммированы подробно описанные выше усредненные контуры языка при произнесении велярных согласных η и x обоими носителями перед всеми существующими гласными ямальского диалекта тундрового ненецкого языка: гласными среднего ряда (сплошной линией), переднего ряда (пунктирной линией) и заднего ряда (прерывистой линией из точек).

Видимая длина контура языка респондента [1] (рис. 21, 22) всегда больше, чем респондента [2] (рис. 23, 24), также и сам контур языка респондента [1] виден на УЗИ-снимках значительно четче, чем респондента [2], что связано с физиологическими особенностями речевых трактов данных носителей.

На иллюстрациях наглядно видно, что диктор [1] и диктор [2] используют разные артикуляционные стратегии при произнесении велярных согласных η и x . Для носителя [1] характерно

более высокое положение языка при произнесении η , чем при произнесении x (рис. 21, 22). Для носителя [2], напротив, характерно более высокое положение языка при произнесении x , чем при произнесении η , при этом по месту образования η оказывается значительно более задним, чем x (рис. 23, 24).

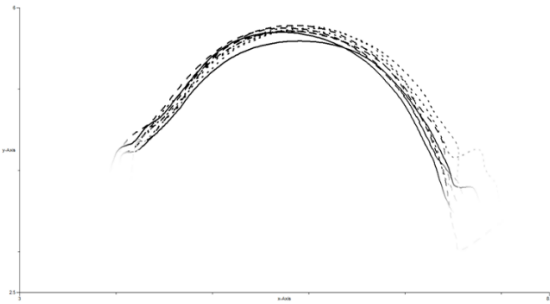

Рис. 21. Контуры языка при произнесении η перед гласными среднего, переднего и заднего рядов респондентом [1]

Fig. 21. Tongue contours for η before mid, front and back vowels, pronounced by speaker [1]

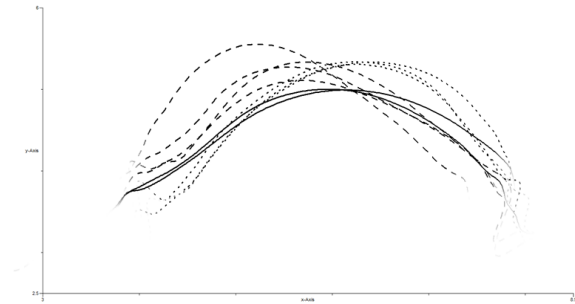

Рис. 22. Контуры языка при произнесении x перед гласными среднего, переднего и заднего рядов респондентом [1]

Fig. 22. Tongue contours for x before mid, front and back vowels, pronounced by speaker [1]

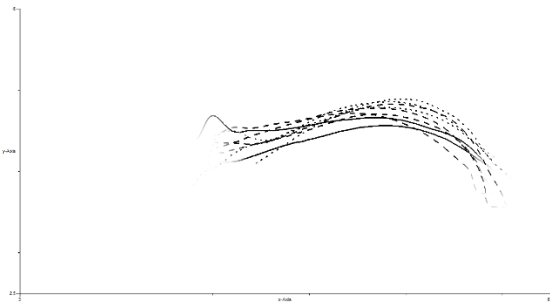

Рис. 23. Контуры языка при произнесении η перед гласными среднего, переднего и заднего рядов респондентом [2]

Fig. 23. Tongue contours for η before mid, front and back vowels, pronounced by speaker [2]

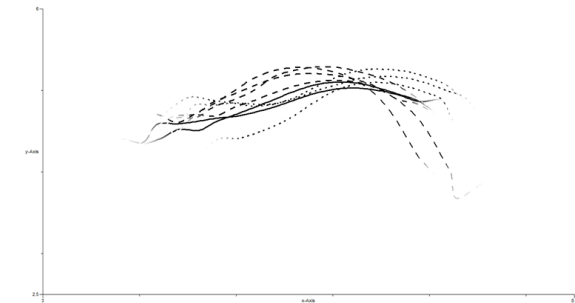

Рис. 24. Контуры языка при произнесении x перед гласными среднего, переднего и заднего рядов респондентом [2]

Fig. 24. Tongue contours for x before mid, front and back vowels, pronounced by speaker [2]

Усредненные кривые контуров языка при произнесении η в разном вокалическом окружении (перед разными гласными) носителем [1] проходят близко друг к другу – вариативность незначительна (рис. 21). Из всех усредненных кривых контуров языка при произнесении η перед разными гласными заметнее всего отличается кривая контура языка при артикуляции η перед фонемой нижнего подъема – a . Коартикуляционный эффект, влияющий на положение и форму языка при произнесении η респондентом [1] перед разными гласными, оказывается незначительным.

Влияние аккомодации на положение и форму языка респондента [1] при произнесении x в разном вокалическом окружении (перед разными гласными) четко прослеживается на рис. 22. Так, перед гласными переднего ряда средне-нижнего и среднего подъемов тело языка заметно смещено вперед и вверх по сравнению с положением языка при произнесении x перед открытыми гласными среднего ряда, перед $[i]$ (аллофоном гласной фонемы переднего ряда верхнего подъема i) тело языка еще более заметно смещено вверх, а при произнесении палатализованного аллофона $[xʲ]$ фонемы x перед $[i:]$ (аллофоном долгой гласной фонемы переднего ряда верхнего подъема \bar{i}) язык значительно продвинут вперед и вверх. При произнесении x перед лабиализованными гласными заднего ряда среднего и верхнего подъемов тело языка, напротив, смещено назад и вверх по сравнению с положением языка при произнесении x перед открытыми гласными среднего ряда. Коартикуляционный эффект, влияющий на положение и форму языка при произнесении x респондентом [1] перед разными гласными, оказывается значительным, что свидетельствует об аккомодационной адаптивности аллофонов данной велярной фонемы.

Как видно на рис. 23, влияние аккомодации при произнесении η респондентом [2] в разном вокалическом окружении оказывается менее значительным, чем при артикуляции x тем же носителем, и в первую очередь касается положения языка в вертикальной плоскости – его подъема. Как и в случае с произнесениями носителя [1], из всех усредненных кривых контуров языка при произнесении η респондентом [2] перед разными гласными заметнее всего отличается кривая контура языка при артикуляции η перед фонемой нижнего подъема – a .

Влияние аккомодации на положение и форму языка респондента [2] при произнесении x в разном вокалическом окружении прослеживается на рис. 24. Коартикуляционный эффект, влияющий на форму и положение языка, как по вертикали (на то, насколько язык приподнят вверх), так и по горизонтали (на то, насколько язык продвинут вперед или оттянут назад), при произнесении x носителем [2] перед разными гласными, оказывается значительным, что также свидетельствует об аккомодационной адаптивности аллофонов данной велярной фонемы.

Кроме того, при произнесении велярных согласных η и x носителем [2] часто наблюдается заметная вариативность положения кончика и передней части языка (рис. 23, 24), не характерная для респондента [1].

4. Статистический анализ

4.1. Общие результаты

В табл. 8 и 9 представлены результаты тестов на неоднородность выборок значений для параметров степени изогнутости контура языка (Curve Degree), места изгиба контура языка (Curve Position) и местоположения максимально удаленной точки контура языка (Maximum Position) при произнесении согласных η и x соответственно. Для каждого попарного сравнения в таблицах указан уровень значимости полученного значения применяемого критерия: $p < 0.001$ – ***, $p < 0.01$ – **, $p < 0.05$ – *, $p > 0.05$ – пустая ячейка. Для параметров места изгиба и местоположения максимально удаленной точки контура языка случаи неоднородности между выборками, в которых соотношение между средними значениями по выборкам противоположно ожиданиям, помечены восклицательным знаком.

Как видно из приведенных данных, результаты тестов существенно различаются как по ин-формантам (носитель [1] и носитель [2]), так и по согласным (η и x). Далее они рассматриваются для каждого параметра отдельно.

Таблица 8

Table 8

Результаты тестов на неоднородность выборок значений параметров для согласного η
Heterogeneity test results for consonant η

I группа	II группа	Curve Degree		Curve Position		Maximum Position	
		[1]	[2]	[1]	[2]	[1]	[2]
FRONT	CENTRAL						
# $\eta(+\text{æ})$	# $\eta(+\text{ə})$		*		***		***
# $\eta(+\text{æ})$	# $\eta(+\text{a})$		***	*	**		***
# $\eta(+\text{e})$	# $\eta(+\text{ə})$						
# $\eta(+\text{e})$	# $\eta(+\text{a})$		*				
# $\eta(+\text{i})$ ¹⁵	# $\eta(+\text{ə})$		***		*		
# $\eta(+\text{i})$	# $\eta(+\text{a})$		***				*
FRONT	BACK						
# $\eta(+\text{æ})$	# $\eta(+\text{o})$	*	***	**	*	**	***

¹⁵ При статистических подсчетах здесь и далее под # $\eta(+\text{i})$ понимается позиция согласного η как перед аллофоном нейтральной по длительности гласной фонемы переднего ряда верхнего подъема i , так и перед аллофоном долгой фонемы \bar{i} . Для согласного x эти позиции рассматриваются отдельно.

#η(+æ)	#η(+u) ¹⁶		***	*	*	**	***
#η(+e)	#η(+o)		***			**	
#η(+e)	#η(+u)		***		* !	**	
#η(+i)	#η(+o)			*			
#η(+i)	#η(+u)			*			
CENTRAL	BACK						
#η(+ə)	#η(+o)	*	***		*	**	
#η(+ə)	#η(+u)		***		*	**	
#η(+a)	#η(+o)	*	***				
#η(+a)	#η(+u)		***				*
FRONT	FRONT						
#η(+æ)	#η(+e)				***		***
#η(+æ)	#η(+i)		***		**		**
#η(+e)	#η(+i)		***				
CENTRAL	CENTRAL						
#η(+ə)	#η(+a)						
BACK	BACK						
#η(+o)	#η(+u)						
Однородные группы		18	6	16	11	15	13
Неоднородные группы		3	15	5	10	6	8
% однородности ¹⁷		86%	29%	76%	52%	71%	62%

Таблица 9

Table 9

Результаты тестов на неоднородность выборок значений параметров для согласного x
Heterogeneity test results for consonant x

I группа	II группа	Curve Degree		Curve Position		Maximum Position	
		[1]	[2]	[1]	[2]	[1]	[2]
FRONT	CENTRAL						
#x(+æ)	#x(+ə)		***	***	***	**	***
#x(+æ)	#x(+a)	***	***	***	***	***	***
#x(+e)	#x(+ə)		***	***	***	***	***
#x(+e)	#x(+a)	***		***	**	***	*
#x(+i)	#x(+ə)	***	***	***	***		
#x(+i)	#x(+a)	***	***	***	*	**	
#x(+ī)	#x(+ə)	***	***	***	***	***	***
#x(+ī)	#x(+a)	***	***	***	***	***	***
FRONT	BACK						
#x(+æ)	#x(+o)	***		***	**	***	***
#x(+æ)	#x(+u)	***	***	***	***	***	***
#x(+e)	#x(+o)	***		***		***	***
#x(+e)	#x(+u)	***		***	***	***	***
#x(+i)	#x(+o)		***	***		***	***

¹⁶ При статистических подсчетах здесь и далее под _(+u) понимается позиция согласного как перед нейтральным по длительности лабиализованным гласным заднего ряда верхнего подъема (u), так и перед долгим (ū).

¹⁷ Процент однородных групп в составе всех сравниваемых групп.

#x(+i)	#x(+u)		***	***	**	***	***
#x(+ī)	#x(+o)		***	***	*	***	***
#x(+ī)	#x(+u)	**	***	***	***	***	***
CENTRAL	BACK						
#x(+ə)	#x(+o)	***	***	*	***	**	
#x(+ə)	#x(+u)	***	**				***
#x(+a)	#x(+o)	***			*		**
#x(+a)	#x(+u)	***					***
FRONT	FRONT						
#x(+æ)	#x(+e)		*	**		**	
#x(+æ)	#x(+i)	***	***				**
#x(+æ)	#x(+ī)	*	***	***		***	
#x(+e)	#x(+i)	***	***				
#x(+e)	#x(+ī)	**	***	***		***	**
#x(+i)	#x(+ī)	*	**	**		***	***
CENTRAL	CENTRAL						
#x(+ə)	#x(+a)	***	**				
BACK	BACK						
#x(+o)	#x(+u)	*	*		**		
Однородные группы		6	6	7	11	8	8
Неоднородные группы		22	22	21	17	20	20
% однородности		21%	21%	25%	39%	29%	29%

4.2. Степень изогнутости контура языка

Для согласного η в произнесении респондента [1] тесты показали значимую неоднородность между выборками значений для параметра степени изогнутости языка лишь в трех случаях из 21. Статистически значимая неоднородность была обнаружена только в парах $\# \eta(+o)$ vs. $\# \eta(+a)$, $\# \eta(+o)$ vs. $\# \eta(+ə)$, $\# \eta(+o)$ vs. $\# \eta(+æ)$, где для группы $\# \eta(+o)$ среднее по выборке оказалось значимо ниже, чем среднее по другим выборкам. При этом во всех трех случаях уровень значимости близок к верхнему возможному уровню отвержения нулевой гипотезы.

Для респондента [2] значимая неоднородность, напротив, была отмечена более чем в половине случаев. Статистически значимой неоднородности не было обнаружено при сравнении групп $\# \eta(+a)$ vs. $\# \eta(+ə)$, $\# \eta(+ə)$ vs. $\# \eta(+e)$, $\# \eta(+e)$ vs. $\# \eta(+æ)$, при этом минимальное среднее по выборке отмечено для гласных $ə$ и a . Значения параметра степени изогнутости в контексте гласных верхнего подъема и/или заднего ряда, т. е. i , u , o , составляют однородные группы, средние по выборкам, соответствующим данному типу вокалического контекста, оказываются значимо выше, чем средние по другим выборкам.

Для согласного x статистически значимая неоднородность была обнаружена в 22 случаях из 28 у обоих информантов, однако выявить общие для двух носителей тенденции не удается.

У респондента [1] однородные группы составили пары $\# x(+u)$ vs. $\# x(+i)$, $\# x(+o)$ vs. $\# x(+i)$, $\# x(+o)$ vs. $\# x(+ī)$ со значимо более высокими средними значениями по выборке в сравнении со средними по другим выборкам. Статистически значимой неоднородности не было обнаружено также при сравнении групп $\# x(+æ)$ vs. $\# x(+e)$, $\# x(+æ)$ vs. $\# x(+ə)$, $\# x(+e)$ vs. $\# x(+ə)$. Значимо более низкое значение параметра по сравнению с другими группами характерно для контекста гласного a . Такая картина напоминает тенденции, отмеченные у респондента [2] для согласного η , однако для согласного x у информанта [2] наблюдаются иные закономерности.

У носителя [2] однородные группы составили пары $\# x(+a)$ vs. $\# x(+e)$, $\# x(+o)$ vs. $\# x(+a)$, $\# x(+o)$ vs. $\# x(+æ)$, $\# x(+o)$ vs. $\# x(+e)$, $\# x(+u)$ vs. $\# x(+a)$, $\# x(+u)$ vs. $\# x(+e)$. Статистически значимая неоднородность обнаруживается при сравнении групп, соответствующих контекстам гласных i ,

\bar{i} , \bar{a} со всеми другими группами, при этом значение параметра имеет максимальное среднее значение в группе \bar{i} и минимальное в группе \bar{a} .

Таким образом, гипотеза H1 находит подтверждение только в данных информанта [1] для согласного η .

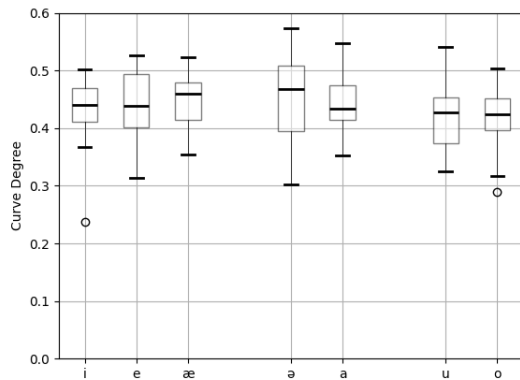

Рис. 25. Параметр степени изогнутости контура языка для согласного η : респондент [1]
Fig. 25. Curve Degree articulatory metrics for consonant η : interviewee [1]

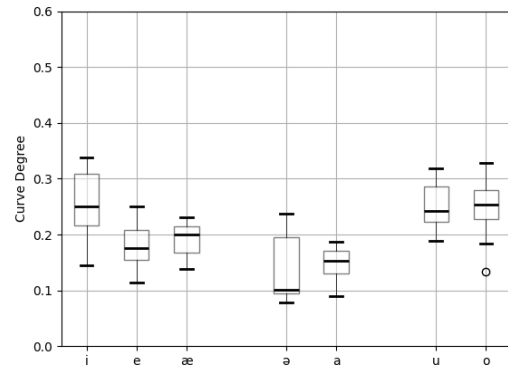

Рис. 26. Параметр степени изогнутости контура языка для согласного η : респондент [2]
Fig. 26. Curve Degree articulatory metrics for consonant η : interviewee [2]

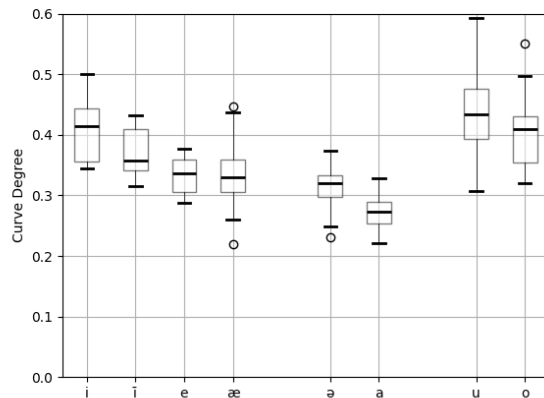

Рис. 27. Параметр степени изогнутости контура языка для согласного x : респондент [1]
Fig. 27. Curve Degree articulatory metrics for consonant x : interviewee [1]

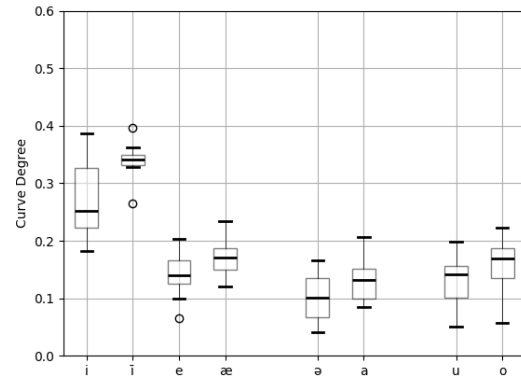

Рис. 28. Параметр степени изогнутости контура языка для согласного x : респондент [2]
Fig. 28. Curve Degree articulatory metrics for consonant x : interviewee [2]

4.3. Место изгиба языка

Для параметра места изгиба контура языка результаты варьируют в зависимости от согласного, однако наблюдаемые тенденции в целом сходны для обоих информантов. Для согласного η тесты показали значимую неоднородность между выборками значений параметра всего лишь в пяти случаях у респондента [1] и примерно в половине случаев у респондента [2].

Выборки значений параметра, соответствующие контексту центральных и задних гласных, в большинстве случаев составляют однородные группы. Неоднородность была отмечена только в парах $\# \eta(+\bar{a})$ vs. $\# \eta(+\bar{o})$, $\# \eta(+\bar{a})$ vs. $\# \eta(+\bar{u})$ для носителя [2], где среднее значение по выборке для $\# \eta(+\bar{a})$ выше, чем для групп, соответствующих контексту задних гласных. При этом уровень значимости близок к верхнему возможному уровню отвержения нулевой гипотезы.

Однородные группы составило также большинство попарно сравниваемых выборок, соответствующих контексту передних и центральных гласных. Здесь статистически значимая неоднородность обнаружена в паре $\# \eta(+\bar{a})$ vs. $\# \eta(+\bar{a})$ для респондента [1] и в парах $\# \eta(+\bar{a})$ vs. $\# \eta(+\bar{a})$, $\# \eta(+\bar{a})$ vs. $\# \eta(+\bar{a})$, $\# \eta(+\bar{i})$ vs. $\# \eta(+\bar{a})$ для респондента [2]. Во всех представленных случаях среднее

по выборке в группах, соответствующих контексту переднего гласного, ниже среднего по выборке для центральных гласных.

Неоднородность между выборками значений параметра отмечается по большей части при сравнении групп, соответствующих контексту передних и задних гласных: она зафиксирована в половине случаев. Неоднородность отмечена в парах $\# \eta(+\text{æ})$ vs. $\# \eta(+\text{o})$, $\# \eta(+\text{æ})$ vs. $\# \eta(+\text{u})$ у обоих информантов, в парах $\# \eta(+\text{i})$ vs. $\# \eta(+\text{o})$, $\# \eta(+\text{i})$ vs. $\# \eta(+\text{u})$ у носителя [1] и в паре $\# \eta(+\text{e})$ vs. $\# \eta(+\text{u})$ у носителя [2]. Во всех случаях, кроме одного, в соответствии с нашими ожиданиями среднее значение параметра места изгиба оказалось ниже в более переднем вокалическом контексте. Ожиданиям противоречат результаты сравнения $\# \eta(+\text{e})$ vs. $\# \eta(+\text{u})$, где среднее по выборке оказалось выше для группы $\# \eta(+\text{e})$, но при уровне значимости, близком к верхнему возможному уровню отвержения нулевой гипотезы.

При сравнении групп, соответствующих контексту гласных одного ряда, статистически значимая неоднородность обнаружена только у информанта [2] и только для контекста, представленного передними гласными, а именно в парах $\# \eta(+\text{æ})$ vs. $\# \eta(+\text{e})$ и $\# \eta(+\text{æ})$ vs. $\# \eta(+\text{i})$, где для группы $\# \eta(+\text{æ})$ среднее по выборке оказалось значимо ниже, чем среднее по другим выборкам.

Для согласного x статистически значимая неоднородность между выборками значений параметра отмечается при сравнении всех групп, соответствующих контексту передних и центральных гласных. При сравнении групп, соответствующих контексту передних и задних гласных, неоднородность зафиксирована во всех случаях для респондента [1] и в подавляющем большинстве случаев для респондента [2]. При значимой неоднородности между выборками в соответствии с нашими ожиданиями среднее значение параметра места изгиба оказалось ниже в более переднем вокалическом контексте.

При сравнении групп, соответствующих контексту центральных и задних гласных, напротив, неоднородность зафиксирована только в паре $\# x(+\text{ə})$ vs. $\# x(+\text{o})$ для обоих информантов и в паре $\# x(+\text{a})$ vs. $\# x(+\text{o})$ для носителя [2]. У респондента [2] среднее по выборке для центральных гласных в обоих случаях выше, чем среднее по выборке для $\# x(+\text{o})$, тогда как у респондента [1] среднее по выборке для $\# x(+\text{ə})$ оказывается ниже, чем для $\# x(+\text{o})$.

При сравнении групп, соответствующих контексту гласных одного ряда, статистически значимая неоднородность обнаруживается только у информанта [1] для контекстов, представленных передними гласными, а именно в паре $\# x(+\text{æ})$ vs. $\# x(+\text{e})$ со значимо более низким значением параметра для группы $\# x(+\text{e})$ и в парах $\# x(+\text{æ})$ vs. $\# x(+\text{i})$, $\# x(+\text{e})$ vs. $\# x(+\text{i})$, $\# x(+\text{i})$ vs. $\# x(+\text{i})$, где для группы $\# x(+\text{i})$ среднее по выборке оказывается значимо ниже, чем среднее по выборкам для других передних гласных.

Таким образом, гипотеза H2 в целом подтверждается нашими данными, при этом для согласного x предполагаемая тенденция является существенно более выраженной.

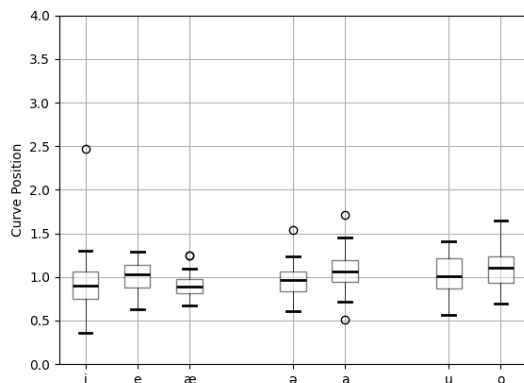

Рис. 29. Параметр места изгиба контура языка для согласного η : респондент [1]

Fig. 29. Curve Position articulatory metrics for consonant η : interviewee [1]

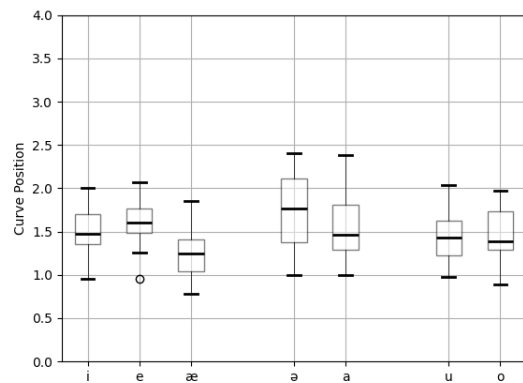

Рис. 30. Параметр места изгиба контура языка для согласного η : респондент [2]

Fig. 30. Curve Position articulatory metrics for consonant η : interviewee [2]

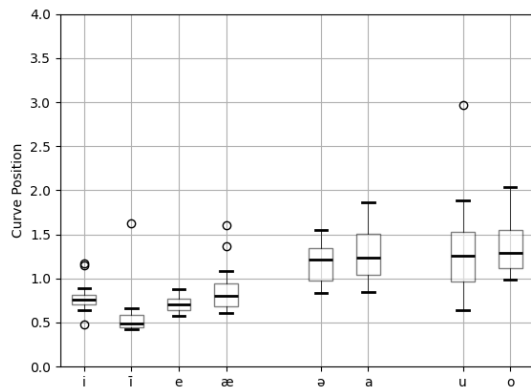

Рис. 31. Параметр места изгиба контура языка для согласного x: респондент [1]
 Fig. 31. Curve Position articulatory metrics for consonant x: interviewee [1]

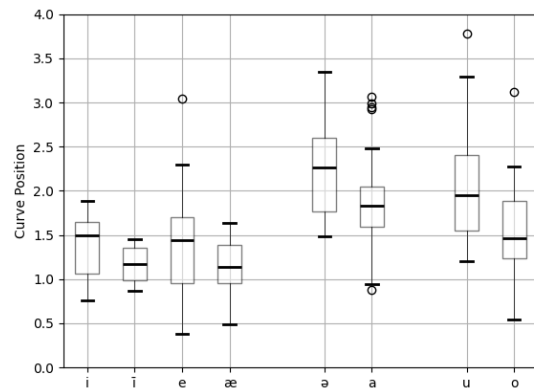

Рис. 32. Параметр места изгиба контура языка для согласного x: респондент [2]
 Fig. 32. Curve Position articulatory metrics for consonant x: interviewee [2]

4.4. Местоположение максимально удаленной точки контура языка

Результаты тестов для параметра местоположения максимально удаленной точки контура языка сходны с результатами для предыдущего параметра.

Для согласного *ŋ* статистически значимая неоднородность обнаруживается преимущественно при сравнении групп, соответствующих контексту передних и задних гласных: в парах *#ŋ(+æ) vs. #ŋ(+o)* и *#ŋ(+æ) vs. #ŋ(+u)* для обоих информантов и в парах *#ŋ(+e) vs. #ŋ(+o)* и *#ŋ(+e) vs. #ŋ(+u)* только у респондента [1]. При значимой неоднородности между выборками в соответствии с нашими ожиданиями среднее значение параметра ниже в более переднем вокалическом контексте.

При сравнении групп, соответствующих контексту передних и центральных гласных, статистически значимая неоднородность обнаружилась только в данных информанта [2] при сравнении групп *#ŋ(+æ) vs. #ŋ(+ə)*, *#ŋ(+æ) vs. #ŋ(+a)* и *#ŋ(+i) vs. #ŋ(+a)* при значимо более низком значении параметра для переднего гласного.

При сравнении групп, соответствующих контексту центральных и задних гласных, неоднородность обнаружилась только в парах *#ŋ(+ə) vs. #ŋ(+o)* и *#ŋ(+ə) vs. #ŋ(+u)* для респондента [1] со значимо более низким значением параметра для группы *#ŋ(+ə)* и в паре *#ŋ(+a) vs. #ŋ(+u)* для носителя [2] со значимо более высоким значением параметра для группы *#ŋ(+a)*.

При сравнении групп, соответствующих контексту гласных одного ряда, статистически значимая неоднородность была обнаружена только у информанта [2] и только для контекста, представленного передними гласными, а именно в парах *#ŋ(+æ) vs. #ŋ(+e)* и *#ŋ(+æ) vs. #ŋ(+i)*, где для группы *#ŋ(+æ)* среднее по выборке оказывается значимо ниже, чем среднее по другим выборкам.

Для согласного *x* число однородных групп, как и для параметра места изгиба, оказалось невелико и составило всего 29% от общего числа попарных сравнений для обоих информантов. Статистически значимая неоднородность обнаружена при сравнении всех групп, соответствующих контексту передних и задних гласных, и подавляющего числа групп, соответствующих контексту передних и центральных гласных. В соответствии с нашими ожиданиями при значимой неоднородности между выборками среднее значение параметра оказалось ниже в более переднем вокалическом контексте.

При сравнении групп, соответствующих контексту задних и центральных гласных, неоднородность зафиксирована в паре *#x(+ə) vs. #x(+o)* для респондента [1] и в остальных трех парах для носителя [2] со значимо более низким значением параметра для групп, соответствующих центральному вокалическому контексту, во всех случаях.

При сравнении групп, соответствующих контексту гласных одного ряда, статистически значимая неоднородность обнаруживается у обоих информантов только для контекстов, представленных передними гласными. Неоднородность отмечается в паре *#x(+æ) vs. #x(+ɪ)* у респондента [1] и в парах *#x(+e) vs. #x(+ɪ)*, *#x(+i) vs. #x(+ɪ)* у обоих информантов со значимо более низким

значением параметра для группы $\#x(+\bar{i})$, а также в паре $\#x(+\text{æ})$ vs. $\#x(e)$ у информанта [1] со значимо более низким значением параметра для группы $\#x(+e)$ и в паре $\#x(+\text{æ})$ vs. $\#x(i)$ информанта [2] со значимо более низким значением параметра для группы $\#x(+\text{æ})$.

Таким образом, гипотеза Н3 в целом подтверждается нашими данными, при этом для согласного x предполагаемая тенденция является существенно более выраженной.

На рис. 33–36 продемонстрировано распределение значений параметра местоположения максимально удаленной точки контура языка для исследуемых согласных в произнесении двух информантов. Значения параметра, представляющие собой порядковую переменную, отмечены на графике при помощи квадратов, насыщенность цвета и размер которых зависят от того, насколько часто это значение принимается параметром.

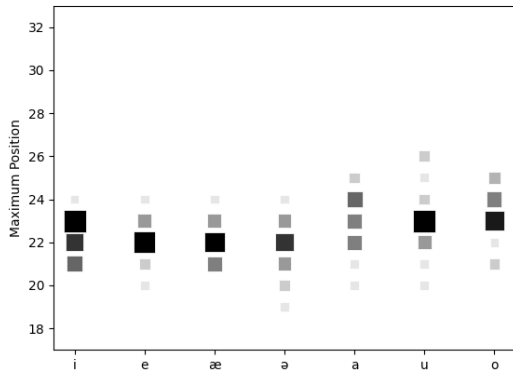

Рис. 33. Параметр местоположения максимально удаленной точки контура языка для согласного y : респондент [1]

Fig. 33. Maximum Position articulatory metrics for consonant y : interviewee [1]

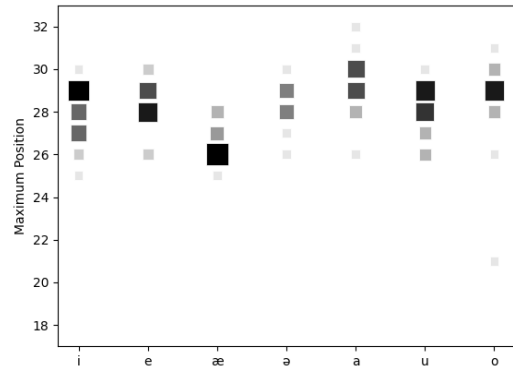

Рис. 34. Параметр местоположения максимально удаленной точки контура языка для согласного y : респондент [2]

Fig. 34. Maximum Position articulatory metrics for consonant y : interviewee [2]

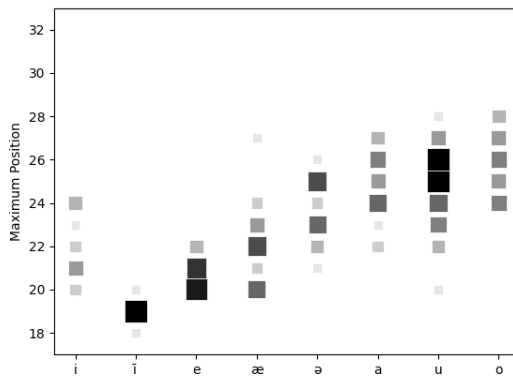

Рис. 35. Параметр местоположения максимально удаленной точки контура языка для согласного x : респондент [1]

Fig. 35. Maximum Position articulatory metrics for consonant x : interviewee [1]

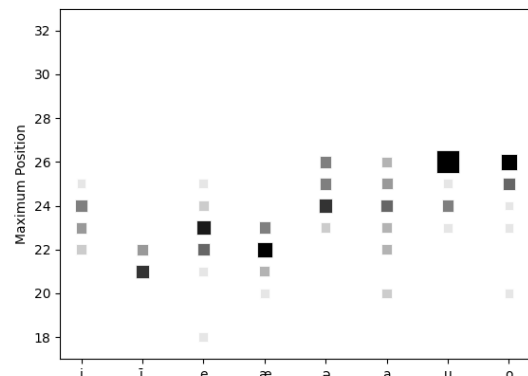

Рис. 36. Параметр местоположения максимально удаленной точки контура языка для согласного x : респондент [2]

Fig. 36. Maximum Position articulatory metrics for consonant x : interviewee [2]

5. Аккомодационная адаптивность *x* и прогрессивная дистантная ассимиляция гласных в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка

Для всех диалектов тундрового ненецкого языка, в том числе и для ямальского, характерна прогрессивная дистантная ассимиляция гласных, при которой *°* и *ə*, а иногда и *a*, следующие после *x* (и в некоторых случаях после гортанного смычного *q*), уподобляются гласному, предшествующему *x*, количественная оппозиция гласных фонем при этом также сохраняется¹⁸; см., например, [Nikolaeva 2014: 18]. Об этом явлении упоминалось и в более ранних работах Н. М. Терещенко: «Ассимиляция гласных выражается в том, что гласный, следующий после звуков *x* и неназализованного гортанного смычного, соответствует предшествующему гласному» [Терещенко 1965: 864]; об ассимиляции гласных после *x*, или *o* «гармонической упорядоченности», см. также [Терещенко 1947: 71; Терещенко 1966: 378; Терещенко 1993: 328].

В табл. 10 приводится ряд примеров, в которых прогрессивная дистантная ассимиляция гласных представлена в именных основах.

Таблица 10

Table 10

Прогрессивная дистантная ассимиляция гласных в именных основах Progressive distant vowel assimilation in the noun stems

№	Орфографическая запись	Фонологическая транскрипция	Перевод на русский язык	Фонетическая транскрипция (ямальский диалект)
1	<i>туху</i> [Терещенко 1965: 677]	<i>tux°</i> [Salminen 1998: 151]	‘муха; личинка (мухи)’	[‘tuxǔ] / [‘tuxǒ] [‘tuǔ] / [‘tuǒ] ¹⁹
2	<i>хухуд</i> [Терещенко 1965: 405]	<i>huxəd°</i> [Salminen 1998: 53]	‘верхняя губа’	[,huˈxud] [,huˈyud]
3	<i>паха</i> [Терещенко 1965: 454]	<i>paɬa</i> [Salminen 1998: 227]	‘бухта; залив’	[‘paɬa] / [‘paɬə] [‘paɣa] / [‘paɣə]
4	<i>сехэ</i> [Терещенко 1965: 550]	<i>syexa</i> [Salminen 1998: 227]	‘большой ком снега; твердый снег’	[‘sɪexə] / [‘sɪexə] [‘sɪeyə] / [‘sɪeyə]
5	<i>нохо</i> [Терещенко 1965: 317]	<i>noxa</i> [Salminen 1998: 227]	‘песец’	[‘noxo] [‘noɣo]

Прогрессивная дистантная ассимиляция гласных после *x* наблюдается в тундровом ненецком языке не только в основах слов, но и – чаще всего – на стыках морфем, например во всех падежно-числовых формах абсолютного и посессивного типов склонения, когда аффикс начинается на *x*, например:

ya ‘земля’ – *ya-x°na* [‘jaɬǎ,na] / [‘jaɬǐ,na] / [‘jaɣǎ,na] / [‘jaɣǐ,na] ‘земля’-loc.sg;

nye ‘женщина; жена’ – *nye-x°na* [‘nɛxǐ,na] / [‘nɛxǒ,na] / [‘nɛyǐ,na] / [‘nɛyǒ,na] ‘женщина’-loc.sg;

no ‘остров’ – *no-x°na* [‘noɬǒ,na] / [‘noɬǐ,na] / [‘noɣǒ,na] / [‘noɣǐ,na] ‘остров’-loc.sg;

tu ‘огонь’ – *tu-x°na* [‘tuɬǐ,na] / [‘tuɬǒ,na] / [‘tuɣǐ,na] / [‘tuɣǒ,na] ‘огонь’-loc.sg’.

В табл. 11 затронутые данным ассимилятивным явлением «ячейки» в именной словоизменной парадигме с аффиксами, начинающимися на *x*, для наглядности выделены светло-серой заливкой: они составляют значительную часть парадигматической системы.

¹⁸ Ср.: “<...> the process of distant assimilation: the vowels *°*, *ə* and sometimes *a* following *x* assimilate in quality to the vowel that precedes *x*. The quantity contrast remains in place, however, e. g. *noxa* ‘polar fox’ is pronounced as [noxo], *tux°* ‘fly’ is pronounced as [tux^u] with a very short *u* at the end <...>” [Nikolaeva 2014: 18].

¹⁹ В интервокальной позиции часто наблюдается озвончение [x] > [ɣ].

Таблица 11
Table 11

Именная словоизменительная парадигма в тундровом ненецком языке
Noun declension system in Tundra Nenets

Форма	abs.	poss1sg	poss2sg	poss3sg	poss1du	poss2du	poss3du	poss1pl	poss2pl	poss3pl
nom.sg	0	-w°	-r°	-da	-myih	-ryih	-dyih	-waq	-raq	-doh
acc.sg	-m	-w°	-mt°	-mta	-myih	-mtiyh	-mtiyh	-waq	-mtaq	-mtoh
gen.sg	-h	-n°	-nt°	-nta	-nyih	-ntiyh	-ntiyh	-naq	-ntaq	-ntoh
dat.sg	-n°h	-xən°	-xənt°	-xənta ²⁰	-xənyih	-xəntyih	-xəntyih	-xənaq	-xəntaq	-xəntoh
loc.sg	-xəna	-xənan°	-xəna- nt°	-xəna- nta	-xəna- nyih	-xəna- ntiyh	-xəna- ntiyh	-xəna- naq	-xəna- ntaq	-xəna- ntoh
abl.sg	-xəd°	-xədən°	-xəda- nt°	-xəda- nta	-xəda- nyih	-xəda- ntiyh	-xəda- ntiyh	-xəda- naq	-xəda- ntaq	-xəda- ntoh
prol.sg	-w°na	-w°nan°	-w°nant°	-w°na- nta	-w°na- nyih	-w°na- ntiyh	-w°na- ntiyh	-w°na- naq	-w°na- ntaq	-w°na- ntoh
nom.du	-x°h	-xəyun°	-xəyud°	-xəyuda	-xəyu- nyih	-xəyu- dyih	-xəyu- dyih	-xəyu- naq	-xəyu- daq	-xəyu- doh
acc.du	-x°h	-xəyun°	-xəyud°	-xəyuda	-xəyu- nyih	-xəyu- dyih	-xəyu- dyih	-xəyu- naq	-xəyu- daq	-xəyu- doh
gen.du	-x°h	-xəyun°	-xəyut°	-xəyuta	-xəyu- nyih	-xəyu- tyih	-xəyu- tyih	-xəyu- naq	-xəyu- taq	-xəyu- toh
nom.pl	-q	основа acc.pl + -n°	основа acc.pl + -d°	основа acc.pl + -da	основа acc.pl + -nyih	основа acc.pl + -dyih	основа acc.pl + -dyih	основа acc.pl + -naq	основа acc.pl + -daq	основа acc.pl + -doh
acc.pl	основа acc.pl	основа acc.pl + -n°	основа acc.pl + -d°	основа acc.pl + -da	основа acc.pl + -nyih	основа acc.pl + -dyih	основа acc.pl + -dyih	основа acc.pl + -naq	основа acc.pl + -daq	основа acc.pl + -doh
gen.pl	основа acc.pl + -q	основа acc.pl + -qn°	основа acc.pl + -t°	основа acc.pl + -ta	основа acc.pl + -qnyih	основа acc.pl + -tyih	основа acc.pl + -tyih	основа acc.pl + -qnaq	основа acc.pl + -taq	основа acc.pl + -toh
dat.pl	-x°q	-xəqn°	-xət°	-xəta	-xəq- nyih	-xətyih	-xətyih	-xəq- naq	-xətaq	-xətoh
loc.pl	-xəqna	-xəqna- n°	-xəqna- t°	-xəqna- ta	-xəqna- nyih	-xəqna- tyih	-xəqna- tyih	-xəqna- naq	-xəqna- taq	-xəqna- toh
abl.pl	-xət°	-xətən°	-xətat°	-xətata	-xətit- nyih	-xətit- tyih	-xətit- tyih	-xətit- naq	-xətit- taq	-xətit- toh
prol.pl	(основа acc.pl +) -qm°na	(основа acc.pl +) -qm°na- n°	(основа acc.pl +) -qm°na- t°	(основа acc.pl +) -qm°na- ta	(основа acc.pl +) -qm°na- nyih	(основа acc.pl +) -qm°na- tyih	(основа acc.pl +) -qm°na- tyih	(основа acc.pl +) -qm°na- naq	(основа acc.pl +) -qm°na- taq	(основа acc.pl +) -qm°na- toh

О прогрессивной дистантной ассимиляции гласных после *x* на стыках морфем при именном и глагольном словоизменении упоминается во многих работах, ср.: «Если звук *x* является начальным звуком суффикса, то следующий после *x* гласный соответствует конечному гласному основы» [Терещенко 1965: 864]; «Гармония гласных присутствует ограниченно. Она проявляется на стыках морфем или, реже, в основе слова в качественном <...> уподоблении гласного, следующего за звуком [χ] или, реже, за ненализированным гортанным смычным» [Буркова 2010: 228].

В ранней работе Н. М. Терещенко также приводится таблица с примерами, показывающими, как дистантная ассимиляция гласных после *x* проявляется в падежно-числовых формах, когда аффикс начинается на *x* [Терещенко 1947: 71]; эта таблица с соблюдением авторской орфографии Н. М. Терещенко приводится полностью ниже (табл. 12). В записи именных парадигм Н. М. Терещенко обычно обозначает «неустойчивый» гласный после *x* одинарной или двойной черточкой (например, как *-x-na* / *-x=na*, *-x-d* / *-x=d* и т. д.).

²⁰ Прописная буква Э обозначает позицию, в которой по правилам чередования реализуется либо э, либо °.

Таблица 12
Table 12

**Прогрессивная дистантная ассимиляция гласных в падежно-числовых формах,
по данным [Терещенко 1947]
Progressive distant vowel assimilation in the noun declination forms by [Tereshchenko 1947]**

<nom.sg>	<loc.sg>	<abl.sg>	<dat.pl>	<loc.pl>	<abl.pl>	<nom.pl>
<i>вэба</i>	<i>вэбахана</i>	<i>вэбахад</i>	<i>вэбаха'</i>	<i>вэбаха'на</i> ²¹	<i>вэбахат</i>	<i>вэбаха'</i>
<i>нго</i> ²²	<i>нгохона</i>	<i>нгоход</i>	<i>нгохо'</i>	<i>нгохо'на</i>	<i>нгохот</i>	<i>нгохо'</i>
<i>пэ</i>	<i>пэхэна</i>	<i>пэхэд</i>	<i>пэхэ'</i>	<i>пэхэ'на</i>	<i>пэхэт</i>	<i>пэхэ'</i>
<i>ту</i>	<i>тухуна</i>	<i>тухуд</i>	<i>туху'</i>	<i>туху'на</i>	<i>тухут</i>	<i>туху'</i>
<i>нгэсы</i>	<i>нгэсыхына</i>	<i>нгэсыхыд</i>	<i>нгэсыхы'</i>	<i>нгэсыхы'на</i>	<i>нгэсыхыт</i>	<i>нгэсыхы'</i>
<i>тун</i>	<i>тунихина</i>	<i>тунихид</i>	<i>тунихи'</i>	<i>тунихи'на</i>	<i>тунихит</i>	<i>тунихи'</i>
<i>не</i>	<i>нехэна</i>	<i>нехэд</i>	<i>нехэ'</i>	<i>нехэ'на</i>	<i>нехэт</i>	<i>нехэ'</i>
<i>нё</i>	<i>нёхона</i>	<i>нёход</i>	<i>нёхо'</i>	<i>нёхо'на</i>	<i>нёхот</i>	<i>нёхо'</i>
<i>тю</i>	<i>тюхуна</i>	<i>тюхуд</i>	<i>тюху'</i>	<i>тюху'на</i>	<i>тюхут</i>	<i>тюху'</i>
<i>я</i>	<i>яхана</i>	<i>яхад</i>	<i>яха'</i>	<i>яха'на</i>	<i>яхат</i>	<i>яха'</i>

При этом как для западных, так и для крайневосточных диалектов тундрового ненецкого языка, а также менее регулярно для рассматриваемого нами ямальского диалекта характерна утрата *х* в интервокальной позиции перед ударным (просодически выделенным второстепенным ударением) гласным *ə*²³: *ηəno* (*ηəno*) 'лодка' – центр. *ηənoχəna* (*ηənoχəna*) 'в лодке' (loc.sg) – зап., ямал., кр.-вост. *ηəno^ona* (*ηəno^ona*) 'в лодке' (loc.sg).

Заключение

Результаты проведенного исследования в целом согласуются с результатами предыдущих исследований. Схема смещения места преграды велярных согласных в контексте разных гласных повторяет обнаруженную ранее тенденцию, согласно которой имеется более выраженное противопоставление между контекстами, представленными гласными переднего ряда и гласными непереднего ряда, и менее выраженное варьирование внутри каждой группы. Действительно, для параметров места изгиба контура языка и местоположения наиболее удаленной от начала координат точки контура языка, свидетельствующих о месте образования преграды, подавляющее большинство случаев статистически значимой неоднородности обнаружено при попарном сравнении групп, соответствующих контексту гласных переднего ряда, с одной стороны, и заднего или центрального ряда, с другой. Группы, соответствующие контексту центральных и задних гласных, чаще демонстрируют однородность, а при статистически значимой неоднородности соотношение между средними значениями по выборкам варьирует в зависимости от типа гласных и от респондентов, а также часто имеет уровень значимости, близкий к верхнему возможному уровню отвержения нулевой гипотезы. Значимые различия по данным двум параметрам обнаружены также и для гласных переднего ряда между собой. Для согласного *х* значения параметров оказались значимо ниже в контексте переднего аллофона гласной фонемы *i*, чем в контексте других передних гласных. Для согласного *η* значения данных двух параметров значимо ниже в контексте гласного *ə*, чем в контексте аллофонов других передних гласных.

Обнаруженная схема варьирования места преграды в зависимости от ряда гласного имеет характер тенденции, которая проявляется со значительной вариативностью по типу согласного и по носителям. Это наглядно демонстрируют как визуальный анализ артикуляционных стратегий, которые прослеживаются в данных носителей, так и результаты статистических тестов. Для информанта [1] различие между достаточно «компактным» велярным носовым *η* и *х*, активно реагирующим на вокалический контекст, очень яркое. Однако данное различие наблюдается и в данных респондента [2]. Более того, в отличие от *η*, согласный *х* стабильно демонстрирует существенные различия по всем трем параметрам у обоих носителей.

²¹ В данной работе Н. М. Терещенко знаком «'» обозначен не только «звонкий» гортанный смычный *h*, но и «глухой» *q*.

²² В ранних работах Н. М. Терещенко велярная фонема *η* обозначается диграфом *нг*.

²³ См. об этом также [Терещенко 1965: 8].

Влияние вокалического окружения на положение и форму языка при произнесении *x* перед разными гласными прослеживается четко и оказывается значительным, что свидетельствует об аккомодационной адаптивности аллофонов велярной фонемы *x*. Такое необычное поведение аллофонов согласной фонемы *x* предположительно может быть связано с фонологическими особенностями *x* в тундровом ненецком языке, а именно с тем, что *x* оказывается единственным²⁴ согласным, «прозрачным» для вокалической гармонии.

Как правило, гармония гласных определяется как процесс распространения значения некоторого признака или комбинации признаков между гласными, и согласные, располагающиеся между триггером и мишенью, по умолчанию считаются нерелевантными для гармонического процесса. Тем не менее в литературе отмечены различные типы вовлечения согласных в гармонию гласных: согласные могут становиться триггерами гармонии, содействовать ей или претерпевать ее, блокировать гармонию или быть для нее прозрачными. В последнем случае согласные, которые пропускают распространение гармонии, образуют, как правило, некоторый естественный класс, что позволяет говорить о плавной, неязычной (для ларингальных и фарингальных согласных), дорсальной (для увулярных и велярных согласных) прозрачности и др. [Sylak-Glassman 2014; Hannson 2024]. Среди всех согласных тундрового ненецкого языка такая прозрачность характерна в первую очередь для *x*, и, как и в подавляющем большинстве случаев ограниченной прозрачности, здесь имеет место не частичная гармония по некоторому фонологическому признаку, а полная ассимиляция, или копирование, гласного [Hannson 2024: 32].

В данном исследовании к анализу привлекались только фонетические слова, в которых *x* находится в позиции абсолютного начала, в анлауте. В дальнейшем для более детального изучения влияния аккомодации на артикуляцию велярных согласных, а также феномена прогрессивной дистантной ассимиляции гласных перед *x* планируется привлечь к исследованию и фонетические слова, в которых *x* представлен в интервокальной позиции. Кроме того, планируется также сбор и анализ аналогичного ультразвукового материала от носителей других диалектов тундрового ненецкого языка.

Список условных сокращений и обозначений

1 – первое лицо; 2 – второе лицо; 3 – третье лицо; вост. – восточные диалекты; зап. – западные диалекты; кр.-вост. – крайневосточные диалекты; миф. – мифологическое; уменьш. – уменьшительное; центр. – центральный диалект (центральные говоры); этн. – этнографическое; ямал. – ямальский диалект; abl – аблатив; abs. – абсолютное склонение; асс – аккузатив; dat – датив; du – двойственное число; gen – генитив; loc – локатив; nom – номинатив; pl – множественное число; poss – посессивное склонение; prol – пролатив; sg – единственное число

Список литературы

Буркова С. И. Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа) // Буркова С. И., Кошкарева Н. Б., Лаптандер Р. И., Янгасова Н. М. Диалектологический словарь ненецкого языка / Под общ. ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2010. С. 179–341.

Буркова С. И. Ненецкий тундровый язык // Язык и общество: Энциклопедия / Гл. ред. Михальченко В. Ю. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 315–323.

Волков В. Н. Основы ультразвуковой диагностики: Учебно-методическое пособие. Гродно: ГрГМУ, 2005. 39 с.

Казакевич О. А. Ненецкий лесной язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2. М.: Академия, 2003. С. 351–365.

Казакевич О. А., Парфенова О. С. Ненецкий тундровый язык // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2. М.: Академия, 2003. С. 366–394.

Коряков Ю. Б. Проблема «язык или диалект» и самодийские языки // Урало-алтайские исследования. 2018. № 4 (31). С. 156–217.

²⁴ Возможное исключение в некоторых случаях составляет только гортанный смычный *q*.

Люблинская М. Д. Морфонология глагола ненецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1993. 20 с.

Люблинская М. Д. Проблемы описания фонологии ненецкого языка // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований: К 70-летию Л. В. Бондарко. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2002. С. 75–79.

Прокофьев Г. Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.; Л.: Государственное научно-педагогическое издательство, 1937. С. 5–52.

Резников И. И., Федорова В. Н., Фаустов Е. В., Зубарев А. Р., Демидова А. К. Физические основы использования ультразвука в медицине: Учебное пособие. М.: РНИМУ, 2015. 97 с.

Стенин И. А. Грамматика тундрового ненецкого языка И. А. Николаевой и проблемы описания самодийских языков // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 91–133.

Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947. 272 с.

Терещенко Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 282 с.

Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь: Около 22000 слов. С приложением краткого грамматического очерка ненецкого языка. М.: Сов. энциклопедия, 1965. 942 с.

Терещенко Н. М. Ненецкий язык // Языки народов СССР: в 5-ти тт. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки / Отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская. М.: Наука, 1966. С. 376–395.

Терещенко Н. М. Ненецкий язык // Языки мира. Уральские языки / Отв. ред. Ю. С. Елисеев, К. Е. Майтинская. М.: Наука, 1993. С. 326–343.

Токмашев Д. М., Лемская В. М., Хакимова А. А., Субботина Н. В. Артикуляционные параметры дорсального смычного /k/ в тюркских языках Южной Сибири по данным ультразвукового исследования (на материале телеутского языка и диалектов татар Сибири) // Урало-алтайские исследования. 2023. № 4 (51). С. 106–119.

Alfaifi A., Ćavar M., Lulich S. Tongue root position in Hijazi arabic voiceless emphatic and non-emphatic coronal consonants // The Journal of the Acoustical Society of America. 2020. No. 148. Pp. 2582–2592.

Allen B., Pulleyblank D., Ajíbóyè O. Articulatory mapping of Yoruba vowels: An ultrasound study // Phonology. 2013. No. 30. Pp. 183–210.

Al Solami M. Ultrasound study of emphatics, uvulars, pharyngeals and laryngeals in three Arabic dialects // Canadian Acoustics (Acoustique Canadienne). 2017. No. 45. Pp. 25–35.

Aubin J., Ménard L. Compensation for a labial perturbation: An acoustic and articulatory study of child and adult French speakers // H. C. Yehia, D. Demolin, & R. Laboissière (Eds.). Proceedings of the 7th international seminar on speech production. Ubatuba, Brazil, 2006. Pp. 209–216.

Frisch S. A., Wodzinski S. M. Velar-vowel coarticulation in a virtual target model of stop production // Journal of Phonetics. 2016. Vol. 56. Pp. 52–65.

Gick B., Pulleyblank D., Campbell F., Mutaka N. Low vowels and transparency in Kinande vowel harmony // Phonology. 2006. No. 23. Pp. 1–20.

Hajdú P. Chrestomatia Samoedica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1968. 239 p.

Hansson G. Ó. The Role of Consonants in Vowel Harmony // N. A. Ritter, H. van der Hulst (Eds.). The Oxford Handbook of Vowel Harmony. Oxford University Press, 2024. Pp. 17–37.

Hudu F. A. “Dagbani Tongue-root Harmony: a formal account with ultrasound investigation”. PhD thesis. The University of British Columbia, 2010. 332 p.

Hudu F. [ATR] feature involves a distinct tongue root articulation: Evidence from ultrasound imaging // Lingua. 2014. No. 143. Pp. 36–51.

Hudu F., Miller A., Pulleyblank D. Ultrasound imaging and theories of tongue root phenomena in African languages // Peter K. Austin et al. (Ed.). Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory 2. London: SOAS, 2009. Pp. 153–163.

Janhunen J. Glottal stop in Nenets. Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 1986. 202 p. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. No. 196)

Kirkham S., Nance C. An acoustic-articulatory study of bilingual vowel production: Advanced tongue root vowels in Twi and tense / lax vowels in Ghanaian English // Journal of Phonetics. 2017. No. 62. Pp. 65–81.

- Krebs V. L., Sedarous Y., Miller A. Consonant-Vowel Coarticulation in velar plosives // *Proceedings of Meetings on Acoustics*. 2013. Vol. 19. 060284.
- Laver J. *Principles of Phonetics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 684 p.
- Liker M., Gibbon F. E. Tongue palate contact patterns of velar stops in normal adult English speakers // *Clinical Linguistics & Phonetics*. 2008. No. 22. Pp. 137–148.
- Ménard L., Aubin J., Thibeault M., Richard G. Comparing tongue shapes and positions with ultrasound imaging: A validation experiment using an articulatory model // *Folia Phoniatrica et Logopaedica*. 2012. No. 64. Pp. 64–72.
- Miller A. Posterior lingual gestures and tongue shape in Mangetti Dune !Xung clicks // *Journal of Phonetics*. 2016. No. 55 (1). Pp. 119–148.
- Miller A., Namaseb L., Iskarous K. Posterior Tongue Body Constriction Locations in Clicks // J. Cole, J. Hualde (Eds.). *Laboratory Phonology 9*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. Pp. 643–656.
- Miller A., Brugman J., Sands B., Namaseb L., Exter M., Collins C. Differences in airstream and posterior place of articulation among N|uu clicks // *Journal of the International Phonetic Association*. 2009. No. 39. Pp. 130–161.
- Nikolaeva I. *A Grammar of Tundra Nenets*. Berlin – Boston: Mouton de Gruyter, 2014. 528 p.
- Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997. 155 p.
- Salminen T. *A Morphological Dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998. 543 p.
- Sylak-Glassman J. *Deriving natural classes: The phonology and typology of post-velar consonants*. PhD dissertation. Berkeley, CA: University of California, 2014. 241 p.
- Washington J. *An Investigation of Vowel Anteriority in Three Turkic Languages Using Ultrasound Tongue Imaging*. Doctoral Dissertation. Indiana University, 2016. 230 p.
- Washington J. *An Investigation of the Articulatory Correlates of Vowel Anteriority in Kazakh, Kyrgyz, and Turkish using Ultrasound Tongue Imaging* // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 2019. Vol. 25, iss. 1, article 24.
- Wodzinski S. M. *Ultrasound analysis of velar fronting*. Tampa, FL: University of South Florida, 2004.
- Zharkova N., Hewlett N. Measuring lingual coarticulation from midsagittal tongue contours: Description and example calculations using English /t/ and /a/ // *Journal of Phonetics*. 2009. No. 37. Pp. 248–256.
- Zharkova N., Gibbon F. E., Hardcastle W. J. Quantifying lingual coarticulation using ultrasound imaging data collected with and without head stabilisation // *Clinical Linguistics & Phonetics*. 2015. No. 29 (4). Pp. 249–265.

References

- Alfaifi A., Ćavar M., Lulich S. Tongue root position in Hijazi arabic voiceless emphatic and non-emphatic coronal consonants. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 2020, no. 148, pp. 2582–2592.
- Allen B., Pulleyblank D., Ajíbóyè O. Articulatory mapping of Yoruba vowels: An ultrasound study. *Phonology*. 2013, no. 30, pp. 183–210.
- Al Solami M. Ultrasound study of emphatics, uvulars, pharyngeals and laryngeals in three Arabic dialects. *Canadian Acoustics (Acoustique Canadienne)*. 2017, no. 45, pp. 25–35.
- Aubin J., Ménard L. Compensation for a labial perturbation: An acoustic and articulatory study of child and adult French speakers. In *Proceedings of the 7th international seminar on speech production*. H. C. Yehia, D. Demolin, & R. Laboissière (Eds.). Ubatuba, Brazil, 2006, pp. 209–216.
- Burkova S. I. Kratkiy ocherk grammatiki tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka (po materialam govorov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [A brief sketch on the Tundra Nenets grammar (on data of the idioms in Yamalo-Nenets autonomous district)]. In S. I. Burkova, N. B. Koshkareva, R. I. Laptander, N. M. Yangasova. *Dialektologicheskii slovar' nenetskogo yazyka [Nenets dialectological dictionary]*. N. B. Koshkareva (Ed.). Ekaterinburg, Basko Publ., 2010, pp. 179–341. (In Russian)
- Burkova S. I. Nenetskiy tundrovyy yazyk [Tundra Nenets language]. In *Yazyk i obshchestvo: Entsiklopediya [Language and society: Encyclopedia]*. V. Yu. Mikhal'chenko (Ed.). Moscow, Publishing center "Azbukovnik", 2016, pp. 315–323. (In Russian)

- Frisch S. A., Wodzinski S. M. Velar-vowel coarticulation in a virtual target model of stop production. *Journal of Phonetics*. 2016, vol. 56, pp. 52–65.
- Gick B., Pulleyblank D., Campbell F., Mutaka N. Low vowels and transparency in Kinande vowel harmony. *Phonology*. 2006, no. 23, pp. 1–20.
- Hajdú P. *Chrestomatia Samoedica*. Budapest, Tankönyvkiadó, 1968, 239 p.
- Hansson G. Ó. The Role of Consonants in Vowel Harmony. In *The Oxford Handbook of Vowel Harmony*. N. A. Ritter, H. van der Hulst (Eds.). Oxford University Press, 2024, pp. 17–37.
- Hudu F. A. “*Dagbani Tongue-root Harmony: a formal account with ultrasound investigation*”. PhD thesis. The University of British Columbia, 2010, 332 p.
- Hudu F. [ATR] feature involves a distinct tongue root articulation: Evidence from ultrasound imaging. *Lingua*. 2014, no. 143, pp. 36–51.
- Hudu F., Miller A., Pulleyblank D. “Ultrasound imaging and theories of tongue root phenomena in African languages”. In *Proceedings of Conference on Language Documentation and Linguistic Theory 2*. Peter K. Austin et al. (Ed.). London, SOAS, 2009, pp. 153–163.
- Janhunen J. Glottal stop in Nenets. In *Mémoires de la Société Finno-ougrienne*. Helsinki, Vammalan Kirjapaino Oy, 1986, no. 196, 202 p.
- Kazakevich O. A. Nenetskiy lesnoy yazyk [Nenets Forest language]. In *Pis'mennye yazyki mira: Yazyki Rossiyskoy Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya. Kn. 2 [Written languages of the world: Languages of the Russian Federation. A sociolinguistic encyclopedia. Bk. 2]*. Moscow, Akademiya, 2003, pp. 351–365. (In Russian)
- Kazakevich O. A., Parfenova O. S. Nenetskiy tundrovyy yazyk [Nenets Tundra language]. In *Pis'mennye yazyki mira: Yazyki Rossiyskoy Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya. Kn. 2 [Written languages of the world: Languages of the Russian Federation. A sociolinguistic encyclopedia. Bk. 2]*. Book 2. Moscow, Akademiya, 2003, pp. 366–394. (In Russian)
- Kirkham S., Nance C. An acoustic-articulatory study of bilingual vowel production: Advanced tongue root vowels in Twi and tense/lax vowels in Ghanaian English. *Journal of Phonetics*. 2017, no. 62, pp. 65–81.
- Koryakov Yu. B. Problema “yazyk ili dialekt” i samodiyskie yazyki [The problem “language or dialect” and the Samoyedic languages]. *Ural-Altaic Studies*. 2018, no. 4 (31), pp. 156–217. (In Russian)
- Krebs V. L., Sedarous Y., Miller A. Consonant-vowel coarticulation in velar plosives. *Proceedings of Meetings on Acoustics*. 2013, vol. 19, 060284.
- Laver J. *Principles of Phonetics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1994, 684 p.
- Liker M., Gibbon F. E. Tongue palate contact patterns of velar stops in normal adult English speakers. *Clinical Linguistics & Phonetics*. 2008, no. 22, pp. 137–148.
- Lyubinskaya M. D. *Morfonologiya glagola nenetskogo yazyka [The Nenets verb morphonology]*. Abstract of Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 1993, 20 p. (In Russian)
- Lyubinskaya M. D. Problemy opisaniya fonologii nenetskogo yazyka [Problems of describing the Nenets phonology]. In *Problemy i metody eksperimental'no-foneticheskikh issledovaniy: K 70-letiyu L. V. Bondarko [Problems and methods of the experimental phonetic research: On the 70th anniversary of L. V. Bondarko]*. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, 2002, pp. 75–79. (In Russian)
- Ménard L., Aubin J., Thibeault M., Richard G. Comparing tongue shapes and positions with ultrasound imaging: A validation experiment using an articulatory model. *Folia Phoniatrica et Logopaedica*. 2012, no. 64, pp. 64–72.
- Miller A. Posterior lingual gestures and tongue shape in Mangetti Dune !Xung clicks. *Journal of Phonetics*. 2016, no. 55 (1), pp. 119–148.
- Miller A., Namaseb L., Iskarous K. Posterior Tongue Body Constriction Locations in Clicks. In *Laboratory Phonology 9*. J. Cole, J. Hualde (Eds.). Berlin, Mouton de Gruyter, 2007, pp. 643–656.
- Miller A., Brugman J., Sands B., Namaseb L., Exter M., Collins C. Differences in airstream and posterior place of articulation among N|uu clicks. *Journal of the International Phonetic Association*. 2009, no. 39, pp. 130–161.
- Nikolaeva I. *A Grammar of Tundra Nenets*. Berlin, Boston, Mouton de Gruyter, 2014, 528 p.
- Prokof'ev G. N. Nenetskiy (yurako-samoedskiy) yazyk [Nenets (Yurak Samoyedic) language]. In *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. 1 [Languages and writing of the peoples of the North. Pt. 1]*. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1937, pp. 5–52. (In Russian)

- Reznikov I. I., Fedorova V. N., Faustov E. V., Zubarev A. R., Demidova A. K. *Fizicheskie osnovy ispol'zovaniya ul'trazvuka v meditsine: Uchebnoe posobie* [Physical foundations of ultrasound usage in medicine: Textbook]. Moscow, RNRMU, 2015, 97 p. (In Russian)
- Salminen T. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997, 155 p.
- Salminen T. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998, 543 p.
- Stenin I. A. Grammatika tundrovogo nenetskogo yazyka I. A. Nikolaevoy i problemy opisaniya samodiyskikh yazykov [I. A. Nikolaeva's Tundra Nenets grammar and some issues in Samoyedic descriptive studies]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2015, no. 4, pp. 91–133. (In Russian)
- Sylak-Glassman J. *Deriving natural classes: The phonology and typology of post-velar consonants*. PhD dissertation. Berkeley, CA, University of California, 2014, 241 p.
- Tereshchenko N. M. *Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev* [Materials and research on the Nenets language]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1956, 282 p. (In Russian)
- Tereshchenko N. M. Nenetskiy yazyk [Nenets language]. In *Yazyki mira. Ural'skie yazyki [Languages of the World. Uralic languages]*. Yu. S. Eliseev, K. E. Maytinskaya (Eds.). Moscow, Nauka, 1993, pp. 326–343. (In Russian)
- Tereshchenko N. M. Nenetskiy yazyk [Nenets language]. In *Yazyki narodov SSSR: v 5-ti tt. T. 3. Finno-ugorskie i samodiyskie yazyki [Languages of the peoples of the USSR: in 5 vols. Vol. 3. Finno-Ugric and Samoyedic languages]*. V. I. Lytkin, K. E. Maytinskaya (Eds.). Moscow, Nauka, 1966, pp. 376–395. (In Russian)
- Tereshchenko N. M. *Nenetsko-russkiy slovar': Okolo 22000 slov. S prilozheniem kratkogo grammaticheskogo ocherka nenetskogo yazyka* [Nenets-Russian Dictionary: About 22000 words. With an appendix of a brief grammatical sketch on the Nenets language]. Moscow, Sov. entsikl., 1965, 942 p. (In Russian)
- Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [A sketch on the Nenets (Yurak Samoyedic) grammar]. Leningrad, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1947, 272 p. (In Russian)
- Tokmashev D. M., Lemskaya V. M., Khakimova A. A., Subbotina N. V. Artikulyatsionnye parametry dorsal'nogo smychnogo /k/ v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri po dannym ul'trazvukovogo issledovaniya (na materiale teleutskogo yazyka i dialektov tatar Sibiri) [Articulatory parameters of dorsal stop /k/ in the Turkic languages of Southern Siberia according to ultrasound data (based on the Teleut and Siberian Tatar dialectal material)]. *Ural-Altaic Studies*. 2023, no. 4 (51), pp. 106–119. (In Russian)
- Volkov V. N. *Osnovy ul'trazvukovoy diagnostiki: Uchebno-metodicheskoe posobie* [Fundamentals of ultrasonic diagnostics: Educational and methodological guide]. Grodno, GrSMU, 2005, 39 p. (In Russian)
- Washington J. An investigation of the articulatory correlates of vowel anteriority in Kazakh, Kyrgyz, and Turkish using ultrasound tongue imaging. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 2019, vol. 25, iss. 1, article 24.
- Washington J. *An investigation of vowel anteriority in three Turkic languages using ultrasound tongue imaging*. Doctoral Diss., Indiana University, 2016, 230 p.
- Wodzinski S. M. *Ultrasound analysis of velar fronting*. Tampa, FL, University of South Florida, 2004.
- Zharkova N., Gibbon F. E., Hardcastle W. J. Quantifying lingual coarticulation using ultrasound imaging data collected with and without head stabilization. *Clinical Linguistics & Phonetics*. 2015, no. 29 (4), pp. 249–265.
- Zharkova N., Hewlett N. Measuring lingual coarticulation from midsagittal tongue contours: Description and example calculations using English /t/ and /a/. *Journal of Phonetics*. 2009, no. 37, pp. 248–256.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.11.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Мария Константиновна Амелина – младший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Maria K. Amelina – Junior Researcher, Department of Uralic and Altaic Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

neamelina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6225-5733>

Надежда Владимировна Макеева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела африканских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Nadezhda V. Makeeva – PhD, Senior Researcher, Department of African Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

umuta11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5044-0010>

**Шумные смычные согласные 2-го артикуляционного ряда
в идиоме юрт-орских чатов по акустическим данным
(сопоставительный аспект)**

Н. В. Якимец

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Аннотация

Впервые методами акустического, аудитивного и дистрибутивного анализа изучены шумные переднеязычные смычные согласные «t» и «d» в идиоме юрт-орских чатов. Исследованы акустические характеристики и взаимосвязь между этими характеристиками и позиционно-комбинаторными условиями, в которых данные согласные встречаются. Проанализированы осциллограммы и спектрограммы согласных. На основе полученных результатов выделены две фонемы /t/ и /d/. Определено, что признак работы голосовых складок является конститутивно-дифференциальным для данной пары согласных фонем. Согласно результатам сопоставительного анализа юрт-орского идиома и некоторых тюркских языков и говоров Сибири выявлено сходство с языком калмаков.

Ключевые слова

шумные смычные переднеязычные согласные, юрт-орский идиом, акустические характеристики, тюркские языки Сибири

Для цитирования

Якимец Н.В. Шумные смычные согласные 2-го артикуляционного ряда в идиоме юрт-орских чатов по акустическим данным (сопоставительный аспект) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 73–89. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-73-89

**Obstruent plosive consonants of the second articulatory row
in the Yurt-Ora Chat idiom: an acoustic comparative study**

Natalya V. Yakimets

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract

The article examines the obstruent plosive consonants /t/ and /d/ of the Yurt-Ora Chat idiom, spoken in the village of Yurt-Ora in the Novosibirsk Region of Russia. The idiom is considered to exhibit phonetic, lexical, and morphological features that distinguish it from other varieties of the Chat idiom. The study employed a combination of acoustic, auditory, distributional, and comparative analyses. The research material comprised 127 words and 29 phrases containing the consonants in various phonetic positions. Each item was recorded three times and annotated using Speech Analyzer 3.1.2.0. The recordings from eight native speakers were used. The acoustic analysis involved the examination of waveforms and spectrograms, measurement of fundamental frequency (F0), the second formant (F2), intensity, and duration, as well as assessment of articulatory effort. The acoustic results were compared with the findings from the distributional analysis. Based on the obtained data, the phonemic status of /t/ and /d/ was established. The phoneme /t/ is described as an extra-short, moderately tense, hard, moderately aspirated, voiceless obstruent plosive and the phoneme /d/ as a short, moderately tense, hard, unaspirated, voiced obstruent plosive. Both phonemes are articulated with slight raising of the middle part of the tongue toward the palate, without causing palatalization. The F0 data suggest that /d/ is produced with a lower laryngeal position than /t/. The average intensity values differ by approximately 10 dB, consistent with earlier findings for the plosives /p/ and /b/. The comparative analysis shows that the obstruent plosives /t/ and /d/ are most closely aligned with those of the Kalmak idiom of Southern Siberia.

© Н. В. Якимец, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

Keywords

front lingual obstruent plosives, Yurt-Ora idiom, acoustic properties, Turkic languages of Siberia

For citation

Yakimets N. V. Shumnye smychnye soglasnye 2-go artikulyatsionnogo ryada v idiome yurt-orskikh chatov po akusticheskim dannym (sopostavitel'nyy aspekt) [Obstruent plosive consonants of the second articulatory row in the Yurt-Ora chat idiom: an acoustic comparative study]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 73–89. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-73-89

Введение

Юрт-орские чаты проживают в д. Юрт-Ора Колыванского района Новосибирской области. Говор юрт-орских чатов обладает рядом фонетических, грамматических и лексических особенностей, отличающих его как от говора чатских татар, проживающих в д. Юрт-Акбалык в Новосибирской области, так и от говора чатов, проживающих в Томской области. Идиом чатских татар исследовался в работах [Дульзон 1965; Тумашева 1977; Селютин и др. 2013; Селютин и др. 2014; Уртегешев, Рыжикова 2021; Халкова, Уртегешев 2015, 2016; Бадртдинова 2019; Рамазанова 2016].

Д. Г. Тумашева первой обратила внимание на особенности языка юрт-орских чатов, выделив его в отдельный орский подговор эуштинско-чатского говора томского диалекта, который она относила к восточным диалектам татарского языка. Было установлено, что говор является чокающим и относится к группе й-диалектов. В вокальной системе сохраняется лабиальная гармония алтайского типа, а в морфологической структуре выявлены особенности, сближающие его с барабинским, калмакским и чулымско-тюркским идиомами [Тумашева 1977: 238–240].

В данной работе впервые исследуются акустические свойства переднеязычных смычных согласных «t» и «d» в рамках комплексного исследования консонантной системы идиома с использованием акустических, аудитивных и соматических методов. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения и документации идиома, поскольку он находится под угрозой исчезновения.

Цель работы – определить фонемный статус шумных переднеязычных согласных «t» и «d» в юрт-орском идиоме, дать их определение на основе полученных данных дистрибутивного, аудитивного, акустического и статистического анализа и сравнить полученные результаты с данными для некоторых других тюркских языков Сибири. Для реализации данной цели был проведен дистрибутивный анализ консонантов «t» и «d», измерены акустические показатели длительности, интенсивности, частоты основного тона и второй форманты, проведены статистические подсчеты средних показателей всех акустических параметров, полученные результаты сопоставлены с исследованиями шумных переднеязычных смычных консонантов в тюркских языках и говорах Сибири.

Программа исследования включала 127 отдельных слов и словоформ¹, а также 29 фраз (для учета позиций внешнего сандхи), в которых согласные «t» и «d» находятся в разных позиционно-комбинаторных условиях: CV-, -VCV-, -CC₁-, -CC₂-, -CC₃-, -C₁C-, -C₂C-, -C₃C-, -CC-, -VC, где исследуемый согласный выделен жирным шрифтом C, V – гласный, C₁ – шумный глухой согласный, C₂ – шумный звонкий согласный, C₃ – малошумный согласный. Каждое слово, словоформа или фраза произносились дикторами три раза. Были использованы записи от восьми носителей (двое мужчин и шесть женщин). Всего проанализировано 624 лексемы. Все лексемы были разделены в зависимости от палатальной гармонии на мягкорядные и твердорядные.

Аудиозаписи слов обработаны в компьютерной программе Audacity 2.0.6. и сегментированы в программе Speech Analyzer 3.1.2.0. Сегментирование слов проведено по методике, принятой в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН [Уртегешев 2023]. Значение второй форманты (F2) и частоты основного тона (ЧОТ) определялись на взрыве. В случае отсутствия данных F2 и ЧОТ в границах консонанта «t» эти значения измерялись на коартикуляционном участке с гласным или малошумным. Значения интенсивности измерялись на взрыве. Далее на основании данных акустического и аудитивного анализа лексемы были записаны с помощью Универсальной унифицированной фонетической

¹ Далее используется термин *лексема*, под которым понимается слово и его словоформы.

Таблица 26
Table 2b

**Дистрибуция аллофонов фонем /t/ и /d/ во фразе (позиция внешнего сандхи)
по акустическим данным**
**Distribution of the allophones of the phonemes /t/ and /d/ in external sandhi position
based on acoustic data**

Ряд	-V[C]V-		-C ₃ [C]V- -V[C]V-		-[C]C ₁ -	-[C]C ₃ -	-C ₁ [C]-		-C ₃ [C]-		-[C][C]-
	t	d	t		t	t	t	d	t	d	t
Твердый	$\begin{matrix} t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \end{matrix}$	∅	∅		$\begin{matrix} t^{fco} \\ t^{fco} \end{matrix}$	$\begin{matrix} t^{fco} \end{matrix}$	$\begin{matrix} t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \end{matrix}$	$\begin{matrix} d^{fco} \\ t^{fco} \end{matrix}$	$\begin{matrix} t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \end{matrix}$	∅	$\begin{matrix} t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \end{matrix}$
Мягкий	$\begin{matrix} d^{fco} \end{matrix}$	$\begin{matrix} d^{fco} \end{matrix}$	$\begin{matrix} t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \end{matrix}$		∅	∅	$\begin{matrix} t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \end{matrix}$	∅ ⁵	∅	$\begin{matrix} d^{fco} \end{matrix}$	$\begin{matrix} t^{fco} \\ t^{fco} \\ t^{fco} \end{matrix}$

Сильнонапряженные оттенки преобладают в инициальной превокальной, финальной поствокальной и медиальной геминированной позиции. В остальных позициях более распространенными являются умереннонапряженные аллофоны. В медиальной интервокальной позиции количество умеренно- и слабонапряженных аллофонов сопоставимо. В медиальной пресонантной позиции значения распределились поровну (см. табл. 3). Данные показывают, что инициальная и финальная позиция являются артикуляционно самыми напряженными, а медиальная интервокальная наиболее слабой.

Таблица 3
Table 3

Распределение оттенков фонемы /t/ по напряженности в слове
Distribution of the allophones of the phoneme /t/ by the articulatory effort within the word

Напряженность	CV-	-VCV-	-CC ₁ -	-CC ₃ -	-C ₁ C-	-C ₃ C-	-CC-	-VC
Сильная	45 %	17,2 %	0 %	33,3 %	26,3 %	30 %	60 %	64,3 %
Умеренная	40 %	44,9 %	62,5 %	33,3 %	63,2 %	60 %	40 %	28,6 %
Слабая	15 %	37,9 %	25 % ⁶	33,3 %	10,5 %	10 %	0 %	7,1 %

По результатам комплексного анализа, включающего рентгенографирование, фонема /t/ определяется как сильнонапряженная. Репрезентант фонемы в твердоярдной словоформе *ат* 'лошадь' в позиции -V[C] описывается как смычный переднеязычный умереннодорсальный альвеолярный твердый слабовеляризованный сильнонапряженный фарингализованный согласный [Селютина и др. 2013: 255]. Данные аудитивного анализа, проведенного в нашей работе, согласуются с этими характеристиками: сильнонапряженные оттенки регистрируются в ауслауте в 64,3 % лексем.

Фонема /t/ реализуется преимущественно в твердых оттенках [t] в твердоярдных и мягкорядных лексемах (98,7 % всех проанализированных аллофонов). Мягкий оттенок [t'] встречается редко и только в мягкорядных формах перед узкими гласными звукотипами «и» и «е» (1–2 степени отступа): *тегетим* 'шитье=я' [$\begin{matrix} t^{fco} \\ t^{fco} \end{matrix}$ ы_{18.1} y' j i_{27.3} $\begin{matrix} t^{fco} \\ t^{fco} \end{matrix}$ 127.3 mⁱmⁱ]. При этом дикторы используют их факультативно с твердыми оттенками при трехкратном повторении. Таким образом, наблюдается частичная зависимость от сингармонического ряда: мягкие оттенки могут реализовываться только в мягкорядных лексемах, а твердые реализуются в обоих типах лексем.

⁵ Знак ∅ означает отсутствие примеров в проанализированном языковом материале.

⁶ Не включен один сверхслабонапряженный аллофон (12,5 %).

В отношении дополнительных артикуляций, связанных с укладом языка в ротовой полости, таких как уранизация [tʲ], палатализация [tʲʲ], предвеляризация [tʲʲ] и веляризация [tʲʲ]⁷ (см. табл. 2а, б), можно видеть, что уранизированные, предвеляризованные и веляризованные оттенки встречаются как в твердорядных, так и в мягкорядных лексемах, что свидетельствует об отсутствии корреляции с сингармоническим рядом. В то же время палатализованность характерна для мягких оттенков, встречающихся только в мягкорядных словах, что с сингармоническим рядом коррелирует. Акустический анализ одного и того же слова, произнесенного разными дикторами, показывает, что хотя дополнительные артикуляции у разных дикторов часто совпадают, однако иногда могут не совпадать, например: теле ‘язык’ [tʲʲe_{28.2}lʲʲe_{38.2}ː] ~ [tʲʲe_{38.1}lʲʲe_{38.2}ː].

Количественные подсчеты показывают, что самым распространенным аллофоном является твердый уранизированный [tʲʲ] с реализацией в 57,6 % случаев (см. табл. 2а, б). Следующими по частотности являются твердые предвеляризованные оттенки [tʲʲ] с реализацией в 23,4 % слов. Веляризованные оттенки [tʲʲ] составляют 18,0 % всех аллофонов, с наибольшим количеством реализаций в твердорядных словоформах.

Значения второй форманты в абсолютном выражении варьируют от 863 до 2344 Гц. (см. средние значения в табл. 4). Прослеживается устойчивая закономерность: средние значения твердорядных оттенков на ~200–600 Гц меньше мягкорядных. Фонема /t/ реализуется преимущественно в твердых оттенках, в мягкорядных лексемах она артикулируется при более продвинутом вперед укладе языка, что придает оттенкам акустический эффект «смягченности». В твердорядных словоформах средние значения варьируют преимущественно в зоне предвеляризованных настроек (1301–1500 Гц), что придает оттенок «твердости», но менее выраженный, чем при веляризованных настройках [Уртегешев 2024а].

Таблица 4
Table 4

Среднее значение F2 в Гц в позиции внутреннего сандхи
Mean F2 (Hz) in word-internal sandhi position

Ряд	CV-		-VCV-		-CC ₁ -	-CC ₃ -		-C ₁ C-	-C ₃ C-		-CC-	-VC
	t	d	t	d	t	t	d	t	t	d	tt	t
Твердый	1495,7	1228,8	1369,9	1434,0	1180,0	1254,0	1402,0	1475,5	1425,0	1471,5	1351,7	1206,2
Мягкий	1703,4	1376,0	1940,0	1824,1	1824,8	1658,3	1833,3	1826,9	1681,3	1762,6	1769,2	1791,5

Относительная длительность аллофонов варьирует значительно – от 14 % до 162 %, от сверхкратких до долгих значений. Наиболее часто встречается сверхкраткий оттенок (60,4 % из всех проанализированных аллофонов), далее по частотности идут краткий, полудолгий и долгий, составляя 21,6 %, 15,3 % и 2,7 % от всех аллофонов соответственно. По усредненным данным констатируется вариативность (см. табл. 5).

Сверхкраткие аллофоны с близкими значениями последовательно реализуются в обоих сингармонических рядах перед гласным в инициали и медиали, а также в медиали перед малочисленными (см. табл. 2а, б и 5). Краткие и полудолгие чаще встречаются в позиции медиальной геминаты и финали. В остальном наблюдается разброс значений.

Огубленные оттенки встречаются перед лабиализованными гласными звуками типа «о», «у», «ø» и «y», неогубленные – перед нелабиализованными гласными звуками типа «а», «е», «i» и «y».

⁷ Под уранизацией понимается дополнительная артикуляция, выражающаяся в подъеме средней части спинки языка к твердому небу у твердых согласных. Палатализация – дополнительная артикуляция, характерная для переднеязычных согласных, выражающаяся в подъеме средней части спинки языка к твердому небу и являющаяся коррелятом «мягкости». Предвеляризация – дополнительная артикуляция, при которой межзубная часть спинки языка поднимается к последней трети твердого неба [Уртегешев 2024а, 2024б].

Таблица 5
Table 5Средняя ОДЗ в % в разных позициях внутреннего сандхи
Mean relative duration (%) across word-internal sandhi positions

Ряд	CV-		-VCV-		-CC ₁ -		-CC ₃ -		-C ₁ C-		-C ₃ C-		-CC-		-VC	
	t	d	t	d	t	t	d	t	t	d	tt	t	tt	t	tt	t
Твердый	30,6	95,8	28,8	81,7	75,6	34,0	46,0	88,4	93,6	61,5	92,5	95,0				
Мягкий	25,4	95,3	38,5	53,7	51,4	40,8	71,5	55,1	65,3	67,9	110,6	91,1				

Для оттенков фонемы /t/ характерна аспирация. Степень выраженности аспирации варьирует от более до менее сильной и от более до менее продолжительной и коррелирует с напряженностью артикуляции (см. рис. 1). Аспирация сильнее у сильнонапряженных оттенков и продолжительнее в финали. Встречаются и слабоаспирированные фоны, особенно в медиальной преко́нсонантной позиции перед глухими шумными взрывными, например: *йаратқалы* ‘любить’, *эткеле* ‘работать’. Выявлено всего три неаспирированных фона (2,6 % от общего числа *t*-образных настроек) в изученном материале.

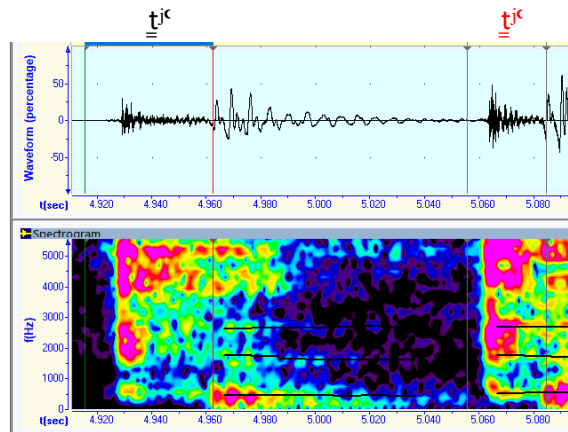

Рис. 1. Аспирированные оттенки /t/ в инициальной и медиальной позиции в слове *тытаң* ‘потрогай=ты’
Fig. 1. Aspirated allophones of /t/ in initial and medial position in the word *tytaŋ* ‘touch=you’

Интенсивность оттенков фонемы /t/ варьируется от –12,6 дБ до –61,4 дБ (у имплозивных). В зависимости от позиции в слове данные средней интенсивности варьируют в диапазоне от 0 до 4 дБ за исключением -CC₁- и -CC-, где первый элемент, если он имплозивный, имеет более низкие значения интенсивности. Средняя интенсивность всех аллофонов независимо от сингармонического ряда составляет –24,7 дБ.

По участию голоса все аллофоны фонемы /t/ делятся на глухие, глухие озвонченные и звонкие. Глухие аллофоны являются самыми распространенными. В 81 % случаев они произносятся с акустическим эффектом глухости, а на спектре и осциллограмме либо вообще не имеют признаков колебаний голосовых складок в доимпульсной части, либо незначительные признаки фиксируются, но колебания не представляют собой четко выраженных периодических волн достаточной амплитуды (см. рис. 1). В 18,1 % примеров констатируются глухие озвонченные оттенки, при артикуляции которых наблюдаются более выраженные колебания голосовых складок. Колебания могут прекращаться со взрывом и возобновляться после аспирации с началом артикуляции гласного либо могут продолжаться после взрыва на стадии рекурсии (см. рис. 2а, 2б). Глухие озвонченные оттенки произносятся преимущественно с акустическим эффектом глухости, однако если колебания складок более выражены, то оттенок приобретает полувзвонное звучание (см. рис. 2б). В проанализированном материале обнаружено только два случая реализации фонемы /t/ в полностью звонких оттенках, причем в одном случае реализован межзубный оттенок (см. рис. 2в, 2г). В данных примерах звонкий аллофон произносился только в одном из трех повторений. В остальных двух случаях диктор использовал глухие озвонченные варианты.

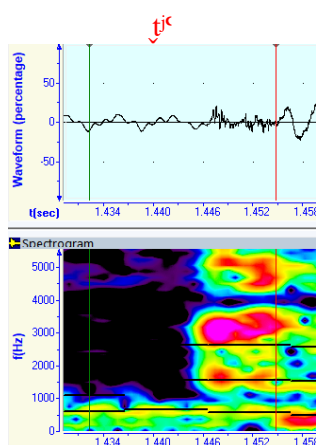

Рис. 2а. Озвонченный оттенок фонемы /t/ в слове *qatyn* ‘женщина’
Fig. 2a. Partially voiced allophone of /t/ in the word *qatyn* ‘woman’

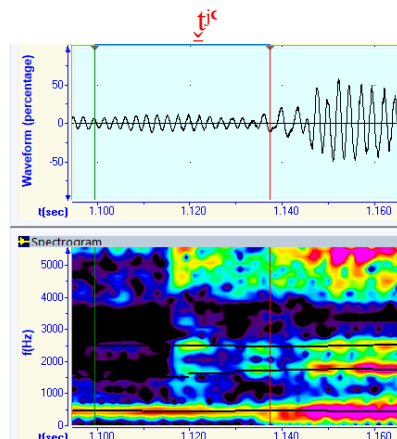

Рис. 2б. Озвонченный оттенок в слове *kebet* ‘магазин’ в позиции внешнего сандхи -VC V-
Fig. 2b. Partially voiced allophone of /t/ in the word *kebet* ‘shop’ in the external sandhi position -VC V-

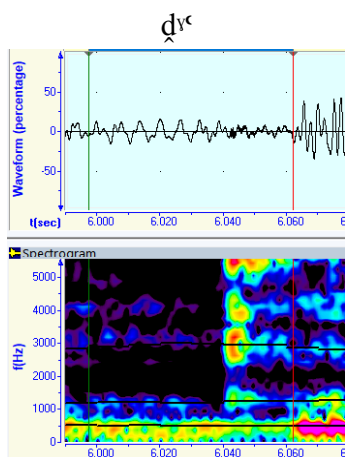

Рис. 2в. Звонкий оттенок фонемы /t/ в словоформе *ты-ты* ‘держа’
Fig. 2c. Voiced allophone of /t/ in the word form *ty-ty* ‘holding’

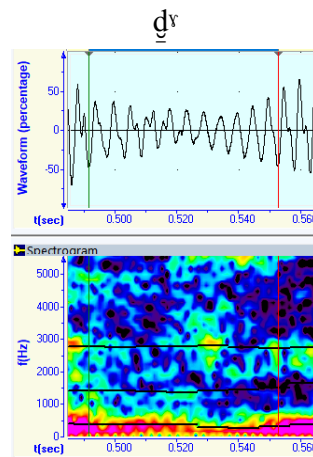

Рис. 2г. Звонкий оттенок фонемы /t/ в словоформе *тегетим* ‘шью=я’ в позиции внешнего сандхи -V CV-
Fig. 2d. Voiced allophone of /t/ in the word form *tegetim* ‘sew=I’ in the external sandhi position -V CV-

Звонкие компоненты звука могут составлять от 10 % до 56,3 % от абсолютной длительности звука. В среднем длительность звонких компонентов составляет около 30 % от АДЗ. При этом даже в случае, когда звонкий компонент составляет около 50 %, звук в приведенных примерах воспринимается как глухой, а не как звонкий.

Приведенные выше акустические данные указывают на то, что среди всех акустических характеристик фонологическое значение для фонемы /t/ имеет признак работы голосовых складок, а именно «глухость» как отсутствие периодической вибрации достаточной интенсивности, амплитуды и длительности. Во-первых, в процентном соотношении количество глухих аллофонов статистически значительно превышает количество озвонченных и звонких (в 4 и в 80 раз соответственно). Во-вторых, случаи чередования звонкого аллофона [d] и глухого [t] встречаются крайне редко, не имеют системного характера. В-третьих, замена глухого [t] звонким [d] приводит к неузнаваемости слова или изменению смысла.

Остальные акустические характеристики не имеют фонологического статуса, а следовательно, разные оттенки по напряженности, аспираторности, длительности, твердости / мягкости, дополнительным артикуляциям, огубленности и интенсивности являются,

в зависимости от позиционных условий, либо комбинаторными, либо факультативными вариантами шумной ртовой переднеязычной смычной фонемы /t/.

Акустические характеристики шумной переднеязычной смычной согласной фонемы /d/

Для описания фонемы /d/ используются те же параметры, что и для /t/: напряженность артикуляции, твердость / мягкость, работа голосовых складок (глухость / звонкость), длительность, аспираторность, огубленность и дополнительные артикуляции (см. табл. 2а, б).

Рассмотрим вначале признак напряженности артикуляции. Согласно полученным данным, выделяются три группы аллофонов фонемы /d/: сильнонапряженные, умереннонапряженные и слабонапряженные. Сверхслабонапряженных единиц не обнаружено. Как и в случае с фонемой /t/, самыми распространенными являются умереннонапряженные варианты (61,9 %), за которыми следуют сильнонапряженные (31,0 %). Слабонапряженные оттенки /d/ встречаются в два с половиной раза реже, чем слабонапряженные оттенки /t/ – в 7,1 % лексем и только в инициальной превокальной и медиальной интервокальной позиции (см. табл. 6). Основной аллофон фонемы /d/ следует определить как умереннонапряженный согласно количественным данным. В исследовании [Селютина и др. 2013] данная фонема в языке чатов также описывается как умереннонапряженная.

Таблица 6

Table 6

Распределение оттенков фонемы /d/ в слове в зависимости от напряженности Distribution of the allophones of the phoneme /d/ by the articulatory effort within the word

Напряженность	CV-	-VCV-	-CC ₃ -	-C ₃ C-
Сильная	18,2 %	18,2 %	25,0 %	50 %
Умеренная	72,7 %	63,6 %	75,5 %	50 %
Слабая	9,1 %	18,2 %	0 %	0 %

Фонема /d/ реализуется в 97,6 % случаев в твердых аллофонах. В представленном материале факультативное употребление мягкого оттенка зафиксировано в единственном случае: айда́ ‘пойдем, давай’ [ʔ^a_{48.3} j d^j_{18.3}ː] ~ [e_{38.2}a_{38.2} j d^j_{28.2}a_{48.2}ː]. В данном примере мягкий [d^j] используется перед узким гласным [e] первой степени отступа. Мягкие оттенки в твердорядных лексемах не констатируются, что свидетельствует о зависимости от сингармонического ряда.

В отношении дополнительных артикуляций, связанных с положением языка, наблюдается сходная с аллофонами фонемы /t/ картина: отсутствует корреляция с сингармоническим рядом у уранизированных, предвеляризованных и веляризованных оттенков, а палатализованный оттенок фиксируется только в мягкорядном слове (см. табл. 2а). Также отмечается варьирование дополнительных артикуляций в одном слове у разных дикторов. Самыми распространенными оттенками являются уранизированные [d^j], они регистрируются в 52,4 % лексем (ср. 58,6 % для /t/), количество предвеляризованных и веляризованных аллофонов сопоставимо и составляет 21,4 % и 23,8 % соответственно.

Абсолютные значения второй форманты аллофонов /d/ находятся в диапазоне от 619 до 2401 Гц. Для мягкорядных аллофонов характерны более высокие значения частотных параметров по сравнению с твердорядными, с систематическим превышением в диапазоне от 150 до 400 Гц. В твердорядных лексемах средние значения F2 оттенков фонемы /d/ варьируют преимущественно в зоне предвеляризованных настроек (1301–1500 Гц), что придает звучанию менее выраженный оттенок «твердости» как при веляризованных настройках, а в мягкорядных формах твердые аллофоны /d/ звучат с оттенком «смягченности» за счет более продвинутого вперед уклада языка [Уртегешев 2024а].

Относительная длительность аллофонов /d/ варьирует от 34 % до 118 %, от сверхкратких до полудолгих значений. Наиболее распространенным является краткий оттенок (57,1 % всех проанализированных лексем). В 26,2 % лексем встречаются сверхкраткие оттенки, в 16,7 % – полудолгие. Долгих фонем не выявлено.

Огубленные и неогубленные аллофоны [dʲ] и [d] являются комбинаторными вариантами, поскольку не встречаются в одинаковых условиях: огубленные – перед лабиализованными гласными типа «о», «у», «ø» и «y», неогубленные – в препозиции к нелабиализованным «а», «е», «i» и «ь».

Аспирации в целом не характерна для фонемы /d/, аспирированные оттенки составляют 21,4 % от общего числа проанализированных лексем и констатируются в твердоядных и мягко-рядных формах в следующих позициях: CV-, -VCV- и -CC₃. В таких аллофонах аспирация очень слабая и непродолжительная (см. рис. 3).

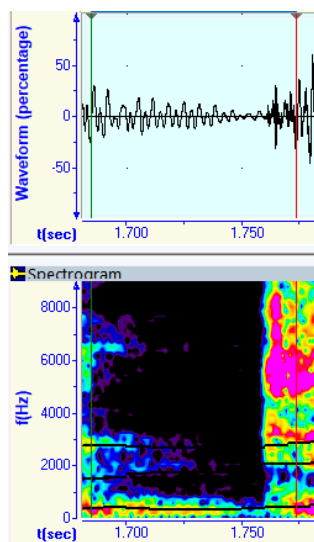

Рис. 3. Слабоаспирированный оттенок /d/ в слове *ködre* ‘кудрявый’

Fig. 3. Weakly aspirated allophone of /d/ in the word *ködre* ‘curly’

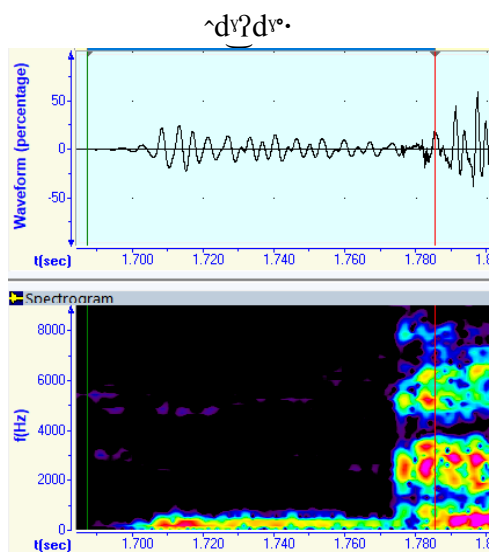

Рис. 4а. Аллофон /d/ в слове *dört* ‘четыре’
Fig. 4a. Allophone of /d/ in the word *dört* ‘four’

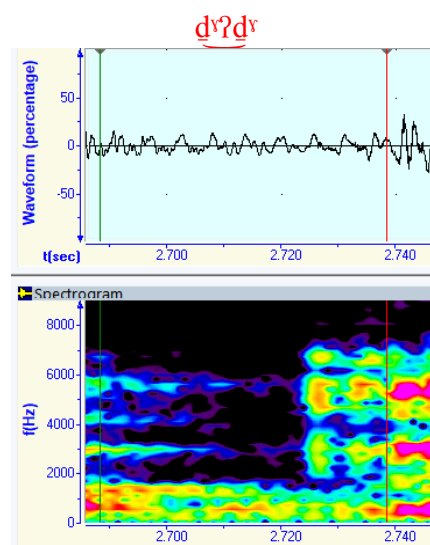

Рис. 4б. Аллофон /d/ в словоформе
yazadalar ‘сделали=они’
Fig. 4b. Allophone of /d/ in the word form
yazadalar ‘made=they’

Корреляции между напряженностью и наличием аспирации не выявлено (см. табл. 2а, б). В одних и тех же лексемах, произнесенных другим диктором, аспирация может отсутствовать.

Абсолютные значения интенсивности аллофонов фонемы /d/ находятся в диапазоне от –5,1 до –29,0 дБ. Общее усредненное значение относительной интенсивности для всех позиций и рядов равно –16,2 дБ. Полученные значения для фонем /t/ и /d/ коррелируют со значениями,

вычисленными для звуко типов «р» и «b», а именно: «р» –25,4 дБ, /t/ –24,7 дБ, «b» –15,1 дБ, /d/ –16,2 дБ [Якимец 2024].

По работе голосовых складок аллофоны фонемы /d/ являются преимущественно звонкими. В инициальной превокальной позиции встречаются начальнотухлые оттенки (см. рис. 4а). В остальных позициях фонемы полнотухлые.

В 21,4 % фонем встречаются глоттальные вставки, как щелевые, так и смычные. Достаточно часто глухие смычные вставки располагаются рядом со взрывом, усиливая напряженность (см. рис. 4а, 4б). Смычно-щелевая реализация фонемы /d/ наблюдается у одного диктора в двух лексемах и свободно варьирует со смычными взрывными при повторном произнесении.

Среднее значение ЧОТ аллофонов /d/ ниже практически во всех позициях, где его можно сопоставить с данными по /t/ (см. табл. 7). Подсчет общего среднего значений по всем позициям в слове показывает разницу в ≈ 20 Гц (185,4 Гц для /t/ и 164,7 Гц для /d/). Это свидетельствует о том, что в сравнении с фонемой /t/ фонема /d/ артикулируется при более низком положении гортани, поскольку движение гортани связано с движением основного тона [Ферр 1998; Moisik, Lin, Esling 2013].

Таблица 7
Table 7

Среднее значение ЧОТ в Гц в позиции внутреннего сандхи
Mean F0 (Hz) in word-internal sandhi position

Ряд	CV-		-VCV-		-CC ₁ -	-CC ₃ -		-C ₁ C-	-C ₃ C-		-CC-	-VC
	t	d	t	d	t	t	d	t	t	d	tt	t
Твердый	181,0	153,7	176,2	139,0	174,3	234,5	209,0	172,0	156,7	166,7	192,7	192,7
Мягкий	219,6	137,8	177,7	149,7	183,0	185,0	179,3	174,4	177,0	183,0	179,7	190,3
Среднее значение	200,3	145,8	177,0	144,4	178,7	209,8	194,2	173,2	166,9	174,9	186,2	191,5

По участию голоса все аллофоны фонемы /d/ являются звонкими, оттенки с начальной глухостью составляют лишь 7 % от всех исследованных лексем. Более того, начальная глухость варьирует от 5,1 до 16,8 % от абсолютной длительности звука.

При анализе акустических характеристик компонентов аллофонов фонемы /d/ выявлено, что относительная длительность доимпульсной смычной части является достаточно устойчивой величиной и в среднем составляет 85,7 % АДЗ. В случае с фонемой /t/ наблюдаются значительные вариации в зависимости от позиции в лексеме, однако значения относительной общей длительности смычной части в геминате [tt] сопоставимы с таковыми у аллофонов /d/: 82,1 ~ 91,5 %. Доимпульсная смычная часть у аллофонов /d/ примерно на 40 % больше, чем у аллофонов /t/, а постимпульсный аспирированный компонент почти в 5 раз длиннее у аллофонов /t/, чем у аллофонов /d/, если он присутствует. Средние относительные значения взрывного и фриктивного компонента сопоставимы.

Мы считаем, что для фонемы /d/ работа голосовых складок (звонкость) является фонологическим признаком, потому что замена звонкого оттенка [d] глухим [t] приводит к разрушению звуковой оболочки слова или смысла, например, в частичных квазиомонимах: *ажытым* 'ем=я' ~ *ажадым* 'ел=я'; *этититим* 'работаю=я' ~ *эштедем* 'работал=я'. Кроме того, в нашем материале глухих или полуглухих реализаций фонемы /d/ не зафиксировано. Начальнотухлые аллофоны с небольшим по длительности глухим компонентом в анлауте встречаются редко. Глухой компонент аспирации у аспирированных аллофонов также невелик – в диапазоне от 4,6 до 11,2 % от абсолютной длительности звука.

Как и в случае с фонемой /t/, результаты исследования показывают, что остальные акустические характеристики не имеют фонологической значимости, а следовательно, оттенки являются комбинаторными или факультативными вариантами шумной ротовой переднеязычной фонемы /d/.

Шумные переднеязычные смычные взрывные согласные в тюркских языках Сибири

Противопоставления шумных переднеязычных взрывных согласных фонем /t/ и /d/ по глухости / звонкости носят фонематический характер в нескольких тюркских языках Южной Сибири. Так, языке калмаков выделяется всегда глухая фонема /t/, реализующаяся в умеренно и сильнонапряженных, слабосмягченных и несмягченных оттенках, и всегда звонкая фонема /d/, реализующаяся в умереннонапряженных слабосмягченных и несмягченных оттенках [Уртегешев 2018], что согласуется с полученными нами результатами. Оппозиция по глухости / звонкости также релевантна для якутского и долганского языков, хотя в долганском развитие системы оппозиций происходит по признаку длительности [Селютина 2009; Широбокова 1995]. Под влиянием русского языка наблюдается развитие оппозиции по глухости / звонкости в медиально-постконсонантных позициях в ниже-тёйском говоре сагайского диалекта хакасского языка, хотя в остальных позициях подсистема шумных согласных противопоставлена по признаку длительности [Субракова 2006].

По признаку длительности противопоставляются долгие и краткие шумные согласные фонемы /t/ и /t:/ в алтайском языке, языках туба-кижи и кумандинцев [Селютина 1983, 2009; Сарбашева 2004]. В чалканском языке фонемы /t/ и /d/ противопоставлены не только по длительности, но и по силе артикуляторного напряжения и работе голосовых складок: фонема /t/ является более длительной и напряженной, чем фонема /d/ [Кирсанова 2003].

В барабинском диалекте сибирских татар фонологическую значимость имеет фарингализация и напряженность артикуляции, на основе которых выделяются две фонемы /t₁/ и /t₂/. Нефарингализованная и ненапряженная фонема /t₁/ реализуется как в глухих, так и в озвонченных и звонких оттенках [t], [d], в то время как фарингализованная и напряженная фонема /t₂/ облигаторно глухая [Рыжикова 2005].

Изменение положения гортани по вертикали является конститутивно-дифференциальным признаком для системы шорского консонантизма. В зависимости от положения гортани и языка выделяются три шумные переднеязычные фонемы: статичная фонема /t₁/, инъективно-эъективная фонема /t₂/ и эъективно-инъективная фонема /t₃/. В звонких и полувзвонких оттенках могут реализовываться только фонемы /t₁/ и /t₂/ [Уртегешев 2002].

Для тувинского языка (включая сут-хольский говор тувинского языка) основным признаком, структурирующим подсистему шумных согласных, является напряженность артикуляции, согласно которой шумные делятся на сильные и слабые. Фарингализация же носит аллофонический характер и наличие или отсутствие фарингализации зависит от фарингального сингармонического ряда словоформы [Селютина и др. 2014]. В сут-хольском говоре дополнительным конститутивно-дифференциальным признаком является аспираторность / неаспираторность. Длительность, глухость / звонкость и фарингализованность являются конститутивными, но не дифференциальными признаками. Выделяется фонема /t̥/, реализующаяся в напряженных глухих оттенках, и фонема /t/, реализующаяся в ненапряженных глухих, звонких и полувзвонких оттенках [Кечил-оол 2006].

Переднеязычные смычные фонемы /t/ и /d/ в юрт-орском идиоме по своим акустическим характеристикам наиболее близки языку калмаков, также входящему в группу томских диалектов. Вопрос о наличии фарингализации у консонантных настроек юрт-орского идиома и ее статуса в фонологической системе требует дополнительного изучения соматическими методами. В работе [Селютина и др. 2013] по данным рентгеноскопии в твердоярдом слове *ат* 'лошадь' фарингализация фиксировалась, а в слове *дос* 'друг' отсутствовала.

Заключение

По результатам проведенного исследования с использованием акустического, аудитивного, дистрибуционного и количественного методов было выделено две шумные ротовые переднеязычные фонемы /t/ и /d/. Основной аллофон фонемы /t/ определяется как шумный ротовый переднеязычный смычный взрывной твердый умереннонапряженный сверхкраткий умеренноаспираторный уранизированный глухой согласный, а основной аллофон фонемы /d/ как шумный ротовый переднеязычный смычный взрывной твердый умереннонапряженный краткий неаспираторный.

ванный уранизированный звонкий. Для данной пары фонем признак глухости / звонкости является конститутивно-дифференциальным, структурирующим данную оппозицию. Признаки напряженности, аспирированности, твердости / мягкости, огубленности / неогубленности, дополнительных артикуляций не имеют фонологического статуса. Аллофоны по этим признакам используются как комбинаторные или факультативные варианты соответствующих фонем. Что касается признака длительности, то вопрос о его фонологическом статусе пока до конца не исследован, равным образом как и вопрос о наличии и значении фарингализации для подсистемы шумных согласных в юрт-орском идиоме. Изучение данных вопросов, а также последующее установление и описание остальных согласных фонем идиома представляется перспективным направлением исследования. Сопоставительный анализ показал, что по характеристикам фонем /t/ и /d/ идиом наиболее близок к языку калмаков, хотя есть параллели с другими тюркскими языками.

Список литературы

- Бадрутдинова А. А.* Система вокализма говоров татарских сел Колыванского района Новосибирской области (по материалам экспедиции 2017-го года) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 1. Т. 10. С. 1–8. URL: <https://sfk-mn.ru/issue-1-2019.html> (дата последнего обращения: 21 октября 2025).
- Дульзон А. П.* Диалекты татар – аборигенов Томи // Уч. зап. Т. XV. Томск: Томский государственный педагогический университет, 1956. С. 297–379.
- Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 336 с.
- Кечил-Оол С. В.* Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2006. 362 с.
- Кирсанова Н. А.* Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 149 с.
- Наделяев В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л.: Институт языкознания АН СССР, 1960. 67 с.
- Рамазанова Д. Б.* Себер татарларының том диалекты // Национально-культурное наследие: Татары Томской области = Милли-мәдәни мирасыбыз: Томск өлкәсе татарлары. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, 2016. С. 81–154.
- Рыжикова Т. Р.* Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 270 с.
- Сарбашева С. Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка: в сопоставительном аспекте. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2004. 244 с.
- Селютина И. Я.* Консонантные системы в языках народов Сибири: к проблеме типологии. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2009. 326 с.
- Селютина И. Я.* Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Наука, 1983. 184 с.
- Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р. и др.* Фарингализация как типологический признак фонологических систем: на материале тюркских языков Южной Сибири. Новосибирск: Омега Принт, 2014. 312 с.
- Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Эсенбаева Г. А. и др.* Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири. Новосибирск, 2013. 352 с.
- Субракова В. В.* Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2006. 244 с.
- Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 352 с.
- Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар: опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. 296 с.
- Уртегешев Н. С.* Шумный консонантизм шорского языка: на материале мрасского диалекта. Новосибирск, 2002. 305 с.
- Уртегешев Н. С.* Калмаков язык // Journal of Endangered Languages. 2018. Т. 8, № 12. С. 65–95.

Уртегешев Н. С. Фоико-фонологическая система шорского языка в южносибирском тюркском контексте: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2021. 583 с.

Уртегешев Н. С. Уклад языка в ротовой полости как дополнительная артикуляция гласных // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 226–242.

Уртегешев Н. С. Формантные показатели «веляризации». Часть I // Алтаистика. 2024а. № 1 (12). С. 48–60.

Уртегешев Н. С. Палатальность, палатализация, уранизация, мягкость (по данным МРТ) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024б. Т. 10, № 3. С. 186–199.

Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р. Губно-губные согласные языка чатов и барабинских татар: сопоставление // Милли-мәдәни мирасыбыз: Новосибирск өлкәсе татарлары. 2 нче басма, 2021. С. 224–240.

Феер Б. Б. Акустические характеристики гласных кетского языка (пакулихинский говор). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 134 с.

Халкова Ю. А., Уртегешев Н. С. Дистрибуция и инвентарь шумных губных фонем в языке чатских татар // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XV Всероссийской научной конференции, проводимой в рамках IV Всемирного курултая башкир и посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Ф.Г. Хисамитдиновой, Уфа, 19–21 ноября 2015 года. Уфа: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, 2015. С. 300–304.

Халкова Ю. А., Уртегешев Н. С. Язык чатов: малолетние 1-го артикуляционного ряда // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XVI Всероссийской конференции, Уфа, 01–04 июня 2016 года. Уфа: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, 2016. С. 86–89.

Широбокова Н. Н. Формирование оппозиции в системе шумных согласных в якутском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1995. С. 76–100.

Якимец Н. В. Чатские билабиальные согласные по акустическим данным // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 4 (49). С. 241–256.

Moisik S., Lin H, Esling J. Larynx height and constriction in Mandarin tone // Eastward Flows the Great River: Essays on Contemporary Linguistics and Language Studies. Festschrift in honour of Professor William S-Y. Wang on his 80th Birthday. Hong Kong, 2013. Pp. 187–205.

References

Badrtdinova A. A. Sistema vokalizma govorov tatarskih sel Kolyvanskogo rajona Novosibirskoj oblasti (po materialam jekspedicii 2017-go goda) [The system of vocalism of the dialects of the Tatar villages of the Kolyvan district of the Novosibirsk region (based on the materials of the 2017 expedition)]. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2019, no. 1, vol. 10, pp. 1–8. URL: <https://sfk-mn.ru/issue-1-2019.html> (accessed 21.10.2025) (In Russian)

Dul'zon A. P. Dialekty tatar – aborigenov Tomi [Dialects of Tatars, aborigines of the Tom]. *Uchenye zapiski. Tom XV* [Scientific notes. Vol. XV]. Tomsk, TSPU, 1956, pp. 297–379. (In Russian)

Feyer B. B. Akusticheskiye kharakteristiki glasnykh ketskogo yazyka (pakulikhinsky govor) [Acoustic properties of vowels in the Ket language: the Pakulikha dialect]. Novosibirsk, SB RAS, 1998, 134 p. (In Russian)

Kechil-Ool S. V. Tipologicheskaya spetsifika konsonantizma sut-khol'skogo govora v sisteme govorov i dialektov tuvinskogo yazyka [Typological specificity of the consonant system of the Sut-Khol dialect within the system of dialects and subdialects of the Tuvan language]. Novosibirsk, Sova, 2006, 362 p. (In Russian)

Khalkova Yu. A., Urtegeshev N. S. Distributsiya i inventar shumnykh gubnykh fonem v yazyke chatskikh tatar [Distribution and inventory of noisy labial phonemes in the language of the Chat Tatars]. In *Aktualnyye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii: Materialy XV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, provodimoy v ramkakh IV Vsemirnogo kurultaya bashkir i posvyashchennoy yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora F.G. Khisamitdinovoy, Ufa, 19–21 noyabrya 2015 goda* [Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia: Proceedings of the XV All-

Russian scientific conference held within the framework of the IV World Kurultai of the Bashkirs and dedicated to the anniversary of Doctor of Philology, Professor F.G. Khisamitdinova, Ufa, November 19–21, 2015.]. Ufa, Institute of History, Language, and Literature, Ufa Scientific Center RAS, 2015, pp. 300–304. (In Russian)

Khalkova Yu. A., Urtegeshev N. S. Yazyk chatov: maloshumnyye 1-go artikulyatsionnogo ryada [Chat language: bilabial sonorants]. In *Aktualnyye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii: Materialy KHVI Vserossiyskoy konferentsii, Ufa, 01–04 iyunya 2016 goda* [Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia: Proceedings of the XVI All-Russian conference, Ufa, June 1–4, 2016]. Ufa, Institute of History, Language, and Literature, Ufa Scientific Center RAS, 2016, pp. 86–89. (In Russian)

Kirsanova N. A. *Konsonantizm v yazyke chalkantsev (po eksperimental'nykh dannym)* [Consonantism in the Chalkan language: an experimental study]. Novosibirsk, Sibirsky khronograf, 2003, 149 p. (In Russian)

Moisik S., Lin H, Esling J. Larynx height and constriction in Mandarin tone. In *Eastward Flows the Great River: Essays on Contemporary Linguistics and Language Studies. Festschrift in honour of Professor William S-Y. Wang on his 80th Birthday*. Hong Kong, 2013, pp. 187–205.

Nadelyayev V. M. *Proyekt universalnoy unifikirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFT)* [Project of a universal unified phonetic transcription (UUPT)]. Moscow, Leningrad, Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences Publ., 1960, 67 p. (In Russian)

Ramazanov D. B. Seber tatarlarynyng tom dialekty [The Tomsk Dialects of the Siberian Tatars]. In *Natsional'no-kul'turnoe nasledie: Tatarskiy Tomskoy oblasti* [National and cultural heritage: the Tatars of the Tomsk region]. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature, and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2016, pp. 81–154. (In Tatar)

Ryzhikova T. R. *Konsonantizm yazyka barabinskikh tatar: sopostavitel'no-tipologicheskii aspekt* [Consonantism in the Baraba Tatar language: a comparative and typological study]. Novosibirsk, SB RAS, 2005, 270 p. (In Russian)

Sarbasheva S. B. *Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altayskogo yazyka: v sopostavitel'nom aspekte* [Phonological system of the Tuba dialect of the Altai language: a comparative study]. Novosibirsk, Sov, 2004, 244 p. (In Russian)

Selyutina I. Ya. *Konsonantnye sistemy v yazykakh narodov Sibiri: k probleme tipologii* [Consonant systems in the languages of the peoples of Siberia: on the problem of typology]. Novosibirsk, Sova, 2009, 326 p. (In Russian)

Selyutina I. Ya. *Kumandinskii konsonantizm. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie* [Consonant system of the Kumandin language. An experimental phonetic study]. Novosibirsk, Nauka, 1983, 184 p. (In Russian)

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Esenbayeva G. A. et al. *Atlas konsonantnykh artikulyatsiy v tyurkskikh yazykakh narodov Sibiri* [Atlas of consonantal articulations in the Turkic languages of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2013, 352 p. (In Russian)

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Ryzhikova T. R. et al. *Faringalizatsiya kak tipologicheskii priznak fonologicheskikh sistem: na materiale tyurkskikh yazykov Yuzhnoy Sibiri* [Pharyngealization as a Typological Feature of Phonological Systems: A Case Study of the Turkic Languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, Omega Print, 2014, 312 p. (In Russian)

Shirobokova N. N. Formirovaniye oppozitsii v sisteme shumnykh soglasnykh v yakutskom yazyke [Formation of opposition in the system of noisy consonants in the Yakut language]. In *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the Indigenous Peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1995, iss. 2, pp. 76–100. (In Russian)

Subrakova V. V. *Sistema soglasnykh sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [The consonant system of the Sagai dialect of the Khakass language: a comparative study]. Novosibirsk, Sova, 2006, 244 p. (In Russian)

Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, Aspect Press, 2000, 352 p. (In Russian)

Tumasheva D. G. *Dialekty sibirskikh tatar: opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Dialects of the Siberian Tatars: a comparative study]. Kazan, Kazan University Press, 1977, 296 p. (In Russian)

Urtegeshev N. S. *Foniko-fonologicheskaya sistema shorskogo yazyka v yuzhnosibirskom tyurkskom kontekste* [Phonico-phonological system of the Shor language in the South Siberian Turkic context]. Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2021, 583 p. (In Russian)

Urtegeshev N. S. Formantnyye pokazateli “velarizatsii”. Chast I [Formant indicators of “velarization”. Part I]. *Altaistika* [Altaistics]. 2024a, no. 1 (12), pp. 48–60. (In Russian)

Urtegeshev N. S. Kalmakov yazyk [The language of Kalmaks]. *Journal of Endangered Languages*. 2018, vol. 8, no. 12, pp. 65–95. (In Russian)

Urtegeshev N. S. Palatal’nost’, palatalizatsiya, uranizatsiya, myagkost’ (po dannym MRT) [Urtegeshev, N. S. Palatality, palatalization, uranization, softness (based on MRI data)]. *Theoretical and applied linguistics*. 2024b, vol. 10, no. 3, pp. 186–199. (In Russian)

Urtegeshev N. S., Ryzhikova T. R. Gubno-gubnyye soglasnyye yazyka chatov i barabinskikh tatar: sopostavleniye [Labial consonants of the Chat language and the Barabinsk Tatars: a comparison]. In *Milli-mädäni mirasybyz: Novosibirsk ölkäse tatarlary* [National cultural heritage: Tatars of the Novosibirsk region]. 2nd ed. Kazan, 2021, pp. 224–240. (In Russian)

Urtegeshev N. S. *Shumnyy konsonantizm shorskogo yazyka: na materiale mrasskogo dialekta* [Obstruent consonant system of the Shor language: based on the Mrass dialect]. Novosibirsk, 2002, 305 p. (In Russian)

Urtegeshev N. S. Uklad yazyka v rotovoy polosti kak dopolnitelnaya artikulyatsiya glasnykh [The position of the tongue in the oral cavity as an additional articulation of vowels]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2023, no. 1, pp. 226–242. (In Russian)

Yakimets N. V. Chatskie bilabial’nye soglasnye po akusticheskim dannym [Chat bilabial consonants based on acoustic data]. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2024, no. 4 (49), pp. 241–256. (In Russian)

Zinder L. R. *Obshhaya fonetika* [General phonetics]. Leningrad, Leningrad University Press, 1960, 336 p.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
11.08.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Наталья Васильевна Якимец – старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Natalia V. Yakimets – Senior Lecturer, Department of Intercultural Communication, Humanities Institute, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

sib_diam@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9215-5211>

Гармония гласных и звуко-символизм в нганасанском языке

В. Ю. Гусев

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

В нганасанском языке существует сложная система чередования гласных в суффиксах, восходящая к противопоставлению переднего и заднего рядов, но в результате многих передвижений гласных лишившаяся фонетической мотивации. Однако один глагольный и одна пара именных суффиксов принимают гласные обоих сингармонических классов, соответственно меняя гласные и всех последующих аффиксов: если речь идет о большом, опасном или нейтральном предмете, то используются гласные бывшего заднего ряда, а если о маленьком, симпатичном или вызывающем жалость, то бывшего переднего. Эта система, функционирующая независимо от аугментативных и диминутивных маркеров на именах, рассматривается в статье.

Ключевые слова

сингармонизм, звуко-символизм, нганасанский язык

Благодарности

Материал для статьи был собран во время работы над словарем нганасанского языка в университете Гамбурга в рамках проекта DFG № 412514449.

Для цитирования

Гусев В. Ю. Гармония гласных и звуко-символизм в нганасанском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 90–99. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-90-99

Vowel harmony and sound symbolism in Nganasan

V. Ju. Gusev

Institute of Linguistics, Moscow, Russia

Abstract

Among the various types of sound symbolism, the association between palatality and diminutiveness is one of the most well-documented. This paper presents an overview of an inflectional device operating in Nganasan (Samoyedic < Uralic), spoken in Northern Siberia. The analysis is based on a corpus of approximately 400,000 tokens of Nganasan texts, supplemented by judgments and comments elicited from native speakers. Nganasan exhibits a complex system of vowel alternation in suffixes that are historically rooted in front and back vowel distinctions. After a major vowel shift, this system became mostly phonetically unmotivated. However, there is one derivational suffix that, when used to create verbs and nouns from roots that express visually perceptible features, can incorporate vowels from both harmonically related classes. When the subject is perceived as large, dangerous, or neutral, vowels of the historically back class are selected. When the subject is perceived as small or as evoking sympathy or pity, vowels of the historically front class are used. Roots that feature such alternation are 'round', 'white', 'looking upward', 'well dressed', 'moving smoothly', and others. In addition to this verbal suffix, the language has a pair of nominal suffixes, one with etymologically back vowels and the other with etymologically front vowels, which share the same semantic pattern. These suffixes are likely to represent a single morpheme realized in two harmonic variants and may have originally been separate lexical items. Notably, this system functions independently of the nominal augmentative and diminutive markers, which are also common and productive in Nganasan.

Keywords

vowel harmony, sound symbolism, Nganasan

© В. Ю. Гусев, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

Acknowledgements

The paper is based on data collected as part of the research project on the creation of a dictionary for the Nganasan language, which was supported by a grant from the German Research Foundation (DFG) with the Project No. 412514449 at the University of Hamburg.

For citation

Gusev V. Ju. Garmoniya glasnykh i zvukosimvolizm v nganasanskom yazyke [Vowel harmony and sound symbolism in Nganasan]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 90–99. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-90-99

Нганасанский язык (один из самодийских языков с очень небольшим сегодня количеством носителей на Таймыре) известен своей системой сингармонизма [Castrén 1854: 26–31; Хелимский 1994: 199–200; Várnai 2002; Wagner-Nagy 2019: 78–81], которая настолько сложна, что некоторые исследователи (например, [Терещенко 1979: 48]) считают более правильным говорить, что сингармонизма в нем вообще нет. Все корни в нганасанском языке делятся на два класса, и многие суффиксы (вероятно, большинство суффиксов) имеют чередование гласных в своем составе, при этом гласные суффикса определяются классом корня; в этом смысле нганасанская система напоминает классические системы рядного сингармонизма уральских и тюркских языков. Однако распределение корней по классам лишено фонетической мотивации. Хотя иногда по вокализму корня можно предположить, к какому классу он относится, в общем случае отнесение корней к тому или иному классу задается лексически, и омонимичные или почти омонимичные корни могут относиться к разным классам. См. образование посессивной формы 3-го л. ед. ч. от некоторых основ в примере ниже:

(1)	<i>d'intə</i> 'лук'	<i>d'intə-δu</i>
	<i>kintə</i> 'дым'	<i>kintə-δi</i>
	<i>ńir</i> 'хрящ; белок глаза'	<i>ńir-tü</i>
	<i>ńir</i> 'рукоятка'	<i>ńir-ti</i>

Как видно, некоторые основы требуют в этом суффиксе звука *u*, а некоторые – звука *i* (при *i* в предыдущем слоге они меняются соответственно на *ü* и *i*). Это не единственный, но самый частотный тип чередования, и по нему первый класс обозначается символом U, а второй – символом I.

Более того, корень может менять ряд при словообразовании и даже при словоизменении, если чередуется последняя гласная корня (чередования происходят во многих корнях, но ряд меняется только у небольшого их количества). Таковы как минимум несколько корней с *l* в середине, например, *koli* 'рыба':

(2)	<i>koli-δi</i>	<i>kola-tü</i>
	рыба-3SG	рыба-PL.3PL
	'его рыба'	'его рыбы'
	<i>koli-δi-si</i>	<i>kola-tü-sa</i>
	рыба-VBLZ-INF	рыба-VBLZ-INF
	'рыбачить'	

Наконец, бывают суффиксы, которые «переключают» ряд после себя: все следующие за ним аффиксы принимают варианты U или I независимо от собственного класса корня. Таковы, к примеру, показатель пробабилитива *-li* или словообразовательный глагольный аффикс *-sij*: гласные в них не чередуются, но все последующие аффиксы принимают варианты ряда I.

Так же фонетически не мотивировано соотношение суффиксальных гласных с тем или иным классом, как это видно уже из приведенных примеров: корни первого класса требуют в притяжательном суффиксе 3-го л. ед. ч. *u* или *ü*, а гласные второго класса – *i* или *i*, в суффиксе инфинитива

– *a* и *i*, соответственно. В таблице ниже показаны возможные варианты чередования (или нечередования) гласных в различных суффиксах [Хелимский 1994: 211]:

U	a	a	a	u	u	ü	ü	i	i	э
I	ia	i	a	i	u	i	ü	i	i	э

Как легко предположить, такая ситуация является результатом исторических изменений гласных [Várnai, Wagner-Nagy 2003; Kaheinen 2023], в результате которых чередования в суффиксах не были утрачены, но стали фонетически непрозрачными. Нынешний класс U – это бывший задний ряд, а нынешний класс I – это бывший передний ряд, что видно из прасамодийских реконструкций: *d'intä* ‘лук’ < ПС **jntä*, *kintä* ‘дым’ < ПС **küntä*, *ñir* ‘хрящ; белок’ < ПС **ñer*, *ñir* ‘рукоятка’ < ПС **nir* [Janhunen 1977: 25, 79, 102, 108]. Поскольку сингармоническая характеристика корней стала фонетически произвольной, некоторые редкие корни могут встречаться с вариантами суффиксов обоих классов (с частотными корнями такого не происходит). Другим последствием утраты фонетической мотивации распределения по классам становится теоретическая возможность использовать смену класса для выражения какого-то значения, и, быть может, эта возможность реализуется в нганасанском языке. Настоящая статья посвящена использованию сингармонической характеристики корня для указания на размер субъекта или на отношение к нему.

Явление звуко-символизма, то есть использование фонем каких-то классов в морфемах с определенным значением, много обсуждалось [Blasi et al. 2016; и мн. др.]. Одним из самых известных типов звуко-символизма является соотнесение гласных переднего ряда с маленьким размером, а гласных заднего ряда – с большим размером; так, в работе [Bodo, Perlman 2021] показано, что противопоставление высоких передних и низких задних гласных статистически хорошо соблюдается в английских прилагательных размера: первые чаще встречаются в прилагательных, обозначающих маленький размер, вторые – большой. Другой стороной этого же явления можно считать экспрессивную палатализацию согласных: употребление палатальных или палатализованных коррелятов непалатальных согласных там, где речь идет о маленьких предметах или детях [Alderete, Kochetov 2017]. Такие системы засвидетельствованы в Северной Америке [Nichols 1971]; в Сибири экспрессивная, или аффективная, палатализация описывалась для чукотско-камчатских языков [Bobaljik 2025].

В нганасанском языке корни, обозначающие визуально наблюдаемые свойства (мы называем их *изобразительными*, или *депиктивами*), могут присоединять некоторые суффиксы обоих сингармонических классов для указания на размер носителя этого свойства или на отношение к нему: класса U, если субъект оценивается как большой, вызывающий уважение или страх, и класса I, если субъект оценивается как маленький или симпатичный, как заслуживающий жалости или презрения и т. д. Отметим, что оценивается именно субъект (глаголы этого типа обычно непереходные, поэтому об объекте речь не идет), а не действие, которое могло бы быть, например, более или менее интенсивным. Ср. следующие два примера:

- (3) а. *Ətənikaə=mənɟ d'odü=l'i=i=δə, maa əmtɟ=rə təʔ,*
там=PROL ходить=INCH=PF=3SG.R что этот=2SG ведь
səd'əə=raa=δu sɪr'a=jɪ'ü=tu.
дорога=LIM=3SG белеть=DEPICT.V.U=PRAES
‘[Старик] стал ходить подальше [от чума]; что это? след [сына] белеет’
(ChND_080722_TwoFriends_flk 28).

- б. *Təti lataa='ku=tu kurəgüj maagəl'tətə sɪr'a=jɪ'i=tɟ.*
вот кость=DIM=3SG уже совсем белеть=DEPICT.V.I=PRAES
‘Эта косточка уже совсем вся побелела’ (ASS_161023_Djajku2_flkd 6).

В первом случае речь идет о следе от уехавшей упряжки, который выделяется на снегу, во втором – о найденной на оставленном чумовище старой оленьей косточке (обратим внимание на диминутивный суффикс на существительном), которая от времени стала совсем белой.

Как было сказано, для нечастотных корней в нганасанском языке характерно колебание сингармонического ряда, и варьирование в суффиксах изобразительных глаголов сначала воспринималось нами как такие же колебания, которые списывались на несовершенное владение языком. То, что это варьирование вовсе не случайно и за ним стоит очень оригинальный механизм, было понято, к сожалению, слишком поздно, когда возможностей для полевого изучения нганасанского языка осталось мало. Поэтому основным материалом исследования стал корпус нганасанских текстов (объемом около 400 тыс. слов, из которых на момент публикации статьи около 220 тыс. прогlossировано)¹; однако его отправной точкой все же были суждения носителей языка, которые удалось получить или которые встретились в комментариях к расшифрованным ранее текстам.

Ниже приводятся несколько пар глагольных форм (все – в 3-м л. ед. ч. субъектного спряжения настоящего времени) или сочетаний с ними, разница в значении которых была прокомментирована информантами (в квадратных скобках – наши пояснения):

səræəɖj ɲandajʃʉtu ‘много таких твердых снежных волн, как по дороге из Алыкели [дорога между аэропортом и Дудинкой] зимой’
hʷarujʃʉtu ‘(живот) круглый’
ɲembʲajʃʉtu ‘бога-ато одета’
mandajku ‘большой [круглый] кусок’
ɲulajku ‘вытянутый, продолговатый’
 [про шкаф-пенал на кухне или мешок]

šürüdü ɲandʲajʃʉti ‘когда много маленьких сугробов’

hʷarujʃʉti ‘такой полненький, надутенький’
ɲembʲajʃʉti ‘небогато, но опрятненько’
mandʲajsi ‘маленький’ [круглый кусок]
ɲulʲajsi ‘вытянутые’ [о щеках на продолговатом лице]

Речь пойдет о глагольных основах с суффиксом *-tu / -tj, -jtʉ / -jtʲi, -ntu / -ntj* и именных основах с суффиксами *-ku, -jku, -ɲku / -sj, -jsi, -nsi* (начальные согласные суффиксов выбираются в зависимости от корня; правила их выбора пока не ясны). В первом случае суффиксы с разными гласными – это стандартные сингармонические варианты, и аффиксы, следующие за ними (времени, наклонения, лица-числа и т. д.), также принимают соответствующие гласные. Во втором случае ситуация сложнее: согласные *k* и *s* нормально не чередуются в суффиксах, и показатели *-ku, -jku, -ɲku*, с одной стороны, и *-sj, -jsi, -nsi*, с другой, никогда не считались одной морфемой. Однако они оба относятся к суффиксам, «переключающим ряд»: после первого могут следовать только заднерядные варианты, после второго – только переднерядные. С другой стороны, из исторической фонетики известно, что **k* переходило в **s* перед передними гласными. Наконец, эти суффиксы присоединяются к тем же изобразительным корням, и ниже мы постараемся показать, что и по употреблению они распределены так же, как *-tu, -jtʉ, -ntu / -tj, -jtʲi, -ntj*: *ku*-варианты ассоциируются с увеличительностью, *si*-варианты – с уменьшительностью.

За неимением принятых ярлыков для этих суффиксов мы будем здесь glossировать их как DEPICT.V «глагольный депиктив» и DEPICT.N «именной депиктив», соответственно, для наглядности обозначая также в каждом случае ряд как U или I.

Перед этими суффиксами почти все основы имеют гласный *a* или *ʲa*, который, возможно, следует относить к суффиксу (считая, что он вытесняет последний гласный корня, если таковой имеется), а возможно, следует расценивать как результат чередования последнего гласного корня или эпентетического гласного. В большинстве случаев *a* выступает при «заднерядном» (то есть U) варианте суффикса, а *ʲa* – при «переднерядном» (то есть I), однако в корпусе имеются исключения, которые нуждаются в дополнительной проверке.

Те же самые корни могут иметь и другие производные или использоваться без дополнительных суффиксов; в иных основах варьирования сингармонического класса не отмечено. Например, глаголы в примерах (3а) и (3б) образованы от весьма частотного корня *šjr* ‘белый’, который в прочих формах имеет стабильный сингармонический класс I.

¹ Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. INEL Nganasan Corpus. Version 1.0. Publication date 2025-05-02. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE63-C>. Archived at Universität Hamburg. The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>. Фразовые примеры сопровождаются обозначением текста в соответствии с номенклатурой корпуса и номером предложения. Glossирование в ряде случаев упрощено.

Количество известных корней с «изобразительной» семантикой весьма велико. Мы приведем здесь список только тех, которые встретились в формах обоих сингармонических классов, благодаря чему мы можем быть уверены, что они используют этот механизм мены сингармонического класса (для экономии места мы приводим только заднерядные варианты):

d'ebatu- 'краснеть, видаться красным';
d'eñd'ajt'ü- 'блестеть';
d'oratu- 'быть наклонным, накренившимся';
d'üjh^aatu- 'быть круглым';
d'üjñantu- 'быть изогнутым дугой';
hoñd'ajt'ü- 'иметь острую грань';
hur^aajt'ü, *h^aarujt'ü*- 'быть округлым, выдаваться округло';
kəbujt'ü- 'двигаться легко, без препятствий';
kəlsajt'ü- 'быть длинным и узким';
kəbtujt'ü- 'быть плоским';
mandajt'ü- 'быть круглым, о человеке – сидеть сгорбившись, лежать свернувшись';
marbajt'ü- 'выдаваться вверх, о согнутом объекте' (например, о человеке, который бежит, согнувшись; о струе, которая бьет вверх и падает вниз; о согнутых коленях лежащего человека);
mirsatu- 'быть большим (о движущемся предмете?)';
nəñintu- 'протыкать, уходить в глубину чего-либо';
nujbajt'ü- 'идти понуро, опустив голову';
ñemb'ajt'ü- 'быть хорошо одетым';
ñomsajt'ü- 'торчать – об остром, тонком объекте, о худом человеке';
ñuñantu- 'смотреть вверх';
ñül'ajt'ü- 'быть вытянутым, продолговатым';
ñandajt'ü- 'быть волнистым, неровным';
ñidatu- 'задирать голову';
səñh^aatu- 'выдаваться округло';
śadajt'ü- 'сиять, светиться';
śirajt'ü- 'белеть, видаться белым';
śül'mantu- 'быть вытянутым, направленным в какую-либо сторону';
tijgajt'ü- 'быть просторным (о помещении), глубоким (о яме)';
tirsatu- 'улыбаться; оскалывать зубы';
tođatu- 'желтеть, видаться желтым';
tüđajt'ü- 'безвольно лежать (о больном, уставшем человеке)';
tumbutu- 'быть длинным и узким';
tusajt'ü- 'чернеть, видаться черным'.

Приведем несколько примеров. Мы старались максимально сохранять переводы, данные информантами, даже если они не очень правильны с точки зрения стандартного русского языка, чтобы продемонстрировать, как в них отражается различие в значении депиктивных форм.

- (4) а. *Təni^aar'ai^a?* *ñanuə* *bəndu^a* *hujkir=mə=mənu*
 так правда наверх крутить=PT.PASS=PROL
təni^aar'ai^a? *bəndu^a* *ñomsa=jt'ü=tu*.
 так наверх острый=DEPCT.V.U=PRAES
 'Скрученные наверх стоят острием [его волосы]' (ChND_061025_Haljmira_flks 87).

- б. *Dana^asa=tu* *ñomtü=tü* *ñanuə*, *kui^a* *sulkuə=d'a=^aku*
 человек=3SG сидеть=PRAES настоящий очень сокуй=PEJOR=DIM
tuj=tü *śaiđi=śjəđə* *ñanuə*, *śai=bia=^aku* *ñanuə=mənu* *bənsə*
 огонь=3SG сжечь=PT.PRAET настоящий сжечь=ADJZ=DIM настоящий=PROL весь

kəndə=tu hirə ʎi=ləa=nu ʎomśa=jt'i=tj təniʔa ɲomtū=śa.
 на́рты=GEN.3SG на уровне на=LIM=LOC о́стрый=DEPICT.V.I=PRAES так сидеть=INF
 'Человек сидит, такой дохленький сокуй² носит, огнем сожженный, весь обгоревший,
 на середине санки сидит, худенький' (MVL_090808_SyruNanjidja_flks 273).

Пример (4а) – часть описания «высоченного» человека, у которого швы на одежде и обуви «как зубья самой большой пилы». Пример (4б), очевидно, описывает героя совсем иного типа.

(5) а. *Turku bəɾə=nu ɲanuə ʎenat'aʔa=ʔ sɪru=rbaʔa=ʔ ʎomsa=jka=ʔa=ʔ.*
 о́зеро край=LOC правда огромный=PL лед=AUGM=PL о́стрый=DEPICT.N.U=AUGM=PL
 'На берегу озера острые глыбы льда' (JSM_060901_Relationship1_nar).

б. *Maajuna əmtj=rə ʎomśa=jśiʔ*
 что такое э́тот=2SG о́стрый=DEPICT.N.I
 'Что это такое остренькое?' (о шиле, которое лежит на земле)
 (PNF_880410_LostThings_flkd 48)

(6) а. *ʎa=ntu d'a ɲojbuə d'ora=tu=btu=tu.*
 товарищ=GEN.3SG к голова быть=наклоненным=DEPICT.V.U=CAUS=PRAES
Munu=ntu: «Daanku i=hü=tə əmə ʎenamaɖu=ni
 говорить=PRAES младший быть=COND=2SG быть.GEN соседний чум=GEN.PL.1DU
ʎenamaɖu=ni t'ərə=ʔ huudə=ʔ, śiti ʎinj=rə.
 соседний чум=GEN.PL.1DU житель=PL позвать=IMP.2SG.S два брат=2SG
 'К своей жене (или подруге) голову наклонил. Говорит: «Позови двоих твоих братьев
 из соседних чумов»' (THL_031110_ThreeTamtyrya_flk 32–33).

б. *Kaŋkə=güə [...] d'alaran̄ku, d'alarangu=tənj təśiəðə D'erbiʔə=iʔ kobt'a=lə*
 когда=то я́сная по́года я́сная по́года=LOC PTCL Де́рбиэ=GEN.PL де́вушка=2SG
təśiəðə bəjkuə=tu d'a d'or'a=tj=tj, hiśiriəbt'a=tj=ðə. [...]
 PTCL муж=GEN.3SG к быть склоненным=DEPICT.V.I=PRAES улыба́ться=PRAES=3SG.R
Tahari'aa bəba=ʔku=nə t'ərə təśiəðə, buədu=mə təi=t'ü.
 PTCL постель=DIM=GEN.1SG житель PTCL слово=1SG импе́ться=PRAES
 'И так когда-то в светлый день, в ясный светлый день дочь Дербиэ, боком глядя на мужа,
 улыбается, наклонив голову на плечо. [...] «Муж мой, у меня есть к тебе разговор»'
 (MVL_090809_FourChertjilehe_flks 645).

В примерах (6а) и (6б) речь идет об одном и том же действии: персонаж склоняет голову, обращаясь к собеседнику. Но в (6а) речь идет о мужчине, который отдает распоряжения женщине и ее братьям; напротив, в (6б) девушка ласково обращается к (только что выздоровевшему) мужу, очевидно, прося, а не требуя ее выслушать.

Интересна следующая пара примеров.

(7) а. *Bəlj=g'al'i i=t'üə kəbu=jt'ü=tu,*
 пе́сня=CARIT быть=PT.PRAES дви́гаться без препятствий=DEPICT.V.U=PRAES
maad'a ʎi=ɲj=ɲ kəjɲid'ə=ʔʔ
 почему NEG=INTERR=2SG.S пе́ть=CN
 'Без песни неинтересно, почему не поешь?' (TKF_990816_Ngadjea_flk_chk 385).

б. *Numajka-ʔa=rə ɲuəlj ʎüə=gütü holəʔl'ika=ʔku,*
 па́рень=AUGM=2SG ко́нечно ребе́нок=ведь ле́гкий=DIM
sovśəm kəbu=jt'i=tj.
 со́всем дви́гаться без препятствий=DEPICT.V.I=PRAES
 'Парнишка совсем легенький, совсем легко ходит' (MVL_080225_TwoNguamdje_flk 312).

² Сокуй (также совик, гусь) – верхняя мужская одежда у народов севера Западной Сибири; рубаха глухого покроя с капюшоном из сукна или меха, надеваемая поверх малицы или парки.

Если гладкое движение без препятствий оценивается положительно, как в примере (76), то употребляется «передний», ласковый вариант. Но в примере (7а) фольклорное повествование без песенных вставок оценивается отрицательно, как монотонное, «неинтересное», и поэтому выбирается «задний» вариант.

Рассмотрим также примеры (8а) и (8б), которые еще более наглядно показывают, что размер как таковой не столь важен. В (8а) речь идет о царской дочери, которая в роскошной одежде сидит на вершине некоего «столба», а потенциальные женихи должны надеть кольцо ей на руку. В (8б) речь о солнце.

- (8) а. *Stalba-ʔa h'ai=tənj kobtʰa=rbaʔa sɪda=jt'ü=tu.*
 столб=AUGM конец=LOC девушка=AUGM сиять=DEPICT.V.U=PRAES
 'На краю [= наверху] столба девушка сияет' (MVL_080226_TwoHorses_flks 549).
- б. *Tahar'aa təndə d'atiraa=ŋku=tə t'üü=ʔmüə=gətə=tu,*
 PTCL тот.GEN сухое место=DIM=LAT прийти=NMLZ=ABL=3SG
tənj d'alij=mənj tənj i=gə=tuʔ, kou=güə=δu ʔaagəə sɪd'a=jt'i=tj.
 там день=PROL там быть=ITER=3PL.S солнце=то=3SG хороший сиять=DEPICT.V.U=PRAES
 'Когда они на сухое место поднялись, целый день они там [находятся], даже солнышко светит' (MVL_080226_TwoHorses_flks 316).

Семантика депиктивов не всегда отражается в русском переводе текстов корпуса. В случае глаголов – практически никогда; но именные депиктивы на *-sɪ*, наоборот, достаточно часто сопровождаются диминутивами в русском переводе. Очевидно, причина этих различий – в русском языке: русские глаголы практически не имеют средств экспрессивного словообразования; увеличительные формы имен есть, но не очень употребительны; но вот уменьшительные формы существительных и прилагательных весьма распространены. Это дало возможность провести по корпусу исследование того, как часто встречаются указания на малый размер, на пренебрежительность, жалость и т. д. в русском переводе слов с именными депиктивными суффиксами: либо самих этих слов (как в примерах 9, 10), либо другого слова в той же именной группе (11).

- (9) *Takəə korij=nə d'eñd'a=sɪ=mənj kurəd'i=mənj ʔoñd'i=sjət i=hü=nəʔ*
 тот ящик=GEN.1SG сиять=DEPICT.N.I=PROL как=PROL выйти=FUT быть=COND=1SG
 'Как я выйду через **щелку** [«просвет»] в ящике?' (PTH_881105_Loss_flkd 40).
- (10) *Donəə ʔam'aj əmləd'i, əndi, d'üjh'a=sj.*
 еще.один другой такой, это, круглый=DEPICT.N.I
 'А другой такой **кругленький**' (TKF_061025_SonOfATsar_flks 298).
- (11) *kuʔ mel'a=jɪi d'ünt'a i=śa kona=ʔa.*
 очень пестрый=DEPICT.N.I лошадь быть=INF пойти=PF
 'совсем пестрой **лошадкой** стала' (MVL_080226_TwoHorses_flks 208).

В последнем примере депиктивная форма переведена нейтральным русским прилагательным *пестрый*, однако 'лошадь', которая в нганасанском не имеет никаких суффиксов, стала *лошадкой* – по-видимому, чтобы передать уменьшительность нганасанского прилагательного.

Результаты подсчетов таковы. На 156 депиктивных форм на *-ku* в 11 (7 %) случаях перевод содержал какую-то уменьшительную форму или лексему ³. Из 36 форм на *-sɪ* уменьшительность имела в 16 случаев, что составляет 44 %. Таким образом, из двух этих параллельных форм вторая, очевидно, гораздо лучше соотносится с русскими уменьшительными формами.

Из приведенных цифр также видно, что именные «заднерядные» депиктивы в четыре раза более частотны в текстах, чем «переднерядные». В случае глаголов с суффиксами *-jt'ü* / *-jt'i*

³ Сюда входят три примера со словом *цепочка* (об украшении, вплетенном в косу девушки). Кажется, что уменьшительность здесь присуща скорее русскому слову: перевод *цепь* применительно к украшению такого типа не очень уместен. Если исключить эти три случая, то результат составит 5 %.

подсчет по глоссированной части корпуса (которая, напомним, составляет около 220 тыс. словоформ) также показал превышение количество депиктивов U-ряда над депиктивами I-ряда примерно в два раза: 65 вхождения *-j'ti* против 28 *-j'ti* ⁴. Иные варианты этого суффикса в нынешней версии корпуса не выделены отдельно, поэтому подсчет их затруднен, но можно предположить, что после их учета пропорция существенно не изменится ⁵.

Мы склонны считать, что «заднерядный» (U) вариант является немаркированным, то есть он скорее будет употреблен, если говорящий хочет просто сообщить о наличии некоего признака, не уточняя своего отношения к его носителю. Напротив, «переднерядный» (I) вариант специально указывает на малый размер, симпатию или пренебрежение.

Обратимся в заключение к тому, как депиктивные аффиксы соотносятся с именными формами аугментатива и диминутива, которые очень частотны в нганасанском языке (существенно частотнее, чем депиктивы). В общем случае они употребляются независимо друг от друга. Часто их употребление выглядит скоординированным: к примеру, субъект депиктивного глагола класса I имеет суффикс диминутива или депиктивное существительное класса U присоединяет суффикс аугментатива. Такая ситуация не обязательна, но достаточно частотна, ср. примеры (3б), (5а), (8а), а также следующие:

- (12) *D'uriakəṭə t'ii=ʔa=tj̥ ɲuəl̥j̥ ɲuə=ʔ t̥ɪŋga=jka=ʔa=gümü.*
 ненецкий рукав=AUGM=3SG конечно быть=CN широкий=DEPICT.N.U=AUGM=ведь
 ‘Ненецкий рукав, конечно, широченный’ (JDH_00_FallenEarth_flkd 44).

- (13) *Ouʔ, maanuna tahar'iaa takəṭ maagüə təti ʔaṇd'a=ʔku*
 о что такое PTCL тот что-то тот тальник=DIM
sil'i'aʔ t'ümik i=tə=bü=tü il'i maanuna i=tə=bü=tü
 неизвестно чумик быть=EMPH=COND=3SG или что такое быть=EMPH=COND=3SG
tuśa=jši ɲədu=tj̥.
 черный=DEPICT.N.I быть видимым=PRAES
 ‘Что это, то ли кусты, то ли чумик, то ли что, что-то черненькое видно’
 (MVL_080225_TwoNguamdje_flk 278).

Однако употребление аугментативов и диминутивов может и расходиться с депиктивами; более того, именные депиктивы на *-ku* сами могут сочетаться с суффиксом диминутива, а депиктивы на *-ši* – с суффиксом аугментатива, как в следующих примерах.

- (14) *Kəṛəšinə=gəl'tə d'aŋku, l'üasa=ʔ kaḍarkəbtü=l'aa=ʔ manda=jka=ʔku=ʔ.*
 керосин=EMPH нет русский=PL лампочка=LIM=PL круглый=DEPICT.N.U=DIM=PL
 ‘[Сейчас]] и керосина нету, русские лампочки только, кругленькие’
 (KES-ChND_080725_Childhood_conv 164).

- (15) *Kurəd'i=tə luu=ʔ honəi=ši*
 какой=EMPH одежда=PL использовать=INF
kuʔ ɲanuə b̥ind'a=sj̥=ʔa n̥j̥.
 очень настоящий прямой=DEPICT.N.I=AUGM женщина
 ‘Хоть какую-то одежду носит [= какая-то на ней одежда, которая не описывается], такая стройная женщина’ (TKF_061105_MasterOfIdols_flk 957).

По-видимому, такие сочетания свидетельствуют о тонкой разнице в значении депиктивных суффиксов, с одной стороны, и аугментативов и диминутивов, с другой. В примере (14) лампочки, очевидно, оцениваются говорящим нейтрально, поэтому употребляется немаркированный «задний» вариант депиктива *-jku*; однако лампочки, несомненно, маленькие по сравнению с керосиновыми лампами, и это побуждает использовать диминутив. Напротив, в (15) женщина

⁴ Результаты поиска по корпусу были проверены вручную.

⁵ В случае именных депиктивов все варианты *-ku*, *-jku*, *-ɲku* / *-sj̥*, *-jši*, *-nsj̥* в корпусе прогlossированы единообразно, благодаря чему их можно было полностью учесть при подсчете.

оценивается с симпатией, на что указывает «переднерядный» депиктив *-jśi*; аугментатив же может указывать на уважение либо на постоянное, характеризующее свойство человека. Эти рассуждения сугубо предварительные; семантика оппозиции аугментатива и диминутива и ее соотношение с депиктивами нуждаются в отдельном исследовании.

Каков может быть генезис описанного здесь механизма? Пока нельзя с уверенностью ответить на этот вопрос, но поскольку он используется только в двух суффиксах (или парах суффиксов?), кажется вероятным, что показатели *-tu*, *-j'tü*, *-ntu* / *-tj*, *-j'ti*, *-nti* и *-ku*, *-jku*, *-ŋku* / *-sĭ*, *-jśi*, *-nsĭ* восходят к отдельным словам, в которых звукосимволически чередовались гласные **a* / **ä* в первом слухе и **o* / **e* во втором.

Список условных сокращений

1, 2, 3 – 1-е, 2-е, 3-е лицо; ABL – аблатив; ADJZ – адъективизатор; AUGM – аугментатив; CAUS – каузатив; CARIT – каритив; COND – условное деепричастие; CN – коннегатив; DEPICT.N – суффикс, образующий имена от «изобразительных» корней; DEPICT.V – суффикс, образующий глаголы от «изобразительных» корней; DIM – диминутив; DU – двойственное число; EMPH – эмфатический показатель; FUT – будущее время; GEN – генитив; I – сингармонический класс I (бывший передний); IMP – императив; INCH – инхоатив; INF – инфинитив / деепричастие; INTERR – интеррогатив; ITER – итератив; LAT – латив; LIM – лимитатив («только»); LOC – локатив; NEG – отрицательный глагол; NMLZ – номинализатор; PASS – пассив; PEJOR – пейоратив; PF – перфект; PL – множественное число; PRAES – настоящее время; PRAET – прошедшее время; PROL – пролатив; PT – причастие; PTCL – частица; R – рефлексивное спряжение; S – субъектное спряжение; SG – единственное число; U – сингармонический класс U (бывший задний); VBLZ – вербализатор.

Список литературы

- Терещенко Н. М. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. 323 с.
- Хелимский Е. А. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Таймырский этнолингвистический сборник. М.: РГГУ, 1994. С. 190–221.
- Alderete J., Kochetov A. Integrating sound symbolism with core grammar: The case of expressive palatalization // *Language*. 2017. № 93.4. Pp. 731–766.
- Blasi D. E., Wichmann S., Hammarström H., Stadler P. F., Christiansen M. H. Sound-meaning association biases evidenced across thousands of languages // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016. Vol. 113 (39). Pp. 10818–10823.
- Bobaljik J. Affective palatalization in Itelmen // Пятая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам: Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2025 г. Сб. тезисов. СПб., 2025. С. 98–99.
- Castrén M. A. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. St. Petersburg, 1854. 608 p.
- Kaheinen K. *Etymologia ex silentio: Nganasanin äännehistoria ja kielikontaktit*. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2023. 286 p.
- Nichols J. Diminutive consonant symbolism in western North America // *Language*. 1971. Vol. 47. Pp. 826–848.
- Várnai Zs. *Fonológia* // Wagner-Nagy B. (ed.). *Chrestomathia Nganasanica* (Studia Uralo-Altaica Supplementum 10). Budapest; Szeged, 2002. Pp. 33–69.
- Várnai Zs., Wagner-Nagy B. *Magánhangzó-harmónia a nganaszanban* // *Nyelvtudományi Közlemények*. 2003. № 100. Pp. 321–337.
- Wagner-Nagy B. *A grammar of Nganasan*. Leiden; Boston: Brill, 2019. 583 p.
- Winter B., Perlman M. Size sound symbolism in the English lexicon // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2021. № 6 (1): 79. Pp. 1–13.

References

- Alderete J., Kochetov A. Integrating sound symbolism with core grammar: The case of expressive palatalization. *Language*. 2017, no. 93.4, pp. 731–766.

Blasi D. E., Wichmann S., Hammarström H., Stadler P. F., Christiansen M. H. Sound-meaning association biases evidenced across thousands of languages. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016, no. 113 (39), pp. 10818–10823.

Bobaljik J. Affective palatalization in Itelmen. In *Pyataya konferentsiya po ural'skim, altayskim i paleoaziatskim yazykam: Sankt-Peterburg, 24–26 noyabrya 2025 g. Sb. tezisov*. [Fifth conference on Uralic, Altaic, and Paleosiberian languages: St. Petersburg, 24–26 November 2025. Abstracts]. St.-Petersburg, 2025, pp. 98–99.

Castrén M. A. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. St. Petersburg, 1854, 608 p.

Helimski E. A. Oчерк морфологии i slovoizmenitel'noy morfologii nganasanskogo yazyka [Essay of the morphophonology and inflectional morphology of Nganasan]. In *Taymyrskiy etnolingvisticheskiy sbornik* [Collection of papers on the ethnography and linguistics of Taymyr]. Moscow, RSUH, 1994, pp. 190–221. (In Russian)

Kaheinen K. *Etymologia ex silentio: Nganasanin äännehistoria ja kielikontaktit*. Helsinki, Helsingin yliopisto, 2023, 286 p.

Nichols J. Diminutive consonant symbolism in western North America. *Language*. 1971, no. 47, pp. 826–848.

Tereshchenko N. M. *Nganasanskiy yazyk* [The Nganasan language]. Leningrad, Nauka, 1979, 323 p. (In Russian)

Várnai Zs. Fonológia. In Wagner-Nagy B. (ed.) *Chrestomathia Nganasanica* (Studia Uralo-Altaica Supplementum 10). Budapest, Szeged, 2002, pp. 33–69.

Várnai Zs., Wagner-Nagy B. Magánhangzó-harmónia a nganaszanban. *Nyelvtudományi Közlemények*. 2003, no. 100, pp. 321–337.

Wagner-Nagy B. *A grammar of Nganasan*. Leiden, Boston, Brill, 2019, 583 p.

Winter B., Perlman M. Size sound symbolism in the English lexicon. *Glossa: a journal of general linguistics*. 2021, 6 (1): 79, pp. 1–13.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.11.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Гусев Валентин Юрьевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Valentin Yu. Gusev – PhD, Senior Researcher, Department of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

valentin.gusev@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3729-5807>

Говор тегинских ханты и некоторые проблемы вокализма (в сопоставлении с данными казымского диалекта)

В. А. Иванов ¹, Р. И. Идрисов ²

¹ Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия

² Независимый исследователь, Москва, Россия

Аннотация

Описывается система гласных фонем говора тегинских ханты. Уточняется отношение говора к другим хантыйским идиомам. Кратко рассматриваются социо- и этноязыковая ситуация, особенности полевой работы в с. Теги. На основе работ предшественников описывается вокализм казымского диалекта, включающий девять фонем. Отмечаются вариации в обозначении гласных в разных системах записи. В говоре с. Теги выделяются те же девять фонем, но с отличиями в реализации и дистрибуции. Акустический анализ показал наличие четырех огубленных гласных заднего ряда; результаты психоакустического эксперимента подтверждают, что они хорошо различимы на слух. В заключение намечены направления дальнейших исследований.

Ключевые слова

хантыйский язык, казымский диалект, тегинский говор, фонетика, вокализм, системы письма, полевая лингвистика

Для цитирования

Иванов В. А., Идрисов Р. И. Говор тегинских ханты и некоторые проблемы вокализма (в сопоставлении с данными казымского диалекта) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 100–116. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-100-116

The Tegi Khanty idiom and selected issues of the vowel system (a comparative analysis with Kazym Khanty dialect)

V. A. Ivanov ¹, R. I. Idrisov ²

¹ Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia

² Independent researcher, Moscow, Russia

Abstract

This paper presents a description and comparative analysis of the vowel phoneme systems of two Khanty idioms: the Tegi idiom and the Kazym dialect of the West Khanty dialectal group. The study is based on original field data collected in the village of Tegi in 2010–2012 and in Kazym in 2018, both located in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra. Emphasis is placed on defining the term “Tegi idiom,” and the socio- and ethnolinguistic circumstances within the Tegi village. The idiom is analyzed in comparison to the well-documented Kazym dialect, focusing on vowel phoneme inventory, phonetic realization, and perceptual distinctiveness. Although both idioms exhibit a nine-vowel system with comparable syllabic distribution, substantial differences exist in their phonetic implementation, especially regarding the realization of back rounded vowels. Acoustic analysis reveals rounded vowels in Tegi Khanty to be consistently articulated as back vowels, unlike the central-back distinction seen in Kazym Khanty. Additionally, the vowel /ə/ in Tegi Khanty displays a diphthong-like articulatory and acoustic structure. Psychoacoustic experiments with native speakers confirm that distinctions among back rounded vowels are perceptually significant, thus supporting their phonemic status. The study highlights inconsistencies in transcription systems across prior descriptions, advocating for the adoption of modern phonemic Cyrillic orthography to promote comparability across studies. These inconsistencies could indicate significant phonetic variation in vowel pronunciation among dialects, speakers, and even

© В. А. Иванов, Р. И. Идрисов, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

within individual speech patterns. The fieldwork often presents such inconsistencies, including the variable pronunciations of specific lexical items, showing a complex sound change pattern within the Tegi idiom.

Keywords

Khanty language, dialect of Kazym, idiom of Tegi, phonetics, vowels, writing systems, linguistic fieldwork

For citation

Ivanov V. A., Idrisov R. I. Govor teginskikh khanty i nekotorye problemy vokalizma (v сопоставлении с данными казымского диалекта) [The Tegi Khanty idiom and selected issues of the vowel system (a comparative analysis with Kazym Khanty dialect)]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 100–116. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-100-116

Введение

Хантыйский язык наряду с мансийским и венгерским составляют угорскую группу финно-угорской ветви уральской языковой семьи. Носители языка – ханты – проживают на значительной территории Западной Сибири, в основном по берегам Нижней и Средней Оби и ее притоков. Ввиду территориальной и культурной близости языка ханты и их западных соседей манси объединяют в обско-угорскую подгруппу и противопоставляют венгерскому языку [ОФУЯ 1976; Хайду 1995; Соловар и др. 2016].

Ханты включены в перечни коренных малочисленных народов Российской Федерации и коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Общая численность ханты по данным Всероссийской переписи населения на 2021 г. составляет 31467 чел., из них около 94 % проживают на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Владение хантыйским языком как родным в ходе переписи указали 13900 человек¹.

К сложной проблеме диалектного членения хантыйского языка имеется несколько подходов. Традиционно выделялись три диалектные группы: северная, южная и восточная [Штейниц 1937: 194–196]. В более поздних работах северная и южная группы объединяются в западное наречие, которое противопоставляется восточному [Терешкин 1981: 3–6]. Отчасти это связано с более интенсивными процессами ассимиляции и утраты исконного языка в среде южных ханты, в результате чего южная группа диалектов в настоящее время представлена отдельными говорами [Каксин 2010: 3, 10; Соловар и др. 2016: 8]. Еще одна точка зрения предполагает выделение нескольких языков хантыйской группы: от двух до пяти. В соответствии с актуальным списком языков России Института языкознания РАН выделяется четыре языка хантыйской группы: севернохантыйский, восточнохантыйские сургутский и вах-васюганский, а также хандэйский (южнохантыйский, определен как исчезнувший) [Список языков 2023].

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы вокализма говора тегинских ханты (далее – тегинский говор) в сопоставлении с известными данными казымского диалекта. Казымский диалект относится к западному наречию, северной диалектной группе, распространен на территории Белоярского и части Березовского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в бассейне реки Казым и по берегам Оби [Каксин 2010: 10–12]. Данный диалект считается наиболее исследованным [Соловар и др. 2016: 9], обзор исследований см. [Каксин 2010: 12–14]. В части описания вокализма казымского диалекта мы опираемся на работы [Куркина 2000; Кошкарёва, Соловар 2007; Каксин 2010; Тимкин 2018; Egorov 2019].

К тегинскому говору мы относим, прежде всего, говор с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (см. далее п. 1.1). Статус данного говора остается неясным: он относится к казымскому диалекту [Терешкин, Немысова 2014: 3], считается переходным говором между казымским и шурышкарским диалектами [Николаева 1995: 6] или рассматривается как самостоятельный диалект [Каксин 2010: 10]. Исследован тегинский говор весьма фрагментарно, его полное описание, в том числе в части вокализма, отсутствует.

Предметом исследования является состав гласных фонем тегинского говора хантыйского языка, а также некоторые особенности их фонетической реализации. Материалом послужили полевые данные (транскрипции и аудиозаписи), собранные в 2010–2012 гг. в ходе лингвистической

¹ Всероссийская перепись населения 2020 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 20.11.2025).

экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова в с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (руководители А. И. Кузнецова, С. Ю. Толдова; использованы записи В. А. Иванова, Р. И. Идрисова, Ф. И. Рожанского, О. А. Карловской, С. В. Винцкевича). Данные тегинского говора сопоставляются с известными данными казымского диалекта, а также с полевыми записями, собранными в 2018 г. в ходе экспедиции в с. Казым Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (руководитель С. Ю. Толдова; записи сделаны Д. А. Бикиной, А. Н. Закировой, С. В. Покровской по анкете Р. И. Идрисова).

Исследование опирается как на слуховой, так и на инструментальный (акустический) анализ аудиозаписей, выполненный с применением специализированного программного обеспечения (Praat). Для инструментального анализа на данном этапе были выбраны записи четырех дикторов: трех носителей тегинского говора и одного носителя казымского диалекта (см. п. 3.1).

Ввиду продолжающегося языкового сдвига фиксация и изучение фонетических систем языков народов Сибири – особенно инструментальными методами – оказываются крайне актуальными [Селютин 2004: 6–7]. Надеемся, что анализ накопленного материала по тегинскому говору позволит продвинуться в понимании границ фонетического варьирования в хантыйском языке.

1. Социо- и этноязыковая ситуация

1.1. Теги и тегинские ханты ²

Село Теги находится на северо-востоке Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и относится к городскому поселению Березово. На востоке Березовский район граничит с Белоярским районом (территория распространения казымского диалекта), на севере – с Шурышкарским районом Ямало-Ненецкого автономного округа (территория распространения шурышкарского диалекта). По-русски название села произносится с мягким [т]: [т']*теги*, родительный падеж – *Тег*. Хантыйское название *Тэк*, *Тэк көрт* ³ (*көрт* ‘стойбище, село, деревня’ [Соловар 2014: 125]).

Нынешнее село Теги («новые», или «современные» Теги) на левом берегу Малой Оби в районе верхнего устья протоки Сортынгпосл (хант. *Сортан пусал*, букв.: Щучья протока; *сорт* ‘щука’, *пусал* ‘протока’ [Соловар 2014: 284, 259]) возникло лишь в 1953 г. При этом первое упоминание о тегинских ханты встречается в ревизских сказках 1782 г., а поселение Теги впервые отмечено на картах в 1792 г. [Новыхова 2021]. Эти упоминания относятся к более ранним локациям поселения Теги.

Самая ранняя из известных локаций – так называемые Древние Теги (иногда – Старые Теги, хант. *Капра Тэк* / *Йис Тэк*); информация о более ранних локациях сохранилась только в фольклорных преданиях, см. [Лапина 2011: 3–4]. Древние Теги располагались несколько севернее современных Тег, на берегу Тегинской протоки (хант. *Тэк пусал*, сейчас обозначается на картах как Старотегинская) в нескольких километрах от Малой Оби. Осенью данная протока пересыхала, что приводило к сложностям с транспортом. К переселению на берег Малой Оби жителей, по-видимому, сподвигло также создание рыболовецкой артели и колхоза в 1930-х гг. К 1940 г. население Древних Тег насчитывало 54 хозяйства, 300 человек; после переноса основного поселения на правый берег Малой Оби осталось 4 хозяйства, 18 человек [Новыхова 2021: 293–294]. На картах конца XX – начала XXI вв. Древние Теги еще отмечались как летнее поселение [Новыхова 2021: 292].

Средние Теги (хант. *Күтлән Тэк*) возникли на правом берегу Малой Оби в районе устья протоки Староустрёмская (хант. *Вушрәм пусал*, букв.: Желчная протока; *вушрәм* ‘желчь’ [Соловар 2014: 55]). Основная волна переселения пришлась на 1940–1941 гг. Правый берег – фактически междуречье Малой Оби и (Большой) Оби – более низкий, болотистый, изрезанный протоками и мелкими озерами, во время половодья и паводков его заливало. Вероятно, это было основной причиной основания в 1953 г. села Теги на нынешнем месте и переселения туда большинства жителей ⁴. Впрочем, на новом месте берег постоянно размывается, и некоторые дома уже ушли

² В данном разделе используются полевые материалы В. С. Волка (с. Теги, 2010 г.).

³ Здесь и далее используется актуальная орфография, принятая для казымского диалекта хантыйского языка: см., например, [Соловар 2014; Немысова и др. 2023].

⁴ Использованы материалы публикаций: Лапина М. Старые Теги // Ханты Ясанг. № 4 (3424). 02.03.2015. URL: <https://khanty-yasang.ru/khanty-yasang/no-4-3424/2687> (дата обращения: 20.11.2025);

было нацелено на усвоение русского языка. К 2010 г. русский язык стал основным языком общения и вытеснил хантыйский язык практически из всех сфер. В тегинской школе родной хантыйский язык (казымский диалект) преподавался как учебный предмет.

Наши консультанты отмечали, что используют родной язык в основном при общении с представителями старшего поколения, значительно реже – между собой. Иногда хантыйский язык выполнял функции «тайного» языка: его использовали, когда хотели, чтобы не поняли посторонние или дети. Показательна следующая ситуация: некоторые наши консультанты были удивлены, когда увидели, что один из их односельчан успешно работает с экспедицией, поскольку ранее никогда не слышали, чтобы он публично говорил по-хантыйски. Работа экспедиции была завершена в 2012 г., и когда через несколько лет некоторые ее участники снова оказались в Теге, один из наших консультантов признался, что все это время ни с кем не говорил на родном языке⁶. Подобные обстоятельства не могли не сказаться на материале, который собирался в экспедициях и лежит в основе нашего исследования. В частности, иногда это отрицательно сказывается на уверенности и точности произнесения форм, что может служить источником дополнительной вариативности, а также ослабления контраста между фонемами.

Почти все наши консультанты осознавали свой говор как особый, не сводимый ни к казымскому, ни к шурышкарскому диалектам. Обычно он определялся как «тегинский» или «теговский», иногда – как «березовский» или «обской» (видимо, в противоположность казымскому, носители которого живут на реке Казым, тогда как тегинцы – на Оби). Некоторые характеризовали свой говор как «средний», промежуточный между казымским и шурышкарским. Мы не исследовали специально, на чем основана такая оценка: возможно, главным образом на географическом положении «тегинской территории».

При этом наибольшее отторжение вызывала именно письменная форма, с которой тегинцы сталкиваются в печатных СМИ, в книжных изданиях, в учебных материалах. Тегинский говор «обслуживается» казымской нормой и соответствующей системой письма, которую до последнего времени отличали частые изменения и параллельное сосуществование нескольких вариантов, см. [Кошкарева 2013]. Кроме того, используемые знаки письма, особенно в области гласных, выбирались под конкретную, «нормативную» фонетическую реализацию и не всегда подходили для отражения особенностей говоров. Попытки чтения на других диалектах (например, шурышкарском), как правило, не предпринимались.

В то же время устная речь казымских ханты характеризовалась как близкая, понятная, хотя и не идентичная речи тегинцев. Шурышкарский диалект достаточно близок к казымскому, они являются взаимопонятными – в гораздо большей степени, чем в среднем хантыйские диалекты между собой, даже в рамках одного наречия. Например, носители шурышкарского диалекта отмечали, что понимают казымский диалект, но у носителей приуральского диалекта «речь непонятная»⁷. Вследствие этого речь шурышкарских ханты для тегинцев также была понятной.

Влияние стандартного (литературного) языка, основанного на казымском диалекте, на устную речь тегинцев оценить трудно. По меньшей мере такое влияние прослеживалось в речи наиболее образованной части сообщества: например, у учителя родного языка это влияние было заметно в том числе на фонетическом уровне.

В хантыйской диалектологии статус тегинского говора остается неопределенным, причем возможны как минимум три подхода. Первый подход, предполагающий отнесение тегинского говора к казымскому диалекту, встречается в основном в работах практической (в частности, учебной) направленности [Терешкин, Немысова 2014: 3]. Тегинский говор близок казымскому и лингвистически, и географически. Вполне естественно, что именно стандартный язык на казымской основе выполняет для тегинского говора роль «зонтичного языка», «языка-крыши» (англ. *umbrella language*, нем. *Dachsprache*).

Данный подход встречается и в исследовательских работах. Например, в ходе изучения вокализма казымского диалекта использовались материалы, полученные от дикторов – уроженцев Тег [Куркина 2000: 14–15]. Непосредственные указания на отнесение тегинского говора не к казымскому, а к шурышкарскому диалекту нам неизвестны, хотя иногда говорят о шурышкарско-

⁶ Е. В. Кашкин, личное сообщение.

⁷ Полевые материалы В. А. Иванова, с. Шурышкары, с. Восяхово Шурышкарского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, 2011–2012 гг.

березовском диалекте [Штейниц 1937; Каксин 2010: 5] или на картах относят территорию, на которой расположены Теги, к зоне распространения шурышкарского диалекта [Соловар и др. 2016: 4].

Второй подход предполагает, что «диалект поселка Теги» является «промежуточным между казымским и шурышкарским диалектами» [Николаева 1995: 6]. Данная точка зрения воспроизводится в разных работах, ср. [Каксин 2010: 6]. При этом неясно, считает ли И. А. Николаева тегинский говор самостоятельным диалектом или же термин «диалект» здесь равнозначен термину «говор», и речь идет о промежуточном говоре (группе говоров). Аргументация также не приводится, но можно предположить, что такой подход восходит к круговой диаграмме Л. Хонти, на которой тегинский идиом помещен на границе между зонами казымского идиома (с. Казым) и шурышкарских идиомов (с. Мужы, с. Шурышкар, бассейн реки Сыня) [Honti 1984: 14].

Наконец, третий подход предполагает выделение самостоятельного диалекта. Этот диалект обозначается как «березовский» [Рябчикова 2024а, 2024б], «тегинский» или «тегинский-березовский» [Каксин 2010: 10] и включает в себя говоры «тегинской территории».

В нашей работе мы используем формулировку «тегинский говор» в значении «идиом(ы) уроженцев тегинской территории» – безотносительно того, составляет он отдельный диалект или нет. По нашему мнению, в современной ситуации не имеет смысла разделять тегинский говор на несколько локальных вариантов по территориальному признаку. Хотя наши материалы собраны в с. Теги, записаны они от уроженцев с. Теги (включая Древние и Средние Теги), д. Пугоры, п. Устрём и других окрестных населенных пунктов (в основном, бывших летних поселений тегинских ханты).

2. Вокализм тегинского говора в сопоставлении с данными казымского диалекта

2.1. Состав гласных фонем и системы их записи

В казымском диалекте выделяют 9 гласных фонем [Куркина 2000; Каксин 2010]: /и/, /э/, /а/, /ä/, /y/, /ø/, /ÿ/, /o/, /ə/. В первом слоге возможны все гласные, кроме /э/; в непервых слогах встречаются гласные /и/, /э/, /а/, /ä/ (гласные /ä/, /y/, /ø/, /ÿ/, /o/ встречаются в непервых слогах слов, составленных из нескольких корней). К спорным случаям относится фонема /э/, реализуемая в двух вариантах: [э] («э закрытое») и [е] («э открытое»). Некоторые исследователи считают /э/ и /е/ отдельными фонемами (см., например, [Штейниц 1937]).

Приведем также информацию о составе согласных фонем казымского диалекта. Система состоит из 18 фонем [Кошкарева, Соловар 2007; Каксин 2010]: губные /п/, /м/, /в/; переднеязычные /т/, /ш/, /с/, /д/, /н/, /р/, /л/; среднеязычные: /ть/⁸, /щ/, /ль/, /нь/, /й/; заднеязычные /к/, /х/, /ң/.

В табл. 1 представлена система гласных фонем казымского диалекта с распределением по ряду и подъему. Данные в таблице соответствуют результатам экспериментального исследования [Куркина 2000]; распределение гласных по ряду и подъему приводится по [Тимкин 2018: 77], но обозначения для фонем мы используем другие (см. ниже).

Таблица 1

Table 1

Система гласных казымского диалекта
Vowel phonemes in Kazym Khanty

Подъем	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний	и	у	ÿ
Средний	э	ө	о
Нижний			а ä

⁸ Соответствующий знак хантыйского алфавита – лигатура *т* и *ь* – включен в стандарт Юникод в 2022 г. (Cyrillic letter tje: U+1C89, U+1C8A), однако к настоящему моменту отсутствует в большинстве стандартных шрифтов.

Для записи фонем здесь и далее мы применяем кириллические знаки, используемые в актуальной версии орфографии стандартного хантыйского языка на основе казымского диалекта [Немысова и др. 2023]. Это оказывается возможным благодаря тому, что данная система письма следует фонематическому принципу записи. В области вокализма от этого принципа есть два отступления: разными буквами обозначаются [и] и [ы] (реализации фонемы /и/), а также [э] и [е] (реализации фонемы /э/). Это удобно в практической записи, поэтому мы тоже этому следуем.

Использование знаков орфографии в нашем случае не только возможно, но и удобно. Это позволяет, в частности, для уточнения тех или иных форм обратиться к словарю [Соловар 2014] (более новое издание: [Соловар 2020]) без необходимости транслитерировать, «пересчитывать» из одной системы записи в другую. Такой пересчет может быть нетривиальным с учетом большого разнообразия существующих систем записи казымского материала. Фактически, в каждом новом описании предлагается новый набор обозначений. Иногда без обращения к примерам записи конкретных слов невозможно понять, какой знак к какой фонеме относится. Далее в табл. 2 мы приводим соответствия между некоторыми известными системами записи – как орфографическими на основе кириллицы, так и транскрипционными на основе латиницы.

Таблица 2
Table 2

Соответствия между системами записи и транскрипции (гласные)
Correlations between writing and transcription systems (vowels)

Примеры	Орфография (кириллица)			Транскрипция (латиница)		
	1	2	3	4	5	6
ики 'мужчина'	и	i	и	i	i	i
лыпәт 'лист'	ы	(i)	ы	ɪ	i	i
сэв 'коса'	э	э	э	e:	e	e
сэм 'глаз'	е	е	е	ε:	ε	ε
атма 'плохо'	а	а	а	ɑ:	a	a
тәл 'зима'	ә	ә	ә	ɑ́	ä	ä
ув 'течение'	у	у	у	ö	ö	u
көр 'печь'	ө	ö	э	õ:	q	ö
үв 'крик'	ү	ү	ү	ü	ü	ü
ов 'дверь'	о	о	о	õ:	ɔ	o
атәм 'плохой'	ə	ə	ä, y	ə	ə	ə

В левом столбце приведены примеры лексем, содержащих соответствующие гласные фонемы, записанные в актуальной орфографии и выверенные по словарю [Соловар 2014]. Далее сопоставляются шесть систем записи. В первых трех столбцах приведены варианты кириллической орфографии: столбец 1 – современная фонематически ориентированная орфография [Соловар 2014; Немысова и др. 2023]; столбец 2 – вариант орфографии, предлагавшийся в [Соловар 2006] (без учета йотированных букв); столбец 3 – слоговая орфография, доминировавшая (с различными вариациями) до введения фонематической, приводится по [Кошкарева, Соловар 2007] (без учета йотированных букв).

В следующих трех столбцах приведены варианты транскрипционной записи на основе латиницы: столбец 4 – фонетическая транскрипция [Куркина 2000] на основе универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ) В. М. Надеяева⁹; столбец 5 – фонематическая транскрипция на основе финно-угорской транскрипции (ФУТ), используемая в [Кошкарева, Соловар 2007]; столбец 6 – фонематическая транскрипция на основе ФУТ, используемая в [Каксин 2010].

Можно заметить, что основные расхождения между сопоставленными системами записи приходятся на фонемы /y/, /ø/, /ÿ/, /o/, которые реализуются огубленными гласными среднего или заднего ряда. Особую трудность, по-видимому, представляет фонема /ø/, которая в трех разных вариантах орфографии обозначена тремя разными буквами (см. столбцы 1, 2, 3). Даже в вариан-

⁹ О соотношении УУФТ с другими системами транскрипции (в частности, с международным фонетическим алфавитом) см. [Уртегешев и др. 2009].

тах транскрипции, использующих одну и ту же основу (ФУТ, столбцы 5 и 6), заметны существенные расхождения. Например, один и тот же знак *õ* используется для обозначения разных фонем: /y/ в транскрипции [Кошкарева, Соловар 2007] и /ø/ в транскрипции [Каксин 2010]. Одна и та же фонема /y/ в одном случае [Кошкарева, Соловар 2007] обозначается знаком *õ* («o краткое»), в другом случае [Каксин 2010] – знаком *u*, который следует интерпретировать как «y долгое» ввиду наличия в той же системе знака *ÿ* («y краткое»).

Добавим к этому, что в ходе полевой работы в с. Теги было разработано и использовалось как минимум три различных варианта транскрипции, в разной степени похожих на представленные в работах предшественников. Самый беглый анализ публикаций по итогам экспедиций в с. Казым под руководством С. Ю. Толдовой, регулярно проводившихся в течение нескольких лет с 2018 г., показал, что участники данного проекта также не пользуются единой системой записи.

Возьмем на себя смелость высказать гипотезу о причинах подобных расхождений. На наш взгляд, это связано с большой вариативностью в реализации гласных фонем; причем эта вариативность, вероятно, имеет место как по локальным вариантам («говорам»), так и по носителям, и даже в рамках одного идиолекта – по произнесениям одного и того же слова. Это гипотеза отчасти подтверждается нашим полевым опытом: с такой вариативностью мы столкнулись во время работы в с. Теги.

2.2. Особенности реализации гласных фонем

Для тегинского говора мы выделяем те же 9 гласных фонем, что и для казымского: /и/, /э/, /а/, /ä/, /y/, /ø/, /ÿ/, /o/, /ə/, с тем же распределением относительно употребления в первом и непервых слогах. Однако их фонетическая реализация и (или) сочетаемость их аллофонов в ряде случаев существенно отличается. Рассмотрим далее некоторые из зафиксированных различий.

Реализация казымской фонемы /и/ характеризуется как краткий неогубленный гласный верхнего подъема переднего [Куркина 2000: 53] или среднего [Кошкарева, Соловар 2007: 31] ряда. Данный гласный реализуется в двух основных вариантах: более закрытый [и] и более открытый [ы] [Куркина 2000: 51–53]. В тегинском говоре эти варианты различаются как по подъему, так и по ряду: [и] переднего ряда, [ы] передне-среднего или среднего ряда.

Данные варианты позиционно распределены: [и] имеет место в абсолютном начале слова, после губных, среднеязычных согласных и заднеязычного /к/, ср.: каз. и тег. *ими* ‘женщина’, *ики* ‘мужчина’, *мил* ‘шапка’, *пирäц* ‘старый’, *йишук* ‘вода’; [ы] реализуется после переднеязычных согласных, ср.: каз. и тег. *лыпät* ‘лист’, *лык* ‘злость’, *васы* ‘утка’. В тегинском говоре некоторые колебания наблюдаются в позиции после /л/, где у некоторых носителей в отдельных произнесениях встречается [и]. Хотя [и] и [ы] являются позиционными вариантами одной фонемы, в орфографии они последовательно обозначаются разными буквами, кроме сочетаний *жи* и *ши*, принцип написания которых механически перенесен из русской орфографии [Немысова и др. 2023: 16–18].

В позиции после заднеязычного /х/ для казымского диалекта «констатируется оттенок наиболее открытый и отодвинутый назад» [Куркина 2000: 52], то есть реализуется [ы]; в тегинском говоре фиксируется [и], с заметным смягчением предыдущего [х]: тег. *хир* ‘мешок’, *нухи* ‘мясо’. Отметим, что в орфографии после /х/ используется буква *u*, то есть подразумевается реализация [и] и для казымского [Немысова и др. 2023: 16].

Казымская фонема /э/ реализуется как долгий неогубленный гласный переднего ряда, в двух вариантах: верхне-среднего [э] или среднего [е] подъема. Строгих минимальных пар, противопоставляющих [э] и [е], обнаружить не удастся; это, по-видимому, следует считать показательным, поскольку в других случаях в казымском диалекте легко обнаруживаются минимальные пары. Имеется некоторое количество псевдоминимальных пар [Кошкарева, Соловар 2007: 44]: *сем* ‘глаз’ – *сэв* ‘коса’, *кер* ‘наст’ – *кэл* ‘веревка’, *тел* ‘полный’ – *тэл* *һань* ‘рыбный фарш для приготовления лепешек’ и т. п. В [Куркина 2000] для аллофонов [э] и [е] найдено дополнительное распределение, хотя и несколько более сложное, чем для [и] и [ы]. В то же время в работе [Egorov 2019] дается сравнительно-историческое и экспериментально-фонетическое обоснование фонологического статуса гласного /е/ (отчасти это подтверждается и нашими данными, см. п. 3.1). В практически ориентированных описаниях [э] и [е] считаются разными фонемами [Кошкарева, Соловар 2007; Терешкин, Немысова 2014] и в орфографии обозначаются разными буквами [Немысова и др. 2023: 28–29].

В тегинском говоре распределения между [э] и [е] не строгое и сильно варьирует по носителям. В целом прослеживается тенденция к замене [е] на [э]: каз. *сҗ* – тег. *эҗ* ‘тело’, каз. *сэм* – тег. *сэм* ‘глаз’; в непервых слогах эта тенденция особенно заметна. Некоторые носители последовательно различают [э] и [е] в абсолютном начале слова. При этом результаты инструментального акустического анализа показывают, что по крайней мере у отдельных носителей [э] и [е] различаются достаточно четко (см. п. 3.1). Вопрос о распределении звуков [э] и [е] в тегинском говоре требует, очевидно, дальнейшего исследования.

Казымские фонемы /а/, /ǎ/ реализуются как неогубленные гласные нижнего подъема с варьированием по ряду. Они характеризуются как фонологически заднерядные [Куркина 2000], но по средним значениям формант тяготеют скорее к среднему ряду [Тимкин 2018: 78]. В тегинском говоре количественное различие между /а/ и /ǎ/ не очевидно. При этом при предъявлении минимальных пар (ср. *тал* ‘пустой’ – *тǎл* ‘зима’, *нал* ‘печет’ – *нǎл* ‘ухо’) носители явно указывали на различие по длительности.

Качественные различия между /а/ и /ǎ/ в тегинском выражены сильнее, чем в казымском. Слуховой анализ позволяет судить, что /а/ реализуется в среднем как более низкий и более задний звук по сравнению с /ǎ/; это подтверждается данными инструментального анализа (см. п. 3.1). В позиции после среднеязычных согласных, особенно после /й/, /ǎ/ реализуется близко к [е] или [э]: например, в словах тег. *йǎлҗәп* ‘новый’, *йǎрмәт* ‘тесный’; при медленном произнесении проясняется [ǎ]. В тег. *йэрсот* (каз. *йǎрсот*) ‘девятьсот’ [э] не проясняется в [ǎ] даже при четком произнесении, так что можно говорить о переходе /ǎ/ в /э/.

Казымские фонемы /у/, /ө/ характеризуются как огубленные гласные среднего ряда верхнего и среднего подъема соответственно, /ӱ/, /о/ – огубленные гласные заднего ряда верхнего и среднего подъема; /у/, /ӱ/ – краткие, /ө/, /о/ – долгие. Такие характеристики приводятся в [Кошкарева, Соловар 2007; Тимкин 2018] и опираются на данные экспериментального исследования [Куркина 2000]. При этом в [Каксин 2010] /ӱ/ характеризуется как гласный среднего ряда, /у/ – заднего. В работе [Терешкин, Немысова 2014: 5] в таблице, представляющей систему гласных фонем, гласные разделены на передние и задние (средний ряд не выделяется); /ӱ/, /ө/ отнесены к передним, /у/, /о/ к задним; далее, где приводятся описательные характеристики гласных, /у/ (а не /ӱ/, sic!) отнесена к переднему ряду, /ө/ к среднему (sic!), /о/, /ӱ/ к заднему [Терешкин, Немысова 2014: 6–7]. Заметим, что все эти данные мы приводим с учетом различий в обозначениях фонем: в каждом случае мы ориентируемся на приводимые примеры слов, содержащих ту или иную гласную. Указанные расхождения, а иногда, по-видимому, и очевидная путаница возникают по причинам, о которых мы говорили выше (см. п. 2.1): это большое разнообразие обозначений, которое отчасти имеет место из-за сильной вариативности в части реализации гласных между говорами даже в пределах одного диалекта.

В части огубленных гласных непереднего ряда /ӱ/, /у/, /о/, /ө/ наблюдаются наибольшие расхождения между казымским и тегинским вокализмом. В тегинском говоре все эти фонемы имеют заднерядную реализацию: /ӱ/ – верхнего подъема, /у/ – верхне-среднего, /о/ – средне-нижнего подъема. Реализация /ө/ носит, как правило, дифтонгоподобный характер – это сложный гласный, где первый компонент [у]-образный, второй – [о]- или [э]-образный.

Отметим, что самостоятельный статус фонем /ӱ/, /у/, /о/, /ө/ подкрепляется достаточным количеством минимальных пар (см. табл. 3 на с. 109; данные приводятся по тегинскому говору, но могут быть отнесены и к казымскому диалекту).

Казымская фонема /э/ встречается только в непервых слогах, характеризуется как редуцированная (неполного образования) и отличается артикуляционной нестабильностью [Куркина 2000: 59]. Как и в казымском диалекте, в тегинском говоре /э/ имеет огубленную реализацию перед губными /п/, /м/, /в/. При присоединении аффиксов может выпадать: тег. *лыпәт* ‘лист’ – *лыпт*=*әт* ‘листья (лист=PL)’, *атәм* ‘плохой’ – *атм*=*а* ‘плохо (плохой=ADV)’.

Таблица 3
Table 3Минимальные пары для огубленных гласных непереднего ряда
Minimal pairs for rounded non-front vowels

	/y/	/o/	/ø/
/ÿ/	ÿв 'крик' – ув 'течение'	ÿÿх 'дерево' – ÿох 'люди' хÿр 'корыто' – хор 'бык'	хÿл 'рыба' – хøl 'ель' кÿр 'нога' – кør 'печь'
/y/	–	уш 'ум' – ош 'овца' ув 'течение' – ов 'дверь'	ÿур 'гордый' – ÿør 'русло' хун 'живот' – хøn 'когда'
/o/	–	–	хот 'дом' – хøт 'шесть' ÿош 'рука' – ÿøш 'дорога'

3. Элементы экспериментального исследования

3.1. Инструментальный акустический анализ

На данном этапе исследования мы провели предварительный инструментальный анализ записей четырех дикторов: трех носителей тегинского говора и, для сопоставления, одного носителя казымского диалекта:

- Д1, мужчина, ханты, родился в 1948 г. в с. Теги, образование неполное среднее;
- Д2, мужчина, ханты, родился в 1956 г. в с. Теги, образование среднее;
- Д3, женщина, ханты, родилась в 1959 г. в с. Теги, образование среднее специальное;
- Д4, мужчина, ханты, родился в 1970 г. в с. Казым, образование среднее.

Для дикторов Д1, Д2, Д4 было проведено измерение частот первой и второй формант гласных первого слога с применением специализированной компьютерной программы Praat. Из имеющихся записей были выбраны наиболее качественные произнесения (четкие, без посторонних шумов и т. п.); произведен отбор консонантных контекстов. Далее вручную были размечены начальные и конечные точки звучания гласных. Дальнейший анализ (автоматизированный) осуществлялся в пределах длительности центральных 40 % гласного, что позволяет снизить влияние коартикуляционных эффектов. Наконец, для каждого гласного были вычислены частоты первых двух формант с использованием стандартных настроек программы Praat. Более подробно соответствующая методика измерений и построения графиков описана в статье [Идрисов 2011].

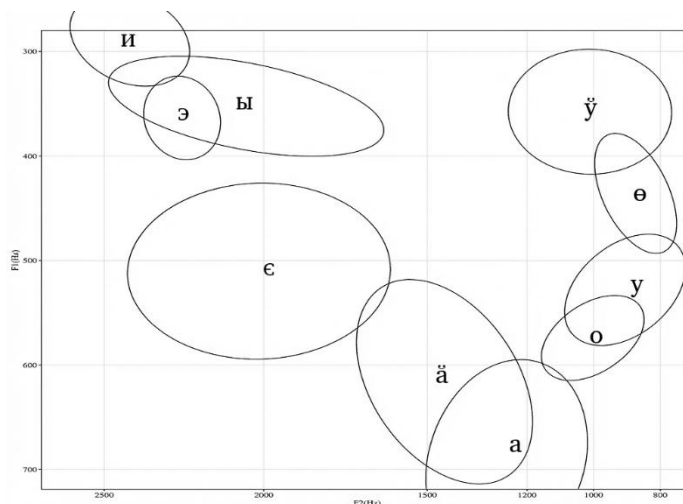

Рис. 1. Первая и вторая форманты, диктор Д1 (тегинский говор)

Fig. 1. F1 and F2, speaker D1 (Tegi Khanty)

На рис. 1 представлены обобщенные результаты измерений первой и второй формант гласных по диктору Д1; контексты с гласными [и] и [ы], [э] и [ё] в данном случае размечались и измерялись отдельно. На основании этих результатов можно сделать следующие предварительные наблюдения относительно гласных тегинского говора;

1) гласные [и] и [ы] акустически хорошо различимы; однако вполне ясная дополнительная дистрибуция позволяет считать их вариантами одной фонемы /и/;

2) гласные [э] и [е] имеют разную формантную картину, что, при отсутствии очевидной дополнительной дистрибуции, позволяет поставить вопрос о выделении двух фонем: /э/ верхне-среднего подъема, /е/ средне-нижнего подъема; данный вопрос требует тщательного дальнейшего исследования;

3) качественное различие между гласными /а/ и /ǎ/ выражено достаточно четко: /а/ более низкого подъема, чем /ǎ/; обе гласные тяготеют скорее к среднему ряду, чем к заднему;

4) гласные /ÿ/, /y/, /o/, /ø/ реализуются как заднерядные, при этом ни один из них, по-видимому, нельзя отнести к нижнему подъему.

Далее посмотрим на гласные тегинского говора и казымского диалекта в сопоставительном аспекте. На рис. 2а представлены обобщенные результаты измерений первой и второй формант гласных по диктору Д4 (говор с. Казым), на рис. 2б – по диктору Д2 (тегинский говор); [и] и [ы] здесь рассматривались как одна фонема, а [э] и [е] размечались отдельно.

Результаты по казымскому диалекту в целом соответствуют ожиданиям, основанным на предшествующих описаниях [Кошкарева, Соловар 2007; Каксин 2010]. Гласные [э] и [е] четко различаются, что подтверждает обоснованность обозначения их разными символами в практических системах письма, в том числе в орфографии. Гласные /а/ и /ǎ/ не имеют столь выраженного качественного различия, как в тегинском говоре (ср. выше рис. 1, а также рис. 2б); по-видимому, различие между ними носит количественный характер. Обе эти гласные реализуются как средне-задние или задние, в отличие от среднерядных тегинских. Подтверждается наличие в казымском диалекте двух огубленных гласных среднего ряда (/ÿ/ и /ø/) и двух огубленных гласных заднего ряда (/y/ и /o/).

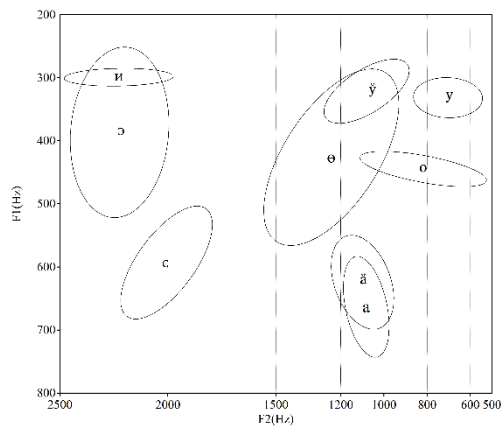

Рис. 2а. Первая и вторая форманты, диктор Д4 (казымский диалект)

Fig. 2a. F1 and F2, speaker D4 (Kazym Khanty)

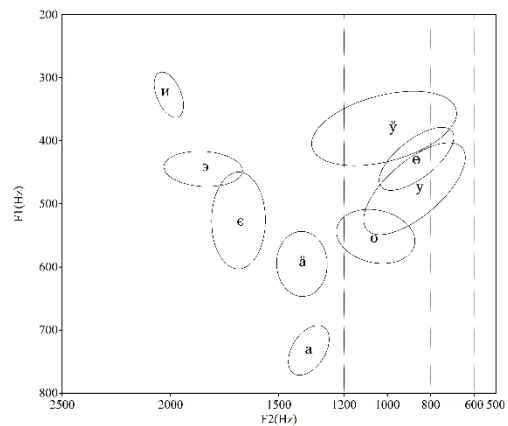

Рис. 2б. Первая и вторая форманты, диктор Д2 (тегинский говор)

Fig. 2b. F1 and F2, speaker D2 (Tegi Khanty)

Результаты по тегинскому говору (рис. 2б) подтверждают наблюдения, сделанные выше. Если отбросить проблему [э] и [е], то казымские гласные распределяются по трем подъемам: верхнему (/и/, /ÿ/, /y/), среднему (/э/, /ø/, /o/) и нижнему (/а/, /ǎ/), ср. табл. 1. В тегинском говоре между гласными заднего ряда наблюдается различие по подъему, что может требовать выделения как минимум четырех ступеней подъема: /ÿ/ относится к верхнему, /y/ – к верхне-среднему, /o/ – к средне-нижнему. Впрочем, требует изучения вопрос о противопоставлении гласных заднего ряда по длительности и (или) напряженности, которое также может оказаться фонологически релевантным. К нижнему подъему относится /а/. Вопрос о подъеме /ǎ/ пока остается открытым, он также требует дополнительных исследований; будем пока считать, что количественное различие между /а/ и /ǎ/ в тегинском говоре сохраняется, а потому эти гласные можно отнести к одному ряду и подъему. Отметим, что речь здесь идет о значениях признака подъема в контексте фонологически значимых противопоставлений. С учетом изложенного система гласных фонем первого слога для тегинского говора может выглядеть следующим образом, см. табл. 4.

Таблица 4
Table 4Система гласных тегинского говора
Vowel phonemes in Tegi Khanty

Подъем	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
Верхний	и		ӱ
Верхне-средний	э		ө у
Средне-нижний	[ɛ]		о
Нижний		ӓ а	

Наиболее трудным в данной системе остается вопрос о положении фонемы /ө/; для нее как будто нет места, если только не выделять еще одно значение признака подъема. На рис. 2б видно, что эллипс, соответствующий /ө/, почти полностью перекрывается эллипсами гласных /ӱ/ и /у/. Из этого можно было бы сделать вывод, что в результате некоторой перестройки системы гласный /ө/ постепенно сливается или уже слился с другими гласными. Против этого, однако, свидетельствует наличие минимальных пар (см. табл. 3), различия в звучании которых хорошо осознаются носителями (см. далее п. 3.2).

По нашим наблюдениям, фонема /ө/ реализуется как сложный по структуре двукомпонентный гласный, где первый компонент имеет [y]-образное, второй – [o]- или [ə]-образное звучание. Очевидно, к исследованию формантных частот данного гласного нужен иной подход: измерения в пределах длительности центральных 40 % гласного в данном случае дают искаженный результат.

Характер реализации гласного /ө/ проиллюстрирован осциллограммами и спектрограммами на рис. 3а и 3б, причем рис. 3а соответствует нормальному произнесению, а рис. 3б – утрированному, при котором компоненты гласного искусственно разделены; сегменты, соответствующие реализации /ө/, выделены курсорами.

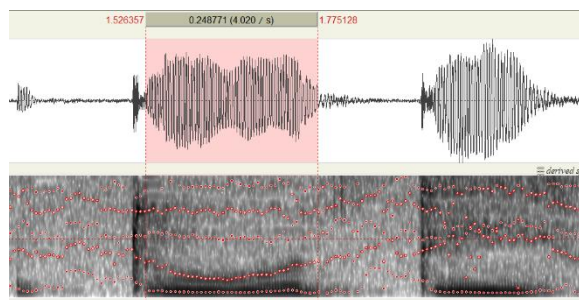

Рис. 3а. *төты* ‘нести’, нормальное произнесение, диктор ДЗ (тегинский говор)

Fig. 3a. *tөты* ‘to carry’, normal pronunciation, speaker D3 (Tegi Kanty)

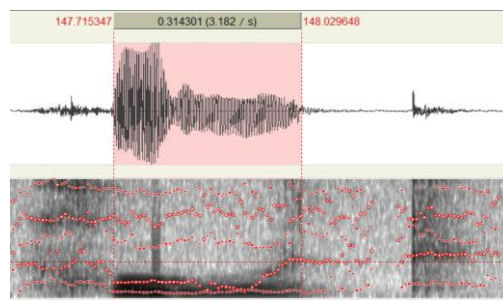

Рис. 3б. *хөт* ‘шесть’, утрированное произнесение, диктор ДЗ (тегинский говор)

Fig. 3b. *xөt* ‘six’, exaggerated pronunciation, speaker D3 (Tegi Kanty)

Особенности реализации фонемы /ө/ в тегинском говоре подлежат дальнейшему тщательному исследованию. В частности, должен быть уточнен характер настройки сложного гласного в соответствии с классификацией, представленной в [Уртегешев 2022: 79].

3.2. Психоакустический эксперимент

В ходе полевой работы в с. Теги в 2011 г. был проведен небольшой психоакустический эксперимент, целью которого было понять, насколько хорошо сами носители различают на слух гласные заднего ряда /ɤ/, /y/, /o/, /ə/. Эксперимент был спланирован В. А. Ивановым и Р. И. Идрисовым и реализован О. А. Карловской¹⁰ под руководством Р. И. Идрисова. Следует отметить, что эксперимент носил скорее учебный, чем строго исследовательский характер. И тем не менее его результаты могут представлять интерес относительно тех проблем, которые были сформулированы выше.

Для участия в эксперименте было отобрано три группы испытуемых. Первая группа – дикторы. В нее вошли два носителя, уроженцы с. Теги, чья компетенция в части владения родным говором не вызывала сомнений. Вторую группу составили три носителя из числа консультантов экспедиции, двое из которых родились за пределами «тегинской территории». Третью группу – контрольную – составили два члена коллектива экспедиции, не имеющие лингвистического образования и не владеющие хантыйским языком.

Для эксперимента были подобраны минимальные пары слов, противопоставляющие гласные /ɤ/, /y/, /o/, /ə/. Все слова были выверены по словарю [Соловар 2006]. Минимальные пары составались только из тех слов, которые хорошо знакомы участникам первой и второй групп. От участников первой группы (дикторов) была произведена запись коротких предложений, содержащих слова из минимальных пар. Далее из этих записей были вырезаны фрагменты, соответствующие произнесению искомым словам.

Эти фрагменты предъявлялись участникам второй и третьей групп, также дикторы слушали записи друг друга. Прослушивание целевых слов перемежалось прослушиванием филлеров. Целью участников было определить, какое слово произносится на записи. Подсчитывался процент ошибок, сделанных участниками каждой группы.

Результаты оказались следующие. Первая группа ошибалась в 17 % случаев, вторая группа в 22 % случаев, суммарно по первой и второй группам (носители языка) – 20 %; третья (контрольная) группа совершала ошибки в 48 % случаев, что близко к случайному распределению. Таким образом, носители языка ошибались значительно реже, чем участники контрольной группы. Из этого можно сделать вывод, что различия между фонемами /ɤ/, /y/, /o/, /ə/ достаточно хорошо воспринимаются на слух, что дополнительно подтверждает их фонематический статус.

Также интересно отметить, что максимальное количество ошибок носители сделали при различении /y/ и /o/ (формантные области этих гласных пересекаются, см. рис. 1 и рис. 2б). Фонема /ə/ при этом, наоборот, хорошо отличается от всех прочих, то есть гипотеза о слиянии этой фонемы с другими гласными не находит подтверждения.

Заключение

Проведенный анализ материалов по тегинскому говору и сопоставление их с данными казымского диалекта позволяет сделать следующие основные выводы и наметить направления для дальнейших исследований.

1. В тегинском говоре выделяются те же 9 гласных фонем, что и в казымском диалекте, однако их фонетическая реализация и сочетаемость может отличаться.

2. В тегинском говоре [и] и [ы] являются вариантами одной фонемы, однако их распределение и возможные колебания, а также влияние на предшествующий согласный требуют более подробного изучения.

3. В тегинском говоре [э] и [е], по крайней мере в речи некоторых носителей, акустически хорошо различаются и, возможно, на этом основании могут считаться разными фонемами. Дальнейшего исследования требует вопрос о сочетаемости этих звуков и возможном дополнительном распределении. В практическом отношении использование в орфографии разных букв для обозначения данных гласных видится удачным решением.

4. В тегинском говоре реализации фонем /a/ и /ä/ относятся к среднему ряду и имеют выраженное качественное различие; возможно, следует говорить о том, что /a/ относится к нижнему,

¹⁰ Мы опираемся на полевые материалы О. А. Карловской и ее отчет о работе в экспедиции в 2011 г. в с. Теги.

а /ä/ – к средне-нижнему подъему. Количественное различие между этими гласными подлежит дальнейшему изучению.

5. В тегинском говоре все огубленные гласные /y̥/, /y/, /o/, /ø/ имеют заднерядную реализацию. Психоакустический эксперимент показал, что все четыре гласные /y̥/, /y/, /o/, /ø/ хорошо различаются на слух носителями языка.

6. Гласные /y̥/, /y/, /o/ различаются по подъему, и ни один из них не может быть отнесен к нижнему подъему. Это может требовать различения для тегинского говора (минимум) четырех ступеней подъема, однако отдельного анализа требует противопоставление гласных /y̥/, /y/, /o/ (а также и /ø/) по длительности и (или) напряженности.

7. Гласный /ø/ имеет сложную двукомпонентную структуру; особенности этой структуры и точная ее классификация требуют дальнейшего исследования.

Как справедливо отмечает И. Я. Селютина, «в условиях Сибири с ее обширными территориями, на которых проживают носители более сорока языков и крупных диалектов, наиболее важной, неотложной задачей лингвистов является задача изучения звуковых систем языков» [Селютина 2004: 6]. Учитывая описанные выше обстоятельства социолингвистического характера, задача всестороннего изучения фонетики тегинского говора представляется чрезвычайно актуальной. В частности, анализ накопленного материала позволяет выявить лакуны, которые, может быть, в настоящий момент еще возможно восполнить – в том числе за счет новых полевых исследований. В связи с этим необходимо продолжить изучение фонетических особенностей тегинского говора. И прежде всего – методами экспериментальной фонетики, которые позволяют «наиболее эффективно выявить и зафиксировать» звуковую систему языка [Селютина 2004: 7].

Список условных сокращений

англ. – английский язык; каз. – казымский диалект; нем. – немецкий язык; тег. – тегинский говор; хант. – хантыйский язык; ADV – адвербиализатор; PL – множественное число.

Список литературы

Идрисов Р. И. Фонетическое исследование бесписьменного идиома (на примере вокалической системы бесермянского диалекта удмуртского языка) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. № 6. С. 97–112.

Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск, 2010. 176 с.

Кошкарева Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013. № 3. С. 47–78.

Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Увты муй ўвты: Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск, 2007. 178 с.

Куркина Г. Г. Вокализм хантыйского языка (Экспериментальное исследование). Новосибирск, 2000. 296 с.

Лапина М. А. Сказки-рассказы тегинских людей = Тэк ёх моньщэт-путрэт / запись текстов, пер., сост., предисл., коммент. М. А. Лапиной. Ханты-Мансийск, 2011. 111 с.

Немысова Е. А., Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Правила орфографии и пунктуации хантыйского языка (казымский диалект) / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Тюмень, 2023. 188 с.

Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. М.; Гамбург, 1995. 256 с.

Новыхова Е. П. Катра Тэк – основное поселение хантов тегинской территории // Архив в социуме – социум в архиве: Материалы четвертой Всероссийской научно-практической конференции, Челябинск, 22–23 сентября 2021 года / сост., науч. редактор Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 292–294.

Новыхова Е. П. Устрём – поселение тегинских хантов // История, экономика, культура в трансграничных исследованиях Севера (Арктики): Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ханты-Мансийск, 22 ноября 2019 года. Ханты-Мансийск, 2019. С. 213–222.

ОФУЯ 1976 – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / ред. кол. В. И. Лыткин и др. М.: Наука, 1976. 463 с.

- Рябчикова З. С. Образцы хантыйской речи: учеб. -метод. пособие. СПб., 2024а. 126 с.
- Рябчикова З. С. Тексты на хантыйских диалектах: учеб. -метод. пособие. СПб., 2024б. 84 с.
- Рябчикова З. С., Броваренко В. Г. Исторические события в воспоминаниях жителей хантыйского села Теги // Традиции Института народов Севера: язык, фольклор, история и литература: сборник научных статей, посвященный 65-летию со дня рождения ученого-североведа А. А. Петрова. СПб., 2024. С. 206–210.
- Селютина И. Я. Фонологические системы языков народов Сибири: учеб. пособие. Новосибирск, 2004. 99 с.
- Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск, 2020. 688 с.
- Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень, 2014. 386 с.
- Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь. СПб., 2006. 336 с.
- Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск; Ижевск, 2016. 348 с.
- Список языков 2023 – Список языков России (v2023) / Ю. Б. Коряков, Т. И. Давидюк, А. П. Евстигнеева, А. А. Сюрюн [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://jazykirf.iling-ran.ru/list_2023.shtml (дата обращения: 20.11.2025).
- Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981. 544 с.
- Терешкин Н. И., Немысова Е. А. Очерки диалектов хантыйского языка. Часть 3: (казымский диалект): учеб. пособие. Ханты-Мансийск, 2014. 100 с.
- Тимкин Т. В. Типологическая характеристика хантыйского вокализма по данным казымского и сургутского диалектов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9: Филология. С. 66–80.
- Уртегешев Н. С. Ранее не описанный тип гласных: дуфоны // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (Вып. 43). С. 73–81.
- Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Вопросы филологии. Серия: Урало-алтайские исследования. 2009. № 1 (1). С. 100–115.
- Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
- Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера: 2 т. / под ред. Г. Н. Прокофьева. Ч. 1: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.; Л., 1937. С. 193–227.
- Egorov I. The origin and synchronic status of mid front vowels in Kazym Khanty // Вопросы языкового родства. 2019. № 3 (17). С. 197–209.
- Honti L. Chrestomathia Ostiacica: (osztjak nyelvjarasi szöveggyűjtemeny nyelvtani vazlattal es történeti magyarazatokkal). Budapest, 1984. 285 p.

References

- Egorov I. The origin and synchronic status of mid front vowels in Kazym Khanty. *Voprosy yazykovogo rodstva* [Journal of Language Relationship]. 2019, no. 3 (17), pp. 197–209.
- Hajdu P. *Ural'skie yazyki i narody* [Uralic languages and peoples]. Moscow, Progress, 1985, 430 p. (In Russian)
- Honti L. *Chrestomathia Ostiacica: (osztjak nyelvjarasi szöveggyűjtemeny nyelvtani vazlattal es történeti magyarazatokkal)*. Budapest, 1984, 285 p.
- Idrisov R. I. Foneticheskoe issledovanie bespis'mennogo idioma (na primere vokalicheskoy sistemy besermjanskogo dialekta udmurtskogo yazyka) [Phonetic study of an unwritten language (using the example of the vocal system of the Besermyan dialect of the Udmurt language)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology], 2011, no. 6, pp. 97–112. (In Russian)
- Kaksin A. D. *Kazymskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [The Kazym dialect of the Khanty language]. 2nd ed. Khanty-Mansiysk, 2010, 176 p. (In Russian)
- Koshkareva N. B. Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya khantyyskoy grafiki i orfografii [Topical issues of perfection of the Khanty script and orthography]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2013, no. 3, pp. 47–78. (In Russian)

- Koshkareva N. B., Solovar V. N. *Uvty muy ūvty: Kurs prakticheskoy fonetiki khantyyskogo yazyka (kazymskiy dialekt)* [*Uvty Muy Ūvty: A course in practical phonetics of the Khanty language (Kazym dialect)*]. Novosibirsk, 2007, 178 p. (In Russian)
- Kurkina G. G. *Vokalizm khantyyskogo yazyka (Eksperimental'noe issledovanie)* [*Vocalism of the Khanty language (Experimental study)*]. Novosibirsk, 2000, 296 p. (In Russian)
- Lapina M. A. *Skazki-rasskazy teginskikh lyudey* [*Tales and stories of the Tegi people*]. M. A. Lapina (record. of texts, transl., comp., preface, comm.). Khanty-Mansiysk, 2011, 111 p. (In Russian)
- Nemysova E. A., Koshkareva N. B., Solovar V. N. *Pravila orfografii i punktuatsii khantyyskogo yazyka (kazymskiy dialekt)* [*Orthography and punctuation rules of the Khanty language (Kazym dialect)*]. N. B. Koshkareva (Ed.). Tyumen, 2023, 188 p. (In Russian)
- Nikolaeva I. A. *Obdorskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [*The Obdorsk dialect of the Khanty language*]. Moscow, Gamburg, 1995, 256 p. (In Russian)
- Nov'yukhova E. P. *Katra Tek – osnovnoe poselenie khantov teginskoy territorii* [Katra Tek – the Main Settlement of the Tegi Khanty]. In *Arkhir v sotsiume – sotsium v archive: Materialy chetvertoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Chelyabinsk, 22–23 sentyabrya 2021 goda* [*Archive in Society – Society in Archive: Proceedings of the Fourth All-Russian Scientific and Practical Conference, Chelyabinsk, September 22–23, 2021*]. N. A. Antipin (Ed., Comp.). Chelyabinsk, 2021, pp. 292–294. (In Russian)
- Nov'yukhova E. P. *Ustryom – poselenie teginskikh khantov* [Ustryom – a settlement of the Tegi Khanty]. In *Istoriya, ekonomika, kul'tura v transgranichnykh issledovaniyakh Severa (Arktiki): Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Khanty-Mansiysk, 22 noyabrya 2019 goda* [*History, economy, culture in transboundary research of the North (Arctic): Collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Khanty-Mansiysk, November 22, 2019*]. Khanty-Mansiysk, 2019, pp. 213–222. (In Russian)
- Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya: Mariyskiy, permskie i ugorskie yazyki* [*Foundations of Finno-Ugric linguistics: Mari, Permian and Ugric languages*]. V. I. Lytkin et al. (Eds.). Moscow, Nauka, 1976, 463 p. (In Russian)
- Ryabchikova Z. S., Brovarenko V. G. *Istoricheskie sobytiya v vospominaniyakh zhitel'ey khantyyskogo sela Tegi* [Historical events in the memories of the residents of the Khanty village Tegi]. In *Traditsii instituta narodov Severa: yazyk, fol'klor, istoriya i literatura: sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh 65-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo-severoveda A. A. Petrova* [*Traditions of the Institute of the Peoples of the North: language, folklore, history, and literature: a collection of scientific articles dedicated to the 65th anniversary of the birth of the northern studies scholar A. A. Petrov*]. St. Petersburg, 2024, pp. 206–210. (In Russian)
- Ryabchikova Z. S. *Obraztsy khantyyskoy rechi: ucheb. -metod. posobie*. [Samples of Khanty speech: a handbook]. St. Petersburg, 2024a, 126 p. (In Russian)
- Ryabchikova Z. S. *Teksty na khantyyskikh dialektakh: ucheb. -metod. posobie*. [Texts in Khanty dialects: a handbook]. St. Petersburg, 2024b, 84 p. (In Russian)
- Selyutina I. Ya. *Fonologicheskie sistemy yazykov narodov Sibiri: ucheb. posobie* [*Phonological systems of the languages of Siberia: a textbook*]. Novosibirsk, 2004, 99 p. (In Russian)
- Solovar V. N. *Khantyysko-russkiy slovar' (kazymskiy dialekt)* [*Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)*]. Novosibirsk, 2020, 688 p. (In Russian)
- Solovar V. N. *Khantyysko-russkiy slovar' (kazymskiy dialekt)* [*Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)*]. Tyumen, 2014, 386 p. (In Russian)
- Solovar V. N. *Khantyysko-russkiy slovar'* [*Khanty-Russian dictionary*]. St. Petersburg, 2006, 336 p. (In Russian)
- Solovar V. N., Nakhracheva G. L., Shiyanova A. A. *Dialekty khantyyskogo yazyka* [*Dialects of the Khanty language*]. Khanty-Mansiysk, Izhevsk, 2016, 348 p. (In Russian)
- Spisok yazykov Rossii (v2023)* [*List of languages of Russia (v2023)*]. Yu. B. Koryakov, T. I. Davidiuk, A. P. Evstigneeva, A. A. Syuryun (Comps.). 2023. URL: https://jazykirf.iling-ran.ru/list_2023.shtml (accessed 20.11.2025). (In Russian)
- Steiniz W. *Khantyyskiy (ostyatskiy) yazyk* [The Khanty (Ostyak) language]. In *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa: 2 t.* [*Languages and writing systems of the peoples of the North: 2 vols.*]. G. N. Prokof'ev (Ed.). Moscow, Leningrad, 1937, pt. 1: *Yazyki i pis'mennost' samoedskikh i finno-ugorskikh*

narodov [Languages and writing systems of the Samoyed and Finno-Ugric peoples], pp. 193–227. (In Russian)

Tereshkin N. I. *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [Dictionary of Eastern Khanty dialects]. Leningrad, Nauka, 1981, 544 p. (In Russian)

Tereshkin N. I., Nemysova E. A. *Ocherki dialektov khantyyskogo yazyka. Chast' 3: (kazymskiy dialekt): ucheb. posobie* [Essays on the dialects of the Khanty language. Part 3: (Kazym dialect): a textbook]. Khanty-Mansiysk, 2014, 100 p. (In Russian)

Timkin T. V. Tipologicheskaya kharakteristika khantyyskogo vokalizma po dannym kazymского i surgutского dialektov [Typological characteristics of the Khanty vocalism based on data of Kazym and Surgut Dialects]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology]. 2018, vol. 17, no. 9: Filologiya [Philology], pp. 66–80. (In Russian)

Urtegeshev N. S. Ranee ne opisannyi tip glasnykh: dufony [Previously undescribed vowel type: dufons]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 73–81. (In Russian)

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A. Foneticheskie transkriptsionnye standarty UUFT i MFA: sistema sootvetstviy [Phonetic transcription standards of UUFT and MPA: a system of correspondences]. *Voprosy filologii. Seriya: Uralo-altayskie issledovaniya* [Journal of Philology. Ural-Altaic Studies]. 2009, no. 1 (1), pp. 100–115. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.10.2025

Сведения об авторах – Information about the Author / Authors

Владимир Андреевич Иванов – кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия)

Vladimir A. Ivanov – Candidate of Philology, Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia) Federation)

vovagkmfc@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4964-4937>

Руслан Ирекович Идрисов – независимый исследователь (Москва, Россия)

Ruslan I. Idrisov – Independent researcher (Moscow, Russia)

idrisov.ru@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-5781-929X>

**Факторы вариативности гласных по длительности
в казымском диалекте хантыйского языка
на основе новых акустических данных**

Т. В. Тимкин, П. И. Ли, П. А. Ляпина, А. С. Шамрин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Впервые для хантыйского языка на материале казымского диалекта построены трехмерные облака разброса формантных частот, которые показывают, что долгие гласные, варьируя, могут сокращать свою длительность до значений, характерных для кратких гласных, однако тембральные различия более устойчивы и поддерживают противопоставление гласных. Рассмотрены также такие факторы вариативности длительности гласного, как количество слогов и закрытость слога. Показаны различные варианты распределения длительности на примере двусложных форм. Акустический анализ, статистические подсчеты и визуализация выполнены с использованием программного обеспечения Praat и R.

Ключевые слова

хантыйский язык, казымский диалект, вокализм, длительность гласных, экспериментальная фонетика, Praat

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 24-78-10080 «Позиционная трансформация квантитативных признаков гласных в типологическом аспекте в языках Сибири (на материале тюркских и обско-угорских идиомов)».

Для цитирования:

Тимкин Т. В., Ли П. И., Ляпина П. А., Шамрин А. С. Факторы вариативности гласных по длительности в казымском диалекте хантыйского языка на основе новых акустических данных // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 117–128. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-117-128

**Factors of the vowel duration variability in Kazym Khanty:
new acoustic evidence**

T. V. Timkin, P. I. Li, P. A. Lyapina, A. S. Shamrin

Institute of Philology, SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract

The Khanty language, and specifically the Kazym dialect, is remarkable in terms of its phonetic typology, which contrasts short, long, and reduced vowels through both timbral and quantitative features. While duration variability has been addressed in traditional studies, the interaction between timbre and duration, as well as the influence of syllabic factors, requires further investigation. This study employs corpus phonetic methods to analyze new acoustic data and elucidate the relationship between these features. The dataset comprises over 5,000 vowel segments recorded from native speakers in Novosibirsk and Khanty-Mansiysk. Data annotation was performed using the Praat software, while statistical analysis and visualization were conducted using R programming. A 3D model of the vocal space, incorporating formant frequencies and duration, reveals that while long vowels may undergo shortening to the physical duration of short vowels, their timbral features remain stable and maintain phonemic contrasts. The study examines several factors influencing duration variability, including word length (number of syllables) and syllable openness. Analysis of disyllabic forms identifies distinct

© Т. В. Тимкин, П. И. Ли, П. А. Ляпина, А. С. Шамрин, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

patterns of length distribution. For instance, the vowel in the first syllable of a disyllabic word is 1.1–1.3 times shorter than in monosyllabic forms. Significant shortening is also observed in closed first syllables (especially for long vowels) and in non-initial syllables. These varying duration shades are found to result in four distinct rhythmic types. These types are described through rhythmic schemes, with the duration ratio of the first to the second vowel ranging from 0.82:1 (short vowel – full vowel) to 2.4:1 (long vowel – reduced vowel).

Keywords

Khanty language, Kazym dialect, vocalism, vowel duration, experimental phonetics, Praat

Acknowledgements

The research was supported by Russian Science Foundation, Project № № 24-78-10080 “Positional transformation of quantitative vowel features in the typological aspect in the languages of Siberia (based on the material of Turkic and Ob-Ugric idioms)”

For citation

Timkin T. V., Li P. I., Lyapina P. A., Shamrin A. S. Faktory variativnosti glasnykh po dlitel'nosti v kazymskom dialekte khantyyskogo yazyka na osnove novykh akusticheskikh dannykh [Factors of the vowel duration variability in Kazym Khanty: new acoustic evidence]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 117–128. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-117-128

Введение

Одним из признаков, организующих вокалическую систему в языках мира, является длительность гласного. Временная протяженность звукового сегмента обусловлена его физической природой: фонация занимает определенное время и может быть осуществлена с меньшей или большей продолжительностью. Общеизвестным фактом является то, что длительность звука может выступать в языке как фонологический, то есть смыслоразличительный, признак. Указание на наличие ступеней фонологической долготы гласных является неотъемлемой частью фонетического описания любого языка.

В то же время широкое варьирование гласных по долготе под влиянием слоговых и интонационных условий приводит к возникновению различных оттенков длительности, распределение которых в фонетическом слове может подчиняться достаточно сложным правилам.

В этой связи обско-угорские языки представляют особый интерес из-за сочетания ряда факторов:

1) в данных языках представлено фонологическое противопоставление долгих и кратких гласных, при этом подсистемы кратких и долгих не симметричны: гласные, парные по долготе, могут быть противопоставлены также тембральными различиями;

2) для обско-угорских языков характерна количественная редукция в непервом слоге, связанная с начальной интенсивностью словоформы, при этом инвентарь фонем, представленных в первом и непервом слогах, различается.

Долгие и краткие гласные получают различное преломление в первом и непервом слоге, что приводит к возникновению различных количественных оттенков. Так, для хантыйского языка различные ступени долготы были отмечены еще в ранних грамматических описаниях (например, у М. Кастрена [Castrén 1849: 1-4]), в фиксациях текстов А. Алквиста [Ahlquist 1880] и словарях (например, в транскрипциях словаря С. Патканова [Patkanov 1902]). Наиболее подробное описание хантыйских долгот дал К. Карьялайнен, который выделил гласные полного образования, слабо- и сильноредуцированные [Karjalainen 1964]. Гласные полного образования, в свою очередь, подразделялись на долгие, полудолгие и краткие.

Последующие работы, основанные на фонологическом анализе, не отмечают такого разнообразия количественных оттенков. Так, В. Штейниц описывал две количественные фонологические ступени: полную (volle) и редуцированную (reduziert) [Steinitz 1964]. В других работах (например, в очерке Э. Шал [Шал 1976: 257-259]) гласные хантыйских диалектов подразделяются на долгие и краткие. Вне противопоставления по долготе находится редуцированная фонема *ə*, которая не встречается в первом слоге.

Экспериментальное исследование хантыйских гласных было выполнено Г. Г. Куркиной на материале казымского диалекта, относящегося к западной диалектной группе [Куркина 2000]. По данным акустических и соматических методик обоснована система, в которой выделяются

4 долгие фонемы /e:/, /õ:/, /õ:/, /ɑ:/, 4 краткие /i/, /ö/, /ö/, /ɑ/, а также редуцированная фонема /ə/ (фонетическая запись по Универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ) [Наделяев 1960]). В работе Г. Г. Куркиной приводятся обширные данные по долготе отдельных фонем в позициях первого и непервого слога в моносyllабах, бисyllабах и трисyllабах. Показано, что длительность гласного колеблется в зависимости от таких условий, как количество слогов в слове, тип слога, тип согласного окружения. Расчеты автора показывают, что в непервом слоге сохраняется противопоставление гласных полного образования и редуцированного гласного. При этом в целом гласный непервого слога подвергается количественной редукции. Большой интерес представляет взаимное влияние этих факторов и распределение оттенков длительности внутри словоформы.

Цель настоящей работы – применить элементы корпусного подхода к новым аудиоданным по хантыйскому языку и показать, с одной стороны, взаимодействие количественной и качественной вариативности, с другой стороны, проследить взаимодействие различных факторов количественного варьирования в словоформе на примере двусложных слов.

Материалы и методы

Исследование основано на данных, записанных в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН (г. Новосибирск), а также в г. Ханты-Мансийске Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Запись производилась в ходе комплексного фонетического эксперимента по акустическому и соматическому описанию речи методами электроглоттографии и ультразвукового исследования.

Настоящая работа основана на акустических данных, которые записывались синхронно с электроглоттографией при помощи прибора Laryngograph EGG-D200¹. Звук записывался на петличный микрофон Røde SmartLav при помощи аудиокарты, встроенной в ларингограф, и программного обеспечения icSpeech Professional².

Всего были получены записи от восьми носителей западных диалектов. Анкета включала около 170 лексем. Носитель получал русскоязычный стимул и троекратно произносил эквивалент на родном языке.

В настоящей статье числовые данные приводятся по результатам обработки записей двух дикторов-женщин – носительниц казымского диалекта. Общий объем обработанного материала от первого диктора составляет 541 фонетическое слово, которое включает более 3000 звуковых сегментов. От второго диктора получено 417 фонетических слов, включающих более 2100 звуковых сегментов³. Записи были вручную аннотированы в программе Praat⁴ при помощи знаков Международного фонетического алфавита. Сегменты границ выставлялись в Praat на основании слухового, осциллографического и спектрографического анализа. Длительности рассчитывались на основании выставленных границ сегментов при помощи языка программирования R и пакета emur [Winkelmann 2017]. Для статистической обработки и визуализации использовался также R с пакетами ggplot2 и car.

Результаты

Ингерентная длительность гласного. Длительность гласных в записях исследованных дикторов отличается значительной вариативностью как в абсолютном, так и в относительном отношении. Если средние значения длительности для долгих фонем ожидаемо превосходят средние значения кратких гласных, то отдельные реализации в речи могут сокращаться до значений, характерных для кратких звуков.

Такое высокое пересечение областей реализации, по нашему мнению, не обязательно говорит

¹ EGG-D200 Electroglottography System. URL: <https://icspeech.com/electroglottography.html> (дата обращения: 05.05.2025).

² IcSpeech Professional Edition. Multiparameter speech analysis software. URL: <https://icspeech.com/icspeech-Professional.html> (дата последнего обращения: 08.12.2025).

³ Запись носителей хантыйского языка при помощи методик электроглоттографии и УЗИ. Лаборатория экспериментально-фонетических исследований Института филологии СО РАН (октябрь 2024 г.); Обско-угорский институт прикладных исследований, г. Ханты-Мансийск (ноябрь 2024 г.).

⁴ Praat: doing Phonetics by computer. URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (дата обращения 05.05.2025).

о нейтрализации долгих и кратких гласных, поскольку в исследуемом диалекте пары, противопоставленные по длительности, также имеют тембральное различие.

Для описания тембров гласных в акустической фонетике традиционно используется метод измерения формантных частот – резонансных частот голосового тракта, где частота первой форманты соответствует подъему гласного, а второй форманты – его ряду и огубленности.

Согласно нашим данным, ни длительность гласных, ни формантные частоты, взятые сами по себе, не служат для убедительного разграничения отдельных звуков, однако взаимодействие этих факторов позволяет охарактеризовать каждую гласную. Взаимодействие количественных и качественных признаков можно показать, отобразив облака разброса формантных значений в виде трехмерного графика, добавив к двум тембральным измерениям длительность как третью координату.

На рис. 1 показан снимок трехмерной модели вокализма, построенной по данным диктора 1. Условное пространство графика организовано тремя осями: F1 – частота первой форманты, Гц; F2 – частота второй форманты, Гц; Duration – абсолютная длительность, мс.

Каждая точка обозначает отдельное произнесение фонемы диктором. Кратким гласным соответствуют следующие цвета: /i/ – синий, /ö/ – серый, /ö/ – желтый, /a/ – черный; долгим: /e:/ – зеленый, /ë:/ – голубой, /ö:/ – бирюзовый, /a:/ – красный.

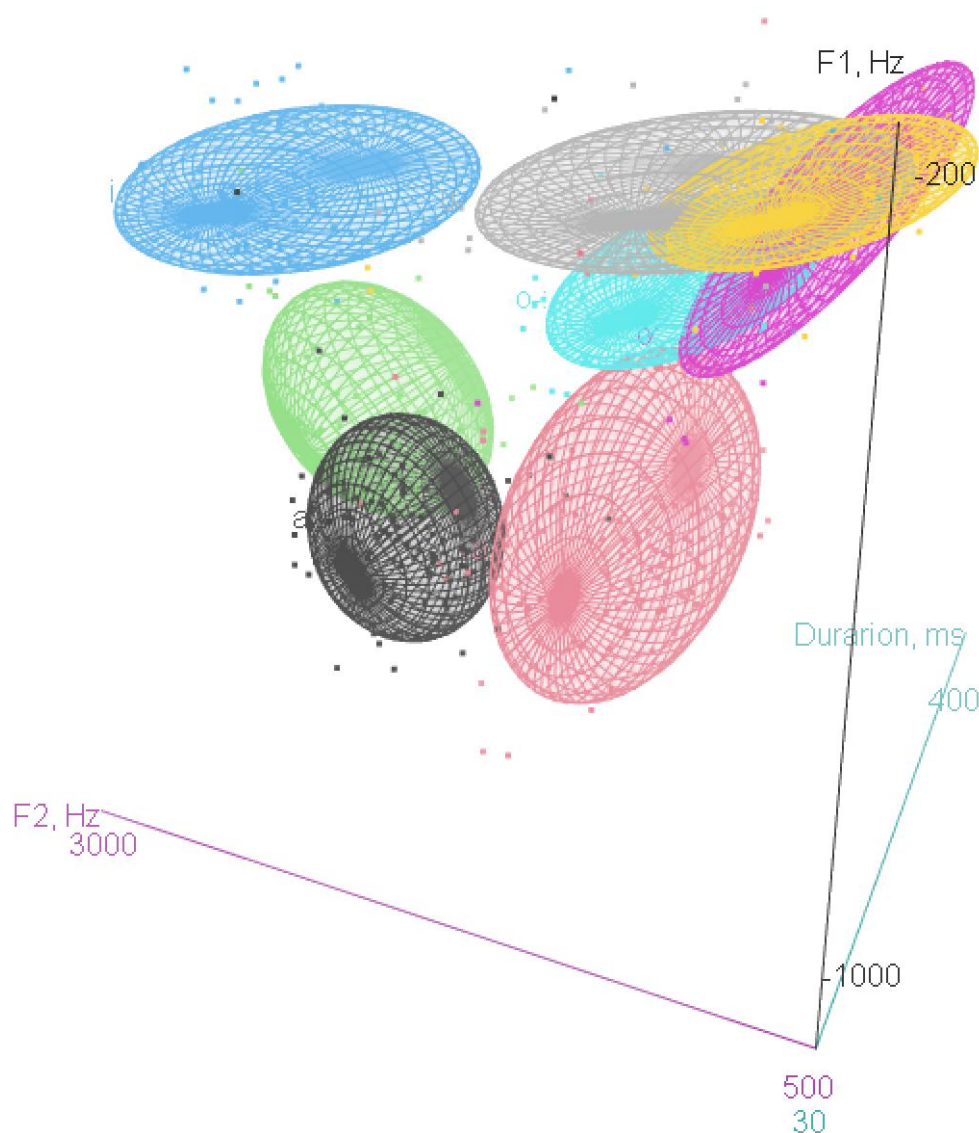

Рис 1. Трехмерная модель вокалического пространства по данным диктора 1
Fig 1. 3D-model of vowel space based on the data from Speaker 1

Эллиптические фигуры соответствующего цвета очерчивают доверительные интервалы вокруг центров каждой выборки, показывая зону, где концентрируются произнесения данной фонемы.

Ракурс на рис. 1 выбран таким образом, чтобы показать традиционный треугольник гласных, но более длительные оттенки при этом углублены в перспективе вокалического пространства.

Наблюдаемое перекрытие областей реализации долгих и кратких гласных фонем по параметру длительности компенсируется устойчивостью их тембральных различий, которые продолжают выполнять смысловоразличительную функцию даже при нейтрализации оппозиции по количественному признаку.

В таблице 1 представлены данные об относительной длительности гласных первого слога, полученные от двух дикторов. Для каждой фонемы указано среднее значение относительной длительности. Отдельные реализации могут существенно отклоняться от среднего значения, причем экстремальные значения часто носят аномальный характер. Вследствие этого разброс между максимальной и минимальной длительностями может давать искаженное представление о характеристиках выборки. В связи с этим в таблице приведен интерквартильный размах – разница между первым и третьим квартилями, то есть между значениями, отсекающими нижние и верхние 25 % данных.

Таблица 1
Table 1

Ингерентная относительная длительность кратких и долгих фонем
Integrated relative duration of short and long phonemes

Гласные		Относительная длительность			
		Диктор 1		Диктор 2	
		Средняя	Межквартильный разброс	Средняя	Межквартильный разброс
Краткие	/i/	111	92–129	94	73–115
	/ï/	81	65–99	87	71–106
	/ò/	96	83–112	85	67–97
	/ä/	99	84–111	81	65–92
Долгие	/e:/	136	119–149	124	105–136
	/ë:/	137	119–158	128	109–138
	/ö:/	122	102–136	116	94–134
	/ä:/	159	127–188	122	102–140

Мы можем наблюдать, что у кратких гласных ингерентная длительность составляет 81–111 % относительной длительности, тогда как у долгих 122–136 % со значительным пересечением зон вариативности.

Покажем факторы, влияющие на позиционные трансформации гласных по длительности.

Зависимость длительности гласного первого слога от слоговой организации. Среди факторов, влияющих на длительность гласного в первом слоге, прежде всего, обращают на себя внимание количество слогов и закрытость слога.

Так, по данным, записанным от первого диктора, в моносиллабах средняя абсолютная длительность кратких гласных находится в пределах 144–177 мс, а долгих – в пределах 193–224 мс. В двусложных формах длительность кратких гласных уменьшается до значений 115–140 мс, долгих – до 100–125 мс. В многосложных формах для кратких гласных характерна длительность 103–125 мс, для долгих – 164–178 мс.

В целом данные от обоих исследованных дикторов говорят, что в двусложных формах гласный первого слога сокращается по сравнению с моносиллабической формой в 1,1–1,3 раз, что характерно как для долгих, так и для кратких гласных. В многосложных формах наблюдается дальнейшее сокращение звуков.

В таблице 2 показаны данные об абсолютной длительности гласных фонем в первом слоге словоформ различной конструкции по данным двух дикторов.

Таблица 2

Table 2

Абсолютная длительность гласного в первом слоге словоформ различной организации
Absolute duration of first syllable vowels in different types of phonetic words

Гласные		Абсолютная длительность гласного первого слога в различных типах словоформ, мс					
		Диктор 1			Диктор 2		
		Моно- силлабы	Бисиллабы	Поли- силлабы	Моно- силлабы	Бисиллабы	Поли- силлабы
Краткие	/i/	171	140	125	149	109	92
	/ö/	154	139	100	142	110	87
	/õ/	144	125	106	148	93	55
	/ä/	148	115	103	100	91	85
Долгие	/e:/	222	191	149	163	155	–
	/ë:/	193	173	179	157	139	109
	/ò:/	224	176	164	162	145	–
	/ä:/	218	227	178	186	154	144

Следующим фактором, влияющим на длительность гласного, является открытый или закрытый характер слога.

Покажем в таблице 3 абсолютные длительности гласного первого слога в открытых и закрытых слогах. В закрытых слогах у дикторов, как правило, наблюдается сокращение длительности звука, которое более выражено для долгих гласных, при этом является менее значительным, чем вариативность, обусловленная количеством слогов.

Таблица 3

Table 3

Абсолютные длительности гласного первого слога в открытых и закрытых слогах
Absolute durations of first syllable vowels in open and closed syllables

Гласные		Абсолютная длительность гласного первого слога, мс			
		Диктор 1		Диктор 2	
		В открытом слоге	В закрытом слоге	В открытом слоге	В закрытом слоге
Краткие	/i/	139	141	135	109
	/ö/	140	137	144	83
	/õ/	131	116	128	93
	/ä/	122	108	104	89
Долгие	/e:/	195	162	170	147
	/ë:/	188	178	148	146
	/ò:/	197	153	158	135
	/ä:/	219	186	188	148

Длительность гласного в непервом слоге. В непервых слогах наблюдается сокращение длительности гласного, характер которого также связан с тем, является слог открытым или закрытым.

В таблице 4 на с. 123 показана длительность фонем, представленных в непервом слоге, в закрытых слогах в абсолютном выражении, а также в процентном отношении от средней

длительности гласного в первом слоге.

Прежде всего, отметим, что редуцированная гласная /ə/, представленная только в непервом слоге, отличается наименьшей длительностью со средним значением в 59 мс в открытом слоге и 50 мс для закрытого слога для первого диктора, 112 мс в открытом слоге и 66 мс в закрытом для второго диктора.

Гласные полного образования имеют большую по сравнению с /ə/ длительность, при этом /i/ характеризуется несколько сокращенными реализациями, то есть противопоставление фонологически кратких и долгих гласных сохраняется в непервых слогах.

В таблице 4 также приводится процентное отношение длительности гласных непервого слога к реализации той же фонемы в первом слоге (кроме фонемы /ə/, которая в первом слоге не употребляется). Эти данные показывают, что закрытый непервый слог является позицией сокращения гласного: длительность отдельных фонем не превышает 76 % от длительности соответствующей фонемы в первом слоге.

Однако в открытых слогах такое сокращение выражено в меньшей степени: так, длительность долгих гласных в этой позиции может быть выше 90 %, а для фонологически краткой /i/ даже превышать 100 %. Это говорит о том, что тенденция к более длительному произнесению в открытых слогах, особенно в абсолютном конце, может компенсировать сокращение гласных в непервых слогах.

Таблица 4

Table 4

Длительности гласных непервого слога
Durations of non-first syllable vowels

Тип слога	Гласный	Диктор 1		Диктор 2	
		Абсолютная длительность гласного в непервом слоге, мс	Длительность гласного в непервом слоге относительно реализаций первого слога, %	Абсолютная длительность гласного в непервом слоге, мс	Длительность гласного в непервом слоге относительно реализаций первого слога, %
Открытый	/i/	149	103	124	106
	/e:/	168	90	150	94
	/ɑ:/	134	63	150	93
	/ə/	59	—	112	—
Закрытый	/i/	110	76	70	60
	/e:/	112	59	112	71
	/ɑ:/	115	56	110	70
	/ə/	50	—	66	—

Распределение оттенков длительности в бисиллабических словоформах. Рассмотрев отдельные факторы, влияющие на длительность гласного в словоформе, перейдем к анализу взаимодействия этих факторов. Поскольку в многосложных формах эти факторы организованы наиболее сложным образом, на данном этапе анализа мы должны в первую очередь обратиться к двусложным словоформам.

Для того чтобы оценить распределение длительностей в бисиллабах, воспользуемся методикой ритмических схем. Ритмические схемы совмещают традиционный табличный и спектрографический способы представления звуковой цепи. Каждое фонетическое слово на такой схеме представлено как ряд ячеек, высота которых фиксирована, а ширина пропорциональна длительности гласного. В каждой ячейке вписана транскрипция при помощи знаков Международного фонетического алфавита, абсолютная длительность звука в миллисекундах и относительная длительность как процент к средней длительности звука в словоформе. Слева от каждого слова приводится числовая формула, показывающая

слога в большинстве случаев длиннее, чем гласный непервого слога; единственным случаем, где гласный непервого слога может оказаться длиннее, чем первого, – это структуры с фонологически кратким гласным в первом слоге и долгим в непервом;

4) соотношение длительностей первого и непервого слогов находится в одинаковых пределах для словоформ типа «краткий – редуцированный» и «долгий – нередуцированный», что говорит об определенной симметрии этих ритмических типов.

Показанные примеры выбраны из словоформ со структурой CV-CVC с открытым первым слогом и закрытым непервым. Рассмотрим, как соотношение длительностей гласных реализуется в других типах слоговой организации. Покажем в таблице 5 соотношение длительностей гласного первого слога и второго в структурах различного типа.

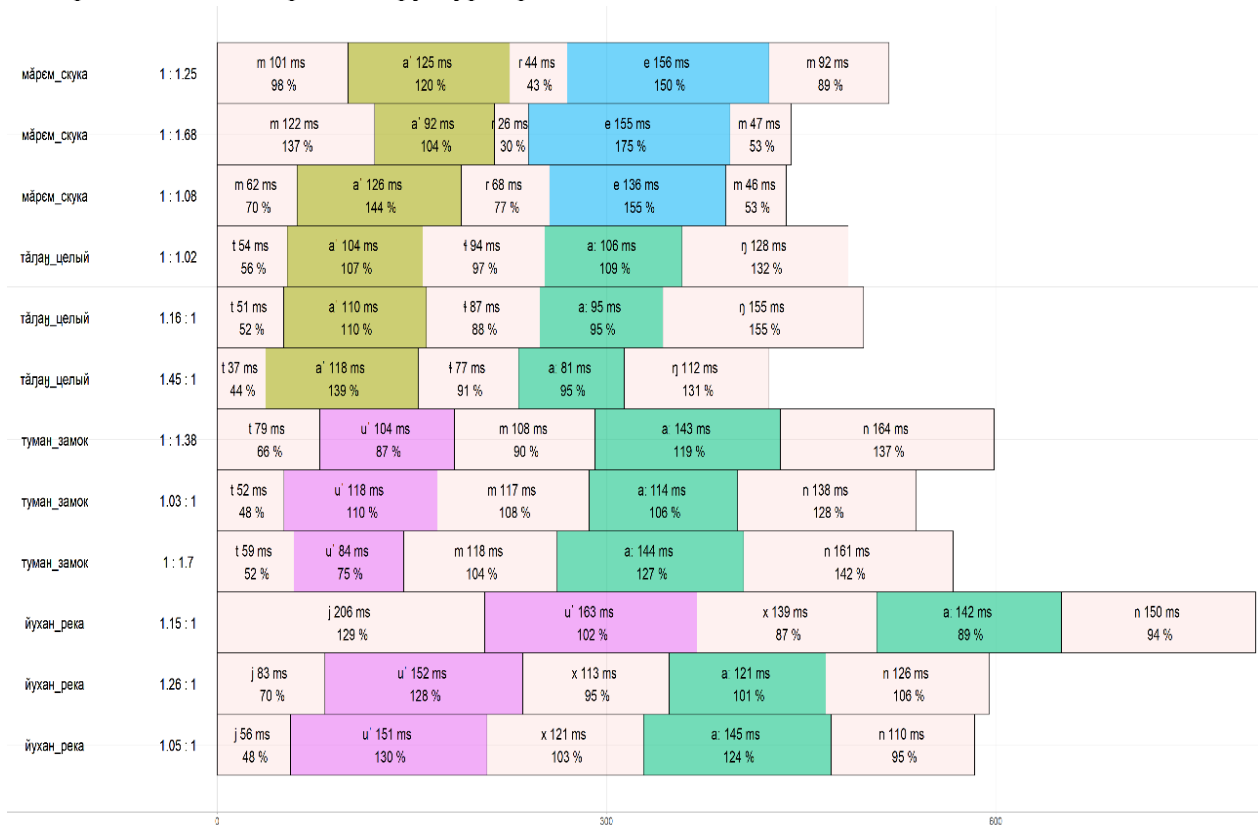

Рис. 3. Ритмические схемы бисиллабов с кратким гласным в первом слоге и долгим во втором
Fig 3. Rhythmic patterns of bisyllables with a short vowel in the first syllable and a long vowel in the second syllable

Таблица 5
Table 5

**Отношение длительности гласного первого слога к непервому
в бисиллабах различного типа**

The ratio of the duration of the vowel of the first syllable to the non-first syllable in different types of bisyllabic forms

Тип слоговой организации	Отношение гласного первого слога к непервому			
	Первый слог: открытый		Первый слог: закрытый	
	Второй слог: открытый	Второй слог: закрытый	Второй слог: открытый	Второй слог: закрытый
Краткий – редуцированный	–	1,7	–	1,3
Краткий – полный	0,98	1,17	0,82	1,13
Долгий – редуцированный	–	2,4	–	1,94
Долгий – полный	1,5	2,1	1,2	1,47

Количественные данные позволяют увидеть, что каждый из слоговых факторов вносит свой вклад в общее соотношение длительностей. Так, открытость слога способствует более длительному произнесению гласного. Если открытым является первый слог, то соотношение долгот естественным образом увеличивается. Если открытым является второй слог, то соотношение уменьшается за счет увеличения абсолютной длительности второго гласного. Соответственно, наименьшая длительность первого слога в отношении ко второму должна наблюдаться в формах с фонологически кратким гласным первого закрытого слога при открытом втором слоге с гласным полного образования во втором слоге. В таких словоформах среднее отношение гласных составляет 0,82 к 1.

Напротив, наибольшее отношение длительностей наблюдается в формах с фонологически долгим гласным в открытом первом слоге при редуцированной фонеме во втором. В таких формах первый гласный превышает по длительности второй в среднем в 2,4 раза.

Таким образом, различные комбинации слоговых типов дают разнообразные возможности распределения количественных оттенков в словоформе.

Обсуждение и выводы

Длительность гласных хантыйского языка была наиболее последовательно рассмотрена Г. Г. Куркиной. Как полагает исследователь, «определяющим фонематическим конститутивно-дифференциальным признаком в казымском вокализме является качественная характеристика, их степень подъема» [Куркина 2000: 39]. Наши данные подтверждают эту точку зрения: по акустическим расчетам краткие гласные /i/, /ö/, /ö/ реализуются в верхнем подъеме, тогда как соответствующие долгие /e:/, /ö:/, /ö:/ в среднем. Краткая /ä/ при этом носит более передний характер по сравнению с долгой /ä:/.

Новые данные, полученные в нашей работе, позволяют построить трехмерную модель формантных облаков, которая показывает, что тембр является более устойчивым признаком гласного в казымском диалекте. В определенных позициях длительность долгих гласных может сокращаться до значений, характерных для кратких гласных, однако тембральные различия поддерживают противопоставление фонем.

В монографии Г. Г. Куркиной дается количественная оценка ряда факторов, влияющих на длительность гласного. Наши результаты, полученные при помощи анализа аудиоматериала в программах Praat и R, согласуются с данными, приводимыми в монографии в следующих положениях:

- длительность гласных в открытых слогах имеет тенденцию к увеличению по сравнению с гласными закрытого слога;
- по мере увеличения числа слогов длительность гласных уменьшается;
- в непервых слогах наблюдается значительная количественная редукция гласных;
- наименьшую длительность в непервом слоге имеет редуцированная фонема /ə/, противопоставляясь гласным полного образования.

Данные выводы в монографии Г. Г. Куркиной сопровождаются подробными подсчетами, однако традиционный табулярный метод с опорой на подсчет относительных длительностей не всегда показывает взаимодействие исследованных факторов. Так, для непервого слога выводится положение, что длительность гласного зависит от длительности первого слога: гласный сокращается при долгом гласном в первом слоге и удлиняется при кратком гласном в первом слоге. Мы полагаем, что подобная закономерность может быть вызвана тем, что относительные длительности подсчитаны относительно средней длительности звука в словоформе и могут не вполне адекватно отражать взаимодействие отдельных слоговых факторов.

Для оценки распределения оттенков длительностей в словоформе мы использовали метод ритмических схем, который позволяет увидеть, как соотносятся звуки внутри одного фонетического слова. Анализ материала позволяет прийти к следующим выводам:

- количественная редукция гласного непервого слога приводит к тому, что этот гласный в большинстве произнесений бисиллаб является более кратким по сравнению с первым гласным;
- в системе представлены бисиллабы с организацией «фонологически краткий – фонологически долгий». В таких структурах длительность первого и непервого гласного могут быть сопоставимы, и это единственный вариант организации словоформы, где гласный второго

слога может превосходить по длительности первый.

Вариативность гласного, обусловленная количеством слогов и закрытостью / открытостью слога, накладывается на эту закономерность и создает большое количество оттенков.

Примененные методы анализа с использованием цифровых инструментов демонстрируют, что значительная вариативность гласных по количеству в хантыйском языке обусловлена рядом позиционных факторов, при этом качественное противопоставление поддерживает различие фонем.

Список литературы

Куркина Г. Г. Вокализм хантыйского языка (Экспериментальное исследование). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 292 с.

Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л.: Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР, 1960. 37 с.

Шал Э. Фонетика обско-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Т. 3. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 253-274.

Ahlquist A. Ueber die Sprache der Nord-Ostjaken. Sprachtexte, Wörtersammlung und Grammatik. Helsingfors, 1880. 194 с.

Castrén M. Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. St. Petersburg, 1849. ix + 162 с.

Karjalainen K. F., Vertes E. Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 128). Helsinki, 1964. xvii + 341 с.

Patkanov Sz. Irtisi-Ostják Szójegyzék Vocabularium dialecti ostjakorum regionis flurii Irtysh. Budapest, 1902. 254 с.

Steinitz W. Geschichte des Finnisch-Ugrischen Vokalismus. Berlin: Akademie Verlag, 1964. 178 с.

Winkelmann R., Harrington R., Jänsch K. EMU-SDMS: Advanced speech database management and analysis in R // Computer Speech & Language. 2017. Vol. 45. С. 392–410.

References

Ahlquist A. Ueber die Sprache der Nord-Ostjaken. Sprachtexte, Wörtersammlung und Grammatik. Helsingfors, 1880, 194 p.

Castrén M. Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. St. Petersburg, 1849, ix + 162 p.

Karjalainen K. F., Vertes E. Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 128). Helsinki, 1964, xvii + 341 p.

Kurkina G. G. Vokalizm khantyyskogo yazyka (Eksperimental'noe issledovanie) [Khanty vowel system (An experimental research)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2000, 292 p. (In Russian)

Nadelyaev V. M. Proekt universal'noy unifikirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFТ) [The project of universal unified phonetic transcription]. Moscow, Leningrad, 1960, 37 p. (In Russian)

Patkanov Sz. Irtisi-Ostják Szójegyzék Vocabularium dialecti ostjakorum regionis flurii Irtysh. Budapest, 1902, 254 p.

Shal E. Fonetika obsko-ugorskikh yazykov [Phonetics of Ob-Ugric languages]. In Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics]. Moscow, Nauka, 1976, vol. 3 Mariyskiy, permskie i ugorskie Yazyki [Mari, Permian, and Ugric Languages], pp. 253–274. (In Russian)

Steinitz W. Geschichte des Finnisch-Ugrischen Vokalismus. Berlin, Akademie Verlag, 1964, 178 p.

Winkelmann R., Harrington R., Jänsch K. EMU-SDMS: Advanced speech database management and analysis in R. Computer Speech & Language. 2017, vol. 45, pp. 392–410.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
05.05.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Тимофей Владимирович Тимкин – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Timofey V. Timkin – Candidate of Philology, Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

ttimkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9001-4729>

Полина Игоревна Ли – младший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Polina I. Li – Junior Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

polina.li.14@mail.ru

Полина Алексеевна Ляпина – младший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Polina A. Lyapina – Junior Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

lyapinalina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3439-0129>

Антон Сергеевич Шамрин – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Anton S. Shamrin – Candidate of Philology, Junior Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

anton_shamrin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5327-3369>

**Редукция системы дифтонгов в одульском языке:
диахронический и инструментально-фонетический анализ**

Н. С. Уртегешев, П. Е. Прокопьева

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

Аннотация

Представлены результаты инструментально-фонетического исследования системы дифтонгов одульского языка (язык лесных юкагиров) в диахроническом аспекте. На материале полевых записей речи последних носителей проведен сравнительный анализ с данными конца XIX – начала XX вв. Из 11 исторически зафиксированных дифтонгов в современной речи сохранился только один истинный дифтонг [ie]. Выявлены основные процессы трансформации: реинтерпретация дифтонгов [ai], [ei], [oi], [ui], [eu], [au] и [iu] как последовательностей гласного с сонорным согласным; редукция дифтонгов [uo], [ue], [eo] в монофтонги и дуфоны; фонетическая нереализованность орфографических символов [ou], [eu] в качестве настоящих дифтонгов. Наблюдаемая редукция является естественным фонетическим процессом, а не следствием внешнего влияния.

Ключевые слова

одульский язык, дифтонги, инструментальная фонетика, диахроническое изменение, монофтонгизация, редукция вокализма

Благодарности

Благодарим дикторов – носителей одульского языка Дарью Петровну Борисову и Любовь Николаевну Демину за участие в эксперименте.

Для цитирования

Уртегешев Н. С., Прокопьева П. Е. Редукция системы дифтонгов в одульском языке: диахронический и инструментально-фонетический анализ // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 129–144. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-129-144

**Reduction of the diphthong system in the Odul language:
a diachronic and instrumental-phonetic analysis**

N. S. Urtegeshev, P. E. Prokopyeva

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS, Yakutsk, Russia

Abstract

This study examines the phonetic evolution of the endangered Odul language (Forest Yukaghir) by analyzing the diachronic development of its diphthong system. There is a significant discrepancy between the rich inventory of diphthongs documented in early linguistic records and their uncertain status in the contemporary language, which is now spoken by only a few elderly individuals. Hence, the primary objective is to verify the current existence and phonetic realization of these historical vocalic complexes using modern instrumental methods. The methodology involves an acoustic analysis of field recordings from the last native speakers, employing oscillography, spectrography, and analysis of intensity and fundamental frequency. A key aspect is the application of a novel classification framework focusing on the number of vocalic nuclei and glottalization to distinguish between true diphthongs, monophthongs, and complex vocalic units. The results demonstrate a near-complete systemic reduction. Only one diphthong, [ie], retains its historical phonetic structure. The diphthongs [ai], [ei], [oi], [ui], [eu], [au] and [iu] are reinterpreted as vowel-glide sequences, while [uo], [ue], and [eo] have undergone monophthongization. Furthermore, the orthographic representations of [ou]

© Н. С. Уртегешев, П. Е. Прокопьева, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

and [əu] prove to correspond not to diphthongs but to vowel-fricative sequences, classified as fictitious diphthongs. The conclusion is made that the collapse of the diphthong system is an inherent, long-term phonetic process rather than a result of recent external influence. These findings are crucial for an accurate description of Odul phonetics, language documentation, orthography standardization, and potential revitalization efforts, while also contributing to the broader typology of phonetic change in obsolescent languages.

Keywords

Odul language, diphthongs, instrumental phonetics, diachronic change, monophthongization, vowel system reduction

Acknowledgements

The authors express their gratitude to native Odul speakers Daria Petrovna Borisova and Lyubov Nikolaevna Demina for their invaluable participation in this research.

For citation

Urtegeshev N. S., Prokopyeva P. E. Reduktsiya sistemy diftongov v odul'skom yazyke: diakhronicheskiy i instrumental'no-foneticheskiy analiz [Reduction of the diphthong system in the Odul language: a diachronic and instrumental-phonetic analysis]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 129–144. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-129-144

Введение

В разные периоды исследователи называли в одульском языке, или языке лесных юкагиров, различное количество дифтонгов. Так, первый исследователь юкагирского языка В. И. Иохельсон, зафиксировавший язык лесных юкагиров в конце XIX – начале XX вв., писал, что имеются дифтонги [ai], [ei], [oi], [ui], [au], [eu], [iu], [ou], [ie], [uo], [eo] и что произносятся они как в немецком языке. Кроме того, он выделял трифтонги, которые встречаются крайне редко [Иохельсон 1934: 151]. В таблице 1 представлены примеры из сборника фольклорных текстов [Иохельсон 2005] и их соответствие данным современного одульского языка (по материалам: [Николаева, Шалугин 2002; Прокопьева, Прокопьева 2021]); показана также вариативность написания слов в различных источниках.

Таблица 1

Table 1

Дифтонги по В. И. Иохельсону с примерами и их соответствие в современных источниках
Diphthongs in the work of V. I. Iokhel'son: examples and their modern correlates

Дифтонги	Написание юкагирских слов и их форм в разных источниках			
	[Иохельсон 2005]	Перевод	[Николаева, Шалугин 2002]; [Прокопьева, Прокопьева 2021]	Перевод
[ai]	<i>laxai</i>	‘дошел’	<i>йахай</i>	‘дошел’
[ei]	<i>juodai</i>	‘смотрит’	<i>йуодэй, йуодэй</i>	‘смотрит’
	<i>kaiik</i>	‘дай’	<i>кэйк</i>	‘дай’
	<i>waiirāngitai</i>	‘убегут’	<i>шэйрэнгитэй</i>	‘убегут’
	<i>naišaiim</i>	‘бросил’, ‘кинул’	<i>пэшиэйм</i>	‘бросил’, ‘кинул’
[oi]	<i>modoi</i>	‘живет’, ‘сидит’	<i>модой</i>	‘живет’, ‘сидит’
	<i>koi</i>	‘парень’	<i>күөй, күөй</i>	‘парень’
[ui]	<i>chomomui</i>	‘вырос’	<i>чоммуй</i>	‘вырос’
[au]	<i>kaudiām</i>	‘повел=он’	<i>кәүдэйм</i>	‘увел=он’
[eu]	<i>äurāšum</i>	‘водит=он (с собой)’	<i>эйрэш</i>	‘сводил=я (с собой)’
	<i>läudāllä</i>	‘съевши’	<i>лэунум, лэйнум</i>	‘ест=он’
	<i>äurāi</i>	‘ходит’	<i>эйрэй</i>	‘ходит’
[ou]	<i>poūdāllä</i>	‘побежав’	<i>пәунгитэй</i>	‘поскачут’, ‘побегут’
	<i>joulošitai</i>	‘спросим’	<i>йоулусьум</i>	‘спросил=он’
	<i>loudiälānīlā</i>	‘уронили=они’	<i>ләүдэм</i>	‘уронил=он’
	<i>koušāragā</i>	‘в ковше’	<i>кәүшэраа</i>	‘ковш’
	<i>koūdām</i>	‘бьет=он’	<i>кәүдэм</i>	‘бьет=он’

	<i>шоујјäili</i>	‘вошли=они’	<i>шоујэ</i>	‘вошел=я’
	<i>ноудим</i>	‘караулил’, ‘сторожил’	<i>нойдиим, ноудиим, нөудиим</i>	‘караулил’, ‘сторожил’
	<i>толоу ~ толобо</i>	‘дикий олень’	<i>толоу</i>	‘дикий олень’
[ie]	<i>погäиги</i>	‘побежали=они’	<i>погиэи</i>	‘побежал=он’, ‘поскакал=он’
	<i>ходиäт</i>	‘почему’	<i>ходиэт</i>	‘почему’
	<i>äчii</i>	‘отец’	<i>эсиэ, эсьиэ</i>	‘отец’
[iu]	<i>ниуги</i>	‘имя=его’	<i>ньууги</i>	‘имя=его’
[uo]	<i>уо</i>	‘ребенок’	<i>уө, уо</i>	‘ребенок’
	<i>нуол</i>	‘смех’	<i>нуөл, нуол</i>	‘смех’
	<i>јуодäи</i>	‘смотрит=он’	<i>йуөдэй, йуодэй</i>	‘смотрит=он’
[eo]	<i>пуколäомäи</i>	‘будут мягкими’	<i>пукэльоой, пукэльуой</i>	‘есть мягкий’

Описывая фонематический инвентарь одульского языка, И. А. Николаева отмечает, что вокальные системы языков лесных и тундренных юкагиров идентичны, между тем для тундренного юкагирского языка Г. Н. Курилов обычно записывает дифтонги вместо долгих средних гласных; в материалах В. И. Иохельсона и Е. А. Крейновича также наблюдаются вариации. В качестве примеров приводятся одульские слова из их работ: *xamluo-* ~ *xamlo-* ‘сколько’, *juo-* ~ *jo-* ‘видеть’ [Nikolaeva 2006: 29–30]. Е. А. Крейнович прямо упоминал дифтонги [ie] и [uo], но не обсуждал их фонологический статус [Там же: 30]. Он определял «иэ» как нисходящий дифтонг переднего ряда, а «уо» как нисходящий дифтонг заднего ряда и отмечал, что оба встречаются в словах во всех позициях [Крейнович 1982: 10]. И. А. Николаева считает, что не существует минимальных или квазiminимальных пар, которые позволили бы отличить дифтонги от соответствующих долгих гласных среднего подъема. По ее мнению, нисходящие дифтонги являются нефонологическими вариантами долгих средних гласных, то есть [e:] может быть реализовано как [ie], [o:] как [uo], а [ö] как [uö] (или [wo]); дифтонги предпочтительнее в позиции ударения, особенно в односложных словах, но такое распределение является скорее тенденцией, чем строгим правилом. И. А. Николаева называет только два слова, в которых долгое [e:] никогда не дифтонгируется: [me:me:] ‘медведь’, [emme:] ‘мамочка’. Первое, по-видимому, является запретным, появившимся в результате редупликации, а второе – ласковое детское слово. Слова из тундренного юкагирского [ne:nuke:] ‘загадка’ и [eke:] ‘старшая сестра’, по всей видимости, также не допускают дифтонгов, оба являются недавними эвенскими заимствованиями. В любом случае эти несколько слов не дают достаточных доказательств фонологического статуса нисходящих дифтонгов [Nikolaeva 2006: 30].

Таким образом, в трудах исследователей разных лет имеются расхождения в количественном составе одульских дифтонгов (см. табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Количество дифтонгов в одульском языке по работам разных исследователей
The number of diphthongs in the Odul language according to the works of various researchers

Исследование	Дифтонги			
[Иохельсон 1934]	[ie], [iu]	[ai], [ei], [oi], [ui]	[uo], [eo]	[au], [eu], [ou]
[Крейнович 1958, 1982]	[ie]	–	[uo]	–
[Николаева 2006]	[ie]	–	[uö], [uo]	–

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили изолированные словоформы, записанные от носителей одульского языка. Каждое слово записывалось троекратно. Так как у нас всего два диктора, то анализировалось каждое произношение. Звук анализировался по осциллограмме, спектрограмме, огибающей основного тона, интенсивности. Измерялась длительность как в абсолютных, так и в относительных показателях. Звуковые файлы нарезались с помощью компьютерных программ CoolPro, Audacity, анализировались в программе SpeechAnalyzer 3.0.1.

При определении ряда и подъема гласных при помощи компьютерных программ возникает

проблема соотнесения акустических данных с артикуляционными параметрами. Кроме того, единые требования к обозначению гласных фондов и их соответствие формантам не выработаны. Для достижения единообразия при квалифицировании качества гласных по акустическим показателям нами разработана методика, базирующаяся на таблице корреляций акустических и артикуляторных характеристик вокальных компонентов речи [Уртегешев 2023: 226–242]. Градация количественных показателей гласных и согласных звуков определялась по относительной длительности: 0–60 % – сверхкраткий; 60–100 % – краткий; 100–150 % – полудолгий; 150 % и выше – долгий; свыше 300 % – сверхдолгий. Для определения и визуализации ядерности гласных на базе компьютерной программы Speech Analyzer 3.0.1 нами разработана следующая методика: в настройках *Graph Parameters* в *Display* находим *Frequency*, выставляем 400 Hz; в *Thresholds* в первой строке выставляем от –9.0 до –8.0 dB, а во второй строке от –9.3 до –8.3 dB; в *Color mode* активируем *mono*; в *Spectral Resolution – Medium Band Filter* (172 Hz).

Фонетическая запись производилась в принятой в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН Универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ) [Наделяев 1960; Уртегешев и др. 2009].

Результаты и обсуждение

В настоящем исследовании мы не ставили перед собой задачу определить фонологический статус дифтонгов в одульском языке. Цель – установить их наличие в настоящее время в рассматриваемом языке. Предварительный анализ ранее выявленных дифтонгов позволил распределить их по следующим группам: *истинные (настоящие)*, *ложные* и *фиктивные*.

1. Истинные (настоящие) дифтонги

Мы придерживаемся традиционного определения дифтонга как «двойного гласного». О разных трактовках термина *дифтонг* см. [Зиндер 1979: 209–216]. Общепринятым является следующее определение: дифтонг – это сложный гласный звук со скользящим изменением настройки резонатора, вызывающим постепенную смену тембра [Трахтеров 1962: 65; Зиндер 1979: 209]. В традиционном толковании дифтонг объясняется как двойной гласный или двугласный, образующий один слог. В дифтонге различают два элемента, один из которых является слогаобразующим, а другой его скользящим придатком. Долгота дифтонгов приблизительно соответствует длительности долгих гласных. Таким образом, и с фонетической, и с фонематической стороны дифтонг представляет собой особое явление.

Под термином *истинный (настоящий) дифтонг* мы понимаем сложный по структуре звук, состоящий из двух полновзвучных, разнотипных ¹, кратких гласных компонентов с плавным переходом одного вокального ядра ² в другое без глоттальной вставки. В количественном отношении дифтонг в целом является (полу-)долгим и образует один слог. Ключевыми критериями для идентификации данной единицы в качестве истинного дифтонга служат следующие фонетические характеристики: во-первых, оба его компонента являются полновзвучными (нередуцированными); во-вторых, они формируют единое слоговое ядро; в-третьих, глоттальная вставка между вокальными ядрами отсутствует. В таблице 3 систематизированы типы настроек гласных звуков, на фоне которых отчетливо видна специфика дифтонгов по сравнению с другими типами гласных.

¹ *Тип гласного* мы определяем как уникальную базовую артикуляционную настройку, порожденную работой голосовых складок и прикрепленных к ним мышц. Однородные гласные объединяются в один звукотип или кластер, например: а, л, α, а, а*, ā, 'а и т. д.

² *Вокальное ядро* – непрерывная работа голосовых складок в один отрезок времени при артикулировании гласного с фазами: экскурсии (инициальный переходный участок), выдержки и рекурсии (финальный переходный участок). По структуре различаются одноядерные и двоядерные (прерывистые и дифтонги) ядра. Для прерывистых гласных мы выделяем три компонента: вокальное ядро + глоттальная вставка + вокальное ядро; для дифтонгов – два компонента: вокальное ядро + вокальное ядро.

Таблица 3
Table 3Сводная таблица видовых настроек гласных
Types of vowel sounds: summary table

Вокальная единица	Структура	Компоненты	Вокальные ядра	Длительность	Глоттальная вставка	Слог	Тип, качество
Монофтонг	простой	один	одно	краткий, (полу) долгий	нет	один	однородный
Дуфон	сложный	два	одно	(полу) долгий	нет	один	контрастные по типу (и качеству)
Фузионный	сложный	два	одно	полудолгий	нет	один	однородный
Дифтонг	сложный	два	два	(полу) долгий	нет	один	контрастные по типу (и качеству)
Дифтонгоид	усложненный призвуком	два	одно	краткий, (полу) долгий	нет	один	разные по типу, близкие по качеству
Квазидифтонг	сложный	два	одно	(полу) долгий	нет	два	однородный + «j», «w»
Прерывистые гласные полного образования	сложный	три	два	(полу) долгий	есть	один	гоморганные по типу и качеству
Прерывистые гласные неполного образования	сложный	три	два	(полу) долгий	есть	один	контрастные по качеству

1.1. Дифтонг [ie], сохранившийся в одульском языке в настоящее время

Несмотря на то, что в работе В. И. Иохельсона указано 11 дифтонгов, не считая трифтонгов [Иохельсон 1934: 151], актуальным для современного состояния одульского языка является только один истинный дифтонг [ie]. Он относится к числу бесспорных и стабильно функционирующих фонетических единиц, не вызывает дискуссий относительно своего статуса и не демонстрирует орфографической вариативности в записи. Его существование последовательно отмечается всеми исследователями одульского языка (см. табл. 1).

Критерием для признания его истинным дифтонгом служит наличие у обоих звуковых компонентов (инициального [i] и финального [e]) отчетливого сенсорного восприятия в рамках единого слогового ядра, что соответствует основной акустико-артикуляционной характеристике данной группы звуков. В синхронном состоянии языка дифтонг [ie] сохраняет активное употребление в речи последних носителей, например: *лэбиэ* ‘земля’, *киэльэй* ‘высох’, *олбинмиэй* ‘ровный, прямой’, *киэсьэ* ‘пришел=я’.

На рис. 1 (с. 134) представлены осциллограмма и спектрограмма слова *киэсьэ* ‘пришел=я’, иллюстрирующие плавный переход от первого вокального ядра [^u(i₂):^v₊] ко второму [^u(e₃):^v₊]. Оба сегмента характеризуются как эпиглоттализованные, фарингализованные и веляризованные (в терминах традиционной артикуляционной классификации – гласные заднего ряда). В качественном отношении первый компонент дифтонга является узким гласным (2-й ступени отстояния), тогда как второй – полушироким (3-й ступени отстояния).

На кривой интенсивности, соответствующей отрезку реализации дифтонга, четко выделяются два пика усиления энергии, каждый из которых коррелирует с одним из гласных компонентов. Между этими пиками наблюдается резкий спад громкости, что на перцептивном уровне обеспечивает уверенное различение двух самостоятельных гласных.

На графике частоты основного тона (ЧОТ) в течение данного дифтонга регистрируется плавное нисходящее тональное движение.

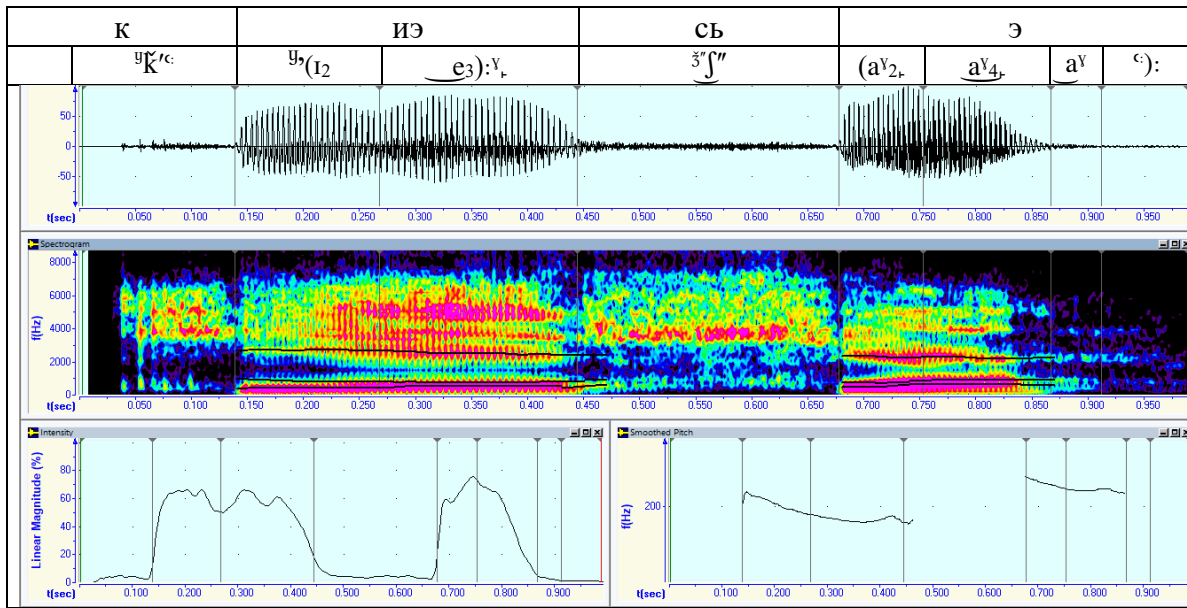

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма, интенсивность и ЧОТ дифтонга [ʏ(12e3):y_]

в слове *киэсьэ* 'пришел=я'

Fig. 1. Oscillogram, spectrogram, intensity and fundamental frequency of the diphthong [ʏ(12e3):y_]
in the word *kie's'e* 'came=I'

1.2. Дифтонги, вышедшие из употребления

По ранним источникам мы реконструируем наличие в одульском языке истинных дифтонгов [uo], [ue] и [eo], которые в речи современных носителей одульского языка не зарегистрированы.

1.2.1. Дифтонги [uo] и [ue]

В существующих лексикографических, фольклорных и учебных изданиях, посвященных одульскому языку, наблюдается вариативность в графической репрезентации гласных фонем в идентичных лексемах: в одних случаях фиксируется написание с дифтонгом *уо*, в других – с монофтонгом *оо*, обозначающим долгий гласный. Кроме того, в ряде случаев отмечается альтернатива написаний *уо* / *уө* (см. табл. 3). Авторы указанных источников не приводят объяснений данного выбора, что создает орфографическую непоследовательность.

Таблица 3

Table 3

Вариативное написание слов с дифтонгами «уо» и «уө»
Variant spelling of words with the diphthongs “uo” and “uö”

«уо» / «оо»	«уо» / «уө»
<i>уоги</i> / <i>ооги</i> 'штаны=его'	<i>уорпэ</i> / <i>уөрпэ</i> 'ребенок'
<i>уожии</i> / <i>оожии</i> 'вода'	<i>нуой</i> / <i>нуөй</i> 'смеется=он'
<i>улдуой</i> / <i>улдоой</i> 'быть наполненным'	<i>йуом</i> / <i>йуөм</i> 'смотрит=он'
	<i>куой</i> / <i>куөй</i> 'парень'

Иллюстрацией данной вариативности может служить лексема *улдуой* / *улдоой* 'быть наполненным' (см. рис. 2 на с. 135).

Проведенное исследование не подтвердило наличия в фонетической системе современного одульского языка на актуальном синхронном срезе фонемных дифтонгов /uo/ и /ue/. Детальный фонетический анализ лексических единиц, представленных в табл. 3, позволил выявить иную фонетическую реальность. В тех позициях, где орфографическая традиция или предшествующие описания допускали существование дифтонга, реализуется долгий [o:] или, в ряде случаев, полудолгий гласный [o·]. Согласно применяемой в работе методике артикуляционного описа-

ния, данный сегмент квалифицируется как умеренновеляризованный (заднего ряда в традиционной артикуляционной классификации) гласный 3–4 степени отстояния (полуширокий). Данный звук характеризуется комплексом вторичных артикуляций, включающим эпиглоттализацию и фарингализацию.

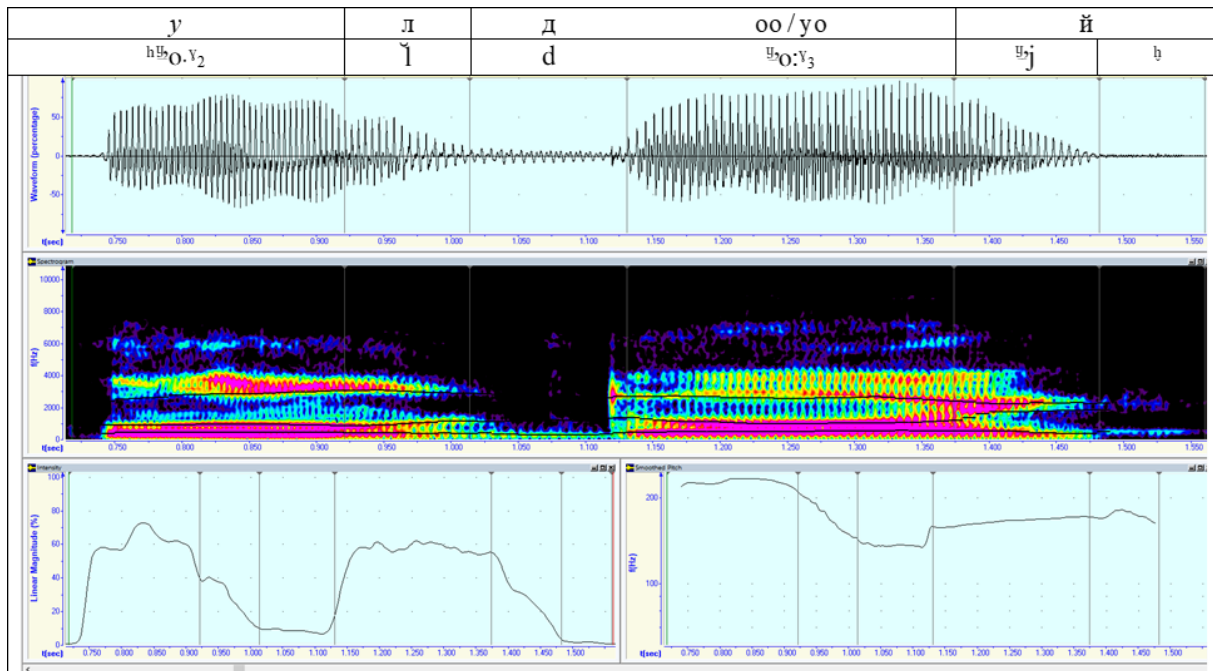

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма, интенсивность и ЧОТ звука [ʉo:ʏ₃]

в слове *улдуой* / *улдоой* ‘быть наполненным’

Fig. 2. Oscillogram, spectrogram, intensity and fundamental frequency of the sound [ʉo:ʏ₃] in the word *ulduoj* / *uldooj* ‘to be filled’

1.2.2. Дифтонг [eo]

Реализация дифтонга [eo] в одульском языке документирована исключительно в материалах В. И. Иохельсона, собранных на рубеже XIX–XX вв. В качестве иллюстрации можно привести форму числительного ‘девять’, зафиксированную в его записях как *kunirkilezeoi* (со значением ‘десять без одного есть’). В современном одульском языке она зарегистрирована как *кунэркильдъоой* ~ *куниркильдъоой*, где историческому дифтонгу соответствует долгий гласный [o:]. Эта замена свидетельствует о произошедшей в данном слове монофтонгизации.

2. Ложные дифтонги

Термин *ложный дифтонг* (или *квазидифтонг*) применяется для обозначения сочетания в пределах одного слога гласного с последующим глайдом (полугласным) [j] или [w], занимающим финальную позицию. Ключевое отличие квазидифтонга от истинного дифтонга заключается в его структурной неустойчивости: при словоизменении (например, при добавлении флексии) этот кластер, как правило, распадается на два самостоятельных слога, демонстрируя свою биморфемную или бисиллабическую природу [Бондарко 1990: 138].

2.1. Ложные дифтонги с сонорным [j]

Вопрос о фонологическом статусе сочетаний «гласный + глайд [j]» в одульском языке трактуется в научной литературе неоднозначно. Только В. И. Иохельсон на рубеже XIX–XX вв. последовательно интерпретировал сочетания [ai], [ei], [oi], [ui] как истинные дифтонги. Так, в примере *tudel ecie-deŋe modoi* ‘он со своим отцом живет’ [Иохельсон 1934: 163] финальный элемент -oi в форме 3-го л. ед. ч. (*modoi*)³ определяется В. И. Иохельсоном как дифтонг. Однако при словоизменении, а именно в форме 1-го л. ед. ч. *met’ nuto-ge modoje* ‘я дома сижу’ [Там же: 161], происходит морфофонологическое расщепление этого сочетания: появляется явная

³ Слово *модо-* имеет значения ‘жить’, ‘сидеть’.

граница между гласным корня [o] и последующим глайдом [j]. Этот факт – наличие альтернации между слоговым сочетанием в одной грамматической форме и распадом на сегменты в другой – является ключевым диагностическим признаком для отнесения таких единиц к категории ложных дифтонгов (квазидифтонгов), а не дифтонгов в собственном смысле слова.

2.2. Ложные дифтонги с сонорным [w]

В данном разделе рассматриваются дифтонгические комплексы [eu], [au] и [iu], зафиксированные В. И. Иохельсоном, тогда как комплексы [ou] и [eu] охарактеризованы в третьем разделе статьи «Фиктивные дифтонги» в силу специфических артикуляционных свойств данных сочетаний, а также особенностей их акустико-перцептивного восприятия, обуславливающих их особый фонологический статус.

Анализ источников показывает вариативность в реализации лабиального элемента. Как отмечал Е. А. Крейнович, В. И. Иохельсон транскрибировал сочетания гласных с [w] в дифтонгическом качестве (например, *ау*, *эу*). Подобную артикуляцию, согласно наблюдениям Е. А. Крейновича, сохраняла в 1980 г. носительница колымского ⁴ диалекта А. К. Спиридонова. В ряде тождественных случаев другой информант – тундренная юкагирка А. А. Атласова – писала у вместо w (*наурик*, ср. *наирик* ‘следи’) [Крейнович 1982: 13].

Е. А. Крейнович, характеризуя консонантную систему, фиксировал заднеязычный звонкий щелевой согласный [ɣ] в колымском диалекте как позиционный или комбинаторный вариант фонемы /w/ в интервокальной и конечно-слоговой позициях (ср. *эврэй* и *эүрэй* ‘ходил’, *мэт лэw* и *мэт лэү* ‘я ел’). Эта вариативность в произношении у носителей разных диалектов трактуется исследователем как следствие междикторской (индивидуально-диалектной) вариативности, возникновение которой, вероятно, обусловлено историческим взаимодействием и смешением различных юкагирских идиомов. Аналогичный механизм контактно-обусловленной вариативности был ранее описан для одульских согласных типа «ћ» [Прокопьева, Уртегешев 2024: 7–25].

Продолжая тему вариативности, Е. А. Крейнович определяет фонему /w/ как губно-губную звонкую щелевую. В тундренном диалекте она встречается в начале и в середине слова (например, *вэривэј* ‘сильный’, *лаивјэң* ‘вода’), в колымском – преимущественно в середине, выступая частым вариантом фонем /b/ и /u/ (ср. *кэбэс* и *кэwэс* ‘ушел’, *јовјэ* и *јовјэ* ‘сеть’), а также изредка в конечной позиции (*с’эw* ‘снежный сугроб’) [Крейнович 1982: 12–13].

На основе приведенных данных могут быть выделены два основных типа фонетических соответствий:

- 1) [w] // [ɣ] (варьирование по месту артикуляции: лабиальный ~ велярный);
- 2) [w] // [b] // [u] (варьирование по способу артикуляции и сонорности: щелевой ~ смычный ~ гласный).

Указанные соответствия находят параллели в других языковых семьях, в частности в тюркских ([taɣ] // [taw] // [tau] ‘гора’), что позволяет рассматривать их как типологически устойчивые (универсальные) фонетические паттерны. Аналогично можно говорить об универсальности лежащих в их основе фонетических процессов:

- 1) усиление сонорности и вокализация: [w] → [u] (наблюдается, например, в башкирском языке);
- 2) палатализация велярного щелевого: [ɣ] → [j] (зафиксирована в шорском и кумандинском языках).

2.2.1. Дифтонг [eu]

Дифтонг [eu], зафиксированный В. И. Иохельсоном как сочетание гласного с сонорным [w], представлен в таких формах, как *аүрәишум* ‘водит’, *аүрәи* ‘ходит=он’, *ләүдәллә* ‘съевши’ (см. табл. 1). В современных источниках в этих же корнях отмечены написания *эйрәиш* ‘сво-

⁴ Долгое время языки верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров называли колымским и тундренным диалектами юкагирского языка соответственно. Однако уже в 1968 г. Е. А. Крейнович писал, что «лексические различия между диалектами настолько далеки, что взаимное понимание их носителей почти полностью исключено» и что, «возможно, в результате дальнейших исследований придется признать их самостоятельными юкагирскими языками» [Крейнович 1968: 452].

дил=я', *эйрэй* 'ходит=он', *лэйнум* // *лэунум* 'ест=он' [Прокопьева, Прокопьева 2021]. В последнем случае вариативность написаний *эй* // *эу* отражает, по-видимому, междикторскую вариативность, связанную с существованием различных произносительных норм внутри разных идиомов, что могло сохраниться в записях от представителей различных локальных традиций.

В синхронном состоянии языка, зафиксированном в речи последних носителей, данная лексема реализуется как [laɪnum] ~ [leɪnum] с фонетической структурой [aj] ~ [ej] в конце первого слога. Соответствие гласных [e] // [a] объясняется наличием дуфона [eā], у которого один из компонентов (в данном случае [a] или [e]) аудитивно доминирует благодаря большей длительности. Кластер [aj] ~ [ej] у современных носителей соответствует историческому дифтонгу (точнее, ложному дифтонгу) [ew] в записях В. И. Иохельсона. Данная синхронная последовательность, не обладающая свойствами единого слогового ядра, соответствует определению ложного дифтонга (квазидифтонга). Она вписывается в общий структурный паттерн современного языка, в котором сочетания гласных с палатальным аппроксимантом [j] (такие как [aj], [ej], [oj], [uj]) образуют группу квазидифтонгов (см. раздел 2.1 «Ложные дифтонги с сонорным [j]»).

2.2.2. Дифтонг [au]

Факт существования дифтонга [au] в исторической фонетике одульского языка задокументирован в материалах В. И. Иохельсона, например: *каудизм* 'повел' [Иохельсон 2005: 88]. В современном одульском языке есть слово *кәудэйм* 'увез, унес'. Диахроническое расхождение между рефlekсами [aw] и [eu] позволяет реконструировать процесс фонетической трансформации. Наиболее вероятным представляется сценарий, при котором у различных групп одулов наблюдалась вариативность произношения: у части носителей сохранялся архаичный дифтонг [aw], тогда как в идиомах другой группы произошла прогрессивная лабиализация начального гласного [a] > [ə] под комбинированным воздействием последующего губного элемента [w] и препозитивного мягкого [k'] и, возможно, восходящего звена дифтонга.

Таким образом, современная фонетическая реализация *кәудэйм* является результатом фонологизации этого изменения. Синхронно зафиксированная последовательность [eu] в данном случае должна интерпретироваться не как исконный, а как фиктивный дифтонг (см. п. 3. «Фиктивные дифтонги»).

2.2.3. Дифтонг [iu]

Расхождение в документации дифтонга [iu], присутствующего в ранних материалах В. И. Иохельсона и не засвидетельствованного в поздних исследованиях по юкагирскому языку, требует фонологической интерпретации. Данное обстоятельство, по-видимому, указывает на существовавшую в диалектной среде одулов вариативность, аналогичную процессу, отмеченному для пары [au] – [eu]. Общий механизм заключается в дистрибутивном распределении архаичных фонетических черт по отдельным идиомам, при котором в определенной языковой подсистеме консервируется исходная фонема или дифтонг, тогда как в другой происходит ее устранение или субституция. Таким образом, отсутствие рефlekса [iu] в поздних записях может быть объяснено не его повсеместной утратой, а вытеснением варианта, характерного лишь для одной из групп носителей, из доминирующего или зафиксированного идиома. Это подтверждает гипотезу о значительной внутренней дифференциации одульской речи на момент ее первых фиксаций и неоднородности языкового материала, попадавшего в поле зрения исследователей в разные периоды.

3. Фиктивные дифтонги [ou], [eu]

Дифтонг [ou], задокументированный В. И. Иохельсоном, представляет собой не истинный дифтонгический комплекс, а кластер звуков, или квазидифтонг [ow] (см. п. 2.2. «Ложные дифтонги с сонорным [w]»). Эволюция данного элемента в более поздних источниках демонстрирует процесс его трансформации.

Так, Е. А. Крейнович приводит для колымского диалекта (одульского языка) вариантную пару *јowјэ* и *јouјэ* 'сеть' [Крейнович 1982: 13], где элемент [w] выступает как вариант гласного [u]. Учитывая, что записи Е. А. Крейновича от носителей были сделаны в 1980 г., можно предположить, что фонетический процесс перехода от консонантной артикуляции к вокальной

настройке [w] → [u] был инициирован несколько ранее. В работе 1958 г. Е. А. Крейнович не фиксирует данный дифтонг как самостоятельную единицу, но отмечает фонетическую близость круглощелевого «w» гласному «у» [Крейнович 1958: 10], что указывает на промежуточную фазу изменения.

В исследовании И. А. Николаевой [Nikolaeva 2006] самостоятельный дифтонг [ou] не отмечается. Однако в более ранних учебных и лексикографических работах, соавтором которых выступает И. А. Николаева, представлены стабильные графические отображения не только для [ou] (через диграф **ou**), но и для [eu] (через диграф **eu**) [Спиридонов, Николаева 1993; Николаева, Шалугин 2002]. Эта орфографическая традиция в дальнейшем закрепляется в авторитетных источниках, таких как «Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров)» [Прокопьева, Прокопьева 2021], где регулярно фиксируются формы типа *тоунуги* ‘тогда’, *лоудись* ‘упал’, *йойуэ* ‘сеть’ (ср. *йойуэ* ‘вижу’), *кәушэраа* ‘ковш’ (ср. у В. И. Иохельсона: *коушэрагэ* ‘в ковше’⁵), *кәудэм* ‘бьет’ (ср. у В. И. Иохельсона: *коудэм* ‘русс. бьет’), *шөуйэ* ‘вошел=я’ (ср. у В. И. Иохельсона: *шөуйäili* ‘вошли=они’), *лөудэм* ‘уронил=он’ (ср. у В. И. Иохельсона: *лоуди-älälçilä* ‘уронили=они’), *пөунгитэй* ‘поскачут’ (ср. у В. И. Иохельсона: *пөудälälä* ‘побежав’).

Таким образом, на современном этапе в письменной фиксации одульского языка устойчиво представлены два диграфа: **ou** [ou] и **eu** [eu], что отражает сложившуюся орфографическую норму, восходящую к интерпретации исторических звуко сочетаний и их последующей кодификации, несмотря на изменение их фактической фонетической сущности.

Перцептивное восприятие сочетаний **ou** [ou] и **eu** [eu] позволяет квалифицировать их как «типичные» дифтонги, состоящие из двух качественно различных гласных элементов – гласного среднего подъема заднего / среднего ряда и гласного высокого подъема заднего ряда. Однако применение методов инструментальной фонетики, в частности детального акустического анализа, демонстрирует нетождественность их структуры первичным аудитивным впечатлениям. Результаты данного анализа, представленные графически (см. рис. 3–5), позволяют установить существенные отличия в спектрально-временных характеристиках данных комплексов, что влечет за собой необходимость их пересмотра с позиций артикуляционно-акустического моделирования.

В синхронном состоянии языка сочетание **ou** [ou] в лексеме *йойуэ* ‘сеть’ демонстрирует сложную внутреннюю структуру, перцептивно маскируемую под канонический дифтонг (см. рис. 3 на с. 139). Несмотря на аудитивное впечатление о наличии последовательности [ou], инструментальный анализ показывает, что данное образование является дуфоном [ёо:]. Инициальный компонент [ё] представляет собой сверхкраткий, гортанно-округленный гласный центрального ряда (или нейтрализованный). Его артикуляция детерминирована прогрессивной гармонией с предшествующим мягким согласным, что на ларингальном уровне приводит к специфической фонации. В условиях целостного произнесения слова данный сегмент оказывается ниже порога перцептивной выделяемости. Финальный компонент [о:] является долгим, гортанно-округленным гласным заднего ряда (или веляризованным). Его артикуляция обусловлена регрессивной гармонией с последующим твердым согласным. Акустически данный компонент не является однородным, а состоит из трех последовательных фаз. Две завершающие фазы характеризуются резким падением интенсивности, что коррелирует с синхронными артикуляционными событиями: опусканием гортани (снижение основной частоты тона – ЧОТ), сужением лингвального фокуса в ротовой полости и релаксацией напряженности голосовых связок. Совокупность описанных артикуляторных сдвигов, особенно на фоне слабореализованного инициального компонента, создает интегрированный акустический образ, который воспринимается как фиктивный *и*-образный гласный элемент, формируя иллюзию присутствия конечного [u] в структуре исходного дифтонга.

В лексеме *лоудись* ‘упал; спустился’ наблюдается рассогласование между графической фиксацией и перцептивным восприятием ее вокального ядра. В графической записи отражается наличие дифтонга **eu** [eu], тогда как на слух данное сочетание идентифицируется как дифтонг **ou** [ou]. Инструментальный анализ аудиозаписи данной формы позволяет уточнить ее фактическую фонетическую сегментацию (см. рис. 4 на с. 139).

⁵ Следует напомнить, что у В. И. Иохельсона второй компонент в «дифтонге» – это согласный [w], а у современных авторов – гласный [u].

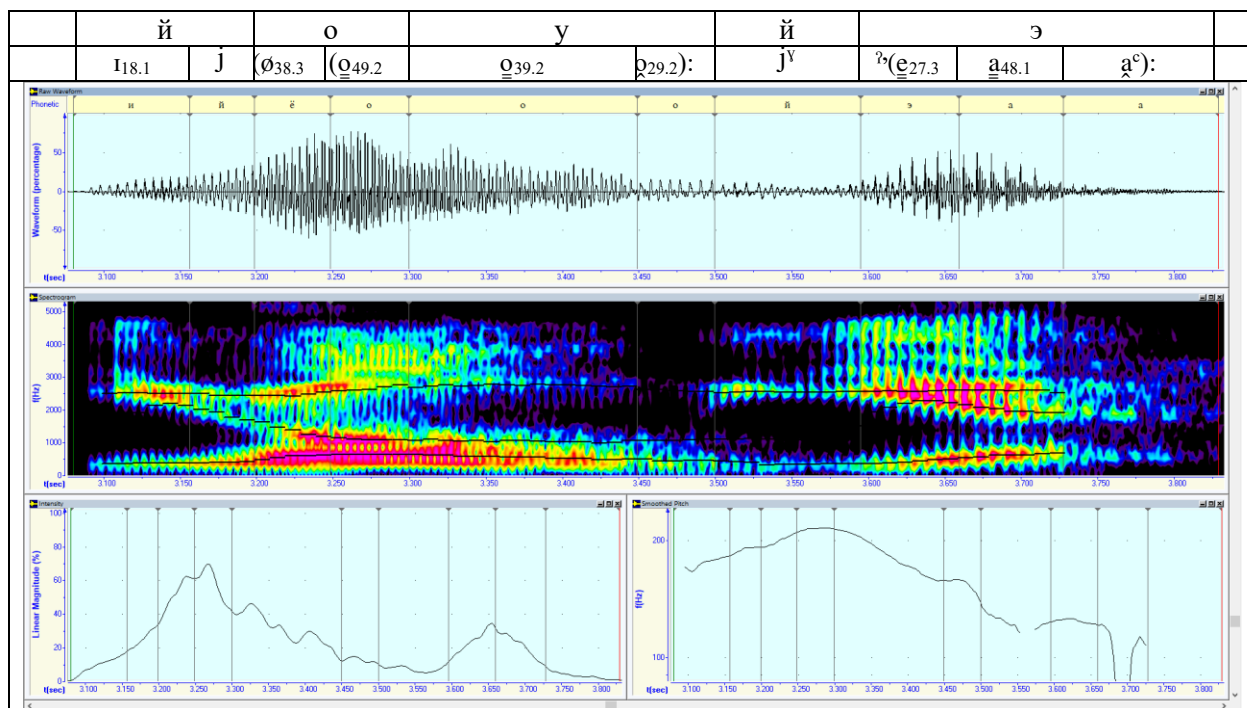

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма, интенсивность и ЧОТ фиктивного дифтонга [(ø̞38.3(ø̞49.2ø̞39.2ø̞29.2):)] в слове *jouje* ‘сеть’

Fig. 3. Oscillogram, spectrogram, intensity and fundamental frequency of the fictitious diphthong [(ø̞38.3(ø̞49.2ø̞39.2ø̞29.2):)] in the word *jouje* ‘fishing net’

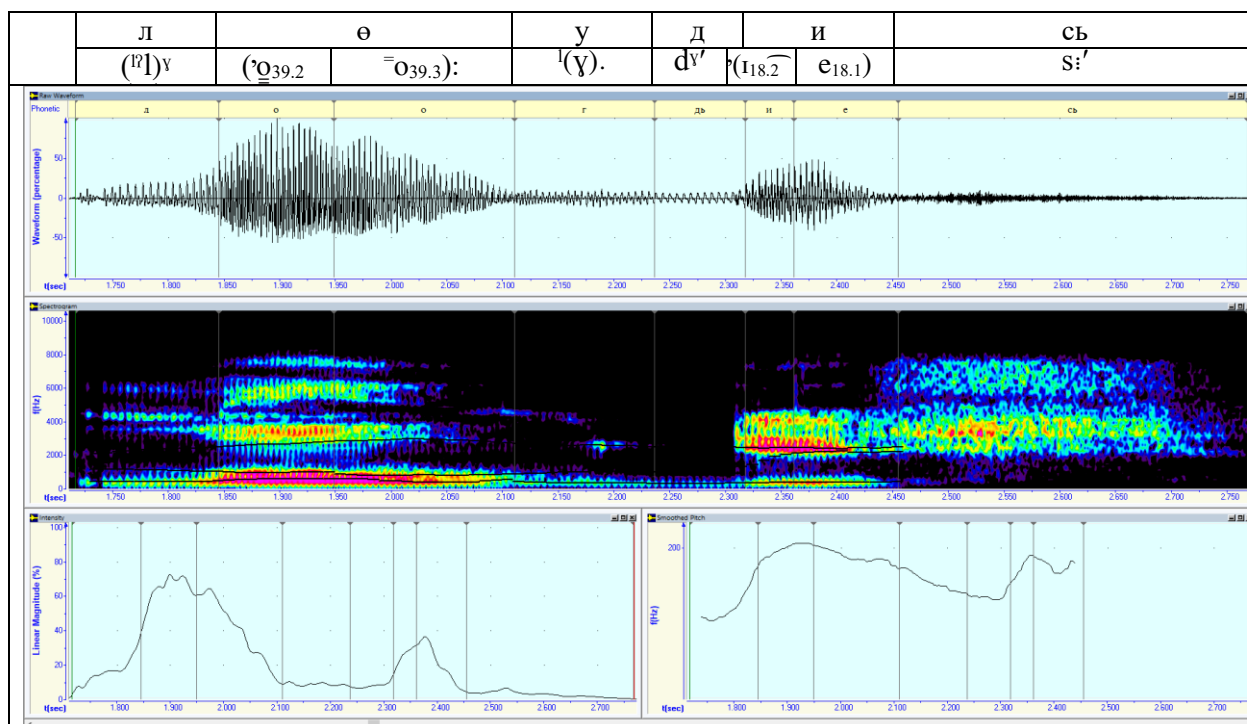

Рис. 4. Осциллограмма, спектрограмма, интенсивность и ЧОТ фиктивного дифтонга [(^oO39.2(^uY):)] в слове *loudis* ‘упал’, ‘спустился’

Fig. 4. Oscillogram, spectrogram, intensity and fundamental frequency of the fictitious diphthong [(^oO39.2(^uY):)] in the word *loudis* ‘went down’

Акустические данные свидетельствуют о том, что вместо предполагаемого дифтонга в данном контексте реализуется комплекс, состоящий из двукомпонентного полуширокого гласного заднего ряда (или веляризованного), артикуляционно соответствующего гласному типу «о», и последующего малошумного заднеязычного щелевого согласного, обозначаемого как $[\text{ʲ}(\text{ʏ})]$ (см. рис. 4 на с. 139). Интерпретация осциллограммы указывает на латерализацию данного согласного. Это означает, что при его артикуляции между задней частью спинки языка и увулой (нёбным язычком) формируется медиальная смычка, создающая дополнительный фокус сужения, в то время как звуковая волна проходит по боковым сторонам языка, что является характерным признаком латеральных щелевых согласных [Уртегешев 2025]. Вероятно, резкое понижение интенсивности звука на второй фазе вокального компонента $[(\text{ʊ}_{39.2} \text{ } \text{ } \text{ʊ}_{39.3}):(\text{ʏ})]$, плавно переходящее на последующий латерализованный щелевой согласный, создает специфический акустический паттерн. Поскольку сам согласный, вследствие своей малошумности, находится на грани сенсорного порога восприятия, этот паттерн интерпретируется слуховой системой как наличие фиктивного *и*-образного гласного элемента. Таким образом, акустический эффект, возникающий на стыке редуцированного компонента гласного и слабоартикулированного согласного, обуславливает перцептивную иллюзию дифтонга $[\text{ou}]$.

Графическое представление лексемы *кәудәм* ‘бьет, избивает’ предполагает наличие дифтонга əy $[\text{əy}]$. Однако уже на этапе аудиозаписи речевого материала от носителя одульского языка для последующего анализа в специализированной фонетической программе было перцептивно очевидно отсутствие в данной словоформе дифтонгического вокального комплекса. На слух в соответствующей позиции однозначно идентифицируется малошумный заднеязычный щелевой согласный, транскрибируемый как $[\text{ʏ}]$ (см. рис. 5 на с. 140). Данное наблюдение получает объективное подтверждение при инструментальном исследовании: анализ осциллограммы указывает на то, что в начале фонации данный согласный обладает признаком латерализации. Таким образом, можно констатировать, что в современной речевой реализации исследуемого слова исторически предполагаемый дифтонг не сохранился, а соответствующая позиция в звуковой цепи занята консонантным элементом.

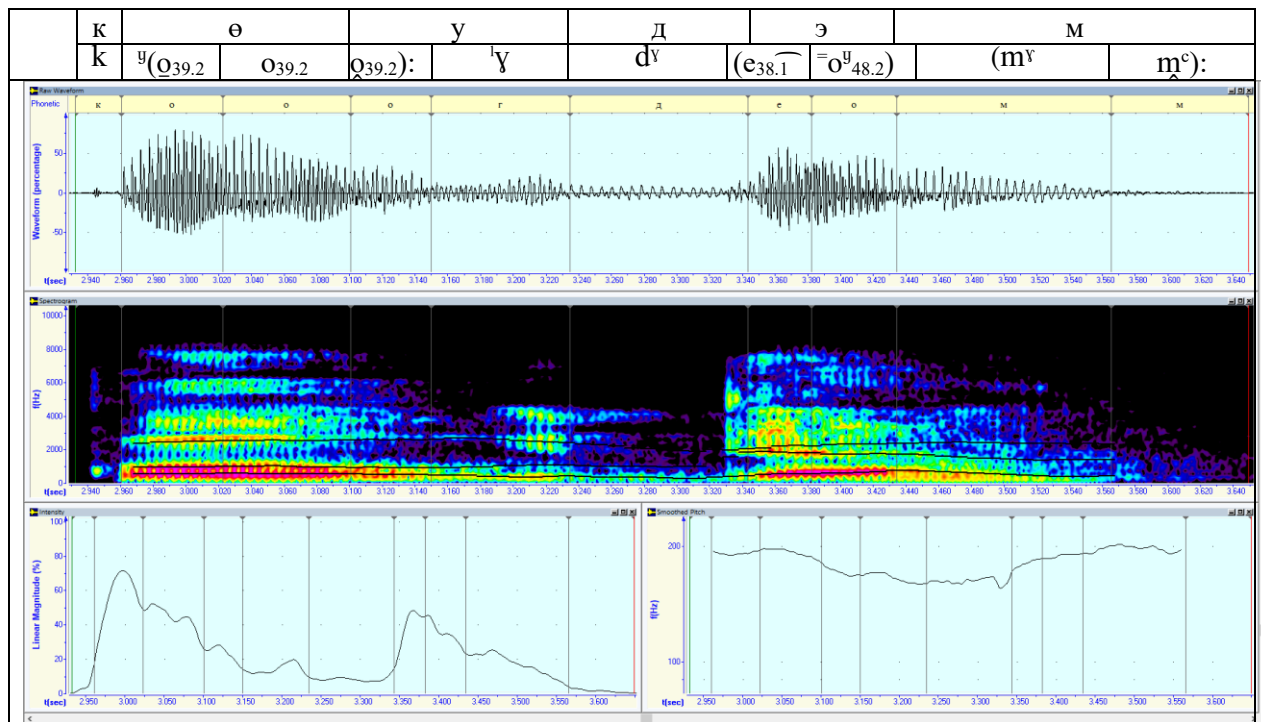

Рис. 5. Осциллограмма, спектрограмма, интенсивность и ЧОТ фиктивного дифтонга $[\text{ʲ}(\text{ʊ}_{39.2}\text{ʊ}_{39.2}\text{ʊ}_{39.2}):(\text{ʏ})]$ в слове *кәудәм* ‘бьет, избивает’
 Fig. 5. Oscillogram, spectrogram, intensity and fundamental frequency of the fictitious diphthong $[\text{ʲ}(\text{ʊ}_{39.2}\text{ʊ}_{39.2}\text{ʊ}_{39.2}):(\text{ʏ})]$ in the word *kəudem* ‘beats up’

Таким образом, синхронный анализ одульского языка не подтверждает существования дифтонгов [ou] и [eu] в качестве самостоятельных фонетических единиц. Преобладание заднеязычного щелевого консонантного элемента типа «у» на месте ожидаемого второго гласного компонента «и» в большинстве одульских лексем свидетельствует о кардинальном изменении фонетического облика данных форм. Этот факт позволяет сделать вывод о том, что последние поколения носителей одульского языка являются представителями у-идиома, в отличие от w-идиома, отраженного в материалах В. И. Иохельсона.

Отдельного рассмотрения требует слово *йоуиэ* ‘сеть’, в котором наблюдается полная редукция консонантного элемента «у». В данном случае звуковой комплекс представляет собой не дифтонг, а дуфон [ёо:], где сверхкраткий инициальный компонент [ё] выполняет связующую (транзитивную) функцию, обеспечивая артикуляционный переход от предшествующего мягкого согласного к ядерному долгому гласному о-образного типа.

Важно подчеркнуть, что даже при гипотетическом существовании сочетаний [ou] и [eu] они находились бы в отношении дополнительной дистрибуции. Это обусловлено тем, что появление гласного переднего ряда [e] строго детерминировано позицией после мягких согласных, в то время как гласный заднего ряда [o] встречается после твердых согласных. Таким образом, данные элементы выступали бы не как самостоятельные фонемы, а как позиционно-комбинаторные варианты (аллофоны) одной фонемы, различающиеся на письме лишь для графического отражения фонетических особенностей их реализации в зависимости от фонетического контекста.

Заключение

На основании проведенного комплексного экспериментально-фонетического исследования вокалической системы одульского языка с применением инструментальных методов анализа (осциллография, спектрография, анализ интенсивности и частоты основного тона) сформулированы следующие выводы.

Проведенный диахронический анализ позволил выявить процесс интенсивной редукции дифтонгической системы. Из 11 дифтонгов, зафиксированных В. И. Иохельсоном на рубеже XIX–XX вв., в современном одульском языке устойчиво фиксируется лишь один истинный дифтонг [ie]. Его статус подтверждается четким сенсорным восприятием и акустическими данными, демонстрирующими два полноценных вокальных ядра с плавным переходом в рамках одного слога.

Подавляющее большинство единиц, описывавшихся как дифтонги, получило иную фонетическую интерпретацию:

- дифтонги [ai], [ei], [oi], [ui] классифицированы как ложные (квазидифтонги), представляющие собой не что иное, как последовательность гласного и малошумного согласного типа «j»;
- комплексы [eu], [au] и [iu] также классифицированы как квазидифтонги, поскольку их внутренняя структура представляет собой последовательность гласного и последующего малошумного лабиального сонорного согласного типа «w»;
- дифтонги [uo], [ue], [eo] подверглись структурной редукции в монофтонги; на их месте в современной речи зафиксированы (полу-)долгие гласные заднего ряда (или веляризованные) типа «o» или дуфоны – сложные звуки, состоящие из двух компонентов в пределах одного вокального ядра с контрастным по качеству вторым компонентом, где по длительности преобладает о-компонент.

Акустический анализ опровергает существование в современной речи дифтонгов [ou] и [eu], несмотря на их орфографическое отражение и слуховое восприятие как таковых. Установлено, что акустический эффект, интерпретируемый на слух как [u], создается за счет резкого понижения интенсивности и частоты основного тона на втором компоненте дуфона [o:] и наличия щелевого заднеязычного согласного [ɣ] или его латерализованного варианта, артикуляционно и акустически маскирующегося под гласный.

Данные свидетельствуют о смене w-идиома, зафиксированного В. И. Иохельсоном, на у-идиом у современных носителей. Это проявляется в соответствии губно-губному круглощелевому [w], а также гласному [u] заднеязычного щелевого согласного [ɣ] (или нулю звука) в позициях, где ранее предполагался дифтонг. У Е. А. Крейновича отмечается междикторская вариативность w-идиома и у-идиома в одних и тех же словах.

Процесс монофтонгизации дифтонгов в одульском языке является автохтонным и естественным, а не результатом внешнего языкового влияния. Факультативное чередование дифтонгов с *о*-образным компонентом и долгих гласных отмечалось исследователями на протяжении всего XX в., что указывает на длительный и системный характер данной фонетической тенденции.

Исследование продемонстрировало критическую важность применения инструментальных фонетических методов для верификации данных слухового анализа и исторических источников. Разработанная методика визуализации вокальных ядер и введенное понятие *дуфон* позволяют адекватно описывать сложные вокалические явления, занимающие промежуточное положение между монофтонгами и дифтонгами.

Таким образом, вокальная система одульского языка претерпела фундаментальную трансформацию, выразившуюся в почти полной редукции дифтонгической подсистемы и ее замены монофтонгами и дуфонами. Полученные результаты имеют принципиальное значение не только для адекватного описания современной фонетики одульского языка и унификации его орфографии, но и для понимания общих закономерностей фонетической эволюции в условиях языкового сдвига.

Список литературы

- Бондарко Л. В. Гласные // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 138.
- Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высш. шк., 1979. 312 с.
- Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
- Иохельсон В. И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934. Ч. III. 243 с.
- Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 288 с.
- Крейнович Е. А. Юкагирский язык // Языки народов СССР. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 435–452.
- Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 304 с.
- Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 35 с.
- Николаева И. А., Шалугин В. Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхне-колымский диалект): учеб. пособие для уч-ся нач. шк. СПб., 2002. 224 с.
- Прокопьева П. Е., Уртегешев Н. С. Изменение юкагирской фонемы /h/ в диахронии (на примере одульского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (Вып. 45). С. 7–25.
- Прокопьева П. Е., Прокопьева А. Е. Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиrow). Новосибирск: Наука, 2021. 412 с.
- Спиридонов В. К., Николаева И. А. Букварь для 1 класса юкагирских школ (верхнеколымский диалект). СПб., 1993. 127 с.
- Трахтеров А. Л. Английская фонетическая терминология. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1962. 349 с.
- Уртегешев Н. С. Латерализованные щелевые согласные (по соматическим данным) // Проблемы сохранения языков и культур народов России и Китая (Северная конференция): материалы XII Международной научно-практической конференции / отв. ред. О. Н. Морозова. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2025. С. 109–113.
- Уртегешев Н. С. Уклад языка в ротовой полости как дополнительная артикуляция гласных // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 226–242.
- Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Вопросы филологии. Серия: Урало-алтайские исследования. 2009. № 1 (1). С. 100–115.
- Nikolaeva I. A. Historical Dictionary of Yukaghir. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. 500 p.

References

- Bondarko L. V. Glasnye [Vowels]. In *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1990, p. 138. (In Russian)
- Iokhelson V. I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the study of the Yukaghir language and folklore collected in the Kolyma district]. Yakutsk, Bichik, 2005, 272 p. (In Russian and Yukaghir)
- Iokhelson V. I. Odul'skiy (yukagirskiy) yazyk [Odul (Yukaghir) language]. In *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa* [Languages and writing of the peoples of the North]. Moscow, Leningrad, 1934, pt. III, 243 p. (In Russian and Yukaghir)
- Kreynovich E. A. *Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku* [Research and materials on the Yukaghir language]. Leningrad, Nauka, 1982, 304 p. (In Russian)
- Kreynovich E. A. Yukagirskiy yazyk [The Yukaghir language]. In *Yazyki narodov SSSR* [The languages of the peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1968, vol. 5, pp. 435–452. (In Russian)
- Kreynovich E. A. *Yukagirskiy yazyk* [The Yukaghir language]. Moscow, Leningrad, AN USSR, 1958, 288 p. (In Russian)
- Nadelyaev V. M. *Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFT)* [Universal Unified Phonetic Transcription (UUPT) Project]. Moscow, Leningrad, 1960, 35 p. (In Russian)
- Nikolaeva I. A., Shalugin V. G. *Slovar' yukagirsko-russkiy i russko-yukagirskiy (verkhnekolymskiy dialekt): ucheb. posobie dlya uch-sya nach. shk.* [Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir dictionary (Upper Kolyma dialect): textbook for primary school students]. St. Petersburg, 2002, 224 p. (In Russian and Yukaghir)
- Nikolaeva I. A. *Historical dictionary of Yukaghir*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2006, 500 p.
- Prokopeva P. E., Urtegeshev N. S. Izmenenie drevneyukagirskoy fonemy /h/ v diakhronii (na primere odul'skogo yazyka) [The change of the ancient Yukaghir phoneme /h/ in diachrony (using the example of the Odul language)]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023, no. 1 (iss. 45), pp. 7–25. (In Russian)
- Prokop'eva P. E., Prokop'eva A. E. *Yukagirsko-russkiy slovar' (yazyk lesnykh yukagirov)* [Yukaghir-Russian vocabulary: the language of the Forest Yukaghirs]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 412 p. (In Russian and Yukaghir)
- Spiridonov V. K., Nikolaeva I. A. *Bukvar' dlya 1 klassa yukagirskikh shkol (verkhnekolymskiy dialekt)* [Primer for the 1st grade of Yukaghir schools (Verkhnekolymsky dialect)]. St. Petersburg, 1993, 127 p. (In Russian and Yukaghir)
- Trakhterov A. L. *Angliyskaya foneticheskaya terminologiya* [English phonetic terminology]. Moscow, Izd. lit. na inostr. yaz., 1962, 349 p.
- Urtegeshev N. S. Lateralizovannye shchelevye soglasnye (po somaticheskim dannym) [Lateralized fricative consonants (based on somatic data)]. In *Problemy sokhraneniya yazykov i kul'tur narodov Rossii i Kitaya (Severnaya konferentsiya): materialy XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problems of preservation of languages and cultures of the peoples of Russia and China (Northern Conference): materials of the 12th International Scientific and Practical Conference]. Morozova O. N. (Ed.). Blagoveshchensk, Amur State University Press, 2025, pp. 109–113. (In Russian)
- Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A. *Foneticheskie transkriptsionnye standarty UUFT i MFA: sistema sootvetstviy* [Phonetic transcription standards of UUPT and IPA: a system of correspondences]. *Journal of Philology. Ural-Altaic Studies*. 2009, no. 1 (1), pp. 100–115. (In Russian)
- Urtegeshev N. S. Uklad yazyka v rotovoy polosti kak dopolnitel'naya artikulyatsiya glasnykh [The position of the tongue in the oral cavity as an additional articulation of vowels]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2023, no. 1, pp. 226–242. (In Russian)
- Zinder L. R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, Vyssh. shk., 1979, 312 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
08.09.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Николай Сергеевич Уртегешев – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

urtegeshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8616-4652>

Nikolay S. Urtegeshev – Doctor of Philological Sciences, Chief Research Associate, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)

Прасковья Егоровна Прокопьева – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

pproe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9413-6093>

Praskovya E. Prokopeva – Candidate of Pedagogy, Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)

**Рефлексы адъективного суффикса *-l̥: -l / -l̥, -j / -i
в селькупских диалектах в синхронии и диахронии**

С. В. Ковылин

*Институт системного программирования имени В. П. Иванникова РАН, Москва, Россия
Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена изучению варьирования рефлексов адъективного суффикса *-l̥ > -l / -l̥, -j / -i в южных, переходном, центральных и северных селькупских диалектах в синхронии и диахронии. Переход *-l̥ > -j / -i редко отмечается в центральной языковой зоне, в южных диалектах он находится практически в завершённой стадии, в переходной и северной диалектных зонах – в промежуточном состоянии. Показатели -l / -l̥ в южной и переходной языковых территориях в большинстве случаев засвидетельствованы на стыке морфем внутри составных лексем и перед послелогами. В южных и северных диалектах они более частотны в материалах XIX в. и немного менее частотны в данных XX–XXI в., что демонстрирует плавный диахронический переход *-l̥ > -j / -i.

Ключевые слова

адъективный суффикс, фонетические диалектологические критерии, селькупские диалекты

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 25-78-20002 «Возможности искусственного интеллекта для сравнительно-исторического изучения малоресурсных языков народов РФ».

Для цитирования

Ковылин С. В. Рефлексы адъективного суффикса *-l̥: -l / -l̥, -j / -i в селькупских диалектах в синхронии и диахронии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 145–152. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-145-152

**Reflexes of adjectival suffix *-l̥: -l / -l̥, -j / -i in Selkup dialects:
a synchronic and diachronic perspective**

Sergei V. Kovylin

*Ivannikov Institute for System Programming of the RAS, Moscow, Russia
Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia*

Abstract

This paper examines the variation of the reflexes of the adjectival suffix *-l̥ > -l / -l̥, -j / -i in the southern, transitional, central, and northern Selkup dialects from both synchronic and diachronic perspectives. This isogloss constitutes one of the principal phonetic criteria used in the internal zonal classification of the Selkup linguistic territory. The study draws on corpus data comprising over 42,000 tokens, accessed via the Lingvodoc linguistic platform and personal archives (FieldWorks Language Explorer files), as well as published scholarly sources on the Selkup language. The analysis demonstrates that the geographic variation of *-l̥ reflexes represents a more complex and heterogeneous phonetic phenomenon than previously assumed. It is shown that the shift *-l̥ > -j / -i in the central dialect area is attested only sporadically and exclusively in the Narym dialect. In the southern dialects, this transition is close to completion, while in the transitional and northern zones it remains at an intermediate stage. In the southern and transitional dialects, the markers -l / -l̥ are predominantly attested at morpheme boundaries within compound lexemes and before postpositions, which is interpreted as a residual pattern. Diachronic comparison of sources reveals a higher frequency of the markers -l / -l̥ in 19th-century materials from both the southern and northern dialects, followed by a moderate decline in the

© С. В. Ковылин, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

20th–21st centuries. This variation points to a gradual and continuous diachronic shift $*-l/ > -j / -i$ across Selkup dialects.

Keywords

adjective suffix, phonetic dialectological criteria, Selkup dialects

Acknowledgements

This study was supported by the Russian Science Foundation (RNF), grant no. 25-78-20002, “Capabilities of Artificial Intelligence for Comparative-Historical Study of Low-Resource Languages of the Peoples of the Russian Federation.”

For citation

Kovylin S. V. Refleksy ad’ektivnogo suffiksa $*-l/$: $-l / -l/$, $-j / -i$ v sel’kupskich dialektakh v sinkhronii i diakhronii [Reflexes of adjectival suffix $*-l/$: $-l / -l/$, $-j / -i$ in Selkup dialects: a synchronic and diachronic perspective]. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 145–152. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-145-152

Введение

Распределение основных реализаций архифонемы $*-l/$ [Katz 1979; Janurik 1984: 65] в виде $-l / -l/$, $-j / -i$, являющейся суффиксом прилагательного, в селькупских диалектах относится к одному из базовых фонетических критериев разделения всей территории на языковые зоны. Данное явление в разной степени представлено в работах П. Хайду [Hajdú 1968: 124–125], Т. Янурика [Janurik 1978; 1984: 65, 66], Х. Катца [Katz 1979], Е. А. Хелимского [Хелимский 2000: 74, 75]. Так, в исследовании Е. А. Хелимского, посвященного исторической диалектологии селькупского языка, дается следующее принятое распределение обсуждаемого критерия по трем диалектным зонам: Юж. $-j$, Центр. $-l / -l/$, Сев. $-l/$, причем, согласно его замечаниям, оно является нечетким, и, например, в обском диалекте¹ чередование $-j$ и $-l / -l/$ представлено, по крайней мере на уровне морфонологии, в том числе на стыках слов [Хелимский 2000: 74]. Несмотря на то, что предыдущие исследования в целом воспроизводят распределение Юж. $-j$, Центр. $-l / -l/$, Сев. $-l/$ с отдельными отклонениями, они базируются на анализе ограниченного количества материала, во многих случаях не отражают фиксацию показателей в отдельных селькупских диалектах и говорах или представляют ее в довольно обобщенном виде. В связи с этим появляется необходимость проанализировать данное явление с привлечением относительно большого для бесписьменных диалектов объема языковых корпусных данных и опубликованных академических работ в синхронии и диахронии.

Целью исследования является выявление варьирования показателей адъективного суффикса $*-l/$: $-l / -l/$, $-j / -i$ в селькупских диалектах в синхронии и диахронии.

Используются методы компьютерной лингвистики, а также сравнительно-исторический и сопоставительный.

В работе производится графико-фонетический анализ селькупских данных по 30 основным источникам, представляющим идиомы диалектов и говоров за XIX–XXI вв. Привлекались следующие материалы:

Корпуса (более 42 тыс. словоформ) по: 1) нижнечаинскому диалекту [Григоровский 1879]; 2) сондровскому говору среднеобского диалекта [ЛЯНС Т. 6, 7 1962]; 3) кетскому диалекту [ЛЯНС Т. 5 1962; Т. 27 1969; Т. 28 1968; Т. 36 1971]; 4–6) иванкинскому диалекту [ЛЯНС Т. 58 1981; Alatalo MCOS; Макарий 1900]; 7) нарымскому диалекту [Макарий 1887]; 8) ласкинскому говору нарымского диалекта [ЛЯНС Т. 34 1970]; 9) васюганскому диалекту [ЛЯНС Т. 59 1982; Т. 60, 61 1983]; 10) тымскому диалекту (переселенческий идиом) [Szabó 1967]; 11) тымскому диалекту [ЛЯНС Т. 23 1968; Т. 26 1969; Т. 56 1979]. Корпусные данные расположены на цифровой платформе «Lingvodoc»² либо в личных архивах (файлы программы Fieldworks Language Explorer).

Словари: 12–17) в качестве основного источника за XX–XXI в. был взят словарь О. А. Казакевич и Е. М. Будянской [2010], демонстрирующий отражение фонетических черт по средне- и верхнетазовским, верхнетолькинским, елогуйским, баихенским и туруханским материалам.

¹ Под обским диалектом Е. А. Хелимский отмечает территорию Оби в районе Колпашево и выше по течению [Хелимский 2000].

² Lingvodoc [electronic resource]. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru> (дата обращения 06.11.2024).

Электронные публикации: 18–27) все данные М. А. Кастрена XIX в. были обработаны и выложены в открытый доступ Я. Алатало в виде словарей, грамматических и фонетических описаний, а также текстов по чаинскому, чулымскому, нижне- и верхнекетскому, иванкинскому, нарымскому, тымскому, елогуйскому, баихенскому, тазовскому и карасинскому материалам [Alatalo MCOS].

Архивные данные: 28–30) по елогуйскому [ЛЯНС Тт. 14, 15 1967; Тт. 32, 35 1970], баихенскому [ЛЯНС Т. 36 1971] и туруханскому [ЛЯНС Тт. 43, 44 1972; Т. 48 1973; Т. 53 1975] диалектам.

В качестве основы для сопоставления и обозначения отражения рефлексов по диалектам и говорам были взяты общеселькупские формы, представленные в словаре Я. Алатало [Alatalo 2004] и в его электронных публикациях к описанию рукописей М. А. Кастрена [Alatalo MCOS].

В работе используется смешанный подход, где, с одной стороны, представлена статистика соотношения проявления фонетических черт в диалектах, а с другой стороны, фактические данные словарей и словников, в том числе формализованные, для создания полной картины отражения рефлексов по южной, переходной, центральной и северной языковым зонам, так как не для всех рассматриваемых материалов есть корпуса и, соответственно, статистика распространения явлений.

В работе используется классификация диалектов С. В. Глушкова, А. В. Байдак и Н. П. Максимовой с разделением территории на северную группу (включает тазовский, ларьякский (верхнетьолькинский), карасинский, туруханский, баихинский, елогуйский диалекты), центральную группу (ваховский, тымский, васюганский, нарымский диалекты), южную группу (среднеобской, чаинский, кетский, верхнеобской, чулымский диалекты) [Глушков и др. 2013]. В нашем исследовании дополнительно выделяется переходная группа в виде иванкинского диалекта.

Рефлексы *-lʲ: -l / -lʲ, -j / -i по диалектам

В данном разделе представлено обсуждение маркирования адъективного суффикса *-lʲ: -l / -lʲ, -j / -i в ауслаутных и инлаутных позициях в материалах по селькупским диалектам и говорам за XIX–XXI вв.:

Юж.	XIX в.	ниж.-чаин.	-ль (1), -й (-и) (100)	[Григоровский]
		чаи.	-i, -l (редко)	[Кастрен]
		чул.	-i, -l (редко)	[Кастрен]
		н.-кет.	-i, -l (редко)	[Кастрен]
		в.-кет.	-i, -l (редко)	[Кастрен]
	XX в.	Сон. ср.-об.	-l / -lʲ (8), -j (-i) (89)	[ЛЯНС]
		кет.	-l (1), -j (-i) (183)	[ЛЯНС]
Перех.	XIX в.	Тог. ив.	-l (51), -i (31)	[Кастрен]
		ив.	-л / -ль (9), -й (-и) (89)	[Макарий]
	XX в.	Ив. ив.	-l / -lʲ (38), -j (-i) (187)	[ЛЯНС]
Центр.	XIX в.	нар.	-l	[Кастрен]
		Нар. нар.	-л / -ль (30), -й (-и) (2)	[Макарий]
		тым.	-l	[Кастрен]
		Лас. нар.	-l / -lʲ (157), -i (1)	[ЛЯНС]
	XX в.	вас.	-l / -lʲ (181)	[ЛЯНС]
		Нап. тым.	-l (41)	[Сабо]
		тым.	-l / -lʲ (61)	[ЛЯНС]
Сев.	XIX в.	таз.	-l (-lj)	[Кастрен]
		ел.	-l	[Кастрен]
		баи.	-l (-lj)	[Кастрен]
		кар.	-l (-lj)	[Кастрен]
		ср.-таз.	-ль	[Казакевич, Будянская]
	XX–XXI вв.	в.-таз.	-й (-ль)	[Казакевич, Будянская]
		в.-тольк.	-ль, -й	[Казакевич, Будянская]
		ел.	-j	[ЛЯНС, Казакевич, Будянская]
		баи.	-lʲ	[ЛЯНС, Казакевич, Будянская]
		тур.	-lʲ	[ЛЯНС, Казакевич, Будянская]

Приведенные данные представлены в оригинальной записи, а в обсуждении они конвертированы в латиницу во избежание сложностей при анализе: *-l / -l̥, -j (-i)* (на кир. *л / ль, й (u)*), *-l̥* (у Кастрена *-lj*).

Очевидно, что в разных диалектах селькупского языка фиксируются переходы **-l̥ > -j > -i* (вокализация) и **-l̥ > -l*. С анализом второго перехода возникают многочисленные проблемы, поэтому он не обсуждается отдельно для каждой языковой зоны. Так, не всегда понятно качество условно обозначаемого на латинице звука в виде *-l*, так как в отдельных материалах под ним, скорее всего, может подразумеваться более палатальный или, наоборот, более твердый оттенок. Например, доминирующим способом обозначения суффикса прилагательного во всех материалах XIX в. М. А. Кастрена является показатель *-l*, с нечастыми примерами *-l̥* в северных диалектах, а в словаре О. А. Казакевич и Е. М. Будянской [2010] XX–XXI вв. во всех северных диалектах передается только *-l̥*, что противоречит друг другу относительно развития **-l̥ > -l*, но, с другой стороны, объясняется только особенностями графики. Также графические обозначения *-l̥* и *-l* встречаются во всех четырех языковых ареалах: южном, переходном, центральном и северном.

На основе приведенных выше данных видно, что во всех южных диалектах и говорах XIX–XX вв. произошло развитие **-l̥ > -j* с дальнейшей вокализацией в *-i*. Так, в материалах практически всегда используется суффикс прилагательного *-j / -i*, в то время как встречаемость вариантов на *-l / -l̥* находится на периферии и трактуется как остаточное явление. В большинстве случаев *-l / -l̥* засвидетельствован на стыке морфем внутри составных лексем и перед послелогами, что может говорить о том, что в определенных устоявшихся формах соблюдается сохранение архаики. Дополнительно проанализированный объем данных в 20 тыс. словоформ по южным диалектам из архивов ЛЯНС за XX в. [ЛЯНС Т. 1–65 1952–1985] показывает, что маркер *-j / -i* встретился в них 245 раз, в то время как *-l / -l̥* – 10 раз, и последний только в данных сондровских говоров среднеобского диалекта.

Юж. XIX в.

ниж.-чаин., все примеры с *-ль*: *тюдёль деретань* ‘по-недавнему’ (**ti- / *t̥i-* ‘этот’ + **-l̥* ‘ADJZ’) [Григоровский];

ниж.-чаин., примеры с *-й (-и)*: *нёйгомъ* ‘женщина’ (**nel̥ kum*), *аво́ймы* ‘плохое’ (**awal̥* ‘плохой’), *асъи* ‘отцовский’ (**es̥a: es̥ä- + *-l̥* ‘ADJZ’) [Григоровский];

чаин.: *näi-gum* ‘женщина’ (**nel̥ kum*), *täti* ‘кедровый’ (**t̥it̥əŋəl̥*), *kuul-čaads* ‘человеческий род’ (**kuməl̥*) [Кастрен];

чул.: *näi-gum* ‘женщина’ (**nel̥ kum*), *pačel* ‘зеленый’ (**patəl̥*), *mārssi* ‘дорогой’ (**mirsəməl̥*), *pyul-lom* ‘град’ (**p̥ūl̥ nom*) [Кастрен];

н.-кет.: *näi-gum* ‘женщина’ (**nel̥ kum*), *mirssi* ‘дорогой’ (**mirsəməl̥*), *pyusel-čueč* ‘каменистое место’ (**p̥ūsəməl̥*) [Кастрен];

в.-кет.: *nei-kum* ‘женщина’ (**nel̥ kum*), *patai* ‘зеленый’ / *patal-tiit̥ə* ‘зеленая ива’ (**patəl̥*), *pyul* ‘каменный’ (**p̥ūl̥*) [Кастрен].

Юж. XX в.

Сон. ср.-об., все примеры с *-l / -l̥*: *kali-ema* ‘какой-нибудь’ (**kajil̥*), *nūli-d̥iel* ‘праздник’ (**numəl̥* ‘божий’), *qwezil ti:b* ‘гвоздь’ (**kuəsəl̥* ‘железный’), *pil̥ d̥z̥o:mp* ‘в течение ночи’ (**pi* ‘ночь’ + **-l̥* ‘ADJZ’) [ЛЯНС];

Сон. ср.-об., примеры с *-j / -i*: *nejgum / neiq̃u:m* ‘женщина’ (**nel̥ kum*), *pl̥ej po:* ‘вилы’ (**p̥ila* ‘рус. вила’ + **-l̥* ‘ADJZ’) [ЛЯНС];

кет., все примеры с *-l*: *iral dare* ‘по-прежнему’ (**iral̥ / eral̥* ‘старый’) [ЛЯНС];

кет., примеры с *-j / -i*: *n̥ejaqu-* ‘женщина’ (**nel̥ kum*), *tibiγum* ‘мужчина’ (**tipil̥ kum*), *qajida* ‘какой-то’ (**kajil̥*) [ЛЯНС].

В материалах XIX–XX вв., принадлежащих к переходной территории, возможно использование обоих вариантов суффиксов прилагательного *-l / -l̥* и *-j / -i* (**-l̥*), однако в текстах XIX в. св. Макария (Невского) засвидетельствованность *-l / -l̥* находится на периферии. В большинстве случаев вариант *-l / -l̥* также отмечен на стыках морфем внутри составных лексем и перед послелогами.

Перех. XIX в.

Тог. ив., все примеры с *-l*: *nälgur* ‘женщина’ (**nel' kum*), *šil dšorgo*- ‘соболиная форма, вместилище’ (**šil*), *olal laga* ‘кусок’ (**olal* ‘головной’) [Кастрен];

Тог. ив., примеры с *-i*: *mīnāni* ‘наш’ (**nānəl* ‘LOC2.ADJZ’), *orpsui* ‘сильный’ (**orəpsəməl*) [Кастрен];

ив., все примеры с *-л / -ль*: *nälǵum* ‘женщина’ (**nel' kum*), *квозел tiun-* ‘гвоздь’ (**kuəsəl* ‘железный’), *нул адя* ‘отче’ (**numəl* ‘божий’) [Макарий];

Ив. ив., примеры с *-й (-и)*: *нуй* ‘божий’ (**numəl*), *авой* ‘злой’ (**awal*) [Макарий].

Перех. XX в.

Ив. ср.-об., все примеры с *-l / -l̥*: *nalkur* ‘женщина’ (**nel' kum*), *nel kanaq* ‘собака (самка)’ (**nel* ‘женский’), *tebilgur* ‘мужчина’ (**tipil' kum*), *nul ma:t* ‘церковь’ (**numəl* ‘божий’), *nul del* ‘праздник’ (**numəl* ‘божий’), *qajl'-emij* ‘какой-нибудь’ (**qajil*) [ЛЯНС];

Ив. ср.-об., примеры с *-j / -i*: *poj* ‘деревянный’ (**pōl*), *t'uj* ‘земляной’ (**čul*), *qwizi* ‘железный’ (**kuəsəl*) [ЛЯНС].

Во всех обсуждаемых центральных материалах XIX–XX вв. суффикс *-l / -l̥* (**-l̥*) является основным, в то время как *-j / -i* (**-l̥*) засвидетельствован только периферийно в нарымских данных. В дополнительно проанализированном объеме данных в 40 тыс. словоформ из архивов ЛЯНС по центральным диалектам за XX в. [ЛЯНС Т. 13–66 1964–1985] показатель *-l / -l̥* встретился 1548 раз, в то время как *-j / -i* – 17 раз и только в нарымском диалекте.

Центр. XIX в.

нар.: *näl-gur* ‘женщина’ (**nel' kum*), *pādal* ‘зеленый’ (**patəl*), *kael* ‘какой’ (**qajil*) [Кастрен];

тым.: *tebel-[gur]* ‘мужчина’ (**tipil' kum*), *takkel* ‘нижний’ (**taŋŋil / takkil*) [Кастрен];

Нар. нар., примеры с *-л / -ль*: *pōl* ‘каменный’ (**pōl*), *мяркель* ‘ветренный’ (**merkəl*), *кол тиб* ‘гвоздь’ (**kuəsəl* ‘железный’) [Макарий];

Нар. нар., все примеры с *-й (-и)*: *аджи* ‘отцовский’ (**ača* ‘отец’ + **-l̥* ‘ADJZ’), *окый* ‘единый’ (**ōkkər* + **-l̥* ‘ADJZ’) [Макарий].

Центр. XX в.

Лас. нар., примеры с *-l / -l̥*: *nälǵur* ‘женщина’ (**nel' kum*), *tābəlǵur* ‘мужчина’ (**tipil' kum*), *ma-nānəl* ‘мой’ (**nānəl* ‘LOC2.ADJZ’) [ЛЯНС];

Лас. нар., все примеры с *-j / -i*: *ma-nani* ‘мой’ (**nānəl* ‘LOC2.ADJZ’);

вас., примеры с *-l / -l̥*: *nelgur* ‘женщина’ (**nel' kum*), *qajl'-em* ‘какой-то’ (**qajil*), *pol* ‘деревянный’ (**pōl*) [ЛЯНС];

тым., примеры с *-l̥*: *čumel qur* ‘чумылькуп’ (**čūmtəl' kum*), *qajil* ‘какой’ (**qajil*), *mažo l* ‘лесной’ (**mačəl*) [Сабо];

тым., примеры с *-l / -l̥*: *nelgur* ‘женщина’ (**nel' kum*), *nulid'el* ‘праздник’ (**numəl* ‘божий’), *kwizil* ‘железный’ (**kuəsəl*) [ЛЯНС].

В материалах М. А. Кастрена по северным диалектам за XIX в. последовательно используется суффикс *-l (-l̥)* (**-l̥*). В данных XX–XXI вв. в среднетазовском, баихенском и туруханском суффикс также появляется *-l̥*, в верхнетазовском и елогуйском произошел переход **-l̥* > *-j*. В вехнетолькинском диалекте показатели *-l̥* и *-j* встречаются примерно в равном количестве лексем.

Сев. XIX в.

таз.: *näl-kum* ‘женщина’ (**nel' kum*), *kael* ‘какой’ (**qajil*), *inneǵalj (-gail)* ‘находящийся наверху’ (**innäqəl*), *njanjilm̄ / njanjilm̄ty* ‘хлеб’ (**nānəl* + **m̄* ‘хлебный + вещь’) [Кастрен];

ел.: *nél-gum* ‘женщина’ (**nel' kum*), *mirsimil* ‘дорогой’ (**miršəməl*) [Кастрен];

баи.: *näl-(-lj)-gum* ‘женщина’ (**nel' kum*), *pātel* ‘зеленый’ (**patəl*), *kail* ‘какой’ (**qajil*), *innēagal (-lj)* ‘находящийся наверху’ (**innäqəl*) [Кастрен];

кар.: *neel(ə?)-gur* ‘женщина’ (**nel' kum*), *mirgedel* ‘дешевый’ (**mirkətəl*), *kael* ‘какой’ (**qajil*), *ooker kuelj gööt* ‘одиннадцать’ (**ōkkər kuəl kōt*), *tjundilj* ‘лошадиный’ (**čüntəl*) [Кастрен].

Сев. XX–XXI в.

ср.-таз.: *жайыль* ‘какой’ (**qajil*), *патыль* ‘зеленый’ (**patəl*), *тәль* ‘другой’ (**töl*) [Казакевич, Будянская];

в.-таз.: *жайыль* ‘какой’ (**qajil*), *патый* ‘зеленый’ (**patəl*), *тәй* ‘другой’ (**töl*) [Казакевич, Будянская];

в.-тольк.: *жайыль* ‘какой’ (**qajil*), *патый* ‘зеленый’ (**patəl*), *тәй* ‘другой’ (**töl*) [Казакевич, Будянская];

ел.: *жумый* ‘человеческий’ (**quməl*), *нільчий* ‘такой’ (**nilčil*), *помпаль* ‘эвенкийский’ (**peṭpaṭ* ~ *roṭpaṭ* ‘эвенк’) [Казакевич, Будянская];

ел.: *qej* ‘березовый’ (**qüəl*), *nárij* ‘болотный’ (**narəl*), *púrųij* ‘дымный’ (**purkə*) [ЛЯНС];

баи.: *жайыль* ‘какой’ (**qajil*), *патыль* ‘зеленый’ (**patəl*), *тәль* ‘другой’ (**töl*) [Казакевич, Будянская];

баи.: *pül* ‘каменный’ (**pül*), *siöl-kumə-l* ‘таежный-человек-ADJz’ (**šöl* *kum* ‘селькуп’ + *-*li* ‘ADJz’) [ЛЯНС];

тур.: *жайыль* ‘какой’ (**qajil*), *патыль* ‘зеленый’ (**patəl*), *тәль* ‘другой’ (**töl*) [Казакевич, Будянская];

тур.: *kanalı* ‘собачий’ (**keṇaṇəl*) [ЛЯНС].

Заключение

Варьирование рефлексов маркера прилагательного – архифонемы *-*li* по диалектам на основе анализа материалов XIX–XXI вв. является более сложным и неоднородным фонетическим процессом, чем было представлено в предыдущих исследованиях. Среди основных положений, демонстрирующих данное явление, можно выделить следующие.

1. Во всех проанализированных диалектных зонах по материалам XIX–XXI вв. зафиксированы рефлексy *-*li* в виде -*l* / -*li*, -*j* / -*i*.

2. Выделяются два перехода *-*li* > -*j* > *i* и *-*li* > -*l*, причем второй переход не рассматривается нами отдельно, а только как варианты одной позиции -*li* / -*l*, так как не всегда понятно, какой по качеству звук передается при помощи графики – имеющий палатальный или твердый оттенок. Прояснить данную позицию поможет аудиоматериал.

3. Исходя из исторического развития суффикса прилагательного *-*li* > -*j* / -*i* в центральных диалектах данный переход находится в целом только в начальной форме (отдельные примеры в нарымском диалекте).

4. В южных диалектах переход *-*li* > -*j* / -*i* практически завершился, суффиксы -*l* / -*li* наблюдаются в основном на периферии. В большинстве случаев -*l* / -*li* засвидетельствованы на стыке морфем внутри составных лексем и перед послелогоми (остаточное явление). В материалах М. А. Кастрена XIX в. выявлено несколько более частое использование показателя -*l* (-*li*) по сравнению с данными XX в.

5. В иванкинском диалекте рефлексy *-*li*: -*l* / -*li* и -*j* / -*i* распределены примерно по 50 %: переход *-*li* > -*j* / -*i* находится в промежуточной стадии. Несмотря на это, в иванкинских текстах XIX в. св. Макария (Невского) засвидетельствованность -*l* / -*li* находится на периферии. В большинстве случаев в переходной зоне вариант -*l* / -*li* также отмечен на стыках морфем внутри составных лексем и перед послелогоми (остаточное явление).

6. В северных диалектах переход *-*li* > -*j* отражен достаточно неоднородно. Так, во всех северных материалах М. А. Кастрена XIX в. используется только -*l* / -*li*. В свою очередь, в материалах XX–XXI в. наблюдается переходное состояние. В данных XX–XXI вв. в среднетазовском, баихенском и туруханском суффикс появляется -*li*, в верхнетазовском и елогуйском произошел переход *-*li* > -*j*. В вехнетолькинском диалекте показатели -*li* и -*j* встечаются примерно в равном количестве лексем.

7. В источниках по южным и северным диалектам встречается более частое использование показателей -*l* / -*li* в материалах XIX в. и немного менее частое их появление в данных XX–XXI вв., что демонстрирует плавный диахронический переход *-*li* > -*j* / -*i*.

Список литературы

- Глушков С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П. Диалекты селькупского языка // Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск: ТПУ, 2013. С. 49–63.
- Григоровский Н. П. Азбука сюсогой гулани / Сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Издание православного миссионерского общества. Казань, 1879. 268 с.
- Макарий (Невский), еп. Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков. Томск, 1900.
- Макарий (Невский), еп. Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края, 1887 г. Приложение № 7 к отчету об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г.
- Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург: Баско, 2010. 372 с.
- Хелимский Е. А. К исторической диалектологии селькупского языка // Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 42–58.
- Alatalo J. Manuscripta Castreniana Ostiak-Samoiedica (MCOS) [electronic resource]. URL: <https://www.sgr.fi/manuscripta/ostiaksamoiedica> (дата обращения: 04.02.2025).
- Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Helsinki, 2004. 465 S.
- Janurik T. Über die Konsonantenphoneme der sölkupischen Mundarten // Studien zur phonologischen Beschreibungen uralischer Sprachen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984. S. 51–67.
- Janurik T. A. Szölkup nyelvjárások osztályozása // Nyelvtudományi Közlemények 80. Budapest, 1978. O. 77–104.
- Katz H. Selkupische Quellen. Lesebuch. Wien, 1979. 231 S.
- Hajdú P. Chrestomathia Samoiedica. Budapest, 1968. 239 o.
- Szabó L. Selkup texts with phonetic introduction and vocabulary (Uralic and Altaic Series). Bloomington, 1967. 62 p.

Список источников

Архив лаборатории языков народов Сибири (ЛЯНС) ТГПУ. Селькупы. Тома: 1–65. Томск, 1952–1985.

Список сокращений

Ив. – Иванкино; Лас. – Ласкино; Нап. – Напас; Нар. – Нарым; Сон. – Старосондрово; Новосондрово (сондровский говор); Тог. – Тогур;

баи. – баихенский; в.-кет. – верхнекетский; в.-таз. – верхнетазовский; в.-тольк. – верхнетолькинский; вас. – васюганский; ел. – елогуйский; ив. – иванкинский; кар. – карасинский; кет. – кетский; н.-кет. – нижнекетский; н.-чаин. – нижнечаинский; нар. – нарымский; ср.-об. – среднеобской; ср.-таз. – среднетазовский; таз. – тазовский; тым. – тымский; тур. – туруханский; чаи. – чаинский; чул. – чулымский;

кир. – кириллица; лат. – латиница; ЛЯНС – лаборатория языков народов Сибири; Перех. – переходный диалект; Сев. – северные диалекты; Т. – Том; Центр. – центральные диалекты; Юж. – южные диалекты; MCOS – Manuscripta Castreniana Ostiak-Samoiedica;

ADJZ – адъективизатор; LOC2 – локатив 2 (для одушевленных объектов).

References

- Alatalo J. *Manuscripta Castreniana Ostiak-Samoiedica (MCOS)* (electronic resource). URL: <https://www.sgr.fi/manuscripta/ostiaksamoiedica> (accessed 04.02.2025).
- Alatalo J. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Helsinki, 2004, 465 p.
- Glushkov S.V., Baydak A.V., Maksimova N.P. Dialekty sel'kupsogo jazyka [Dialects of the Selkup language] In *Sel'kupy: ocherki tradicionnoj kul'tury i sel'kupsogo jazyka* [Selkups: essays on traditional culture and the Selkup language]. Tomsk: TPU, 2013, pp. 49–63 (In Russian).

- Grigorovskiy N. P. *Azbuka syussogoy gulani. Sost. N. P. Grigorovskim dlya inorodcev Narymskogo kraya* [ABC-book sussogoy gulani. Comp. by N. P. Grigorovsky for foreigners of the Narym region]. Izдание pravoslavnogo missionerskogo obshchestva, Kazan, 1879, 268 p. (In Russian)
- Hajdú P. *Chrestomathia Samoiedica*. Budapest, 1968, 239 p.
- Helimsky Eu. A. K istoricheskoy dialektologii sel'kupskogo yazyka [Towards the historical dialectology of the Selkup language]. In *Komparativistika, uralistika: Lektsii i stat'i* [Comparative studies, Uralistics: Lectures and articles]. Moscow, LRC Publishing House, 2000, pp. 42–58. (In Russian)
- Janurik T. A. Szölkup nyelvjárások osztályozása. *Nyelvtudományi Közlemények* 80. Budapest, 1978, pp. 77–104.
- Janurik T. Über die Konsonantenphoneme der sölkupischen Mundarten. *Studien zur phonologischen Beschreibungen uralischer Sprachen*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1984, pp. 51–67.
- Katz H. *Selkupische Quellen. Lesebuch*. Wien, 1979, 231 p.
- Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. *Dialektologicheskii slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie)* [Dialectological dictionary of the Selkup language (northern dialect)]. Yekaterinburg, Basko, 2010, 372 p. (In Russian)
- Makary (Nevsky), bishop. *Besedy ob istinnom Boge i istinnoy vere na narechii obskikh ostyakov* [Conversations about the true God and the true faith in the dialect of the Ob Ostyaks]. Tomsk, 1900. (In Russian)
- Makary (Nevsky), bishop. *Materialy dlya oznakomleniya s narechiem ostyakov Narymskogo kraya, 1887 g.* [Materials for acquaintance with the dialect of the Ostyaks of the Narym region, 1887]. *Prilozhenie № 7 k otchetu ob Altayskoy i Kirgizskoy missiyakh za 1887 g.* [Appendix No. 7 to the report on the Altai and Kirghiz missions for 1887]. (In Russian)
- Szabó L. *Selkup texts with phonetic introduction and vocabulary (Uralic and Altaic Series)*. Bloomington, 1967, 62 p.

List of sources

Arkhiv laboratorii yazykov narodov Sibiri TGPU. Sel'kupy. Toma: 1–65 [Archive of the laboratory of Siberian indigenous languages TSPU. Selkups. Vols.: 1–65]. Tomsk, 1952–1985.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
06.02.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Сергей Васильевич Ковылин – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Лингвистические платформы» Института системного программирования имени В. П. Иванникова РАН (Москва, Россия); доцент кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия)

Sergei V. Kovylin – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Laboratory “Linguistic Platforms”, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow, Russia); Associate Professor of the Department of Siberian Indigenous Languages, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia)

kovylin.ser@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0108-9214>

Усть-нюкжинский говор эвенкийского языка: фонетика

О. Н. Морозова

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

Аннотация

На основе полевых материалов методами экспериментальной фонетики описан вокализм (5 кратких и 6 долгих фонем), консонантизм (18 фонем с доминированием глухих смычных) и интонационная система (4 типа интонационных конструкций). Вокалическая система усть-нюкжинского говора интегрирует в себе черты вокализма тунгиро-олёкминского и токкинского говоров с вкраплениями якутских произносительных особенностей. Переднеязычная консонантная артикуляция является наиболее продуктивной, демонстрируя наивысшие показатели как системной, так и синтагматической частотности. Просодическая система организована в виде четырех основных интонационных конструкций с характерно узким мелодическим диапазоном в речи.

Ключевые слова

эвенкийский язык, усть-нюкжинский говор, олёкминский говор, джелтулакский говор, фонетика, вокализм, консонантизм, интонация

Благодарности

Мы приносим искреннюю благодарность нашим дикторам из с. Усть-Нюкжа, без помощи и консультаций которых данное исследование бы не состоялось.

Для цитирования

Морозова О. Н. Усть-нюкжинский говор эвенкийского языка: фонетика // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 4). С. 153–162. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-153-162

Ust'-Nyukzha idiom of the Evenki language: phonetics

O. N. Morozova

Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation

Abstract

This study offers a complete phonetic examination of the Ust'-Nyukzha idiom, a preserved Evenki language of the Amur Region. Spoken by reindeer herders in the mountain-taiga of the Olyokma and Nyukzha river basins, this idiom belongs to the western group of the eastern (sibilant-spirant) dialect of Evenki. The modern Ust'-Nyukzha idiom represents a complex historical-linguistic formation shaped by convergence and prolonged contact among Evenki clans, with current clan structure reduced relative to the comprehensive clan registries from the 17th to the early 20th centuries. Comparative analysis reveals no correspondence with Evenki clans historically nomadic along the right bank of the Amur River, suggesting the absence of recent direct kinship ties or substantial linguistic influence from Chinese Evenks. The current ethno-demographic trends indicate decreasing clan diversity and an active kinship network contraction, with the Iengra, Kalar, Ust'-Urkima, and Tania Evenks being the primary groups affected. Phonetic analysis based on original field data and instrumental methods identifies several distinctive features of the Ust'-Nyukzha idiom. The vowel system displays an asymmetrical structure with five short and six long phonemes, remaining resistant to diphthongization but exhibiting instability in the subsystem of narrow unrounded long vowels. The consonant system comprises eighteen phonemes and exhibits pronounced structural asymmetry, with a clear predominance of voiceless anterior stops over sonorants and fricatives. A binary voicing opposition is relevant for stops, whereas the phonological status of the fricatives /s/ and /h/ remains debatable. The prosodic system features four fundamental intonation patterns and a restricted melodic span.

© О. Н. Морозова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

Keywords

Evenki language, Ust'-Nyukzhinsky dialect, Olyokminsky dialect, Dzheltulaksky dialect, phonetics, vocalism, consonantism, intonation

Acknowledgments

We express our sincere gratitude to the speakers from Ust'-Nyukzha, without whose assistance and advice this research would not have been possible. The author would like to express sincere gratitude to our speakers from Ust'-Nyukzha, without their help and advice this research would not have been possible.

For citation

Morozova O. N. Ust'-nyukzhinskij govor evenkijskogo yazyka: fonetika [Ust'-Nyukzha idiom of the Evenki language: phonetics]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 153–162. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-153-162

Введение

Самым сохранным говором эвенкийского языка в Амурской области является усть-нюкжинский [Иванашко и др. 2017], на котором говорят эвенки-оленьеводы, традиционными угодьями которых считается горно-таежная местность бассейнов рр. Олёкма и Нюкжа. Как и тунгирский говор [Василевич 1948: 199], усть-нюкжинский говор относится к западным говорам восточного сибирянтно-спирантного наречия эвенкийского языка. Усть-нюкжинские эвенки ранее во время кочевок имели тесные контакты с тунгирскими, каларскими, усть-уркиминскими, иенгринскими и нижне-олёкминскими (тяньскими, токкинскими, киндигирскими) эвенками. В настоящее время для коренного эвенкийского населения этих мест характерно активное использование мессенджеров и сотовой связи, благодаря которой осуществляется интенсивная коммуникация, главным образом на русском языке, со всеми эвенками России. Былые тесные родственные связи у современных усть-нюкжинских эвенков остались только с иенгринскими, каларскими, усть-уркиминскими и тяньскими сородичами.

Этот говор объединяет потомков следующих эвенкийских родовых семей с. Усть-Нюкжа ¹:

- 1) Букачар (Букочар / Непсердиновы) – это эвенки с рр. Нюкжа, Олёкма, Тында, Тимтон, Нюкжинского и Желтулакского районов [Василевич 1958: 577];
- 2) Донгой (Донгой, Донгоил, Донгот, Доной / Савины, Николаевы, Татакановы) – эвенки с рр. Тунгир, Олёкма [Там же: 578];
- 3) Дэрмэ (Дэнгмэ, Донмал / Андреевы) – эвенки Чумиканского, Зейско-Учурского и Желтулакского районов [Там же: 578];
- 4) Екэл (Екэгир) – эвенки Екогирского рода, отмечены в XIX в. в Забайкалье, в районе озер Еравна, Иргень, Яроклей, по р. Шилка; в XX в. – по рр. Витим, Калар, Калакан и на правых притоках Амура [Там же: 578];
- 5) Ёкоткор (Мальчакиновы) – эвенки данного рода в указанном источнике не значатся;
- 6) Интылгур (Курбалтуновы) – эвенки данного рода в указанном источнике не значатся;
- 7) Иңэлас (Иңилас, Иңэлахир, Иглагир / Абрамовы, Максимовы, Васильевы) – эвенки с рр. Алдан, Учур, Тимтон, Олёкма, Тунгир [Там же: 578];
- 8) Кэптукэр (Кэптукэ, Коптукар / Григорьевы, Марковы, Лазоревы) – эвенки с рр. Зeya, Гилюй, Сутам, Албазиха Быстрая [Там же: 580];
- 9) Лалигир (Тимофеевы, Чепаловы) – эвенки, жившие в XVII–XX вв. по рр. Алдан, Учур, Амга, в XX в. также в Чумиканском, Кур-Урмийском, Верхне-Селемджинском, Тимтонском и Нюкжинском районах [Там же: 580];
- 10) Лаяпгар (Яковлевы, Сынгалаевы, Уркановы) – эвенки данного рода в указанном источнике не значатся;
- 11) Лэндэр (Карарбоки) – эвенки данного рода в указанном источнике не значатся;
- 12) Мётаткār (Александровы, Габышевы) – эвенки Токкинского и Нижне-Олёкминского районов [Там же: 581];
- 13) Токорикар (Колесовы) – эвенки данного рода в указанном источнике не значатся;
- 14) Тугуягир (Туруягир / Кузьмины) – эвенки, жившие в XIX–XX вв. по левым средним притокам р. Витим и верховью рр. Олёкмы и Нерчи [Там же: 583];

¹ В круглых скобках даны варианты записи по источнику: [Василевич 1958: 577–586]; после косой черты приводятся их современные фамилии [Морозова 2021: 73–74].

15) Чакигир (Чачигир / Абрамовы) – эвенки Тунгир-Олёкминского, Нюкжинского районов [Там же: 584];

16) Эгдырэ (Агдарил, Агдарим) – эвенки, вывшие в XIX в. по р. Сым Туруханского района, в XIX–XX вв. – по рр. Олёкма, Витим, Албазиха, Быстрая, Муя, Ика и оз. Баунт [Там же: 1958].

Г. М. Василевич отмечала, что в бывшем Нюкжинском районе Витимо-Олёкминского национального округа Восточно-Сибирского края в первой половине XX в. проживали также такие эвенкийские родовые кланы, как Њаџаџир, Буллэтир, Лалигир, Иџолаџир [Василевич 1948: 199]. В настоящее время территория их проживания относилась бы к западному, граничащему с Забайкальским краем, району Тындинского муниципального округа Амурской области. Предки усть-нюкжинских Чăкигиров, по Г. М. Василевич, ранее жили в бассейнах исторически знаменитых эвенкийских рек Шилки и Нерчи и по верхним притокам Амура и занимались коневодством, доказательством чему был существовавший до середины XX в. в похоронном обряде чакигирских эвенков культ лошади. К древнему забайкальско-амурскому роду Г. М. Василевич относит также эвенкийский род Доџой [Василевич 2022: 127].

Усть-нюкжинский говор эвенкийского языка представляет собой сложное историко-лингвистическое образование. Он сформировался в результате длительных контактов и слияния многочисленных эвенкийских родов, исторически кочевавших в бассейнах рек Олёкмы и Нюкжи.

Его формирование проходило в условиях интенсивных межгрупповых контактов с носителями тунгирского, каларского, усть-уркиминского, иенгринского и ниже-олёкминских (тяньского, токкинского, киндигирского) говоров, следы которых сохранились в его фонетике и лексике, что зафиксировано исследователями [Василевич 1948; Романова, Мыреева 1962].

У усть-нюкжинских эвенков отсутствуют трансграничные родовые связи. Проведенный сравнительный анализ не выявил совпадений родового состава современного усть-нюкжинского населения с эвенкийскими родами, исторически кочевавшими на правобережье Амура (ныне территория КНР). Это позволяет сделать вывод об отсутствии в новейшее время прямых родственных связей и, как следствие, значительного лингвистического влияния со стороны эвенков Китая на усть-нюкжинский говор.

Таким образом, современная этнодемографическая ситуация в Усть-Нюкже характеризуется сокращением родового разнообразия и сужением ареала активных родственных связей преимущественно до иенгринских, каларских, усть-уркиминских и тяньских эвенков. Несмотря на относительную сохранность языка в данной локальной группе, на него оказывают мощное давление процессы глобализации, выражающиеся в доминировании русского языка в межнациональной и цифровой коммуникации.

Материал и методика исследования

Материал для акустических экспериментов был собран в ходе этнолингвистических экспедиций (2015, 2022, 2023, 2025 гг.) в таежные предгорья Станового хребта в двух километрах выше от слияния рр. Нюкжа и Олёкма, где расположено место компактного расселения с. Усть-Нюкжа Тындинского муниципального округа Амурской области. Общая численность проживающих в поселке эвенков составляет 424 чел. Кроме того, аудиозаписи спонтанной и репродуцированной речи усть-нюкжинского говора были получены в лабораторных условиях, когда эвенки с. Усть-Нюкжа приезжали на культурно-образовательные мероприятия в г. Благовещенск Амурской области.

Камеральная обработка сегментных и суперсегментных единиц звуковой системы усть-нюкжинского говора произведена в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований при кафедре иностранных языков филологического факультета Амурского государственного университета. Акустический анализ материала получен при помощи программ по обработке звукового сигнала PRAAT и Audacity.

В ходе акустического анализа были проанализированы образцы речи 22 усть-нюкжинцев (11 мужчин и 11 женщин, средний возраст – 50–80 лет).

Основной корпус для акустического анализа составили: 1) изолированные слова в троекратном произнесении (600 словоформ) по методике [Щерба 2002]; 2) спонтанная монологическая и диалогическая речь (4 часа звучания); 3) репродуцированные фразы и предложения (36 единиц).

В ходе экспериментальной работы применялись: 1) метод акустического анализа речевого сигнала для изучения фонетических (сегментных и супraseгментных) коррелятов единиц усть-нюкжинского говора эвенкийского языка; 2) метод типологического сопоставления для выявления сходных и различных черт, характеризующих вокалические, консонантные и интонационные системы усть-нюкжинского, желтулакского, зейского и селемджинского говоров эвенков Амурской области. Принципы системно-структурной организации звуковой системы усть-нюкжинского говора описаны в соответствии с методикой, предложенной И. Я. Селютиной [Селютина 2008] с позиций щербовской и наделяевской фонетических школ [Щерба 2002; Наделяев 1986]. В ходе сегментации речевого потока мы придерживались ряда правил [Скрелин 1999] и принципов слухового контроля как обязательного элемента экспериментально-фонетического исследования [Уртегешев 2020].

Основная цель исследования заключалась в проведении анализа вокалической, консонантной и интонационной систем усть-нюкжинского говора эвенкийского языка (языка эвенков с. Усть-Нюкжа) при использовании методов экспериментальной фонетики.

Вокалическая система усть-нюкжинского говора

Система усть-нюкжинского вокализма эвенкийского языка демонстрирует полное соответствие с вокалическими системами говоров восточных диалектов (токкинского, тунгирского, чульманско-гилуйского, зейско-учурского) [Василевич 1948; Романова, Мыреева 1962; Булатова 1987; Андреева 1988].

Как показал дистрибутивный и морфологический анализ звучащей речи эвенков с. Усть-Нюкжа, вокалический инвентарь этого говора включает пять кратких /i/, /u/, /z/, /o/, /a/ и шесть долгих /i:/, /u:/, /æ:/, /o:/, /a:/ единиц. Гласный переднего ряда среднего подъема /e:/ не имеет краткой пары и вследствие своей крайне низкой частотности занимает в системе периферийное положение. Следовательно, уязвимым звеном (лакуной) вокализма усть-нюкжинского говора выступает недостаточная наполненность подсистемы узких неогубленных долгих гласных, что может свидетельствовать о потенциальной возможности фонетических трансформаций в тунгусском вокализме Восточной Сибири. Дополнительным системообразующим признаком является действие фонотактических ограничений, исключающих реализацию дифтонгов и гласных стечений в речевом потоке. Следует отметить, что инвентарь гласных эвенкийского языка ленского бассейна дифтонгов не включает.

Системно-структурная организация вокальной системы усть-нюкжинского говора характеризуется следующими особенностями. Все 11 гласных образуют оппозиции по признаку ряда, подъема, огубленности и долготы. В число конституционно-дифференциальных признаков гласных анализируемого идиoma входит характеристика фонологической долготы. В группе долгих гласных наибольшей длительностью характеризуются наиболее закрытые гласные. В группе кратких гласных самыми длительными являются гласные основного треугольника /i/ – /a/ – /u/. Самой меньшей длительностью в обеих группах обладают гласные /æ:/ – /z/. Сравнение средней длительности фонологически долгих и их кратких пар показывает значительную разницу между долгими и соответствующими им краткими гласными. Эвенкийские долгие более чем в два раза длительнее кратких гласных. Под влиянием якутской фонетики отмечается гипертрофированная долгота гласных: [bi:] ‘я’, [afi:] ‘женщина’.

В соответствии с законом палатального сингармонизма, функционирующим в эвенкийском языке, гласные делятся на твердорядные, мягкорядные и нейтральные [Морозова 2021a: 124]. Вся трансграничная российско-китайская зона распространения тунгусских языков характеризуется значительным совпадением качества гласных по параметрам палатального сингармонизма [Морозова 2021b: 164]. Закон палатального сингармонизма в усть-нюкжинском говоре также соответствует литературной норме.

Распределение гласных в суффиксах детерминируется качеством финального гласного корня:

- 1) после /a/ следуют /a/, /i/, /u/;
- 2) после /o/ возможны /o:/, /u:/, /i:/, а после /u:/ и /o:/ – /a/;
- 3) после /z/ возможны /z/ ~ /a/ ~ /o/, /z:/ ~ /o:/, /u/, /i:/, /a:/;
- 4) после /a:/ следуют /a/, /a/ ~ /z/, /u:/, /i:/;
- 5) после /o:/ возможны /a/, /a:/, /u:/, /i:/.

Все твердоядные сингармонические единицы в усть-нюкжинском говоре квалифицируются как гласные центрального и заднего артикуляторных рядов. Мягкорядный вокализм этого говора реализуется как центральнопередний (выдвинутый вперед). При произнесении мягкорядных и нейтральных эвенкийских гласных отмечается узкая настройка их артикуляции. Функционально твердоядные гласные реализуются, как правило, в центральнозадних настройках. Та же тенденция прослеживается в нейтральном вокализме: усть-нюкжинским нейтральным гласным свойственны узкие артикуляторные жесты.

В отличие от усть-нюкжинского говора, в тунгиро-олёкминском (расположенном южнее) фиксируется свободное варьирование аллофонов фонемы /з/ и /з:/: [з ~ а ~ ä ~ о], [з: ~ а: ~ о:] [Василевич 1948: 199]. В современной терминологии эти варианты интерпретируются не как строго комбинаторные, а как элементы свободного варьирования в рамках локальной произносительной нормы. Следовательно, южнее слияния рр. Олёкма и Нюкжа находится переходная зона смешанных экающе-акающих говоров (тунгиро-олёкминские), с активным действием законов палатального и губного сингармонизма. Кроме того, несмотря на акающую основу (например, [сāран] ‘знал’), в тунгиро-олёкминском говоре наблюдается последовательное прогрессивное губное притяжение в суффиксах после губных гласных (*орондул̄* вместо ожидаемого *орондул̄а*). Это может объясняться как более строгим действием законов губного сингармонизма, так и интерференцией со стороны якутского языка. Имеются факты контактного эвенкийско-якутского взаимовлияния. Действительно, на данной территории в культурный комплекс эвенков вошли некоторые элементы якутской культуры (оленняя нартенная упряжка, якутские раскрои кафтанов, якутский «носочек» в обуви и отворот на голенище, вышитый шелком или сделанный из бархата, форма кумалана ² и способ шитья его из шкурок диких мелких зверей и др.) [Василевич 2022: 126].

На основании проведенного анализа можно выдвинуть гипотезу о том, что вокалическая система усть-нюкжинского говора интегрирует в себе черты вокализма тунгиро-олёкминского и токкинского говоров с вкраплениями якутских произносительных особенностей (утрированная долгота гласных на якутский манер, расширение законов действия губного сингармонизма). Данное предположение основано на факте тесных родственных и брачных связей между носителями этих говоров, обусловленных географической близостью и общностью кочевых маршрутов, а также контактами с северными тюрками (якутами).

Консонантная система усть-нюкжинского говора

Фонемный инвентарь согласных насчитывает 18 единиц. При общем количестве фонем, равном 29 (18 согласных и 11 гласных), доля consonантов в инвентаре достигает 62 %. Экспериментально-фонетическое исследование рассматриваемой подсистемы позволило выявить ее тип – consonантизм с бинарной оппозицией по глухости / звонкости. Наши данные коррелируют с выводами коллектива новосибирских исследователей [Селютина, Уртегешев, Добринина 2014].

В системе согласных фонем противопоставляются две основные категории: шумные и сонорные. Классификация согласных фонем может быть представлена следующим образом.

1. Фонологические оппозиции в системе шумных согласных. В классе шумных согласных реализуется оппозиция по способу образования: смычные /p/, /b/, /t/, /d/, /k/, /g/, /tʃ/, /dʃ/ в противоположность щелевым /s/, /h/. Для смычных шумных релевантным является противопоставление по глухости / звонкости, образующее коррелятивные пары: /p/ – /b/, /t/ – /d/, /k/ – /g/, /tʃ/ – /dʃ/. Дифференциальным признаком в этих парах выступает наличие / отсутствия работы голосовых связок. В данном говоре признак придыхательности утратил фонологическую значимость.

Щелевые шумные /s/, /h/ являются непарными по глухости / звонкости, а их фонологический статус в рамках эвенкийской фонологии остается дискуссионным.

2. Внутренняя классификация consonантов содержит три группы по способу образования: 1) смычные носовые: /m/, /n/, /n̄/, /ŋ/; 2) щелевые: /β/, /l/, /j/; 3) дрожащий /r/.

3. Структура и количественные соотношения в системе consonантизма следующие. В классе шумных согласных наблюдаются диспропорции. По признаку глухости / звонкости доминируют

² Кумалан – национальный эвенкийский ковер из оленьих шкур с чередующимися темными и светлыми фрагментами.

глухие согласные, численность и системная частотность которых превышают показатели звонких приблизительно в 1,8 раза. Данное преобладание усугубляется наличием непарных глухих фонем /s/ и /h/. По способу образования отмечается сильное количественное доминирование смычных согласных над щелевыми (в 6,9 раз). По активному артикулирующему органу наибольшей синтагматической частотностью характеризуются переднеязычные согласные. Их речевая частотность превышает частотность губных в 4,9 раза, а заднеязычных – в 1,7 раза, несмотря на идентичную системную представленность этих групп. При этом фарингальный согласный является низкочастотным, поскольку его реализация в абсолютном начале слова в речи усть-нюкжинцев факультативна: он может как сохраняться, так и редуцироваться, например: (х)а́ва ‘работа’, (х)ава́лдын ‘совместная работа’, (х)ава́лывк̄а ‘отработка’, (х)ава́ливӯт ‘сырье’, (х)о́кто ‘дорога’, (х)у́нат ‘девушка’.

В классе сонорных согласных (сонантов) отмечается преобладание носовых сонантов над плавными как на системном (в 1,3 раза), так и на синтагматическом уровне (в 1,6 раза). Дрожащий сонорный /r/ обладает наименьшей частотностью в своей группе. По активному артикулирующему органу наблюдается иерархия: переднеязычные > губные > заднеязычные ≈ среднеязычные. Данное системное соотношение полностью коррелирует с синтагматической частотностью несмотря на то, что в данном говоре существует расширенная дистрибуция переднеязычного /n/ над губно-губным /m/, например: не́ван ~ ме́ван ‘сердце’, не́ванкира ~ ме́ванкира ‘трудолюбивый’, нё́рбэ́кэ̄ ~ мэ́рбэ́кэ̄ ‘холм’.

Таким образом, организацию консонантизма усть-нюкжинского говора определяет бинарная оппозиция двух фундаментальных классов – шумных и сонорных фонем. Внутри каждого класса наблюдается дальнейшая стратификация по артикуляционно-акустическим признакам, при этом система демонстрирует выраженную асимметрию в распределении фонем по различным корреляционным рядам.

Интонационная система усть-нюкжинского говора

В усть-нюкжинском говоре эвенкийского языка нами выявлено, по меньшей мере, четыре типа интонационных конструкций В потоке речи каждый тип представлен рядом реализаций: во-первых, нейтральных высказываний, характеризующих тот или иной тип интонационной конструкции при выражении смысловых отношений, и, во-вторых, модальных вариантов, имеющих особую характеристику, предназначенную для выражения субъективного, эмоционального отношения говорящего к высказываемому.

Типичной чертой эвенкийской речи является узкий мелодический диапазон, обусловленный особенностями реализации изменений частоты основного тона, представленных контрастной последовательностью слабого повышения и понижения тона и изменений высоты тона без резких взлетов и падений. Внутридикторская вариативность интонации усть-нюкжинцев проявляется прежде всего в характере контура (нисходящий, восходяще-нисходящий, нисходяще-восходящий или ровный тон) и особенно в реализации тона ступенями или в мелодическом движении вниз или вверх на каждом слоге, но не в крутизне деклинации или инклинации и не в диапазоне.

Характеристика интонационной конструкции № 1 в языке жителей с. Усть-Нюкжа сводится к деклинации (понижающейся интонационной кривой). Ей свойственна предцентровая часть (ровный средний тон), центр (постепенное понижение тона) и постцентровая часть (ровный низкий тон). Усть-нюкжинская интонационная конструкция № 1 реализуется в речи в эмоционально нейтральном повествовательном, утвердительном высказывании для выражения значения завершенности в конечных синтагмах, например: Эр дю̄ ‘Это дом’; Эр сэ́ксэ̄ ‘Это кровь’; Эр неро́йкан ‘Это ребенок’. Данная интонационная конструкция может употребляться как в односинтагменных, так и в многосинтагменных высказываниях, где последующие синтагмы раскрывают смысл предыдущих, например: Бй̄ бихим До́ңой. Балды́чэм э́дү̄, татч́эм э́дү̄. Э́вэды̄ тў́рэнмэ̄ балды́наду́кви с́ам ‘Я из рода Донгой. Родилась здесь, выучилась здесь. Эвенкийский язык знаю с рождения’.

Характеристика интонационной конструкции № 2 сводится к инклинации (повышающейся интонационной кривой). Для нее типична предцентровая часть (ровный средний тон), центр (повышение тона), постцентровая часть (ровный высокий тон). Усть-нюкжинская интонационная конструкция № 2 реализуется в речи в общих вопросах, например: Эр дю̄? ‘Это дом?’; Эр сэ́ксэ̄? ‘Это кровь?’; Эр неро́йкан? ‘Это ребенок?’; Кэ́ргэчӣ бй̄хинны̄? ‘Семья есть?’; У́лливэ́нны̄?

‘Шьешь?’. В речи эвенков встретились также общие вопросы с русской частицей *a*, например: *А сундү?* ‘А у вас?’. Подобные вопросы реализовались в ситуациях, когда неизвестная информация сопоставлялась с тем, что было выражено в предыдущем разговоре или ясно из ситуации. Ответы на такие вопросы могли быть как полными, так и краткими. Также данная интонационная конструкция встретилась при реализации общего вопроса с уточняющей частицей *эчэ*, например: *Эвэдывэ сэдянны аят эчэ?* ‘На эвенкийском говоришь хорошо, да?’.

Интонационная конструкции № 3 характеризуется деklinацией (понижающейся интонационной кривой). Ей свойственны две части: предцентровая часть (ровный средний тон) и центр (понижение с уровня среднего тона в нижний регистр, главным образом, на последнем слоге последнего слова специального вопроса перед паузой). Постцентровая часть (ровный низкий тон) регистрируется в общих вопросах нечасто и реализуется в специальных вопросах, например: *Он гундэрэс дү?* ‘Как Вы произносите «дом»?’, *Он гундэрэс сэксэ?* ‘Как Вы произносите «кровь»?’, *Он гундэрэс неройкан?* ‘Как Вы произносите «ребенок»?’, *Тадук эма?* *Экурви-кэнэн, бихин?* ‘Потом еще что? Что же есть?’, *Он гунывкыл?* ‘Как говорят?’, *Адычи бйхинны?* ‘Сколько вам лет?’, *Йдук эмэнны?* ‘Откуда вы приехали?’, *Нй гэрбис?* ‘Как тебя зовут?’.

Характеристика интонационной конструкции № 4 сводится к типу «инклинация + деklinация» (повышающе-понижающаяся интонационная кривая). Ей свойственны две части: предцентровая часть (повышение тона в среднем регистре) и центр (понижение с уровня среднего тона в нижний регистр, главным образом, на последнем слоге последнего слова повелительного (побудительного) высказывания перед паузой). Постцентровая часть (ровный низкий тон) в повелительных фразах не зарегистрирована. Конструкция № 4 реализуется в повелительных (императивных) высказываниях и в приказах, например: *Юкэл!* ‘Выйди!’, *Авкэл!* ‘Умойся!’, *Девкэл!* ‘Кушай!’, *Йкэл!* ‘Заходи! Иди сюда!’, *Сурукэл!* ‘Уходи!’, *Эмэкэл!* ‘Иди сюда!’, *Тантахикал!* ‘Хлопни в ладоши!’, *Дюрй бйнегат!* ‘Вдвоем будем жить!’, *Нэнэксй дявагйт гидалав!* ‘Пойдем, поймем стрекоту!’.

Интонационный анализ показал следующее функциональное распределение интонационных конструкций усть-нюкжинского говора:

- 1) ИК-1 (деklinация, нисходящая кривая) используется в эмфатически нейтральных повествовательных высказываниях для выражения завершенности;
- 2) ИК-2 (инклинация, восходящая кривая) выполняет функцию маркера общих вопросов, включая вопросы с контрастивной семантикой (с частицей *a*) и вопросы с модальными частями (например, *эчэ*);
- 3) ИК-3 (деklinация с резким падением тона в финальной позиции) используется для оформления специальных (вопросительных) высказываний, где ядерное падение приходится на последний слог ударного слова;
- 4) ИК-4 (комплексная контурная модель «инклинация + деklinация») типична для выражения императивности и побуждения, характеризуется восходяще-нисходящим движением тона с финальным спадом.

Заключение

Современный говор эвенков с. Усть-Нюкжа Амурской области является историческим скрещением собственно верхне-, средне-, ниже-олёкминских говоров с говорами иенгринских, нюкжинских, тунгирских, нерчинских, верхне-амурских, каларских эвенков. Всего в формировании современного усть-нюкжинского эвенкийского населения, проживающего в месте слияния рр. Нюкжи и Олёкмы, задействованы 18 разных эвенкийских родовых кланов, причем большинство эвенкийских семей (не менее 14) не были зарегистрированы в литературных источниках ранее середины XX в. Следовательно, за последние 75 лет произошло существенное обогащение усть-нюкжинского говора за счет языкового влияния соседствующих эвенкийских говоров южного и восточного Забайкалья, южной Якутии и северо-востока Приамурья.

Проведенный компаративный анализ вокалических систем тунгусских языков Ленского бассейна Восточной Сибири демонстрирует идентичность их фонемного состава. Усть-нюкжинский вокализм обнаруживает тенденцию к соответствию асимметричной тунгусской модели, насчитывающей 5 кратких и 6 долгих фонем. При этом подсистема долгих узких неогубленных гласных идентифицируется как зона нестабильности, способная спровоцировать трансформационные процессы в фонологии исследуемого языка. Исследование фонотактики гласных в корневых

морфемах дает основания для выделения усть-нюкжинского типа северо-тунгусского вокализма, для которого не свойственна дифтонгизация, что указывает на его устойчивость к формированию сложных вокалических комплексов.

Консонантная система усть-нюкжинского говора характеризуется также структурной асимметрией с выраженным доминированием переднеязычных смычных глухих согласных, что отражает ее специфический типологический профиль. Инвентарь усть-нюкжинских согласных насчитывает 10 смычных, 5 щелевых и один вибрانت. Установленное категориальное преобладание смычного способа образования над щелевым является общим маркером консервативности консонантной системы всех говоров эвенкийского языка. Переднеязычная артикуляция у эвенков с. Усть-Нюкжа является наиболее продуктивной и демонстрирует наивысшие показатели как системной, так и синтагматической частотности, что указывает на ее центральную роль в фонетическом оформлении эвенкийской речи.

Интонационная система усть-нюкжинского говора представляет собой структурно организованное поле, где тип мелодического контура является супraseгментным коррелятом коммуникативного типа высказывания и его модальной характеристики. В говоре выявлена система из четырех базовых интонационных конструкций (ИК), находящихся в отношениях функциональной оппозиции. Каждая ИК представлена в речевом потоке парадигмой реализаций, включающей нейтральные варианты для выражения семантико-синтаксических отношений и модальные варианты, маркирующие субъективно-оценочное отношение говорящего.

Доминирующей просодемой эвенкийской речи является узкий мелодический диапазон, обусловленный реализацией изменений частоты основного тона в виде контрастной последовательности слабых повышений и понижений. Внутридикторская вариативность проявляется главным образом в характере тонального контура (нисходящий, восходяще-нисходящий, ровный) и в способе реализации тона (ступенчатая / скользящая), но не в параметрах крутизны деклинации / инклинации или ширине диапазона.

Список литературы

- Андреева Т. Е. Звуковой строй томмотского говора эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 1988. 142 с.
- Булатова Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Материалы исследования. Л.: Наука, 1987. 168 с.
- Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского языка. Л.: Учпедгиз, 1948. 353 с.
- Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 802 с.
- Василевич Г. М. Эвенки в советский период (из неопубликованных работ). СПб.: МАЭ РАН, 2022. 232 с.
- Иванашко Ю. П., Морозова О. Н., Булатова Н. Я., Максимова Л. Н. Социолингвистическая ситуация в с. Усть-Нюкжа Тындинского района Амурской области // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 4. С. 13–33.
- Морозова О. Н. Парадигматика и синтагматика звуковых систем тунгусских языков Верхнего Приамурья (на материале эвенкийского и ороchonского языков): Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2021а. 481 с.
- Морозова О. Н. Вероятностно-дистрибуционные характеристики гласных фонем в языке ороchонов КНР: сопоставительный аспект // Сибирский филологический журнал. 2021б. № 2. С. 161–176.
- Наделяев В. М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 3–15.
- Романова А. В., Мыреева А. Н. Очерки токкинского и томмотского говоров. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 108 с.
- Селютина И. Я. Введение в общую фонетику. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2008а. 66 с.
- Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Добринина А. А. Типологическая специфика эвенкийского консонантизма (по данным рентгенографирования и МР-томографирования) // Сибирский филологический журнал. 2014б. № 1. С. 186–191.

- Скрелин П. А. Сегментация и транскрипция. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 106 с.
- Токарев А. С. Очерк истории якутского народа. М.: ОГИЗ; Соцэкгиз., 1940. 248 с.
- Уртегешев Н. С. Гласные: соответствие формант артикуляции // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (Вып. 40). С. 63–77.
- Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. 182 с.

References

- Andreeva T. E. *Zvukovoy stroy tommotskogo govora evenkiyskogo yazyka* [The sound structure of the Tommot dialect of the Evenki language]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 142 p. (In Russian)
- Bulatova N. Ya. *Govory evenkov Amurskoy oblasti. Materialy issledovaniya* [Subdialects of the Evenks of the Amur Region. Research materials]. Leningrad, Nauka, 1987, 168 p. (In Russian)
- Ivanashko Yu. P., Morozova O. N., Bulatova N. Ya., Maksimova L. N. Sotsiolingvisticheskaya situatsiya v s. Ust'-Nyukzha Tyndinskogo rayona Amurskoy oblasti [The sociolinguistic situation in the village of Ust'-Nyukzha, Tynda district, Amur region]. *Theoretical and applied linguistics*. 2017, vol. 3, no. 4, pp. 13–33. (In Russian)
- Morozova O. N. *Paradigmatika i sintagmatika zvukovykh sistem tungusskikh yazykov Verkhnego Priamurya (na materiale evenkiyskogo i orochonskogo yazykov)* [Paradigmatics and syntagmatics of the sound systems of the Tungusic languages of the Upper Amur Region (based on Evenki and Oroqen)]. Doctor of philol. sci. diss. Novosibirsk, 2021a, 481 p. (In Russian)
- Morozova O. N. Veroyatnostno-distributionsionnye kharakteristiki glasnykh fonem v yazyke orochonov KNR: sopostavitel'nyi aspekt [Probabilistic and distributional characteristics of vowel phonemes in the language of the Oroqen of the PRC: a comparative aspect]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2021b, no. 2, pp. 161–176. (In Russian)
- Nadelyayev V. M. K tipologii artikulyatsionno-akusticheskikh baz (AAB) [On the typology of articulatory and acoustic bases (AAB)]. In *Fonicheskie struktury v sibirskikh yazykakh* [Phonetic structures in Siberian languages]. Novosibirsk, 1986, pp. 3–15. (In Russian)
- Romanova A. V., Myreyeva A. N. *Ocherki tokkinskogo i tommotskogo govorov* [Essays on the Tokko and Tommot dialects]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1962, 108 p. (In Russian)
- Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2002, vol. 1, 182 p. (In Russian)
- Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Dobrinina A. A. Tipologicheskaya spetsifika evenkiyskogo konsonantizma (po dannym rentgenografirovaniya i MR-tomografirovaniya) [Typological specificity of Evenki consonantism (based on X-ray and MRI data)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2014b, no. 1, pp. 186–191. (In Russian)
- Selyutina I. Ya. *Vvedenie v obshchuyu fonetiku* [Introduction to general phonetics]. Novosibirsk, NSU, 2008, 66 p. (In Russian)
- Skrelin P. A. *Segmentatsiya i transkriptsiya* [Segmentation and transcription]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999, 106 p. (In Russian)
- Tokarev A. S. *Ocherk istorii yakutskogo naroda* [An essay on the history of the Yakut people]. Moscow, OGIz, Sotsekgiz, 1940, 248 p. (In Russian)
- Urtegeshev N. S. Glasnye: sootvetstvie formant artikulyatsii [Vowels: the correspondence of formants to articulation]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia]. 2020, no. 2 (iss. 43), pp. 63–77. (In Russian)
- Vasilevich G. M. *Ocherki dialektov evenkiyskogo yazyka* [Essays on the dialects of the Evenki language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1948, 353 p. (In Russian)
- Vasilevich G. M. *Evenkiysko-russkiy slovar* [Evenki-Russian dictionary]. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovary, 1958, 802 p. (In Russian)
- Vasilevich G. M. *Evenki v sovetskiy period (iz neopublikovannykh rabot)* [The Evenki in the Soviet period (from unpublished works)]. St. Petersburg, MAE RAS, 2022, 232 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
28.06.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Ольга Николаевна Морозова – доктор филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков, Амурский государственный университет (Благовещенск, Россия)

Olga N. Morozova – Doctor of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Amur State University (Blagoveshchensk, Russia)

morozova_olga06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0950-1886>

К вопросу о языковых идеологиях науканского сообщества

О. М. Павлова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрены языковые идеологии науканского, чукотского и чаплинского сообществ, выявленные в ходе полевых исследований в Чукотском автономном округе в период с 2022 по 2024 гг. Представлены данные о численности науканского языкового и этнического сообщества, описана языковая инфраструктура науканского языка. В науканском сообществе отмечаются языковые идеологии сложности языка, фольклоризации, негативной предопределенности, принадлежности. Превалирует отношение к науканскому языку как к более уязвимому, нежели чукотский. Респонденты полагают, что эскимосские языки стран Северной Америки и Гренландии находятся в более благополучном состоянии и имеют больше шансов на сохранение и развитие.

Ключевые слова

социолингвистическое интервью, языковые сообщества, языковые идеологии, языковые установки, науканский язык, чаплинский язык, эскимосские языки, чукотский язык

Благодарности

Автор благодарит респондентов, которые уделили свое время интервью и поделились своими историями, мыслями и чувствами, без их отзывчивости и щедрости данное исследование было бы невозможно. Также автор выражает огромную признательность лингвистам Марии Юрьевне Пупыниной и особенно Елене Михайловне Будянской за помощь в сборе исследовательского материала, совместное обсуждение, ценные комментарии и уточнения к тексту данной статьи и моральную поддержку. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-18-00204 «Динамика языковой ситуации в сообществах Крайнего Севера: диахроническая документация науканского языка» (2023–2025 гг., руководитель – В. А. Плунгян).

Для цитирования

Павлова О. М. К вопросу о языковых идеологиях науканского сообщества // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 163–183. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-163-183

On the linguistic ideologies of the Naukan Yupik community

O. M. Pavlova

Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

Abstract

This article examines the Naukan Yupik linguistic and ethnic community, most members of which currently reside in the Chukotka Autonomous Okrug in close interaction with Chukchi and other neighboring communities. A series of field studies conducted between 2022 and 2024 employed participant observation and sociolinguistic retrospective interviews to assess the language community as a whole. The closure of the Yupik village of Naukan in 1958 and the subsequent forced relocation of its inhabitants constituted a major trauma for the Naukan Yupik community and largely predetermined the course of language shift. At present, thirty-eight speakers of the Naukan language live in Russia, most of them of advanced age; only nine are fluent speakers. Fieldwork data made it possible to identify and describe linguistic ideologies held both by members of the Naukan Yupik community and, to a lesser extent, by members of the Chukchi and Chaplino Yupik

© О. М. Павлова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

communities. The study shows that ideologies of linguistic complexity, folklorization, negative predestination, and belonging are salient within the Naukan community. The prevailing attitude frames the Naukan language as more vulnerable than Chukchi. Respondents further express the view that Eskimo languages of North America and Greenland are in a more favorable sociolinguistic situation and possess greater prospects for preservation and development.

Keywords

sociolinguistic interview, language communities, language ideologies, language attitudes, Naukan Yupik, Chaplino Yupik (Central Siberian Yupik), Chukchi language

Acknowledgements

The author expresses sincere gratitude to the respondents who generously shared their time, experiences, and reflections. Without their openness and trust, this study would not have been possible. The author also warmly thanks linguists Maria Pupynina and, in particular, Elena Budyanskaya for their assistance in data collection, joint discussion of the material, valuable comments, and clarifications on the manuscript, and sustained moral support. This research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00204, “Dynamics of the linguistic situation in the Far North: diachronic documentation of Naukan Yupik” (2023–2025, under the direction of V. A. Plungian).

For citation

Pavlova O. M. K voprosu o yazykovykh ideologiyakh naukansogo soobshchestva [On the linguistic ideologies of the Naukan Yupik community]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 163–183. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-163-183

Введение

Языковые сообщества Чукотки и динамика их языковых ситуаций представляют несомненный интерес для исследователей, в том числе для социолингвистов. Помимо русского языка, на Чукотке функционируют чукотский, эскимосский, эвенский, чуванский, корякский, юкагирский языки, ранее бытовал и керекский [Коломиец 2021]. Живых эскимосских языков два: чаплинский и науканский. Ранее на Чукотке бытовал еще один эскимосский язык – сиреникский, последняя носительница которого умерла в 1997 г. [Вахтин 2000]. Наиболее благополучным в этом регионе (помимо русского) является язык чукчей, однако и он относится к языкам с территориально резко ограниченной межпоколенческой передачей, но с сохранившейся регулярной коммуникацией (подробнее языковая ситуация с чукотским языком описана в [Пупынина 2016]). Эскимосские языки – науканский и чаплинский – относятся к категории языков с прерванной межпоколенческой передачей и ограниченной регулярной коммуникацией [полевые данные; Моргунова-Швальбе 2020]. Учитывая небольшую численность носителей науканского языка (по нашим данным, свободно владеют науканским девять человек пожилого и преклонного возраста), науканский язык вызывает наибольшие опасения с точки зрения перспектив его сохранности.

Нельзя сказать, что языковая ситуация на Чукотке остается без внимания исследователей (см., например, работы Н. Б. Вахтина, Е. В. Головки, И. И. Крупника, Д. Н. Моргуновой-Швальбе, Д. А. Опарина и др.), однако исследование языковых идеологий языковых и этнических сообществ этого региона пока имеет некоторые лакуны. Языковые идеологии чаплинского и некоторых эскимосских языков зарубежья описаны в [Morgounova Schwalbe 2015], однако языковые идеологии науканского сообщества, по нашим данным, не описывались в научной литературе ранее.

Объектом исследования, описанного в настоящей статье, стала языковая ситуация, в первую очередь, науканского языка, однако с привлечением материалов чаплинского и чукотского языков. Предметом – языковые идеологии членов науканского сообщества (наряду с языковыми идеологиями членов чукотского и чаплинского сообществ).

Целью настоящей статьи является описание выявленных в результате социолингвистического исследования языковых идеологий науканского сообщества.

Прежде чем перейти непосредственно к теме статьи, необходимо сказать несколько вводных слов о терминологии, поскольку в данной области существуют различные подходы. Языковые идеологии (или лингвистические идеологии; англ. *language ideologies*) как научное понятие в настоящее время не имеют единой общепринятой дефиниции. Помимо этого, термин *языковые идеологии* иногда выступает как синоним *языковым установкам* (англ. *language attitudes*).

Понятие языковых идеологий часто связывается с именами таких исследователей, как Дж. Бломмарт (J. Blommaert), М. Сильверстайн (M. Silverstein), Дж. Ирвин (J. Irvine), С. Гал (S. Gal), П. Кроскриты (P. Kroskrity), К. Вулард (K. Woolard), при этом основоположником изучения языковых идеологий часто называют М. Сильверстайна. Среди отечественных исследователей тему языковых идеологий разрабатывают Э. В. Хилханова [Хилханова 2020, 2022], О. С. Гришечко [Гришечко 2017], О. Е. Опарина [Опарина 2017], Е. М. Тюленёва [Тюленёва 2023] и др.

Э. В. Хилханова, апеллируя к [Woolard 2003; Kroskrity 2000: 5; Blommaert 2006: 244], определяет лингвистические идеологии как «системы убеждений, установок и идей, которые носители имеют о языке / языках и их связи с социальными ценностями. Лингвистические идеологии также определяются как образы социально желательных форм использования языка и идеального социального языкового ландшафта, которые сами являются частью и / или производными от более крупных, часто исторически укоренившихся социально-политических идеологий» [Хилханова 2020: 786].

Языковые идеологии могут быть эксплицитными (явными) и имплицитными (скрытыми): эксплицитные излагаются в металингвистических и метапрагматических высказываниях говорящих, а имплицитные – в языковых практиках говорящих. По словам К. Вулард, «языковые идеологии проявляются не только как ментальные конструкции и вербализация, но также в практиках и диспозициях, а также в материальных явлениях, например в визуальной представленности» [Woolard 2021: 2; цит. по: Fazakas 2022: 35].

Несмотря на то, что некоторые исследователи считают синонимичными понятия *языковые идеологии* и *языковые установки*, мы вслед за Э. В. Хилхановой разграничим их: «(вос)производство ценностных и поведенческих ориентиров свойственно и идеологии, и установке, но идеологии рационализируются в большей степени, чем установки. И (языковые) установки, и (языковые) идеологии могут быть и индивидуальными, и коллективными, но установки в первую очередь индивидуальны, а идеологии больше коллективны. Идеологии усваиваются, формируются и применяются в социальных ситуациях при определенных социальных же обстоятельствах и имеют социальные последствия. (Языковые) идеологии представляют собой более широкое и абстрактное понятие, чем языковые установки» [Хилханова 2022: 157]. Языковые установки не обязательно выливаются в речевое поведение, они могут продолжать оставаться на уровне отношения к языку без каких-либо действий. В отличие от языковых установок, языковые идеологии «становятся видимыми благодаря реальной языковой практике» [Dyers, Abongdia 2014: 16; цит. по: Хилханова 2022: 156].

Под языковым сообществом мы понимаем «совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с разного рода социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности» [Словарь социолингвистических терминов 2006: 271]. Таким образом, под науканским, чаплинским, чукотским языковыми сообществами мы понимаем группы людей, в разной степени владеющих соответствующими языками.

Этническим сообществом мы называем более крупную совокупность (общность) людей, относящихся к указанным этническим группам, вне зависимости от того, владеют ли они этническим языком, то есть, например, к науканскому этническому сообществу мы относим и тех людей, кто считает себя науканским эскимосом или является потомком науканских эскимосов, но при этом не владеет науканским языком.

Статья базируется, в первую очередь, на данных, полученных в ходе интервью, проведенных по специально разработанному опроснику о языковых идеологиях в 2024 г., а также на социолингвистических интервью более широкой тематики, проведенных на Чукотке в 2022–2023 гг.

1. Языковая ситуация науканского языка

1.1. История Наукана

Включение исторического комментария обусловлено тесной связью судьбы науканского языка с «биографией» поселка Наукан, так как он был местом компактного проживания науканских эскимосов, местом, где бытовал науканский язык (подробнее об этом см. в [Пупынина и др. 2025]).

Группа науканских эскимосов и их язык получили свое название по имени села Наукан (эск. *Нувук'ак* 'дернистый'), эскимосского поселения в Чукотском районе Чукотского автономного округа, на мысе Дежнёва, на крутом высоком берегу Берингова пролива на расстоянии около 80–86 км (по воде) от Аляски.

По данным археологии, Наукану, по всей видимости, около 500 лет [Днепровский, Шокарев 2019: 3]. Согласно гипотезе М. Краусса об обратной миграции эскимосских народов с Аляски на Чукотку, этот процесс завершился переселением предков науканцев [Krauss 1980]. Формирование Наукана происходило до начала XX в., после чего науканский язык стал по сути языком одного поселка [Пупынина, Коряков 2024: 48; Krupnik, Chlenov 2013: 34; Крупник, Членов 1979: 21; Членов, Крупник 1983]. По данным Н. Л. Гондатти, в 1895 г. в Наукане проживало 299 чел. [Гондатти 1897: 168]

В дореволюционное время эскимосы с. Наукан жили своим традиционным укладом, добывали кита и морского зверя, выделывали их шкуры, вели торговлю и обмен с оленными чукчами, а также с американскими торговцами. Некоторые охотники занимались в плавания на американских торговых судах. Нередки были частные поездки в гости на о-ва Берингова пролива и на Аляску, так как активно поддерживались родственные связи с эскимосами, живущими «на той стороне».

К 1940-м гг. «Наукан стал обычным национальным колхозом Чукотки с атрибутами советской жизни той эпохи и включенностью его жителей в строительство “нового общества”» [Членов, Крупник 2016: 60].

В 1948 г. в акватории Берингова пролива была закрыта государственная граница между СССР и США; соответственно, свободное общение эскимосов, живущих в двух странах, было прекращено (или сильно затруднено, так как, по некоторым свидетельствам, контакты продолжались, но в меньшем объеме и с большой осторожностью).

В 1950-е гг., в связи с обострением внешнеполитических отношений между СССР и США, а также в связи с трудностями снабжения отдаленных сел начался процесс укрупнения, ряд береговых сел были закрыты. В 1958 г. был закрыт и Наукан. Больше половины его жителей были спешно перевезены в чукотское село Нунямо, которое не успели подготовить к их приезду, остальные науканцы отдельными семьями и небольшими группами переехали в другие села Чукотки. После закрытия Нунямо в 1977 г. науканцы пережили второй массовый переезд и распределились еще более дисперсно, что не могло не сказаться на языковой ситуации науканского языка (см. подробнее об этом [Пупынина и др. 2025]). Закрытие Наукана и то, как оно было осуществлено, до сих пор вызывает сложные чувства как у тех, кто успел там родиться, так и у их потомков, и, по сути, стало трагедией народа.

В настоящее время в Наукане (ныне урочище) можно обнаружить лишь каменные кладки яранг, фундаменты домиков и административных построек, несколько сохранившихся вешал из китовых ребер для байдар. Также здесь располагается работающий пункт уэленской пограничной заставы (рис. 1).

Таким образом, история поселка Наукан оказалась неразрывно связана и с диахронией языковой ситуации науканского языка. Этот взгляд подтверждается нашими полевыми данными. Закрытие поселка предопределило разделение прежде единого языкового сообщества на несколько групп, иногда совсем малочисленных (по несколько человек), претерпевших не только потерю малой родины и возможности там побывать, но и тяготы многократных переездов, слом традиционного образа жизни, оказавшихся в преимущественно иноязычном окружении (чукотского, русского, чаплинского языков). Все это, усиленное тенденциями политики русификации, начавшейся в Советском Союзе в послевоенное время, несомненно отразилось на языковых идеологиях науканского сообщества, что, в свою очередь, внесло вклад в то, что в настоящее время науканский язык находится под угрозой исчезновения.

Рис. 1. Вид на Наукан с воды Берингова пролива, август 2023 г. (фотография О. М. Павловой)

Fig. 1. View of Naukan from the waters of the Bering Strait, August 2023 (photograph by Olga M. Pavlova)

1.2. Науканское сообщество в XXI в.

Науканское сообщество может быть определено и как языковое, и как этническое.

В настоящее время науканское языковое сообщество представляет собой малочисленную дисперсно живущую группу людей по большей части пожилого и преклонного возраста. По нашим данным, владеющие на разном уровне языком (в том числе пассивно) науканцы живут как на территории ЧАО: в Чукотском районе (сс. Лаврентия, Уэлен, Лорино, Инчоун, Нешкан), в Провиденском районе (с. Новое Чаплино), в г. Анадыре, а также в других регионах России: в г. Южно-Сахалинске, с. Константиноградовка Ивановского района Амурской области, в г. Вышнем Волочке Тверской области. По данным наших интервью, можно говорить о 38 активных и пассивных носителях науканского языка. Значительное число потомков науканских эскимосов, образующих этническое сообщество, в настоящее время науканским языком не владеют.

Ниже представлены некоторые данные о местах проживания науканских эскимосов – науканском этническом сообществе – в ЧАО.

В селе Лаврентия, административном центре Чукотского района, по нашим данным, проживает около сорока науканских эскимосов и их потомков (всего эскимосов в с. Лаврентия, по данным Всероссийской переписи населения (далее ВПН) 2021 г., 196 человек). Село было создано в 1927 г. как культбаза, то есть изначально не являлось традиционным местом проживания какого-либо народа: доля приезжих с «материка» здесь по-прежнему существенна. После закрытия Наукана, а впоследствии и с. Нунямо, большая часть науканских эскимосов поселились именно в Лаврентия (рис. 2).

В чукотском селе Уэлен, которое после административной ликвидации Наукана стало самым северо-восточным населенным пунктом Евразии, проживает, по нашим данным, более десяти науканских эскимосов (всего эскимосов в с. Уэлен, по данным ВПН 2021, 58 чел.). Уэлен связывает с районным центром вертолетное и морское сообщение (рис. 3).

В чукотском селе Лорино, связанном с селом Лаврентия единственной в районе муниципальной автомобильной дорогой протяженностью около 40 км, проживают, по нашим данным, до десяти науканских эскимосов и их потомков (всего эскимосов в с. Лорино, по данным ВПН 2021 г., 57 чел.).

В столице округа – городе Анадыре, где большинство населения является приезжими с «материка», по нашим данным, проживает более двадцати науканских эскимосов и их потомков (всего эскимосов в г. Анадыре, по данным ВПН 2021 г., 199 чел.).

Рис. 2. Вид на село Лаврентия, июль 2023 г. (фотография О. М. Павловой)
Fig. 2. View of the village of Lavrentiya, July 2023 (photograph by O. M. Pavlova).

Рис. 3. Вид на село Уэлен, август 2022 г. (фотография О. М. Павловой)
Fig. 3. View of the village of Uelen, August 2022 (photograph by O. M. Pavlova).

Также науканские эскимосы и их потомки проживают на территории Чукотки (в сс. Сиреники, Инчоун, Нешкан, Новое Чаплино) и за ее пределами (в Амурской, Тверской области, г. Москве и т. д.).

С конца 1980-х гг. возобновилось родственное и культурное общение между эскимосами и чукчами обоих берегов Берингова пролива. Кроме того, российские эскимосы неоднократно посещали с визитами не только Аляску, но и Канаду и Гренландию, а также принимали гостей на «этом берегу». Общение с эскимосским миром также находит отражение в языковых идеологиях представителей науканского сообщества. Хотя личные визиты с середины 2010-х гг. снова прекратились, участие в Инуитском приполярном совете продолжает поддерживать ощущение общности с эскимосами мира.

1.3. Языковая инфраструктура

Языковая инфраструктура понимается нами как одна из характеристик языковой ситуации, которая позволяет оценить объем представленности языка в разных сферах жизни сообщества, что несомненно влияет на формируемые в сообществе языковые идеологии.

Языковую инфраструктуру науканского языка, увы, нельзя назвать обширной и общедоступной (что стало одной из причин организации проекта по документации науканского языка, в рамках которого проводилось настоящее исследование), тем не менее некоторые материалы и инициативы разных лет имеются.

В повседневной жизни науканский язык сейчас используется очень ограниченно. В том числе потому, что, как упоминалось выше, науканцы живут достаточно дисперсно. Девять человек, свободно владеющих науканским, кто мог бы поддерживать беседу, живут в четырех разных населенных пунктах: Лаврентия (4 человека), Анадырь (3 человека), Лорино (1 человек) и Уэлен (1 человек). В этом контексте особенно интересно упомянуть, что в мессенджере WhatsApp несколько лет функционирует чат «Юпик», ставший, пожалуй, единственным местом, которое объединяет науканцев в одном пространстве, пусть и виртуальном. В чате состоит 65 участников. Периодически ведется общение на науканском языке с дублированием сообщений на русском. К последнему факту очень трепетно относятся те, кто не владеет науканским языком или владеет им в небольшой степени. Кроме того, к знатокам языка в чате часто обращаются с просьбой подсказать какую-либо форму или исправить ошибку.

В связи с тем, что в советское время, когда происходило активное языковое строительство, науканский, сиренинский и чаплинский считались диалектами единого языка эскимосов, а литературный вариант был создан на основе чаплинского языка, преподавание собственно науканского языка в школах не велось, усугубляя имевшиеся экстралингвистические факторы языкового сдвига. Однако, по данным наших интервью, в начале 1990-х гг. несколько лет велись занятия по науканскому языку с детьми при доме культуры в с. Лаврентия. В последующие годы проводилось еще несколько отдельных курсов науканского языка, которые в силу краткости и эпизодичности не привели к появлению новых владеющих: курсы в Анадыре В. Г. Леоновой 2018 г., занятия Е. А. Добриевой и В. Г. Леоновой в Анадыре в рамках 3-го Окружного фестиваля родных языков Чукотки 2023 г., занятия Е. А. Добриевой в с. Лаврентия и И. В. Суворовой в Анадыре в рамках 4-го Окружного фестиваля родных языков Чукотки 2024 г. Кроме того, И. В. Суворова, будучи руководительницей народного ансамбля «Атасикун», также проводила занятия по науканскому языку в 2024 г. с участниками ансамбля. Эти инициативы безусловно оставляют отпечаток на языковых идеологиях, поскольку повышают видимость и престижность языка, создают языковую среду, удовлетворяют интерес на овладение языком у потомков науканцев, однако не приводят к существенному повышению уровня владения науканским у посещающих. В то же время важно отметить языковые ресурсы, которые могут использоваться при обучении науканскому языку: «Словарь языка науканских эскимосов», содержащий более 5000 статей [Головкин и др. 2004] и «Русско-науканский разговорник», содержащий языковые материалы (отдельные слова и фразы), составленные науканцами И. В. Автоновой, И. Суворовой и Б. Альпыгыргыным в разные годы [Автонова и др. 2025].

Что касается представленности науканского языка в научной сфере, то он является достаточно постоянным объектом интереса исследователей как сам по себе, так и совместно с чаплинским языком. Кроме того, работа науканцев с лингвистами, общение с ними, учеба у них – всё это отражается и на представлениях о языке, и на отношении к нему в сообществе. Так, например, работая с лингвистами над упомянутым выше словарем, Е. А. Добриева сформировала определенное видение места языка и различных языковых явлений, которое она, как старейшина науканцев, транслирует в сообществе.

С точки зрения представленности науканского языка в музыкальной культуре важно отметить работу народных ансамблей «Белый Парус» (с. Лаврентия), «Уэлен» (с. Уэлен), «Атасикун» (г. Анадырь), продолжающих танцевально-песенные традиции эскимосов. В репертуар указанных ансамблей входят танцы, созданные и передаваемые именно представителями науканского сообщества. При этом значительную долю, наряду с песнями на имакликском языке, занимают тексты на науканском.

Науканский язык представлен и в киноискусстве. Кинорежиссер А. Ю. Вахрушев использует науканский язык в своих фильмах, например, фильм «Книга моря» (2021) содержит значительный объем звучащей науканской речи с дублированием русскоязычными субтитрами. В последние годы А. Ю. Вахрушев работает над фильмом «Нуналихтак – Хозяин земли» («Легенда о горностае»), в котором, по замыслу, актеры будут говорить на науканском, чаплинском и чукотском языках. Еще одной важной инициативой можно назвать документальный фильм «Земли моей начало» (2016), выпущенный Виктором Никифоровым (с. Лаврентия) и рассказывающий об истории Наукана и его жителях.

В сфере литературы науканский язык представлен в книге воспоминаний, составленной Валентиной Григорьевной Леоновой по видеointerview 1997 г. «Наукан и науканцы» [Леонова 2014], в сборнике песен «Науканские напевы» [Науканские напевы 2020], в сборниках стихов науканской эскимоски Зои Ненлюмкиной [Ненлюмкина 1979, 1985, 1990], в статье о чукотском поэте Тасяна Сергеевича Теина «Олени ждали его» [Теин 1981], в книге журналистки Нины Сергеевны Энмынкау «Старики всегда учили нас добру» [Энмынкау 2016]. Это очень ценные, но все же единичные случаи работы отдельных энтузиастов.

В сфере СМИ науканский язык представлен сейчас очень эпизодически: в эфире чукотского радио (ГТРК «Чукотка») иногда ставят архивные записи эфиров Н. С. Энмынкау, которые она вела в том числе на науканском. Среди них есть и репортажи, и сообщения с мест, где можно услышать речь науканцев из разных сел. Об историях, рассказанных на радио, о встреченных людях Нина Сергеевна пишет в упомянутой выше двуязычной книге «Старики всегда учили нас добру» [Энмынкау 2016] и, уже только по-русски, в недавно вышедшей «Стойбище моего детства» [Энмынкау 2024]. Сейчас вещание на науканском не осуществляется, хотя продолжают радиопередачи на чаплинском языке.

В языковом ландшафте науканский язык представлен, пожалуй, лишь на памятнике-календаре в с. Лаврентия. Здесь названия месяцев года приведены на русском, чукотском и науканском языках (рис. 4).

Рис. 4. Календарь в с. Лаврентия, июль 2022 г. (фотография О. М. Павловой)
Fig. 4. Calendar in the village of Lavrentiya, July 2022 (photograph by O. M. Pavlova).

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что языковая инфраструктура науканского языка представляет собой комплекс уникальных, очень ценных, но, к сожалению, единичных фактов, событий, мероприятий и продуктов, созданных энтузиастами. Не каждый язык России может похвастать тем, что на нем говорят в полнометражном художественном фильме. Однако вероятность услышать или увидеть применение науканского языка в повседневности в настоящее время стремится к нулю.

2. Языковые идеологии науканского сообщества

Языковые идеологии науканского сообщества исследовались, в основном, по интервью, проведенным в 2024 г. в сс. Лаврентия, Уэлен (М. Ю. Пупыниной и Е. М. Будянской) и в г. Анадыре (О. М. Павловой). Для этого автором статьи был разработан специальный краткий опросник, который либо внедрялся в иные социолингвистические опросники, либо использовался самостоятельно. Также при необходимости привлекались данные, полученные в ходе социолингвистических интервью, проведенных в 2022–2023 гг., а также результаты включенного наблюдения во время экспедиций на Чукотку и невключенного наблюдения за чатом «Юпик» (см. раздел 1.3).

Как правило, в научной литературе упоминаются языковые идеологии, действующие в настоящем и прошлом, но иногда имеющие потенциал влияния (часто негативного) на ревитализацию: фольклоризация, гипертрадиционализация (см., например, [Sallabank, Marquis 2018]), восприятие языка как элемента прошлого и старины (см., например, [Боргоякова, Гусейнова 2017]). Известны идеологии, связанные с пуристическим отношением к языку и критическим восприятием компетенций тех носителей, кто в силу своего более молодого возраста и уязвимого состояния языка владеет им хуже [Pischlöger 2016]. Описаны идеологии стандартного языка, аутентичности и принадлежности [Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021: 115–116]. Актуальность изучения языковых идеологий может быть выражена следующим образом: «Первым шагом при планировании новых стратегий ревитализации должно быть изучение существующих языковых идеологий и языковых установок в данном обществе или общине. Без этих знаний усилия по ревитализации могут потерпеть неудачу» [Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021: 115–116; цит. по: Агранат 2024: 48].

Вопросы, выбранные для оценки языковых идеологий науканского сообщества, касались разных аспектов отношения респондентов к языкам Восточной Чукотки (с акцентом на науканском языке), их носителям, необходимости и перспективам сохранения языков в России и «по ту сторону Берингова пролива», а также того, как воспринимается актуальная языковая ситуация в науканском сообществе, описанная в разделе 1.

Опросный гайд состоит из пяти блоков вопросов. Приведем их полностью. Пояснительные комментарии к вопросам размещены ниже, в разделах, посвященных анализу ответов:

1. *Какой язык проще выучить: чукотский или эскимосский? Почему? С точки зрения произношения / грамматики / слов?*
2. *Какой язык в более благополучном состоянии сейчас: чукотский или эскимосский? Почему?*
3. *Вам нравится, как говорят на эскимосском / чукотском языке те, кто моложе вас? Почему так? Что они могли бы сделать, чтобы улучшить свое знание языка?*
4. *Нужно ли, чтобы эскимосский / чукотский язык жил дальше? Почему? Зачем? Если да, что для этого могут сделать обычные люди, власть?*
5. *Где больше шансов, что языки сохранятся и будут жить дольше, – у нас или по ту сторону Берингова пролива? Почему?*

У нас нет точных сведений о размере этнического сообщества науканских эскимосов, однако можно предположить, что к таковым относится несколько сотен человек. Метод оценки сообщества на основе адаптированного метода экспертной оценки [Вахтин 2001] с тремя экспертами дал список из примерно 100 человек разного возраста (включая детей). Однако по отдельным свидетельствам можно сделать вывод, что это не все представители. Чукотское сообщество как в целом, так и в тех населенных пунктах, где проводилось исследование, количественно превосходит науканцев.

В наших интервью приняли участие как эскимосы (науканцы, в том числе одна науканка, носительница чаплинского языка), так и чукчи. Респондентами стали 12 науканских эскимосов, из них 3 мужчин и 9 женщин в возрасте от 53 до 82 лет; 4 чукчи, все женщины, в возрасте

от 63 до 67 лет. Для соблюдения анонимности в статье приводятся зашифрованные обозначения респондентов по указанной ниже схеме. Например: ЧЖ65Л, ЭМ58У, где:

национальность: Ч или Э (чукча или эскимос);

пол: М или Ж (мужской или женский);

возраст в 2024 г. – двузначное число;

место жительства: Л – с. Лаврентия, У – с. Уэлен, НЧ – с. Новое Чаплино.

Перейдем к результатам исследования и рассмотрим детально полученные по каждому из вопросов данные.

2.1. Какой язык проще выучить: чукотский или эскимосский? Почему? С точки зрения произношения / грамматики / слов?

Данный блок вопросов призван выяснить, как респонденты (эскимосы и чукчи) оценивают свои этнические языки с точки зрения их простоты или сложности в сравнении друг с другом, так как предполагается, что отношение к какому-либо языку как сложному автоматически переносит эту характеристику «сложно» и на гипотетический процесс изучения языка, что может существенно влиять на численность изучающих язык и впоследствии на численность новых носителей языка.

В отношении большей сложности эскимосского, в частности науканского, или чукотского языка большинство респондентов вне зависимости от их этнической и языковой принадлежности и уровня языковой компетенции называли эскимосский язык более сложным в сравнении с чукотским языком как с точки зрения грамматики, так и с точки зрения произношения, в том числе артикуляции специфических звуков. Респонденты высказывались так: *Эскимосский, конечно, сложнее, намного! И в правописании, и так. Когда мы в училище учились, там была Серикова Валентина Александровна, она говорила, что эскимосский по сложности после китайского на втором месте* [ЧЖ65Л]; *Эскимосам проще (выучить) чукотский (эскимосский сложнее и по произношению, и по грамматике)* [ЭЖ82Л]; *Сложнее эскимосский... если бы было легко, мне кажется, «Эргырон» нормально, красиво пропевали бы наши песни* (сложнее по произношению) [ЭЖ65НЧ].

Однако попадались и мнения, высказанные в формате «говорят / считается, что эскимосский сложнее», но сам респондент не был готов согласиться с таким мнением. Как правило, такие ответы могли дать компетентные носители науканского языка:

– *Вроде говорят, что эскимосский [сложнее]...*

– *Но Вы этого не чувствуете?*

– *Нет* [ЭЖ75Л].

В интервью встречались истории о том, что чукчанки, выходя замуж за эскимосов (еще во времена Наукана), выучивали науканский язык, но могли допускать в речи ошибки. Например, респондент ЭЖ75Л рассказала, как невестка-чукчанка знакомых перепутала науканские слова, отличающиеся одним звуком, и сказала вместо «рыболовная снасть» слово «труссы». Маме нашей респондентки было очень смешно, но чтобы не обидеть гостью, она произнесла на науканском языке верное слово в уточняющем вопросе: *Он (свекр) делает рыболовные снасти?*, то есть очень тактично поправила. Респондентка ЧЖ63Л, носительница чукотского языка, отметила, что в эскимосском есть похожие слова с очень разным смыслом, и эскимосы очень смеются, если неправильно сказать, но по-доброму и *«у нас никто не сердится»*.

Только один респондент (ЭМ55У) сказал, что эскимосский выучить легче, чем чукотский.

Таким образом, в сообществе науканцев и чукчей преобладает отношение к эскимосскому языку (а именно науканскому) как к более сложному, особенно с точки зрения произношения, и, соответственно, требующему больше усилий при его изучении. Мы предполагаем, что такое отношение может создавать науканскому имидж «труднодоступного» языка и отрицательно влиять на импульсы некоторых людей к его изучению. В подтверждение приведем цитату Е. О. Опариной: «Понимание сложности языка тесно связано с социальным и культурным контекстом, а не только с объективными лингвистическими параметрами. Эта идеология формирует восприятие языка и влияет на учебные практики и языковую политику» [Опарина 2017].

2.2. Какой язык в более благополучном состоянии сейчас: чукотский или эскимосский? Почему?

В этом блоке респондентам предлагалось оценить актуальное состояние чукотского и эскимосского (эскимосских) языков в сравнении друг с другом и рассмотреть возможные причины, которые привели к этому состоянию. В отношении науканского языка этот блок вопросов может показать, связывают ли респонденты судьбу науканского языка с судьбой Наукана.

подавляющее большинство респондентов ответили, что чукотский язык находится в более благополучном состоянии, чем эскимосский.

Связывается это со следующими факторами:

- численность чукчей на порядок превышает численность эскимосов как на Чукотке в целом, так и в Чукотском районе ЧАО в частности: *Народу больше и больше народу занимается этим (чукотским) языком, учебники создают...* [ЭЖ75Л];

- исконно эскимосских поселков в Чукотском районе больше нет, тогда как чукотские есть, то есть имеются условия для более обширной языковой среды: *Многие говорят (на чукотском), потому что свои есть поселки, а у нас (науканцев) нет своего поселка* [ЭЖ75Л]; *Много поселений чукотских, поэтому чукчи больше общаются друг с другом* [ЧЖ63Л];

- чукотский язык преподается в Чукотском районе в нескольких школах (в сс. Уэлен, Лорино, Лаврентия), науканский эскимосский не преподавался в школах никогда, чаплинский эскимосский преподается и сейчас в трех школах ЧАО, но не в Чукотском районе: *Наверное, чукотский, потому что вот в Лорино преподают* [ЧЖ65Л];

- по мнению респондентки ЭЖ82Л и по нашим полевым данным, *чукотский язык еще передается детям в семье в стойбищах и в отдаленных национальных селах* (Нешкан, Инчоун), тогда как семейная передача науканского языка прервана десятилетия назад;

- чукотский язык в настоящее время представлен в СМИ ЧАО (в сетке национального теле- и радиовещания ГТРК «Чукотка»), чаплинский также можно регулярно слышать по радио, хоть и в меньшем объеме, науканский – нет (только при трансляции архивных радиопередач): *Я думаю, чукотский, потому что, во-первых, больше вещания на чукотском языке...* [ЭЖ75Л];

- видна работа чукотских общественных организаций: *Да и вообще, по-моему, у них там «Чычеткин взгав», как-то они более... да их и больше* [ЭЖ75Л].

Отдельно выделим цитату, которая показывает, что закрытие Наукана стало не только причиной исчезновения (или сильной трансформации) науканской языковой среды в те и последующие времена, но и прямо называется трагедией науканского народа, предопределившей дальнейшее угасание языка:

- *Мое мнение, почему чукотский сохранился как язык, потому что чукотские селения укрупняли, а не закрывали, как эскимосские. Это была трагедия, настолько трагедия всего народа... как их переселили, потом как их воспринимали, и до сих пор. Как они оставили свой быт, шикарнейший быт на тот момент... я не могу без слез... меня там не было, но какая-то генетическая память возвращается, у меня слезы наворачиваются... Наукан для меня – большой красивый организм, а его взяли просто расчленили, разорвали, вырвали.*

- *Обсуждалась ли эта трагедия в семье у вас?*

- *Это было запрещено. Может быть, между собой говорили, плакали* [ЭЖ53Л].

Примечательна и такая цитата, в которой говорится о чукотском языке, но оснований думать, что к эскимосским языкам было иное отношение, скорее, нет: *Конечно, многое сыграло... простите меня за... конечно, когда вот пришли... русские (смущение), пошла эта русификация, даже запрещали говорить на чукотском. Если дети из тундры приезжали, им прямо говорили не говорить, только по-русски: «Чукотский, он тебе нигде пригодится!» Это учителя говорили. «Чтоб я чукотскую речь не слышала!» (в коридорах школы). Завроно говорила! [ЧЖ65Л].* Напомним, что и чукотский язык в настоящее время находится в неблагополучном состоянии.

Таким образом, актуальное состояние эскимосского (науканского) оценивается всеми респондентами, вне зависимости от их этнической принадлежности, как более уязвимое по сравнению с чукотским языком. В отношении судьбы науканского языка и закрытия Наукана, респонденты видят взаимосвязь через тот факт, что у носителей науканского языка, в отличие от носителей чукотского языка, многие десятилетия нет своего места компактного проживания, своего по-

селка, где могла бы быть создана естественная языковая среда, что негативно сказалось на сохранности науканского языка. А также и в том, что закрытие поселка стало для науканцев трагедией. Нельзя скидывать со счетов и влияние политики русификации на миноритарные языки, в том числе науканский. В целом опрошенные респонденты достаточно пессимистично оценивают современное состояние науканского языка, что вполне отражает актуальную языковую ситуацию, описанную в разделе 1. Такой взгляд не способствует сохранности языка и стремлению сообщества к его ревитализации.

Также в интервью с некоторыми респондентами сравнивались ситуации науканского и чаплинского языков.

Были получены следующие ответы: *Если сравнить науканский и чаплинский, то чаплинский в более благополучном состоянии, так как тоже издаются учебники (как и для чукотского)... дети знают отдельные слова, отдельные предложения, так как в школе его там преподают [ЭЖ82Л].*

Этот же респондент предполагает, что на чаплинском говорят около ста человек, а *нас-то (науканцев) совсем мало осталось, нас можно по пальцам пересчитать [ЭЖ82Л].*

В то же время жительница с. Новое Чаплино, науканка по происхождению и компетентная носительница чаплинского языка (ЭЖ65НЧ), едва смогла насчитать десять говорящих носителей чаплинского языка в своем селе, несмотря на то что Новое Чаплино считается эскимосским селом. При этом респондентка уточнила, что носители чаплинского живут также и в сс. Сиреники, Уэлькаль, Эгвекинот, Провидения. По степени благополучия языка она отдала 60 % чукотскому и по 20 % науканскому и чаплинскому, фактически приравняв их по уровню. Несмотря на объективно более слабую языковую ситуацию науканского языка, респондентка или повышает его уровень, или занижает уровень чаплинского. Такие эффекты, когда языковая ситуация у условных «соседей» представляется более благополучной, нередки.

2.3. Вам нравится, как говорят на эскимосском / чукотском языке те, кто моложе вас?

Почему так? Что они могли бы сделать, чтобы улучшить свое знание языка?

Этот блок вопросов призван выявить пуристические языковые идеологии, о которых говорят в тех случаях, когда более компетентные носители языков воспринимают речь менее компетентных говорящих как недостаточно хорошую и нередко сообщают им об этом, не всегда в корректной форме. Такая языковая идеология может привести к самым печальным последствиям для языка, когда менее компетентные носители перестают говорить на языке и развивать свои языковые компетенции из-за критики «нахмуренных старейшин, которым все не нравится» [выражение А. Акулова; цит. по: Харитонов 2019].

У респондентов, представляющих науканский язык в исследовании, идеи услышать науканскую речь от молодых вызывают большое удивление:

– *Вам будет приятно услышать науканскую речь?*

– *Конечно, сам-то я не говорю, так хоть других послушаю. А, кстати, молодые... я не знаю... молодые, по-моему, вообще ничем не интересуются.*

– *А если бы Вы услышали, что кто-то из молодых говорит?*

– *Я бы поразился! Я бы поразился! (Смеется) [ЭМ64У].*

Да, нормально, конечно, (об отношении к речи молодых с ошибками), но я ни разу не слышала (чтобы молодые говорили по-эскимосски) [ЭЖ73Л].

Также респонденты рассказывали о ситуациях, когда поправляли их самих, как более молодых и менее компетентных носителей: *Меня вон тетя Катя постоянно исправляла, говорила: «Русская, дай конфету!» [ЭЖ73Л].*

Нам рассказывали о ситуации, когда одна пожилая носительница науканского делала замечания об использовании языка другой пожилой (но моложе на 10 лет) носительнице в присутствии ее внучки. Мы были свидетелями ситуации, когда другая пожилая науканка обратилась к молодой учительнице чаплинского языка по-эскимосски, та ответила, что не говорит на эскимосском, знает его очень мало (увы, это не редкость среди молодых учителей родных языков в России), чем вызвала искреннее удивление и расстройство у вопрошавшей: *как же Вы преподаете...*

Интересно и то, как молодые члены этнического сообщества воспринимают науканскую речь своих пожилых родственников. Здесь нам встретилось несколько позитивных фактов, например:

Мне нравится, когда мы говорим, когда встречаемся, потом внуки говорят: «Наконец-то ты, бабушка, наговорила по-своему!» [ЭЖ75Л].

О реальном опыте общения с молодыми владеющими рассказала носительница чаплинского языка: *Ой, бальзам на душу!; Поправляем, просто без негатива, хвалим наоборот [ЭЖ65НЧ].*

По словам респондентки, самой молодой владеющей чаплинским языком в с. Новое Чаплино 32 года, она усвоила чаплинский язык от бабушки, так как жила с ней. Также есть двое молодых людей 18 лет. Один из них (внук респондентки) понимает обращенную к нему речь и может вести обиходные диалоги. Второй использует охотничью лексику на чаплинском языке. Из десяти компетентных говорящих в Новом Чаплине, указанных нашей респонденткой, восемь человек относятся к возрастной категории старше 55 лет. В возрастной категории старше 40 лет есть носители, способные поддерживать обиходный разговор.

Носительница чукотского языка из с. Лаврентия высказалась гипотетически: *Я бы поправила, но мне было бы очень приятно, что молодые здесь разговаривают, но надо, чтобы без ошибок, без акцентов было; Все-таки, несмотря на то, что говорят вот языки забываются, они (молодые) все равно слушают и понимают, о чем мы говорим, а если совсем говорят: «Мы не понимаем», то мы им говорим: «Вот русский народ стал чукча!» [ЧЖ63Л].*

Также респондентка рассказала, что в детстве, когда они с другими детьми приезжали домой из интерната на летние каникулы, то автоматически начинали говорить на русском языке. Тогда они слышали от взрослых фразу, которая в переводе с чукотского означает «пришли чужими». Это очень обижало детей, и они тут же переходили на чукотский язык.

Таким образом, в отношении языковых идеологий пуризма можно отметить, что некоторые компетентные носители языков, в том числе науканского, допускают (идейно или на практике) замечания в общении с носителями более молодого возраста. Другие же, наоборот, проявляют лояльность.

2.4. Нужно ли, чтобы эскимосский / чукотский язык жил дальше? Почему? Зачем?

Если да, что для этого могут сделать обычные люди, власть?

Этот блок вопросов призван раскрыть отношение респондента к будущему языка, необходимости его сохранения и развития, а также к функциональной оправданности такого процесса. Уточнение о том, что могут сделать обычные люди и власть для дальнейшей жизни языка призвано оценить, как респонденты распределяют ответственность за жизнь языка, осознают свою и чужую роль в этом.

В ответах на эти вопросы, абсолютное большинство респондентов выразило желание, чтобы языки (науканский, чукотский, чаплинский) жили и дальше.

Респонденты осознают ключевую роль повседневной коммуникации на языке внутри семьи. Например, сын респондентки ЭЖ75Л (сейчас ему 53 года) владеет науканским, так как воспитывался у ее родителей: *Вот они на своем языке говорили, вот он до сих пор разговаривает.* При этом ее внуки сейчас живут в других регионах России, соответственно, повседневного доступа к науканской речи у них нет: *Господи, какой там эскимосский, они откуда будут знать...* Респондентка старается разговаривать по телефону с младшим братом, чтобы он не забывал родной язык, живя в другом регионе.

При том, что «межпоколенческая передача языка выступает не просто как процесс обучения, но как социальное обязательство и выражение идентичности, связывающее членов сообщества с их культурными корнями и предками» [Куцаева 2023], нынешнее поколение бабушек и дедушек, владеющих языками, как правило, уже не передает их своим внукам, даже если они живут в одном населенном пункте и на одной территории: *Я вот думаю, нужно, но только я никак не могу понять как... Материалов нужно больше. Могла бы с внучкой заниматься, но нету же ничего [ЭЖ75Л].*

Тем не менее эта же респондентка отвезла внуку, живущему в Москве, диски с материалами на науканском языке, чтобы его заинтересовать, другая бабушка-чукчанка (ЧЖ63Л) говорит, что обращается к двухмесячной внучке по-чукотски, третья (ЭЖ65НЧ) передала обиходный чаплинский внуку и после интервью имела намерение увеличить объем чаплинского в общении с ним.

Заметим, что роль предыдущих поколений бабушек и дедушек в передаче языков младшим часто оценивается респондентами как ключевая. В условиях, когда современные родители науканского этнического сообщества, в абсолютном большинстве, не владеют разговорными

компетенциями (чукотского и чаплинского – в подавляющем), когда в системе образования науканский язык не представлен (чукотский и чаплинский представлены слабо), детям просто неоткуда его узнать. Единственный доступный вариант – принимать участие в чукотско-эскимосских ансамблях и знакомиться с их репертуаром на наукаанском языке, что, по всей видимости, указывает на наличие в сообществе языковой идеологии фольклоризации. Члены языкового и этнического сообщества сожалеют о прерванной передаче языка, но не предпринимают значительных усилий вне семьи, не инициируют передачу языка в своих семьях, несмотря на то что внутрисемейной передаче языка отводится главенствующее место в большинстве рассматриваемых интервью. По всей видимости, так проявляется действие пессимистичной языковой идеологии, назовем ее идеологией негативной предопределенности, связанной с отношением к языку как к чему-то, что пока еще существует само по себе, но в обозримом будущем исчезнет, и как-то изменить это скорее невозможно, да и бессмысленно: *Да сейчас и эскимосов-то стало очень мало, почти и никого... тем более смешались все* [ЭЖ75Л].

Конечно, ожидать активных действий по ревитализации языков от носителей пожилого и преклонного возраста неправомерно, однако и более молодые члены этнического сообщества массово не предпринимают мер по созданию условий для изучения языка для себя и других. Вероятно, это может быть связано и с ожидаемым отношением к подобным инициативам как к чему-то, что может иметь нежелательные последствия со стороны власти: *Как установилась советская власть, очень много ошибок было сделано. Сейчас, конечно, пытаются изменить что-то, вникают...* (респондентка имеет в виду работу АКМНЧ, ИСС Чукотка). *Но на местах люди под местной властью, и на свои инициативы могут услышать, что они национализмом занимаются* [ЭЖ82Л].

Встречаются ответы, в которых можно предположить действие одной из «стратегий избегания», выделенных Н. М. Дауэнхауэр и Р. Дауэнхауэр [Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. 1998], когда носители языков не связывают свои языковые практики с процессом передачи языка детям и внукам [Агранат 2024: 52]. И даже переносят свою ответственность взрослых за формирование у детей интересов и компетенций, в том числе языковых, на самих детей:

– *А Вам жаль, что сейчас здесь уже не говорят на наукаанском?*

– *А кому это надо, если честно сказать? ... Конечно, жалко. И вот, необучаемые дети. Сейчас вот ребенка спроси по-чукотски, никто вам не ответит, даже в садике, это мизер, кто понимает. У кого бабушки были с дедушками, те понимали, потому что они только с ними по-чукотски говорили, они по-русски со своими внуками, правнуками они не разговаривали.*

– *То есть дети не хотят?*

– *Наверное, не хотят изучать.*

– *А как Вы считаете, нужно что-то делать?*

– *Конечно, надо! Надо, чтобы знали свой язык! Это очень тяжело, когда не знаешь свой язык.*

– *А что можно было бы сделать сейчас?*

– *Так и так делается, их же обучают (в школе, о чукотском). Все зависит, наверное, от ребенка, как он будет это все. А дома все равно он с родителями разговаривать не будет* [ЭЖ72У].

Даже компетентные носительницы наукаанского языка, языковые эксперты, признают, что чаще или всегда думают на русском языке, так как русскоязычная языковая среда в повседневности несравнимо превалирует над наукаанскоязычной. Таким образом, формируются паттерны «говорить, думать, видеть сны» на русском: *Народ-то живой, живет, и надо, чтобы они знали свой язык. Но эта вот обстановка, она не дает, надо все быстрее, так по-русски быстрее, и думаешь уже по-русски* [ЭЖ82Л].

Также в ответах была отмечена идеология принадлежности, выражающаяся в осознании взаимосвязи языка и этнической идентичности: *Как ты можешь бить себя пятаком в грудь где-то и говорить, что ты эскимос, если ты ни одного слова не знаешь. Или там, что ты чукча* [ЧЖ65Л]; *Очень нужно, это даже какому-то обсуждению не подлежит, чтобы остались наша культура, язык, традиции, все, что связано с нами как с эскимосами, не будет языка, не будет народа* [ЭЖ65НЧ].

Помимо передачи языков в семье, респонденты также говорили о том, что для сохранения языков необходимо обучать им детей в детских садах, вводить больше уроков родных языков в школах, проводить занятия в клубах, развивать языковую инфраструктуру в целом и т. д., однако при реализации этих планов остро встанет кадровый вопрос, так как носителей, в частности

науканского языка, находящихся в возрасте социальной и трудовой активности, уже почти нет. С чукотским языком ситуация чуть лучше, но незначительно.

2.5. Где больше шансов, что языки сохранятся и будут жить дольше, – у нас или по ту сторону Берингова пролива? Почему?

Вопросы этого блока призваны раскрыть отношение респондентов к актуальной языковой ситуации и проводимой на Чукотке языковой политике через сравнение с имеющейся у них информацией о языковой ситуации и языковой политике стран Северной Америки. Поскольку многие из наших респондентов или сами посещали Аляску (США), Канаду или Гренландию (Дания) с родственными или культурными визитами, или имели возможность напрямую общаться с теми, кто посещал, у них, как правило, есть некоторое сложившееся мнение по этим вопросам, по которому можно было бы предположить наличие той или иной языковой идеологии.

В ответах на вопрос о том, где больше шансов, что языки (с акцентом на эскимосский) сохранятся и будут жить дальше, – у нас или по сторону Берингова пролива, мнение большинства респондентов сводится к тому, что *там, скорее всего, сохранность получше* [ЭМ64У], *конечно, у них свое село, они разговаривают на своем языке, конечно, дети по-американски учатся, наверное, но дома-то они разговаривают на своем языке, в основном* [ЭЖ75Л], *я даже не могу сказать* (каковы причины), *потому что там тоже засилие государства над этим, но по состоянию языка там лучше* [ЭЖ82Л].

Среди причин, почему «там» языки находятся в лучшем состоянии, респонденты отмечали, что большую роль в языковом сдвиге языков Чукотки сыграла языковая политика советского времени, направленная на активную русификацию коренного населения, а также и то, что русский язык стал лингва франка для местных жителей Чукотки и большого числа приезжих людей:

- *У них меньше от государства давления, им не запрещают.*
- *Но сейчас же и здесь не запрещают?*
- *Да, а раньше русский, русский, русский, везде русский. Здесь в деревне (Уэлен) половина приезжих всегда, и все по-русски* [ЭМ64У].
- *Они там только на своем и говорят.*
- *Как вы думаете, почему так?*
- *А, наверное, у них там общение такое было, там же у них как бы больше со своими, а мы тут среди русских же росли, все это как бы искореняется, что ли* [ЭЖ72У].

Однако, по мнению респондентов, в эскимосских сообществах зарубежья также происходит языковой сдвиг, поскольку представители сообществ, с которыми они общались, выбирали английский язык или часто переходили с языка на язык: *там тоже, наверное, проблема, я так думаю, потому что Энди и Меган, они, в основном, общались на английском* [ЧЖ65Л]; *у них там уже много смешанного с английским, когда приезжали с Аляски в 90-х годах, эскимосы наши понимали, но не всегда, потому что у них уже смешан язык, может быть, даже 50/50, очень много английских слов* [ЧЖ63Л].

При том, что *дети сейчас, в основном, тоже на американском языке говорят* [ЭЖ82Л], респонденты отмечали, что на том берегу пролива применяются интересные меры по сохранению и возрождению языков, например, респондентка ЭЖ82Л, неоднократно бывавшая на Аляске, рассказала о летних загородных лагерях, куда собирают детей, в том числе из неблагополучных семей, и двух пожилых знатоков языка и культуры, и отправляют на месяц-два в отдаленные места. Там дети под руководством знатоков эскимосского языка и культуры добывают пищу, ведут быт и т. д. и, помимо традиционных культурных практик, усваивают язык.

Как было сказано выше, в целом респонденты оценивают состояние эскимосских языков зарубежья как более благополучное, несмотря на очевидные тенденции языкового сдвига. Высоко оцениваются практики сохранения языков, которые применяются на том берегу Берингова пролива и, в силу разных причин, как будто менее доступны на этом. Также важно принять во внимание и тот факт, что численность эскимосов на Аляске несравнимо выше, чем в России, что, как минимум, обеспечивает более устойчивую языковую среду. Также респонденты отмечают негативное влияние политики русификации, проводимой в СССР, на актуальное состояние эскимосских языков России.

Заключение

В статье представлены результаты исследования языковых идеологий науканского сообщества, сопровождаемые также данными о чаплинском и чукотском сообществах. Закрытие поселка Наукан и последующее дисперсное расселение науканских эскимосов негативно повлияло как на сообщество, так и на его язык. В настоящее время науканское языковое сообщество крайне компактно, нами были определены 38 человек, в разной мере владеющих науканским языком, из них 9 человек пожилого и преклонного возраста являются компетентными носителями. Языковая инфраструктура науканского языка представляет собой комплекс ценных, но единичных фактов и продуктов, созданных энтузиастами.

В основу исследования легли ряд социолингвистических интервью и наблюдения в науканском сообществе. В результате было выявлено, что эскимосский язык (науканский) представляется респондентам более сложным по сравнению с чукотским, особенно в фонетическом отношении, то есть присутствует идеология сложности языка. Мы предполагаем, что такое отношение может негативно влиять как на мотивацию людей к изучению науканского языка, так и на появление новых носителей. Также было определено, что, по мнению респондентов, науканский язык находится в более уязвимом положении, нежели чукотский, что несомненно соответствует и мнению лингвистического сообщества. Были выявлены случаи проявления пуристических языковых идеологий, когда более компетентные носители делали замечания менее компетентным или тем, кто моложе. Также была сформулирована языковая идеология негативной предопределенности, которая проявляется в науканском сообществе через ощущение, что изменить очевидные тенденции к угасанию языка в актуальных условиях сложно или невозможно и, по всей видимости, бессмысленно, поэтому, при наличии сожаления об утрате языка и желания, чтобы он жил дальше, члены сообщества в большинстве своем не предпринимают усилий по созданию условий для изучения и передачи языка. Также предполагается присутствие языковых идеологий фольклоризации и принадлежности. Помимо этого, респонденты оценивают состояние эскимосских языков стран Северной Америки и Гренландии как более благополучное и имеют сформированное мнение о том, что там язык еще передается в семье и проводятся мероприятия по его поддержке.

В целом, можно отметить, что при планировании мероприятий по ревитализации науканского языка важно учитывать названные выше языковые идеологии, а также исследовать и принять во внимание языковые идеологии жителей Чукотского района ЧАО, не имеющих прямого отношения к науканскому сообществу.

Список литературы

- Автонова И. В., Суворова И., Альпыгыргын Б. Русско-науканский разговорник. СПб.: Алмаз-Граф, 2024.
- Агранат Т. Б. Языковая лояльность, языковые идеологии, установки и практики в общинах горских евреев московского региона // Родной язык. 2024. № 2. С. 38–58.
- Андреанов В. Р. К вопросу о развитии языковой политики на Чукотке: историко-правовой анализ региональной национальной политики // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 132–146.
- Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2017. 136 с.
- Вахтин Н. Б. Язык сиренинских эскимосов: тексты, грамматические и словарные материалы. LincomEuropa: München, 2000. 615 с.
- Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.
- Головки Е. В., Джейкобсон С., Добриева Е. А., Краусс М. Словарь языка науканских эскимосов. Ок. 6 тыс. слов, с указателем суффиксов и списком топонимов. Фэрбенкс: Университет штата Аляска в Фэрбенксе, Центр изучения языков коренного населения, 2004. 370 с.
- Гондатти Н. Состав населения Анадырской округи // Записки Приамурского отдела императорского Русского географического общества. Т. III. Вып. 1. Хабаровск: Типография при канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1897. С. 166–178.

Гришечко О. С. Языковая идеология: теория описания и практика воплощения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77): в 3-х ч. Ч. 2. С. 62–65. URL: <https://www.gramota.net/article/phil20172617/fulltext> (дата обращения: 02.11.2025).

Днепровский К. А., Шокарев С. Ю. Легендарный эскимосский поселок Наукан в составе номинации в Список всемирного наследия ЮНЕСКО // Журнал Института Наследия. 2019. № 2(17). С. 1–11. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/288.html> (дата обращения: 02.11.2025).

Коломиец О. П. Современная этноязыковая ситуация на Чукотке // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. № 2. С. 119–132.

Крупник И. И., Членов М. А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. – 1970-е гг.) // Советская этнография. 1979. № 2. С. 19–29.

Куцаева М. В. На деревню надейся, а сам не плошай: к вопросу о языковых практиках и идеологиях в чувашской и марийской диаспорах Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 2 (40). С. 65–78.

Леонова В. Г. (сост.). Наукан и наукацы: Рассказы науканских эскимосов. Владивосток: ОАО «ИПК Дальпресс», 2014. 212 с.

Моргунова-Швальбе Д. Н. Языковая адаптация на примере эскимосов-юпик с. Новое Чаплино, 1998–2018 (Выбор языка и языковое переключение) // Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие / Отв. ред. О. П. Коломиец, И. И. Крупник. М.: Изд-во PressPass, 2020. С. 95–119.

Науканские напевы. Сборник песен и танцев. М.: PressPass, 2020. 124 с.

Ненлюмкина З. Н. Птицы Наукана: Первая книга стихов / Пер. с эскимос. (наука. диалект) А. Черевченко. Магадан, 1979. 63 с.

Ненлюмкина З. Н. Погуляй со мною, солнышко! Стихи. Магадан, 1985. 35 с.

Ненлюмкина З. Н. Весна счастья: Стихи. Магадан, 1990. 60 с.

Опарина Е. О. Языковая идеология как фактор, влияющий на функционирование языка в современных условиях // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2017. С. 173–184.

Пупынина М. Ю. Чукотский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 565–569.

Пупынина М. Ю., Коряков Ю. Б. Ареал распространения науканского языка: география многоязычия и динамика контактов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 45–58.

Пупынина М. Ю., Корнев Т. В., Будянская Е. М., Коряков Ю. Б. Науканский язык: расселение Наукана как фактор языкового сдвига // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 154–169.

Словарь социоллингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.

Теин Т. С. О поэте // На севере дальнем. 1981. Вып. 1. С. 91–93.

Тюленёва А. М. Языковая политика и языковая идеология: попытка концептуального уточнения // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. № 1. С. 120–127.

Харитонов В. Последняя носительница языка переехала в Геленджик. Перспективы малых языков в России. 2019 [электронный ресурс]. URL: <https://zapovednik.space/material/poslednjajanositelnitsa-jazyka-pereehala-v-gelendzhik> (дата обращения: 02.11.2025).

Хилханова Э. В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социоллингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. Pp. 756–815.

Хилханова Э. В. Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 148–162.

Членов М. А., Крупник И. И. Динамика ареала азиатских эскимосов в XVIII–XIX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос) / Отв. ред. Н. И. Толстой. Л.: Наука, 1983. С. 129–139.

Членов М. А., Крупник И. И. Наукан: главы к истории // Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения / Материалы научно-практической конференции в Анадыре, 12–14 апреля 2016 г. Вып. 1. С. 38–73.

Энмынкау Н. С. Старики всегда учили нас добру. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. 256 с.

Энмынкау Н. С. Стойбище моего детства. Сборник очерков, интервью, репортажей. СПб.: Алмаз-Граф, 2024. 263 с.

Blommaert J. Language policy and national identity // *An introduction to language policy: Theory and method* / Ed. T. Ricento. Oxford: Wiley Blackwell, 2006. Pp. 238–254.

Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska // *Endangered languages: language loss and community response* / Eds. L. Grenoble, L. Whaley. Cambridge, 1998. Pp. 57–98.

Dolowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation // *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide* / Eds. J. Olko, J. Sallabank. Cambridge, 2021. Pp. 104–116.

Dyers C., Abongdia J.-F. Ideology, policy and implementation: Comparative perspectives from two African universities // *Stellenbosch Papers in Linguistics*. 2014. Vol. 43. Pp. 1–21.

Fazakas N. Speaking Properly: Language Ideologies of Hungarian Interpreters from Transylvania // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. 2022. Vol. 14 (3). Pp. 34–50.

Krauss M. Alaska Native Languages: Past, Present, and Future // *Alaska Native Language Center Research Paper 4*. Fairbanks: University of Alaska, 1980. 121 p.

Kroskrity P. Regimenting Languages: Language Ideological Perspectives // *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities* / Ed. P. V. Kroskrity. Santa Fe: School of American Research Press, 2000. Pp. 1–34.

Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013. 392 p.

Morgounova Schwalbe D. Language Ideologies at Work. Economies of Yupik Language Maintenance and Loss // *Sibirica*. 2015. Vol. 14. № 3. Pp. 1–27.

Pischlöger C. Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case // *Linguistic Genocide or Superdiversity? New and Old Language Diversities* / Eds. R. Toivanen, J. Saarikivi. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters, 2016. Pp. 108–132.

Sallabank J., Marquis Y. ‘We Don’t Say It Like That’: Language Ownership and (De)Legitimising the New Speaker // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* / Eds. C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó. Murchadha. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. Pp. 67–90.

Woolard K. We Don’t Speak Catalan Because We Are Marginalized: Ethnic and Class Connotations of Language in Barcelona // *Language and Social Identity* / Ed. R. K. Blot. Westport, CT: Praeger Publishers, 2003. Pp. 85–103.

Woolard K. Language Ideology // *The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology* / Ed. J. Stanlaw. 2021. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/9781118786093.iela0217> (дата обращения 02.11. 2025).

References

Agranat T. B. Yazykovaya loyal’nost’, yazykovye ideologii, ustanovki i praktiki v obshchinakh gorskikh evreev moskovskogo regiona [Language loyalty, language ideologies, attitudes, and practices in the communities of Mountain Jews of the Moscow Region]. *Rodnoy Yazyk [Mother Tongue]*. 2024, no. 2, pp. 38–58. (In Russian)

Andrianov V. R. K voprosu o razvitiy yazykovoy politiki na Chukotke: istoriko-pravovoy analiz regional’noy natsional’noy politiki [On the issue of the development of language policy in Chukotka: a historical and legal analysis of regional national policy]. *Sociolingvistika [Sociolinguistics]*. 2024, no. 4 (20), pp. 132–146. (In Russian)

Avtonova I. V., Suvorova I., Al’pygyrgyn B. *Russko-nauchnyy razgovornik [Russian-Naukan phrasebook]*. St. Petersburg, Almaz-Graf, 2024. (In Russian and Naukan Yupik)

Blommaert J. Language policy and national identity. In *An introduction to language policy: Theory and method*. Ricento T. (Ed.). Oxford, Wiley Blackwell, 2006, pp. 238–254.

Borgoyakova T. G., Guseinova A. V. *Status i funktsionirovanie tyurkskikh yazykov Yuzhnoy Sibiri [Status and functioning of the Turkic languages of Southern Siberia]*. Abakan, Khakass State University named after N. F. Katanov, 2017, 136 p. (In Russian)

Chlenov M. A., Krupnik I. I. Dinamika areala aziatskikh eskimosov v 18–19 vv. [The dynamics of the Asian Eskimo areal in the 18th–19th centuries]. In *Areal’nye issledovaniya v yazykoznanii*

- i etnografii (yazyk i etnos)* [Areal research in linguistics and ethnography (language and ethnos)]. Tolstoy N. I. (Ed.). Leningrad, Nauka, 1983, pp. 129–139. (In Russian)
- Chlenov M. A., Krupnik I. I. Naukan: glavy k istorii [Naukan: chapters to the history]. In *Spasti i sokhranit'. Kul'turnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii v Anadyre, 12–14 aprelya 2016 g.* [Safeguard and ensure. Cultural heritage of Chukotka: prospects in protection and conservation: Proceedings of scientific and practical conference, Anadyr, 12–14 April, 2016]. Moscow, 2016, iss. 1, pp. 38–73. (In Russian)
- Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. In *Endangered languages: language loss and community response*. Grenoble L., Whaley L. (Eds.). Cambridge, 1998, pp. 57–98.
- Dneprovsky K. A., Shokarev S. Yu. Legendarnyy eskimoskiy poselok Naukan v sostave nominatsii v Spisok vseirnogo naslediya YUNESKO [The legendary Eskimo Village of Naukan in the nomination to the UNESCO World Heritage List]. *Zhurnal Instituta Naslediya* [Journal of the Heritage Institute]. 2019, no. 2 (17), pp. 1–11. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/288.html> (accessed 02.11.2025). (In Russian)
- Dołowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and ideologies in language revitalisation. In *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. Olko J., Sallabank J. (Eds.). Cambridge, 2021, pp. 104–116.
- Dyers C., Abongdia J.-F. Ideology, policy, and implementation: Comparative perspectives from two African universities. *Stellenbosch Papers in Linguistics*. 2014, vol. 43, pp. 1–21.
- Enmynkau N. *Stariki vsegda uchili nas dobru* [The elders always taught us kindness]. Izhevsk, Print-2, 2016, 256 p. (In Russian, Naukan, and Chaplino Yupik)
- Enmynkau N. *Stoybishche moego detstva. Sbornik ocherkov, interv'y, reportazhey* [The camp of my childhood. The collection of essays, interviews, and broadcasts]. St. Petersburg, Almaz-Graf, 2024, 263 p. (In Russian)
- Fazakas N. Speaking properly: language ideologies of Hungarian interpreters from Transylvania. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. 2022, vol. 14 (3), pp. 34–50.
- Golovko E. V., Jacobson S., Dobrieva E. A., Krauss M. *Slovar' yazyka naukanskikh eskimosov. Ok. 6 tys. slov, s ukazatelem suffiksov i spiskom toponimov* [Dictionary of the Naukan Eskimo language. About 6,000 Words, with a suffix index and a list of toponyms]. Fairbanks, University of Alaska Fairbanks, Alaska Native Language Center, 2004, 370 p. (In Russian and Naukan Yupik)
- Gondatti N. Sostav naseleniya Anadyrskoy okrugi [Population of the Anadyr district]. In *Zapiski Priamurskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Russian Imperial Geographical Society]. Khabarovsk, Tip. pri kantselyarii priamurskogo general-gubernatora, 1897, vol. 3, iss. 1, pp. 166–178. (In Russian)
- Grishechko O. S. Yazykovaya ideologiya: teoriya opisaniya i praktika voploshcheniya [Language ideology: theory of description and practice of implementation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences: Questions of Theory and Practice]. 2017, no. 11 (77): in 3 pts., pt. 2, pp. 62–65. URL: <https://www.gramota.net/article/phil20172617/fulltext> (accessed 02.11.2025). (In Russian)
- Kharitonov V. *Poslednyaya nositel'nitsa yazyka pereekhala v Gelendzhik. Perspektivy mal'kh yazykov v Rossii* [The last speaker of the language moved to Gelendzhik. Prospects for Small Languages in Russia]. 2019. URL: <https://zapovednik.space/material/poslednjaja-nositelnitsa-jazyka-pereekhala-v-gelendzhik> (accessed 02.11.2025). (In Russian)
- Khilkhanova E. V. Lyudi v yazykovoy politike: teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sotsiolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoy Yevropy) [People in language policy: theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (based on Russia and Western Europe)]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 756–815. (In Russian)
- Khilkhanova E. V. Yazykovaya ustanovka i yazykovaya ideologiya v zapadnoy i rossiyskoy nauke: o razgranichenii ponyatiy [Language attitude and language ideology in Western and Russian scholarship: on the distinction of concepts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication]. 2022, no. 3, pp. 148–162. (In Russian)
- Kolomiyets O. P. Sovremennaya etnoyazykovaya situatsiya na Chukotke [The contemporary ethno-linguistic situation in Chukotka]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* [Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"]. 2021, no. 2, pp. 119–132. (In Russian)

Krauss M. Alaska native languages: past, present, and future. In *Alaska native language center research paper 4*. Fairbanks, University of Alaska, 1980, 121 p.

Kroskrity P. Regimenting languages: language ideological perspectives. In *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Kroskrity P. V. (Ed.). Santa Fe, School of American Research Press, 2000, pp. 1–34.

Krupnik I. I., Chlenov M. A. Dinamika etnolingvisticheskoy situatsii u aziatskikh eskimosov (konets 19 v. – 1970-e gg.) [The dynamics of the ethnolinguistic situation among Asian Eskimos (late 19th century – 1970s)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1979, no. 2, pp. 19–29. (In Russian)

Krupnik I., Chlenov M. *Yupik transitions: change and survival at Bering Strait, 1900–1960*. Fairbanks, University of Alaska Press, 2013, 392 p.

Kutsaeva M. V. Na derevnyu nadeysya, a sam ne ploshay: k voprosu o yazykovykh praktikakh i ideologiyakh v chuvashskoy i mariyskoy diasporakh Moskovskogo regiona [Rely on the village, but don't falter yourself: on the issue of language practices and ideologies in the Chuvash and Mari diasporas of the Moscow Region]. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology*. 2023, no. 2 (40), pp. 65–78. (In Russian)

Leonova V. G. *Naukan i naukantsy: Rasskazy naukanskich eskimosov* [Naukan and the Naukan people: stories of the Naukan Eskimos]. Leonova V. G. (Comp.). Vladivostok, IPK Dalpress, 2014, 212 p. (In Russian and Naukan Yupik)

Morgounova-Schwalbe D. Language ideologies at work. Economies of Yupik language maintenance and loss. *Sibirica*. 2015, vol. 14, no. 3, pp. 1–27.

Morgounova Schwalbe D. N. Yazykovaya adaptatsiya na primere eskimosov-yupik s. Novoe Chaplino, 1998–2018 (Vybor yazyka i yazykovoie pereklyuchenie) [Language adaptation on the example of Yupik Eskimos of Novoye Chaplino, 1998–2018 (Language choice and code-switching)]. In *Prikladnaya etnologiya Chukotki: narodnye znaniya, muzei, kul'turnoe nasledie* [Applied ethnology of Chukotka: folk knowledge, museums, cultural heritage]. Kolomiyets O. P., Krupnik I. I. (Eds.). Moscow, PressPass, 2020, pp. 95–119. (In Russian)

Naukanskiye napevy. Sbornik pesen i tantsev [Naukan melodies. Collection of songs and dances]. Moscow, PressPass, 2020, 124 p. (In Russian, Naukan Yupik, and Inupiaq)

Nenlyumkina Z. N. *Ptitsy Naukana: Pervaya kniga stikhov* [The birds of Naukan: first book of poems]. Magadan, 1979, 63 p. (In Russian and Naukan Yupik)

Nenlyumkina Z. N. *Pogulyay so mnoyu, solnyshko! Stikhi* [Take a walk with me, sunshine! Poems]. Magadan, 1985, 35 p. (In Russian and Naukan Yupik)

Nenlyumkina Z. N. *Vesna schast'ya: Stikhi* [The spring of happiness: Poems]. Magadan, 1990, 60 p. (In Russian and Naukan Yupik)

Oparina E. O. Yazykovaya ideologiya kak faktor, vliyayushchiy na funktsionirovanie yazyka v sovremennykh usloviyakh [Language ideology as a factor influencing language functioning in contemporary conditions]. In *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Human: Image and essence. Humanitarian aspects]. 2017, pp. 173–184. (In Russian)

Pischlöger C. Udmurt on social network sites: a comparison with the Welsh Case. In *Linguistic genocide or superdiversity? New and old language diversities*. Toivanen R., Saarikivi J. (Eds.). Bristol, Buffalo, Multilingual Matters, 2016, pp. 108–132.

Pupynina M. Yu. Chukotskiy yazyk [Chukchi language]. In *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and Society: Encyclopedia]. Moscow, Azbukovnik, 2016, pp. 565–569. (In Russian)

Pupynina M. Yu., Koryakov Yu. B. Areal rasprostraneniya naukansкого yazyka: geografiya mnogoyazychiya i dinamika kontaktov [The distribution area of the Naukan language: geography of multilingualism and contact dynamics]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language]. 2024, vol. 83, no. 1, pp. 45–58. (In Russian)

Pupynina M. Yu., Kornev T. V., Budyanskaya E. M., Koryakov Yu. B. Naukan language: rasselenie Naukana kak faktor yazykovogo sdviga [The Naukan language: settlement of Naukan as a factor of language shift]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2, vol. 54, pp. 154–169. (In Russian)

Sallabank J., Marquis Y. “We don't say it like that”: Language ownership and (de)legitimising the new speaker. In: *New speakers of minority languages: linguistic ideologies and practices*. C. Smith-

Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó. Murchadha (Eds.). Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 67–90.

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. V. Yu. Mikhail'chenko (Ed.). Moscow, 2006, 312 p. (In Russian)

Tein T. S. O poete [About the poet]. *Na severe dal'nem* [In the Far North]. 1981, no. 1, pp. 91–93. (In Russian and Naukan Yupik)

Tyulenyeva A. M. Yazykovaya politika i yazykovaya ideologiya: popytka kontseptual'nogo utochneniya [Language policy and language ideology: an attempt at conceptual clarification]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations]. 2023, no. 1, pp. 120–127. (In Russian)

Vakhtin N. B. *Yazyki narodov Severa v 20 veke. Ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the peoples of the North in the twentieth century. Essays on language shift]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2001, 338 p. (In Russian)

Vakhtin N. B. *Yazyk sireniskikh eskimosov: teksty, grammaticheskie i slovarnye materialy* [The language of the Sireniki Eskimos: texts, grammatical and lexical materials]. München, LincomEuropa, 2000, 615 p. (In Russian and Sireniki Eskimo)

Woolard K. We don't speak Catalan because we are marginalized: ethnic and class connotations of language in Barcelona. In *Language and social identity*. Blot R. K. (Ed.). Westport, CT, Praeger Publishers, 2003, pp. 85–103.

Woolard K. Language ideology. In *The international encyclopedia of linguistic anthropology*. Stanlaw J. (Ed.) 2021. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/9781118786093.iela0217> (accessed 02.11. 2025).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
02.12.2024

Сведения об авторе – Information about the Author

Ольга Михайловна Павлова – магистр лингвистики, младший научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Olga M. Pavlova – Master of Linguistics, Junior Researcher, Research Center for the Preservation, Revitalization, and Documentation of the Languages of Russia, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

o.pavlova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2381-3132>

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

МИФОЛОГИЯ ЭПОСА

УДК 398.2 (=152.153)

DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-184-195

Образ птиц *кыйгылык* в эпосе шорцев

Л. Н. Арбачакова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

На примерах шорских героических сказаний, записанных Н. П. Дыренковой и Л. Н. Арбачаковой, рассматривается образ мифических Старшей-Младшей золотых птиц *кыйгылык* – *Улуг-Кичиг алтын кыйгылык*. Целью статьи является характеристика образов птиц *кыйгылык* в эпосе шорцев в сравнении с образами мифических птиц других тюркских народов Сибири. Птицы *кыйгылык* имеют сверкающие перья, пронзительно кричат, предстают в парной ипостаси, могут свободно пересекать границы миров. Их основными функциями являются предвестие смерти эпического героя (печальный крик служит вестью о гибели) и доставка тел умерших в иной мир к месту погребения или к творцу-*чайачы* для оживления.

Ключевые слова

шорское героическое сказание, Старшая-Младшая золотые птицы *кыйгылык*, мифическая птица, фольклористика

Для цитирования

Арбачакова Л. Н. Образ птиц *кыйгылык* в эпосе шорцев // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 184–195. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-184-195

The image of the *kyigylyk* birds in Shor epic poetry

L. N. Arbachakova

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The mythological image of the elder-younger golden *kyigylyk* birds (*Ulug-kichig altyn kyigylyk*) is a recurring yet understudied motif in Shor heroic tales. This paper addresses the lack of a comprehensive interpretation of this image in folklore studies and the linguistic challenges of its translation. Based on epic materials recorded by N. P. Dyrenkova and L. N. Arbachakova, transcribed and translated by the author, the study aims to define the morphological characteristics, functions, and symbolic meanings of these birds within Shor folklore. Analysis reveals that *kyigylyk* birds are characterized by iridescent plumage and piercing cries, always appearing as a pair. Residing in the Upper World, they act as liminal beings capable of freely traversing cosmic boundaries. Their primary functions are to foretell the death of an epic hero, their cry serving as an omen, and to transport the deceased to the other world, either to a burial site or to the creator *chayachi* for resurrection. The author critiques previous attempts to identify *kyigylyk* birds with extant avian species (such as eagles, swans, or peacocks), concluding that such biological identifications are groundless. The image apparently incorporates traits of various birds without corresponding clearly to any single one. The *kyigylyk* bird is a unique, untranslatable cosmological concept, with its semantics intrinsically linked to predicting death and facilitating passage to the afterlife.

Keywords:

shor heroic tales, Elder-Younger *Kyigylyk* Golden Birds, mythical bird, folklore studies

© Л. Н. Арбачакова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

For citation

Arbachakova L. N. Obraz ptits *kyjgylyk* v epose shortsev [The image of *kyjgylyk* birds in Shor epic poetry] *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 184–195. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-184-195

Введение

Птицы, являясь частью окружающего мира, хозяйственной деятельности и мировоззрения человека, играют важную роль в фольклоре и мировоззрении шорцев и других тюркских народов Сибири (якутов, тувинцев, алтайцев, хакасов). Образам различных птиц (журавлям, орлам, кукушкам и др.) в традиционных представлениях этих народов посвящен целый ряд исследований. Так, Н. П. Дыренкова в статье «Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири» выделила два комплекса мифов, связанных с птицами: мифы о сотворении земли и мифы о получении огня [Дыренкова 1929: 119]. Она писала, что, по представлениям шорцев, кукушка являлась вестником проснувшейся природы: «С первым криком кукушки просыпаются леса, горы, реки. Весной, после крика кукушки, шаман совершал первое восхождение к Ульгеню» [Шорский фольклор 1940: 440]. А. И. Чудояков отмечал, что в архаических пластах лексики шорского языка сохранилось слово *кёёкемай* в значении ‘матушка’: «Кукушку называют матерью, матушкой, что ведет к понятию о праматери-кукушке, к тотему» [Чудояков 1995: 135].

В мифологии шорцев *туруна* ‘журавль’ также обладает самыми разными функциями: эта птица может быть тотемным предком для некоторых родов и племен Южной Сибири, культурным героем (она добыла для людей огонь), символом верхнего мира и т. д. По мифологическим представлениям хакасов, *туруна* принадлежит к категории «царских» птиц: хакасы полагали, что в момент смерти души-*тын* (букв.: душа-дыхание) взрослого человека отрывалась и, превратившись в журавля, улетала в страну мертвых (*ýzüt chirí*) [Бурнаков 2012: 87].

Наряду с реальными птицами, в традиционной культуре шорского и других тюркских народов встречаются и чудесные мифические птицы, которым приписываются сверхъестественные свойства и которые не имеют прямых аналогов в реальном мире.

Шорские загадочные мифические птицы *Улуг-Кичиг алтын кыйгылык* ‘Старшая-Младшая золотые кыйгылык’ до сих пор слабо изучены, хотя образ этих птиц привлекал внимание исследователей шорского фольклора и языка: В. И. Вербицкого [Вербицкий 1884], Н. П. Дыренковой [Шорский фольклор 1940], Д. А. Функа [Функ 1999] и Л. Н. Арбачаковой [Сказания шорского кайчи 2015]. Эти птицы встречаются в героических сказаниях, опубликованных Н. П. Дыренковой, а также в эпических текстах в исполнении современных сказителей.

Актуальность данной статьи определяется отсутствием в научной литературе общепринятой трактовки образа птиц *кыйгылык*, а также сложностью перевода на русский язык слова, обозначающего этих птиц.

Целью статьи является описание образа мифических птиц *Улуг-кичиг алтын кыйгылык* ‘Старшей-Младшей золотых птиц *кыйгылык*’ на основе сказаний, расшифрованных и переведенных автором статьи, а также опубликованных фольклорных материалов. Наше исследование базируется на образцах героического эпоса, записанных Н. П. Дыренковой и Л. Н. Арбачаковой. Кроме того, в исследовании используются словари [Вербицкий 1884; Курпешко-Таннагашева 1994] и материалы по фольклору тюркских, восточнославянских и других народов.

1. Образ птиц *кыйгылык* в шорском фольклоре

Первым исследователем, который обратил внимание на образы этих загадочных птиц в южносибирских тюркских языках, был миссионер В. И. Вербицкий, который считал, что птица *кыйгылык* – это орел. Он также отметил, что, по преданию, «*кыйгылык* всем птицам царь; с золотыми перьями; летает в небе; поет жалобно, – кто услышит, заплачет» [Вербицкий 1884: 159].

В 1940 г. был опубликован миф про птицу *кыйгылык* в записи Н. П. Дыренковой: «Кто голос той птицы услышит, тот [человек] долго не живет. Один человек, ходя по тайге, лошадь искал. В это время он слышал голос птицы *кыйгылык*. Тот человек очень сильно плакал. Со слезами на глазах домой пришел. После этого долго не жил – умер» [Шорский фольклор 1940: 283]. В этом мифе есть также краткое описание внешнего вида этой птицы: «Когда птица *кан-кыйгылык* ночью летает – перья ее сверкают, когда она поет, кто пение ее слышит – плачет» [Там же].

Образ мифической птицы *кыйгылык* встречается также в шорских героических сказаниях, однако ни у сказителей, ни у исследователей шорского фольклора нет точного представления о внешнем облике и функциях этой сказочной птицы.

В дальнейшем изложении мы представим и проанализируем материал, в котором фигурируют образы этих птиц, а также выделим, насколько это возможно, их основные морфологические и функциональные черты и особенности.

Анализируемый материал был собран Н. П. Дыренковой и Л. Н. Арбачаковой в процессе записи шорских эпических сказаний и интервьюирования сказителей¹.

1.1. Представления о внешнем виде *кыйгылык*

В 1999 г. мы записали героическое сказание «Күннү көргөн Күн Көөк» ‘Солнце увидевшая Кюн Кёк’ от сказителя В. Е. Таннагашева (1932 г. р.). По его словам, *кыйгылык* – красивая птица, похожая на павлина или на Жар-птицу.

Действительно, по описанию внешнего вида *кыйгылык* в фольклоре (*ночью летает – перья ее сверкают* [Шорский фольклор 1940: 283]), она напоминает Жар-птицу в русском фольклоре, которая ночью «...источает такой свет, как тысяча огней; одно перо из ее хвоста в темной комнате может заменить любое освещение» [Иванова-Казас 2006: 136]. Возможно, благодаря такой ассоциации сказители используют при наречении *кыйгылык* качественный эпитет *алтын* ‘золотой’: *Улуг-Кичиг алтын кыйгылык* ‘Старшая-Младшая золотые птицы *кыйгылык*’. Появление постоянного эпитета *алтын* ‘золотой’ характерно для современных кайчи, например В. Е. Таннагашева. Н. П. Дыренкова характеризует внешний вид птиц *кыйгылык* как сверкающий, однако в сказаниях, опубликованных ею в книге «Шорский фольклор», этот эпитет не встречается. В приведенных примерах данный эпитет использован только в текстах В. Е. Таннагашева.

1.2. Парность

В шорских эпических произведениях эта птица появляется не одна, а в паре со своей сестрой (братом?) *улуг-кичиг* ‘старшая-младшая’ птицы *кыйгылык*. Эпитеты *улуг-кичиг* ‘старшая-младшая / старший-младший’ являются традиционными для описания двух братьев, двух богатырских коней, двух женщин, выполняющих, как правило, в эпосе одну и ту же роль (роль двух жен, двух братьев и т. д.). Появление двух братьев-алыпов², например при описании сражения, усиливает их мощь, оказывает на противников устрашающее воздействие; они верные помощники друг другу. В сказании «Ак Кан» герой имеет двух жен, именуемых одинаково: «Чтобы их можно было как-то различать, сказитель добавляет уточняющий эпитет: *Улуг-Кичиг Алтын Сабак* ‘Старшая-Младшая Алтын Сабак’» [Фольклор шорцев 2010: 25].

1.3. Пение птиц

О появлении этих птиц возвещает их пронзительный печальный крик: «Старшая и Младшая Золотые *кыйгылыки* / С криком летят» [Сказания шорского кайчи 2015: 102–103]. Носители шорского языка связывают название сказочных птиц *кыйгылык* в эпосе со словом *кыйгы* ‘крик’. Аффикс *-лык* образует существительные от именных основ, то есть имя можно перевести как ‘крикун, вещун’ (ср. глагол *кыйгырарга* ‘кричать, вещать’ от основы *кыйгы*). Мы также отмечали ранее, что, видимо, основным признаком, положенным в наименование этой чудесной птицы, является ее способность «жалобно петь, принося печальную весть» [Есипова, Арбачакова 2009: 91].

2. Функции птицы *кыйгылык*

2.1. Предвестник смерти

С пением птиц *кыйгылык* связана одна из их функций в эпосе – предвещать кончину эпического героя. Мы предполагаем, что в шорском фольклоре их пение связывается со скорой смертью одного из близких людей. Когда птицы *кыйгылык* появляются в мире людей, то люди начинают плакать [Шорский фольклор 1940: 283], так как, возможно, они знают, что появление этой

¹ В примерах из собрания шорского фольклора Н. П. Дыренковой [Шорский фольклор 1940] текст на латинице транслитерирован в кириллицу, в тексты и переводы при необходимости внесены уточнения.

² *Алып* в тюркской мифологии – богатырь, герой.

птицы означает чью-либо гибель. В эпосе они появляются только в тех местах, где кто-то должен умереть. Соответственно, одна из функций птиц *кыйгылык* – своим пением приносить весть о чьей-то гибели. В этом смысле можно сопоставить птиц *кыйгылык* и хакасскую кукушку. В. А. Бурнаков пишет: «В мифопоэтической традиции хакасов кукушка не только извещает о смерти, но и отмечает место будущего захоронения. Так, например, эта птица указывает эпической героине *Ай-Хуучин* местонахождение ее родовой усыпальницы» [Бурнаков 2008: 306].

В сказании «Со златогривым светло-серым конем Алтын Тайчы» парные птицы *кыйгылык* пролетают над местом, где в ходе богатырского боя погибнет один из богатырей: *Ўстүнгүзе четтон тегри ўстүбе / Улуг алтын қыйгылық парбысты. / Алтынғызы четтон там чер алтыба / Кичиг алтын қыйгылық* ‘По верху семидесяти небес / Старшая золотая птица *кыйгылык* пролетела. / Внизу за пределами семидесяти земель / Младшая золотая птица *кыйгылык* пролетела’³. Они пролетели по Верхнему и Нижнему мирам, чтобы сообщить алыпам Среднего мира о гибели одного из них.

Таким образом, когда птицы предвещают гибель богатыря, то они летят порознь, старшая – по верхнему миру, младшая – по нижнему миру (*четтон там чер алтыба* ‘под семьюдесятью слоями земли’).

В сказании «Ак Кан» в записи Н. П. Дыренковой говорится о Старухе Покай Сарыг, посетившей землю погибшего Аба Кулака: *Аба Кулақ черинге чедип, алтын өргее кире пазып одулары чөп алышты, – ноо пулуң черде по тегринең ўстүбе улуг-кичиг қан қыйгылық қуш көглер парбыстылар. Улуг кичиг қыйгылық қуштуң ўнў алтын шаңче шабылча, қола пыргы шени татылқалды* ‘До земли Аба Кулака доехала лишь, только успела в золотой дворец войти, в самом отдаленном углу земли, наверху этого неба великая и малая птицы *кыйгылык* запели. Голоса птиц, великой и малой, как золотые колокола зазвенели, как трубы (шор. *қола* ‘бронзовые’ не переведено – Л. А.) из желтой меди зазвучали’ [Шорский фольклор 1940: 228–229]. Старуха Покай Сарыг, когда входила во дворец погибшего Аба Кулака и услышала пение птиц *кыйгылык*, поняла, что опоздала.

2.2. Доставка умерших в другой мир

В 1995 г. от М. К. Каучакова мы записали отрывок сказания «Кан Эргек», где встречается образ птиц *кыйгылык*. Здесь мифические птицы выполняют роль не только предвестников смерти человека (в данном случае – матери героини), они должны также доставить покойницу к месту погребения и похоронить ее. Птицам известно имя и место смерти умирающего, они заранее прибывают к этому месту и остаются на ночь недалеко от него, извещая людей о своем прибытии криками.

Дочь женщины, услышав крики птиц *кыйгылык*, догадывается, что они прибыли за ее матерью, и просит их похоронить ее в конкретном месте, на краю золотой горы, имеющей девяносто перевалов: *Алтын Арыг анаң уққаны / Ноо ла пулуң черде / Улуг-кичиг / Қыйгыл қуштуң ўннери шақ / Қаңрақтары шақпед кел угулушты* ‘Алтын Арыг услышала голоса мифических птиц *кыйгылык*, / Неведомо на каком месте голоса / Старшей-Младшей птиц *кыйгылык* / вот слышались, / Крылья рядом прошелестели’. Дочь понимает: раз они прилетели, значит, в доме будет покойник; она догадывается, что они прилетели за телом ее матери, поэтому она обращается к птицам с просьбой: *Эзе, қыйгылық қуштарым, – тедир, – / Ай Арыг ичемни, – тедир, – / Тоғузон ашқымнығ / Алтын тайга қырынга ашығоқ – тедир. – / Минде кел чыып көрар* ‘Эзе, птицы *кыйгылык*, – сказала, – / Мою мать Ай Арыг, – сказала, / – На край золотой горы, / Имеющей девяносто перевалов, подняв, – сказала, – / Там похороните’⁴. В данном сказании функции птиц *кыйгылык* – это оповещение о смерти, доставка умершего на место захоронения и его погребение.

³ «С златогривым светло-серым конем Алтын Тайчы» («Алтын чаллыг ақ қыр аттыг Алтын Тайчы»). Зап. в 1998 г. Л. Н. Арбачаковой от В. Е. Таннагашева. Расшифровка текста Л. Н. Арбачаковой (рукопись, 77 с.). Фоноархив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

⁴ Сказание «Кан Эргек» («Қаан Эргек»), фрагмент. Зап. в 1995 г. Л. Н. Арбачаковой от М. К. Каучакова. Личный архив Л. Н. Арбачаковой (рукопись).

Интересно, что они, с одной стороны, уносят умерших в другой мир, с другой – помогают богатырям шорских сказаний, выступают их союзниками.

В сказании «Солнце увидевшая Кюн Кёк» Старшая-Младшая птицы с криком появляются в сорока небесах: *Улуг-Кичиг Алтын Қыйғылықтың үстүнге / Алтын қарчақ сал-салтыр. / Қыйғлаш-келип, учуқ-келип, / Күннү көрген Күн Кёөктің / қыйзынга чалбай-кел одурубуса-бердилер. / Анаң көрб-одурганы: Күн Кёөк печези, / Чатчыған Күн Кёөк печезин, / Көдүрүл-келип,*

алтын қарчаққа қабыл-кел салыл-парды ‘Старшая и Младшая Кыйғылыки’⁵ / На себе золотой гроб несут, оказывается. / С криком прилетев, / Рядом с Кюн Кёк, / Расправив крылья, спустились. / Затем Ай Толай видит: Лежащую Кюн Кёк, сестру его, / Приподняв, в золотой гроб положили’ [Сказания шорского кайчи 2015: 102–103].

Птицы, унесшие на своих крыльях гроб с девушкой, постоянно вещают Ай Толаю (брату девушки) с небес о том, чтобы он непременно догнал их: *Паиқа чарыққа киргенче, сұр-кел чедибалзаң, / Күннү көрген Күн Кёөк, печеңнің / Арығ тыны қалар, / По черге айланар, – теп, қыйғылашчалар. / Тебир сынға ажыбыссабыс, / Паиқа чарыққа кирибиссебис, / Ада чаиқа айланмас! – теп-келип, / Қыйғлаш-келип, учуқ шығыбыстылар* ‘Пока не вошли в другой мир, догонишь, / Чистая душа Кюн Кёк, твоей сестры, / Ее не покинет, / В эту землю она вернется, – так кричат. / Если железный хребет перевалим / И в другой мир войдем – Вовек уже не вернется!’ [Сказания шорского кайчи 2015: 102–103].

Волшебные птицы, забравшие сестру Ай Толая, сообщают ему четырежды о своей печали, постоянно напоминая, что уже скоро они перевалят железный хребет, за которым, видимо, находится потусторонний мир: *Қыйғлаш-келип, тебир сынға теби / Қабыл шыға-бердилер. / – Адаң ачий! – теишчалар, / Тебир сынны ажыбыссабыс, / Күннү көрген Күн Кёөк / Ада чаиқа по черге айланмас! ‘Кыйғылыки с криком на железный хребет / Уже поднимаются. / – Горе отцу моему! – говорят, – / Если перевалим железный хребет – / Солнце увидевшая Кюн Кёк / В эту землю вовек не вернется!’* [Сказания шорского кайчи 2015: 121].

В. Я. Пропп отмечал, что в русских волшебных сказках всегда «среди помощников героя имеется орел или другая птица. Функция птицы всегда только одна – она переносит героя в иное царство» [Пропп 1996: 167].

2.3. Способность преодолевать границы миров

Для традиционного мировоззрения саяно-алтайских народов свойственно представление о трех мирах, составляющих вселенную: Верхнем, Среднем и Нижнем. Однако «в героических сказаниях мы можем встретить упоминания о неких пространствах, находящихся в мирах, которые мы можем назвать переходными и по которым путешествует богатырь» [Арбачакова 2019: 106]. Особым миром являются горы. Там богатыри «проводят значительную часть эпического времени. Этот мир с его горными хозяевами и горными людьми – одна из самых значимых составляющих эпического мироздания» [Функ 2005: 323]. Железная гора «является границей между светлым (земным) миром и потусторонним» [Сказания шорского кайчи 2015: 12]. Птицы *кыйғылык* обладают способностью доставлять погибших в иной, потусторонний мир, расположенный за железным хребтом. При этом сами, видимо, постоянно обитают в Верхнем мире, так как их голоса людям слышатся с небес.

В героическом сказании «Сыбазын-Оолак» творец-*чайачы* запретил богатырям из солнечного мира переваливать этот хребет: *Чагыс Чайачы чайаған, / Күннү чарық алыбы, / Тебир сыны ашкелип, / Паиқа чарыққа кирбеске...* ‘Единственный Создатель [так] создал, [чтобы] / Солнечного мира алыты, / Через железный хребет перевалив, / В другой мир не могли зайти’ [Шорский героический эпос 2012: 78–79].

Ай Толай, догнав птиц уже на середине железной горы, выхватывает гроб с девушкой: *Оң қолун сун-келип, / Алтын қарчықты кел қапты* ‘Ай Толай, правую руку вытянув, / Золотой гроб все же схватил!’. На прощание он говорит птицам: *Эзе, Улуг-Кичиг алтын қыйғылық – тедир. / Амды учуғаар – тедир, – Ноо, парчаң черлериңге параар, – тедир. – / Күн Кёөк печемни черимге аппарчам!* ‘Эзе, Старшая и Младшая золотые *кыйғылык*-птицы. / Теперь летите, Куда

⁵ При цитировании опубликованных текстов наименование птицы *кыйғылык* приводится так, как дано в публикации.

лететь хотели, – сказал. – / Кюн Кёк, сестру, в свою землю я увожу’ [Сказания шорского кайчи 2015: 122–123].

В сказании «Кара Кан» богатырь Алтын Сом во время сражения тоже услышал крики золотых птиц *кыйгылык*, везущих на себе гроб, и сразу догадался, что они прилетели за ним: *Алтын Сом анаң көрб-одурғаны: / Ыстўнгўзў четтон тегринег ўстўбе / Улуг-кичиг Алтын қыйгылақ қыйглаш-кел, кирдилер. / Ыстўнге алтын қарчақ салын-салтырлар, / Алтын қарчақ / Четтон тегри тооза сустан-кел, кирди. / Пурлуш-пурлуш-келип, / Сегизон ашқымнығ қаан тайғаның тўзўнге кел, / Чаба кел одура кел-тўштилер. / Пону көрген, Алтын Сом сананча: – / Көрзең, эрте пай-оқ / Маға алтын қарчақ чайап-келип, / Тўжўргеннер! ‘И видит: / В семидесяти небесах Старшая и Младшая Золотые Птицы Кыйгылыки, крича, летят, / На себе золотой гроб несут. / Золотой гроб / В семидесяти небесах сверкает. Кружили-кружили, / У подножия хан-горы / С восемьюдесятью перевалами опустились. / Это увидев, Алтын Сом подумал: – / Смотри-ка, уже с утра / Мне золотой гроб приготовив, / Спустили!’ [Шорские героические сказания 2014: 96–97].*

Поняв, что птицы прилетели за ним, Алтын Сом не стал сопротивляться и вскоре погиб. Птицы *кыйгылык* подобрали тело умершего, положили в гроб и улетели неведомо куда: *Улуг-Кичиг Алтын қыйгылық учуқ-келип, / Алтын Сомның қыйгызынға кел, одурубыстылар. / Анаң көрб-одурғаны: / Алтын Сомның өлген сөгў / Сыны-сайы сынмантыр. / Қабыл-кел, алтын қарчаққа кел чадыбысты. / Анаң артын улуг-кичиг алтын қыйгалық / Кыйглаш-келип, учуқ шығыбыза-пердилер. / Ыстўнгўзе қырық тегри ўстўнге учуқ-келип, / Анаң артын қыйглаш-кел, парыбыза-пергеннери. / Қайа пардылар, қайа келдилер? ‘Старшая и Младшая Золотые птицы кыйгылык, прилетев, / К Алтын Сому опустились. / И видят: / Погибшего Алтын Сома Стан не переломился. / Алып, приподняв, в золотой гроб положили. / Тогда Старшая и Младшая золотые кыйгылыки, / Подхватив его, крича, полетели. / На верх сорока небес взлетев, / Дальше, крича, полетели. / Куда улетели, куда прилетели?’ [Шорские героические сказания 2014: 100–101].*

Это сказание тоже имеет счастливую концовку, так как оказалось, что птицы доставили гроб с телом Алтын Сома к творцу, который воскресил его: *Улуг-кичиг Алтын қыйгылаш киргеннерде, / Алтын қарчақ ўстўнге салын-келип, / Алыпты тудунбас алыпна / Қабышқан полтурғам, – тедир, – / Ол сўрўм алдырыбысқан. / Ақ чарықтаң часқамда, / Алтын қарчаққа мени салкелип, / Чағыс Чайачы черинге ашыққаннар. / Чағыс Чайачы черинге шыққамда, / Чағыс Чайачы / Мени қада тиргискен! ‘Старшая и Младшая Золотые Птицы Кыйгылык прилетели, / В золотом гробу я оказался. / Алыпом, противников не побеждающим, / В той земле я сражался. / Вот моя душа и покинула меня. / Когда белый свет я покинул, / В золотом гробу меня подняв, / В землю единственного Чайачы они унесли. / Когда в землю единственного Чайачы подняли, / Единственный Чайачы-Творец / Меня воскресил!’ [Шорские героические сказания 2014: 108–109]. В этом сказании старшая сестра Кан Кёк просила Алтын Сома не попадаться в руки Алып Маскачака, но тот ослушался и погиб. Оказывается, две золотые птицы *кыйгылык* доставили его тело к творцу-чайачы, чтобы тот его воскресил, то есть они и в данном сказании помогают богатырю.*

Помощь, которую птицы оказывают главному герою, доставив его для оживления, чтобы род алып не прервался, напоминает о мифологических птицах иных культур, также помогающих эпическим героям. Так, птица Симург «играет важную роль в иранском эпосе “Шах-наме” Фирдоуси, где она помогает богам и героям. Считается также, что она способна исцелять, и это, возможно, указывает на ее древнее евразийское происхождение, восходящее к мифу об орле, который принес на землю побег Древа жизни с неба или со священной горы» [Стеблова 2002: 28]. Птица Симург, как считает О. М. Иванова-Казас, происходит из древнего Ирана, но хорошо прижилась «в мифологии тюрков. Это бессмертная вещая птица огромных размеров, которая гнездится на ветвях райского Древа Познания» [Иванова-Казас 2006: 132].

Еще раз подчеркнем, что шорские птицы *кыйгылык* выполняют две основные функции: предвещают смерть богатыря и транспортируют тела и души погибших богатырей на место упокоения или оживления. Когда они вещают о скорой смерти, то могут лететь синхронно, но разделившись: одна в верхнем, другая в нижнем мире. Когда нужно перенести умершего в золотом гробу, то они делают это вдвоем, и тогда о них говорят: *Улуг-Кичиг қыйгылық қуш* ‘Старшая-Младшая птица *кыйгылык*’. Только в таком случае становится понятен смысл отрывка из эпоса «Ак Кан» в записи Н. П. Дыренковой: «старуха Покай Сарыг только успела в золотой дворец (Аба Кулака) войти, в самом отдаленном углу земли, наверху этого неба великая и малая птицы

кыйгылык запели» [Шорский фольклор 1940: 228–229]. Это означает, что птицы кыйгылык уносят тело богатыря Аба Кулака, хозяина дворца, погибшего на чужбине, и сообщают об этом всем.

3. Проблемы перевода шорского названия птиц кыйгылык на русский язык

В комментарии к приведенному выше мифу Н. П. Дыренкова отметила, что «*qyjgylyq* – чудесная птица. Одни шорцы считают, что это лебедь, другие – что это орел или павлин» [Шорский фольклор 1940: 408]. Очевидно, носители шорского языка уже в то время, почти сто лет назад, не могли определиться с тем, какая из реально существующих птиц – орел, лебедь или павлин – подразумевается под птицей кыйгылык. В сказании «Ак Кан» Н. П. Дыренкова перевела *Улук кичиг кыйгылык куш* как ‘Великая и Малая кыйгылык птица’, отказавшись от отождествления их с какой-либо реальной птицей.

В современном шорско-русском словаре для слова кыйгылык дается значение ‘павлин’ [Курпешко-Таннагашева 1994: 30]. В примечаниях и комментариях к тексту богатырского сказания «Каан Оолак» *Каан Кыйгылык* также переведено как ‘Хан Павлин’ [Токмашов 2009: 123]. Д. А. Функ переводит слово кыйгылык как ‘фламинго’ [Функ 1999: 165]. Возможно, этот перевод опирается на хакасский язык, где под созвучным словом *хысхылых* имеется в виду ‘фламинго’, которого называют птицей счастья, райской птицей. Ее голос «счастливый человек слышит» [Несказочная проза хакасов 2016: 130–131].

В опытах перевода названия птиц кыйгылык встречаются варианты с наименованиями четырех реально существующих птиц, которые могут претендовать на роль прототипов чудесной птицы: орел, лебедь, павлин и фламинго.

Можно предположить, что на перевод названия птицы кыйгылык ‘орел’ информантами начала прошлого века повлиял тот факт, что в мифологии близкородственных тюркских народов образ орла занимает очень важное место. Так, у алтайцев орел (беркут) выступает «как царь птиц, сверхъестественная птица, обладающая разумом, говорящая и понимающая человеческую речь, тотем и прародительница некоторых родов» [Муйтуева 2018: 29]. В якутском фольклоре орел и другие птицы признаны божествами-покровителями людей [Алексеев 2008: 421–427].

В шорском фольклоре встречается именование рассматриваемой птицы *қан-кыйгылык* ‘Птица-Госпожа, Царь-Птица’ [Шорский фольклор 1940: 408]. Очевидно и морфологическое сходство птицы кыйгылык с орлом: и та, и другая – большие по размерам и мощные птицы, способные поднимать немалые тяжести. На этом, однако, сходство их образов заканчивается.

Лебедь для многих тюркских народов Сибири по сей день является священной птицей. Например, шорцы, хакасы и др. запрещали его убивать, так как считали, что лебеди живут парой: «Если убить одного из них, другой проклянет, – нарушивший запрет может поплатиться за это болезнью или даже гибелью» [Алексеев 1980: 215].

У хакасов проводился хуу той – праздник по случаю преподнесения в подарок лебедя. Л. П. Потапов писал, что «человек, который получил лебедя, но не мог уже дальше его передать вследствие того, что птица начинала разлагаться, устраивал у себя хуу той (лебединый пир)» [Потапов 1959: 24–25]. Л. П. Потапов пришел к выводу, что первоначально лебедя возили в гости с целью «получить в жены дочь дяди по матери, так как женитьба на дочери дяди по матери была в то время обязательной формой брака. Лебедь выступал здесь как тотем, как старший предок, покровитель рода и охранитель традиций» [Потапов 1959: 28].

Помимо сходства по размеру (обе птицы крупные), присутствует также ряд иных параллелей между образом лебедя и образом птицы кыйгылык: и те, и другие живут и появляются парами, считаются священными, смерть одного из пары лебедей считается плохим предзнаменованием, как и появление птиц кыйгылык и их пение.

Перевод названия птицы кыйгылык как ‘павлин’ связан с представлениями о павлине как необыкновенно красивой, а также бессмертной птице. Биолог О. М. Иванова-Казас считает, что «символом бессмертия павлин стал из-за суеверных представлений, что повредить его тело нельзя и что перья павлина по мере его старения обновляются и становятся еще красивее» [Иванова-Казас 2006: 75]. Предполагаемая близость павлинов и птиц кыйгылык по величине и пронзительному звучанию голоса, наряду с их мифическим бессмертием, видимо, стали основанием для такого толкования названия птиц кыйгылык носителями шорского языка.

В древнетюркских текстах встречается глагол *kidi-* ‘сражаться, уничтожать, разрушать’ [ОТWF 1991: 192], который мог быть мотивирующей основой данного слова. Оно может быть

отглагольным образованием с аффиксом долженствовательного причастия на *-guluk*. Этот глагол сопоставим с монгольским *kidu-* ‘сражаться, уничтожать, разрушать’, который в тюркских языках закономерно имеет форму *kidu-*. Это общеалтайский корень, цитируемый М. Рясяненем как **kyð-* ‘атаковать кого-либо, уничтожать’ [VEWT 1969: 261]. Однако образование *kidiguluk* однозначно доказывает, что в древнетюркском языке у этого глагола была конечная гласная, опущенная позже. М. Рясянен также указывает на его параллели в тюркских языках разных исторических эпох и ветвей [VEWT 1969: 261]⁶. *Kidiguluk* в древнетюркском языке дословно означал ‘уничтожение, смерть; тот, кто должен погибнуть’. В шорском языке *кыйгылык* является его закономерным соответствием, обусловленным историческими законами развития фонетики тюркских языков; в хакасском его аналогом является слово *хысхылык* (см. п. 3.4).

Распространенная этимология шорского слова *кыйгылык*, связывающая его с *кыйгы* ‘крик’, видимо, может быть объяснена близким звучанием этих слов. Но слово *кыйгы* имеет иную этимологию. М. Рясянен возводит его к звукоподражательному корню *куку* ‘крик’ [VEWT 1969: 261].

Хакасское название фламинго *хысхылык* по своему происхождению и звучанию наиболее близко шорскому *кыйгылык*. Видимо, поэтому некоторые исследователи шорского языка переводят слово *кыйгылык* как ‘фламинго’ [Функ 1999: 165]. Эти слова можно возвести к общеалтайскому корню (см. п. 3.3). В хакасском мифе «Почему у ласточки раздвоенный хвост» говорится про *хысхылык* хус ‘фламинго-птицу’, которую никто не видел, но ее голос «счастливый человек слышит» – *улул таланныг кизи исче бе хайдаг* [Несказочная проза хакасов 2016: 130–131].

Также хакасы считали, что птица *хысхылык* приносит удачу: например, молодой охотник, поймавший ее, мог жениться на любой (бедной или богатой) девушке. В. Я. Бутанаев приводит примеры устойчивых словосочетаний со словом *хысхылык*: *«хысхылык той* – праздник по случаю преподнесения в подарок фламинго; *хысхылыкты ат салза, хысха абырлап парчалар* – если подстреливали фламинго, то отправлялись сватать девушку; *хысхылык үлгүзи* – название древнего обычая, согласно которому вместо застреленного фламинго должны были охотнику отдать в жены дочь» [Бутанаев 1999: 203]. В отличие от хакасского фольклора, где эта птица помогает сосватать суженую, в шорском фольклоре птицу *кыйгылык* устойчиво связывают с вестью о чьей-то гибели.

Однако фламинго у хакасов имеет и некоторое сходство с птицей *кыйгылык*, поскольку он также связан с символикой и ритуалами смерти. В. Я. Бутанаев отмечал, что «возникновение дней поминок хакасы связывают с почитаемой птицей фламинго (*хысхылык*), одна из супружеской пары которых, согласно мифам, прилетала на место гибели своего спутника в эти дни» [Бутанаев 1996: 160].

В традиционной культуре саяно-алтайских тюрков, по мнению Г. Г. Король, фламинго относится «к птицам из разряда “проклинающих” (наряду с лебедями, журавлями, дрофами), к которым нужно относиться с особым почтением. Увидеть их весной считалось счастьем, а осенью – плохим предзнаменованием» [Король 2015: 49]. Иными словами, образ фламинго у хакасов неоднозначен: эта птица может приносить удачу, но бывает и предвестником несчастья.

Таким образом, нельзя однозначно соотнести птицу *кыйгылык* с реальными птицами (точнее, с их фольклорными образами), которые упоминались шорскими сказителями, ныне ушедшими из жизни, оставив нам эту загадку. Можно предположить, что образ шорской птицы *кыйгылык* вобрал в себя представления и образы как реальных, так и мифических птиц разных народов.

Представления о вещих, царских, райских птицах существуют во многих культурах мира. Это тюркская Хумай (Хумо), восточнославянские Гамаюн, Сирин и Алконост, Гаруда в фольклоре народов Центральной Азии и Южной Сибири и мн. др. [Мифологический словарь 1990; Иванова-Казас 2006; и др.].

Заключение

Таким образом, восприятие носителями языка и трактовка учеными образов птиц *кыйгылык* как соотносимых с реальными (орлом, павлином, лебедем, фламинго), на наш взгляд, являются необоснованными. В шорском фольклоре образ птиц *кыйгылык* мифичен, они живут

⁶ На взгляды М. Рясянена по поводу происхождения данного корня указала А. В. Дыбо в личной беседе с И. А. Невской, которая поделилась этой информацией с автором статьи.

не в среднем (земном) мире, а, вероятно, в верхнем мире богов. В потусторонний мир (мир мертвых), находящийся за железным хребтом – границей между земным и другим миром, они могут доставлять тела погибших или умирающих. Своими сверкающими, ослепительными перьями они напоминают сказочную Жар-птицу, а также павлина. Эти птицы сообщают людям о чем-то важном, могут спасти уже умершего человека, доставив его в верхний мир к творцу-*чайачы*. Но основная функция этих птиц – быть предвестником смерти. Они появляются в том месте, где произойдет смерть человека. В эпических сказаниях они появляются, как правило, не по отдельности, а парно: *Улуг-Кичиг алтын қыйғылық* ‘Старшая-Младшая *қыйғылық*’.

Слово *қыйғылық* относится к очень древнему, исконно тюркскому пласту шорской лексики. Перевод его именем какой-либо реальной птицы невозможен, это слово относится к непереводаемым на русский язык понятиям. Смысл и истинная функция этого образа в шорской традиционной культуре до сих пор не получили адекватной интерпретации. Внешние признаки данной птицы уведут исследователя от ее основной роли – предупреждать человека о скорой гибели или оповещать о погибшем.

Список литературы

- Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 318 с.
- Алексеев Н. А. Структура якутских мифов и их взаимодействие с другими жанрами фольклора // Этнография и фольклор народов Сибири: избр. труды / Отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск: Наука, 2008. С. 421–427.
- Арбачакова Л. Н. Переходные пространства и объекты природы в шорском эпосе // Зеркала культуры: Памяти А. М. Сагалаева. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 104–114.
- Бурнаков В. А. Образ кукушки в мифопоэтической традиции хакасов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 305–309.
- Бурнаков В. А. Журавль в мифологических воззрениях хакасов // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 87–89.
- Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов: Пособие для учителей. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. 224 с.
- Бутанаев В. Я. Хакаско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1999. 237 с.
- Вербицкий В. И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1869. 159 с. (Переизд.: Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. 496 с.)
- Дыренкова Н. П. Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. Кн. 4. С. 119–126.
- Есипова А. В., Арбачакова Л. Н. Возрожденные слова (по материалам героических сказаний) // Вестник РГГУ. 2009. № 6. С. 86–104.
- Иванова-Казас О. М. Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве. СПб.: Нестор-История, 2006. 172 с.
- Король Г. Г. Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой тюркской и традиционное наследие народов Саяно-Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. Вып. VIII. С. 47–63.
- Косточаков Г. В. Этимология шорского этнонима *Шор* // Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования. Новосибирск, 1998. 196 с.
- Курпешко-Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шор-казак пазок казак-шор ўргедиг сўстук: Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1993. 146 с.
- Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 709 с.
- Муйтуева И. Н. Образ птиц в традиционной культуре алтайцев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 1–2. С. 29–34.
- Несказочная проза хакасов / Сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34)

- Потанов Л. П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (Обычай дарения убитого лебедя у хакасов) // Советская этнография. 1959. № 2. С. 18–31.
- Протп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996. 364 с.
- Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / Отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Сост., подгот. текстов и пер. Л. Н. Арбачаковой. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 318 с.
- Стеблова И. В. Очерки турецкой мифологии. М., 2002. 102 с.
- Токмашов Б. И. Каан Оолак. Богатырское сказание на шорском языке с переводом на русский язык. Новокузнецк: Новокузнецкий полиграфкомбинат, 2009. 149 с.
- Фольклор шорцев / Сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 29)
- Функ Д. А. Заметки на полях шорско-русского словаря / Народы Российского Севера и Сибири. Сибирский этнографический сборник. Вып. 9. М., 1999. 165 с.
- Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М., 2005. 398 с.
- Черемисин Д. В. К изучению ирано-тюркских связей в сфере мифологии // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Новосибирск, 1995. Т. 1. С. 342–345.
- Чудояков А. И. Этюды шорского эпоса. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1995. 221 с.
- Шорские героические сказания: Кара Кан, Кара Сабак / Сост., переводчик Л. Н. Арбачакова. М.: Институт перевода Библии, 2014. 280 с.
- Шорский героический эпос / Сост., подгот. к изд., статьи, пер. на рус. яз., прил., примеч. И коммент. Д. А. Функа. Т. 3: Сыбазын-Олак. Выспоренная Алтын-Торгу. Кара-Хан. Кемерово: ООО «Примула», 2012. 280 с.
- Шорский фольклор / Зап., перев., вступ. ст., примеч. Н. П. Дыренковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.
- OTWF – Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Vol. 1–2. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1991. 873 p.
- VEWT – Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Bd. 1. Hels., 1969. 533 p. (Suomalais-Ugrilainen Seura)

References

- Alekseev N. A. *Rannie formy religii turkoyazychnykh narodov Sibiri* [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 318 p. (In Russian)
- Alekseev N. A. Struktura yakutskikh mifov i ikh vzaimodeystvie s drugimi zhanrami fol'klora [The structure of Yakut myths and their interaction with other genres of folklore]. In *Etnografiya i fol'klor narodov Sibiri: izbr. trudy* [Ethnography and folklore of the peoples of Siberia: selected works]. E. N. Kuzmina (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2008, pp. 421–427. (In Russian)
- Arbachakova L. N. Perekhodnye prostranstva i ob'ekty prirody v shorskom epose [Transitional spaces and natural objects in the Shor epic]. In *Zerkala kul'tur: Pamyati A. M. Sagalaeva* [Mirrors of cultures: In memory of A. M. Sagalaev]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2019, pp. 104–114. (In Russian)
- Burnakov V. A. Obraz kukushki v mifopoeticheskoy traditsii khakasov [The image of the cuckoo in the mythopoetic tradition of the Khakass people]. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2008, vol. XIV, pp. 305–309. (In Russian)
- Burnakov V. A. Zhuravl' v mifologicheskikh vozzreniyakh khakasov [The crane in Khakass mythological beliefs]. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2012, no. 2, pp. 87–89. (In Russian)
- Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakass-Russian historical and ethnographic dictionary]. Abakan, Khakass book publishing house, 1999, 237 p. (In Russian and Khakass)
- Butanaev V. Ya. *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov: Posobie dlya uchiteley* [Traditional culture and life of the Khakass people: A manual for teachers]. Abakan, Khakass book publishing house, 1996, 224 p. (In Russian)

Cheremisin D. V. K izucheniyu irano-tyurkskikh svyazey v sfere mifologii [On the study of Iranian-Turkic relations in the sphere of mythology]. In *Aborigeny Sibiri: problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur: Tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf.* [Aborigines of Siberia: problems of studying disappearing languages and cultures: Abstracts of the International sci. conf.]. Novosibirsk, 1995, vol. 1, pp. 342–345. (In Russian)

Chudoyakov A. I. *Etudy shorskogo eposa* [Etudes of the Shor epic]. Kemerovo, Kemerovo Book Publishing House, 1995, 221 p. (In Russian)

Dyrenkova N. P. Ptitsa v kosmogonicheskikh predstavleniyakh turetskikh plemen Sibiri [Bird in the cosmogonic representations of the Turkish tribes of Siberia]. In *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [Culture and writing of the East]. Baku, 1929, bk. 4, pp. 119–126. (In Russian)

Erdal M. *Old Turkic word formation: a functional approach to the lexicon*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1991, vols. 1–2, 873 p.

Esipova A. V., Arbachakova L. N. Vozrozhdennye slova (po materialam geroicheskikh skazaniy) [Revitalized words (on the background of the Shor heroic epos)]. *RSUH Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*. 2009, no. 6, pp. 86–104. (In Russian)

Fol'klor shortsev [Folklore of the Shor people]. L. N. Arbachakova (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2010, 608 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East], Vol. 29). (In Russian and Shor)

Funk D. A. *Miry shamanov i skaziteley: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov* [Worlds of shamans and storytellers: a comprehensive study of Teleut and Shor materials]. Moscow, 2005, 398 p.

Funk D. A. Zametki na polyakh shorsko-russkogo slovarya [Notes on the margins of the Shor-Russian dictionary]. In *Narody Rossiyskogo Severa i Sibiri. Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Peoples of the Russian North and Siberia. Siberian ethnographic collection]. Moscow, 1999, iss. 9, 165 p. (In Russian)

Ivanova-Kazas O. M. Ptitsy v mifologii, fol'klore i iskusstve [Birds in mythology, folklore, and art]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2006, 172 p. (In Russian)

Korol' G. G. Motivy letyashchey ptitsy i krylatoy bogini v srednevekovoy torevtike i traditsionnoe nasledie narodov Sayano-Altaya [Motifs of a flying bird and a winged goddess in medieval torevtics and the traditional heritage of the peoples of Sayan-Altai]. In *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospektive* [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul, Altai University Publishing House, 2015, iss. VIII, pp. 47–63. (In Russian)

Kostochakov G. V. Etimologia shorskogo etnonima Shor [Etymology of the Shor ethnonym Shor]. In *Shorskaya filologiya i sravnitel'no-sopostavitel'nye issledovaniya* [Shor philology and comparative studies]. Novosibirsk, 1998, 196 p. (In Russian)

Kurpeshko-Tannagasheva N. N., Apon'kin F. Ya. Shor-kazak pazok kazak-shor yrgedig sostuk: Shorsko-russkiy i russko-shorskiy slovar' [Shor-Kazakh pazok Kazakh-Shor dictionary: Shor-Russian and Russian-Shor dictionary]. Kemerovo, Kemerovo kn. izd., 1993, 146 p. (In Russian and Shor)

Mifologicheskiy slovar' [Mythological dictionary]. E. M. Meletinsky (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, 709 p. (In Russian)

Muytueva I. N. Obraz ptits v traditsionnoy kul'ture altaytsev [The image of birds in the traditional culture of the Altai people]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie* [Modern science: current problems of theory and practice. Series: Cognition]. 2018, no. 1–2, pp. 29–35. (In Russian)

Neskazochnaya proza khakasov [Non-fairytale prose of the Khakass people]. V. V. Mindibekova, G. B. Sychenko (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2016, 540 pp. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East], Vol. 34). (In Russian and Khakass)

Potapov L. P. Iz istorii rannikh form sem'i i religioznykh predstavleniy (Obychay dareniya ubitogo lebedya u khakasov) [From the history of early forms of family and religious ideas (The custom of giving a killed swan among the Khakass)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1959, no. 2, pp. 18–31. (In Russian)

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. St. Petersburg, 1996, 364 p. (In Russian)

Steblova I. V. *Ocherki turetskoy mifologii* [Essays on Turkish mythology]. Moscow, 2002, 102 p. (In Russian)

Shorskie geroicheskie skazaniya: Kara Kan, Kara Sabak [Shor heroic tales: Kara Kan, Kara Sabak]. Comp., transl. L. N. Arbachakova (Comp., transl.). Moscow, Institute of Bible Translation, 2014, 280 p. (In Russian and Shor)

Shorskiy fol'klor [Shor folklore]. N. P. Dyrenkova (Record., transl., introd., notes). Moscow, Leningrad, AS USSR, 1940, 448 p. (In Russian and Shor)

Shorskiy geroicheskiy epos [Shor heroic epic]. D. A. Funk (Comp., prep. for publ., art., transl. into Russian, appendix, notes, and comment.). Kara-Khan. Kemerovo, Primula, 2012, vol. 3: Sybazyn-Olak. Vysporennaya Altyn-Torgu [Sybazyn-Olak. Altyn-Torgu the Wise. Kara-Khan], 280 p. (In Russian and Shor)

Skazaniya shorskogo kaychi V. E. Tannagasheva [Tales of the Shor Kaichi V. E. Tannagashev]. E. N. Kuzmina (Ed.), L. N. Arbachakova (Comp., text preparation and transl.). Novosibirsk, Editorial and Publishing Center of NSU, 2015, 318 p.

Tokmashov B. I. *Җаан Оолаҗ. Богатырское сказание на шорском языке с переводом на русский язык* [Kaan Oolak. A heroic tale in the Shor language with translation into Russian]. Novokuznetsk, Novokuznetskiy poligrafkombinat, 2009, 149 p. (In Russian)

Verbitskiy V. I. *Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka* [Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Kazan', 1869, 159 p. (2nd ed. Gorno-Altaysk, Chechek, 2005, 496 p.) (In Russian, In Altai)

Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki, 1969, vol. 1, 533 p. (Suomalais-Ugrilainen Seura)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
28.04.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Любовь Никитовна Арбачакова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Lyubov' N. Arbachakova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

anzass@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9570-6505>

Звукорядная организация песен тувинцев Цэнгэла (Монголия) и Республики Тыва (Россия): опыт сравнительного исследования

Л. И. Кардашевская

Арктический государственный институт культуры и искусств, Якутск, Россия

Аннотация

Вводятся в оборот новые полевые данные по музыкальному фольклору тувинцев, полученные в 2024 г. в ходе фольклорной экспедиции в Монголию, рассматриваются звукоряды народных песен тувинцев сумона Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака. Для выявления общих черт и специфики привлечены тувинские народные песни из сборника «Ырлажылы» («Споём») (1959)¹. В песнях тувинцев Монголии и Тувы отмечено преобладание многозвучных звукорядов (гекса- и гептахордов), от двух до четырех ладовых ячеек, квартовых и квинтовых ходов в мелодиях, а также отмечены разные виды пентатоники.

Ключевые слова

тувинцы, Монголия, Тува, народные песни, звукоряд, пентатоника

Благодарности

Исследование выполнено в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030. Дальний Восток» (проект «Цифровой музей музыкальных инструментов народов Северной Азии») (2025–2028 гг., руководитель – Т. И. Игнатьева).

Для цитирования

Кардашевская Л. И. Звукорядная организация песен тувинцев Цэнгэла (Монголия) и Республики Тыва (Россия): опыт сравнительного исследования // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 196–209. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-196-209

The sound organization of the songs of the Tuvans of Tsengel (Mongolia) and the Republic of Tyva (Russia): a comparative study

L. I. Kardashevskaya

Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk, Russia

Abstract

This article presents an analysis of the sound organization in the folk songs of the Tuvan people residing in Tsengel sum, Bayan-Ölgii aimag, Mongolia, based on materials collected during a folklore and ethnographic expedition in 2024. For comparative purposes, the study draws on Tuvan folk songs from the collection “Yrlazhyly” (1959), which represents the tradition of Tuvans in the Republic of Tyva (Russia). The analysis establishes that the songs of both groups are characterized by the predominance of anhemitonic scales (hexachords and heptachords) spanning a wide ambitus (from an octave to a tenth), structured around 2–4 modal cells, with quartal and quintal leaps playing a significant role in the melodic contour. The key distinction lies in the type of pentatonic organization: the songs of the Mongolian Tuvans predominantly feature a minor pentatonic scale expanded upward by 2–3 steps, as well as an abbreviated major pentatonic. In contrast, the songs from Tyva employ both major and minor pentatonic scales expanded downward by 2–3 steps. The findings confirm the systemic stability of the core elements of Tuvan songwriting, specifically, the anhemitonic scale with numerous

¹ Участники экспедиции получили эту книгу в дар от жителя г. Улэгэй, ученого-фольклориста Гаагийн Золбаяра (1966 г. р.).

steps and quartal-quintal intonation, which persists across groups separated by a national border. The observed variations in pentatonic structure are interpreted not as evidence of the decline of tradition, but as a consequence of its adaptive evolution and the emergence of localized variants shaped by diverse cultural and historical contexts (Mongolian and Russian). This underscores the internal richness and dynamism of a unified Tuvan musical language.

Keywords

Tuvans, Mongolia, Tuva, folk songs, musical scale, pentatonic

Acknowledgements

This research was supported by the Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030. Far East” (Project “Digital Museum of Musical Instruments of the Peoples of North Asia”), 2025–2028, headed by T. I. Ignatieva.

For citation

Kardashevskaya L. I. Zvukoryadnaya organizatsiya pesen tuvintsev Tsengela (Mongoliya) i Respubliki Tyva (Rossiya): opyt sravnitel'nogo issledovaniya [The sound organization of the songs of the Tuvans of Tsengel (Mongolia) and the Republic of Tyva (Russia): a comparative study]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 196–209. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-196-209

Введение

Тувинцы являются одним из коренных народов Монголии и проживают в Баян-Ульгийском, Ховдинском, Селенгинском, Центральном и Хубсугульском аймаках (областях) страны (около 10 тыс. чел.). «Многие тувинцы, живущие в этих аймаках, утверждают, что раньше ... их земли считались частью тувинской территории. Установление границ между двумя государствами привело к тому, что они оказались на монгольской территории» [Монгуш М. 2007: 341].

В 2024 г. научно-творческая группа из Арктического государственного института культуры и искусств (г. Якутск) в целях выполнения проекта «Культурный код: фольклорно-этнографическая экспедиция в Монголию “Золотые нити тюркской культуры”» совершила экспедицию к тувинцам, проживающим в сумоне (селе) Цэнгэл Баян-Ульгийского аймака Монголии ². Сумон Цэнгэл примыкает к Монгун-Тайгинскому кожууну Республики Тува. В настоящее время там проживают 1740 тувинцев, 8700 казахов и 6 монголов [Монгуш М. 2013: 27, 29]. Тувинцы сумона свободно говорят на тувинском, монгольском и казахском языках. Многие в культуре перенято ими от монголов и казахов, но в то же время они сумели сохранить и собственные традиции, несмотря на изолированность и удаленность от городов.

В ходе экспедиции нами записано 22 песенных образца (в числе которых авторские и народные песни), две импровизации *хоомей* (горловое пение), один скотоводческий напев. Также зафиксированы загадки и пословицы ³.

Самые ранние сведения о тувинской музыке появились в конце XIX в., с описания праздника, где было отмечено пение под аккомпанемент струнных инструментов, а также дана характеристика шаманскому пению [Островских 1898: 424]. С начала XX в. изучению тувинской песенной культуры посвятили свои труды такие ученые, как А. В. Анохин, А. Н. Аксенов, Е. В. Гиппиус, З. К. Кыргыз, В. Ю. Сузукей, Ю. И. Шейкин, Г. Б. Сыченко, Н. М. Кондратьева, Э. Таубе, Е. Л. Тирон, О. В. Новикова, А. Д.-Б. Монгуш, А. Х. Кан-оол и др.

Исследователи тувинской музыкальной культуры разделяют песенный фольклор на *ырлар* ⁴ – песни и *кожамык* – припевки [Аксенов 1964: 24]; *узун ырлар* (протяжные песни), *кыска ырлар* (короткие песни) и *кожамык* – припевки; а также *приуроченные* и *неприуроченные* песни [Кыргыз 1992: 63–64]. Е. Л. Тирон отмечает у тувинцев лирический песенный жанр *ыры* ⁵, шаманские песнопения *хам ыры* и свадебные песни *куда ыры* [Тирон 2022: 23]. В труде «Тувинские народные песни и обрядовая поэзия» З. К. Кыргыз выделяет песни о родной земле, колыбельные,

² Состав экспедиционной группы: О. Д. Коврова, Л. И. Кардашевская, Н. Е. Уаров, О. Нямжав.

³ Партнером в реализации экспедиции выступил «Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел» (г. Кызыл). Специалист этого центра А. Монгуш выступил в роли переводчика и информанта-носителя тувинской традиционной культуры и музыкального фольклора (примеры 1, 5).

⁴ *Ырлар* – множественное число от *ыр* ‘песня’; *ырлаар* – глагол ‘петь’ [Аксенов 1964: 24].

⁵ *Ыры* – притяж. форма 3-го л от *ыр* ‘песня’; *кундага ыры* ‘застольная песня’ [Тувинско-русский словарь 1955: 570–571].

песни о матери и об отце, песни сироты, свадебные песни, пастушьи, песни о домашних животных, песни охотников, песни о ламах и шаманах, служителях культа, песни о богачах, песни при подношении пиалы, песни о 60 богатырях, песни о русских переселенцах, лирические песни, песни о своем коне, припевки-*кожамыктар*, припевки на *ойтулаше* ⁶. Однако автор считает, что «далеко не все перечисленные виды приуроченных песен тувинцев правомерно рассматривать в качестве особого жанра» [Тувинские... 2015: 388]. Таким образом, возникает проблема жанрового статуса, многое говорит о синкретизме тувинской песенной традиции, например, песни могут объединять в себе черты лирики, обряда, повествования и трудового ритма, что затрудняет их однозначное отнесение к одной категории.

Отметим труды по изучению песенного фольклора тувинцев Цэнгэла. Немецкий исследователь Э. Таубе в середине XX в. записала от цэнгэльских тувинцев более 100 песен *ыр* [Таубе 1975: 109]. Позже к собиранию тувинского песенного фольклора в с. Цэнгэл обратился Г. Золбаяр, опубликовавший более 40 текстов песен [Золбаяр 1993]. По материалам экспедиций 2002–2007 гг. в песенном фольклоре Цэнгэла У. А. Донгак выявляет *арэганың ыры* ‘песни застолья’, *сөң ыры* ‘песни подношения’, *баштаар ыр* ‘заглавная песня’, *йөрээлдеп ырлаары*, *йөрээл ыры* ‘песня благопожелания’, *увей ыры*, *увейлээри* ‘колыбельная’, *харилцаа ыр*, *кожарлажып ырлаары* ‘молодежные песни’ (или диалоговые); лирические песни подразделяются по тематическим группам [Донгак 2020: 64–65]. В 2018 г. выходит сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла, в котором выделяются песни старого времени (песни-подношения, песни о родной стороне, песни о предводителях-беках, воспевание многочисленных родственников, песни на чужбине, лирические и любовные песни); песни нового времени, к которым относятся и *харилцаа* (песни-припевки) [Подношение... 2018: 6–7]. Таким образом, жанровая палитра песенного фольклора цэнгэльских тувинцев во многом отличается от песенной традиции российских тувинцев, что может свидетельствовать о возможном влиянии монгольской культуры. О различиях в песенном фольклоре тувинцев Монголии и России пишет и У. А. Донгак [Донгак 2020: 63].

В связи с тем, что в экспедиции народная песенная терминология нами не была зафиксирована, в данной статье мы опираемся на классификацию жанровых разновидностей песен и тематическую группировку лирических песен цэнгэльских тувинцев, выполненную У. А. Донгак.

Обратим внимание на народные песни, записанные нами в экспедиции, а также на песенные образцы из сборника песен «Ырлажыылы» (1959) и предпримем попытку установления общих и различных тенденций в их звукорядной организации у двух групп одного народа, разделенных государственной границей ⁷. За основу анализа взяты принцип звукорядной составности в монодии, разработанный С. П. Галицкой [Галицкая 2020], а также специальное исследование ладо-звукорядов тувинской музыки А. Д.-Б. Монгуш [Монгуш А. 2013].

1. Анализ народных песен тувинцев Монголии

«Песня про реки», исполненная А. Монгуш (1976 г. р.) и Ч. Ганзориг (1986 г. р.) в унисон, представляет собой протяжную с многочисленными распевами слогов импровизацию, мелодия которой создает впечатление бескрайних просторов. А. Монгуш сообщил, что в ней «поется о реке Эви с ее горячим течением, о ровесниках, детской дружбе и своем народе». Этот образец мы отнесем к выделенному у цэнгэльских тувинцев У. А. Донгак ситуативному типу песен *арэганың ыры* (песни застолья), а тематически – к песням, воспевающим родину, родные места, горы, реки [Донгак 2020: 64, 66]. Песня о реке Эви была зафиксирована У. А. Донгак в с. Цэнгэл. Исследователь относит ее именно к этой группе песен (см. пример 1).

⁶ *Ойтулааш* – уст. ночные гулянья молодежи (в дореволюционной Туве) [Кыргыс 2015: 382].

⁷ Нотная расшифровка публикуемых примеров выполнена Л. И. Кардашевской (примеры 1, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 16) и Т. И. Игнатьевой (пример 3). Расшифровка текста, перевод – А. Салчак (примеры 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13).

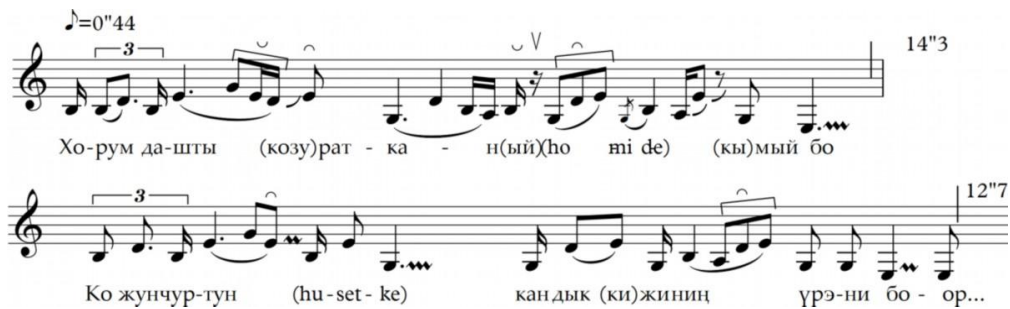
Пример 1. Фрагмент «Песни про реки» в исполнении А. Монгуш (1976 г. р.) и Ч. Ганзориг (1986 г. р.)
Example 1. A fragment of “Songs about Rivers” performed by A. Mongush (born in 1976) and Ch. Ganzorig (born in 1986)

В этом примере обращает на себя внимание обилие широких ходов в мелодии: восходящих на ч. 4, ч. 5, нисходящих также на ч. 4, ч. 5 и на б. 6, а поступенное движение образует волнообразные линии с плавными подъемами и спадами. Звукоряд напева составляет ангемитонный гептахорд в амбитусе децимы⁸. Выделение сильных долей в исполнении позволяет нам разбить напев на 4 ячейки. А. Н. Аксенов в тувинских песенных мелодиях отмечал от 2–4 ладовых ячеек [Аксенов 1964: 41], а З. К. Кыргыс от 2–6, реже – от 1–8 ячеек [Кыргыс 1992: 68] (см. пример 2).

Пример 2. Основной звукоряд и ладовые ячейки к примеру 1
Example 2. The basic scale and modal cells for example 1

Рассмотрим следующую народную песню, записанную нами от Х. Хоххоо (1954 г. р.). В ней поются такие слова: «Огромные камни расколовший кто это? Скалистые камни расколовший кто это? В государстве хана это дочь какого человека?»⁹. Этот пример мы также отнесем к *агаганың ыры* (песни застолья) и к песням, воспевающим родину (по У. А. Донгак). По воспоминаниям информанта, «тувинцы и монголы в давние времена собирались ... и на таких встречах звучала и эта песня». Данный напев схож по мелодике с вышеуказанной песней про реки, но исполнен на другой текст и в более скором темпе (см. пример 3). По этому поводу А. Н. Аксенов пишет: «в тувинских народных песнях слова и мелодия чаще всего не прикреплены друг к другу: на одну и ту же мелодию в различных местностях поются различные слова» [Аксенов 1964: 31].

Пример 3. Фрагмент народной песни в исполнении Х. Хоххоо (1954 г. р.)
Example 3. A fragment of a folk song performed by Kh. Khokhoo (born in 1954)

Здесь звукоряд песни также является ангемитонным (гептахорд в дециме), который можно разделить на две ячейки. В мелодии преобладают широкие нисходящие скачки на ч.4, б.6, а также восходящие на ч. 4, ч. 5, однако встречающиеся секундовые ходы «подготавливают» скачок в противоположном движении (см. пример 4).

⁸ В основном звукоряде незакрашенная нотная головка указывает опорный тон, а заштрихованная – неопорный.

⁹ В подтекстовке слова, которые приведены в латинской транскрипции, не поддаются идентификации в рамках современного тувинского языка. А. Салчак предположил, что это могут быть либо монгольские заимствования, либо архаизмы.

Пример 4. Основной звукоряд и ладовые ячейки к примеру 3
Example 4. The basic scale and modal cells for example 3

Следующая песня «Конгурей», со слов информантов А. Монгуш и Ч. Ганзориг, является «народной песней цэнгэльских тувинцев... В ней поется о народе» (см. пример 5).

У. А. Донгак зафиксировала эту песню у тувинцев Цэнгэла и отнесла ее к лирическим песням исторического содержания [Донгак 2020: 66]. Мы дополнительно отнесем этот пример к ситуативному типу *араганың ыры* (песни застолья).

Существует несколько вариантов данной песни, три из них нотированы А. Н. Аксеновым [Аксенов 1964: 77, 201–204], а четвертый представлен в сборнике тувинских народных песен, М. М. Мунзука [Монгуш А. 2013: 153]. Встречается и пятая версия, которая исполняется «в концертном варианте» [Там же]. Записанная нами песня, по-видимому, относится к последнему варианту. Первый вариант песни из труда А. Н. Аксенова подробно проанализирован А. Д.-Б. Монгуш. Исследователь отмечает в нем переменного-составного размера, наличие распевов в конце музыкальных строк, вариативность при повторении музыкальных строк [Там же: 155]. Эти же черты, на наш взгляд, характерны и для других опубликованных вариантов. Сюда добавим окончание мелодических строк в высокой позиции (выделение верхних звуков мелодии). Варианты песни из монографии А. Н. Аксенова отличаются и своим текстом: в двух вариантах поется о реке «Межегей с могучими лиственницами», о «шутливых девушках-красавицах», в третьем воспеваются «тувинская страна». В примере, записанном нами, обнаруживаются устойчивая трехдольность, окончание мелодических строк на нижнем устое, исполнение распевов в течение всего напева. Приведем перевод цэнгэльского варианта песни:

Из шестидесяти табунов лошадей
Где пегой масти половина, Конгурей?
Шести районов моих земляков,
Где их родина, Конгурей?..

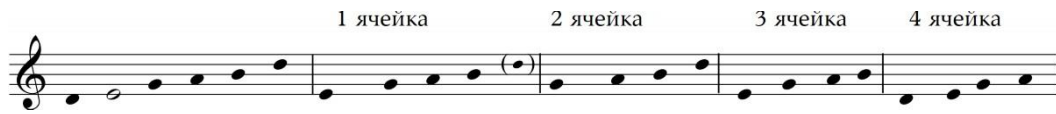
Пример 5. Фрагмент песни «Конгурей» в исполнении А. Монгуш и Ч. Ганзориг
Example 5. A fragment of the song “Kongurei” performed by A. Mongush and Ch. Ganzorig

Филолог М. В. Бавуу-Сюрюн эту песню называет локальной, так как «она не встречается в текстах, собранных в Туве, но с 90-х годов ... вошла в репертуар фольклорных ансамблей Тувы» [Бавуу-Сюрюн 2011: 166–168]. Таким образом, еще раз подтверждается высказывание У. А. Донгак о несоответствии песенных традиций у тувинцев Монголии и России.

Мелодия записанной нами песни идентична песне, исполняемой фольклорными коллективами Тувы. В ней отмечается ангемитонный звукоряд: гексахорд в объеме октавы, нисходящие

и восходящие ходы на ч. 4, нисходящие терцовые окончания в конце мелодических строк. Поступенное движение служит фундаментом песни, придавая ей особую текучесть.

Звукоряд данного напева можно разделить на 4 ячейки (см. пример 6).

Пример 6. Основной звукоряд и ладовые ячейки к примеру 5

Example 6. The basic scale and modal cells for example 5

В протяжной народной песне, исполненной в унисон Ч. Ж. Борхуу Делег (1950 г. р.) и Ч. Ганзориг, воспеваются родные просторы: «Пегое облако, затянувшее на Ак-Даге исток реки Ак-Хема, – моя родина! Отец, меня тут создавший..., мой родной край!» Относительно ситуации данный образец может быть отнесен к *араганын ыры* (песни застолья), а по тематике – к песням, воспевающим родину (см. пример 7).

Пример 7. Фрагмент народной песни в исполнении Ч. Ж. Борхуу Делег (1950 г.р.) и Ч. Ганзориг
Example 7. A fragment of a folk song performed by Ch. Zh. Borkhuu Deleg (born in 1950) and Ch. Ganzorig

Каждую попевку в строке можно назвать самостоятельным мелодическим оборотом; таким образом, мелодическая строка делится на 4 ячейки. Основной звукоряд – ангемитонный гептахорд в ноне. Мелодия песни изобилует терцовыми и квартовыми ходами как восходящими, так и нисходящими, но благодаря поступенному движению, которое здесь первично, создается ощущение плавности мелодии (см. пример 8).

Пример 8. Основной звукоряд и ладовые ячейки к примеру 7

Example 8. The basic scale and modal cells for example 7

От Б. Баюрмаа (1995 г. р.) и Х. Хохоо (1954 г. р.) был записан колыбельный напев, куплеты которого исполнялись информантами по очереди. «Спи, мое золотце, баю-бай, маленький мой, мамин сыночек...» У тувинцев с. Цэнгэл колыбельные песни исполняются на слова *өвэй / үвэй*, а также на *бэвий / бэвей / увай*. Данный образец отнесем к типу песен *увей ыры, увейлээри* (колыбельная) (по У. А. Донгак) (см. пример 9).

Пример 9. Колыбельный напев в исполнении Б. Баюрмаа (1995 г. р.)
Example 9. A lullaby chant performed by B. Bayurmaa (born 1995)

Окончания фраз напева, исполненного Б. Баюрмаа, основаны на нисходящих квартовых интонациях. Секундовые ходы в мелодии «подготавливают» квартовые скачки. Несмотря на то, что основной звукоряд является диатоническим (гексахорд в сексте), звукоряды в ячейках ангемитонны (см. пример 10).

Пример 10. Основной звукоряд и ладовые ячейки к примеру 9
Example 10. The basic scale and modal cells for example 9

Х. Хохоо продолжил исполнение колыбельной, но уже на слове *үвэй*. Возможно, им был исполнен другой колыбельный напев, так как в нем меняется ритмический рисунок. В обоих вариантах колыбельной слова *өвэй*, *үвэй* исполняются на повторяющихся секундовых ходах, но на *өвэй* акцентируется верхний звук, а на *үвэй* нижний. Звукоряд напева – ангемитонный тетрахорд в квинте (см. примеры 11, 12).

Пример 11. Колыбельный напев в исполнении Х. Хохоо
Example 11. A lullaby chant performed by Kh. Khokhoo

Пример 12. Основной звукоряд и ладовые ячейки к примеру 11
Example 12. The basic scale and modal cells for example 11

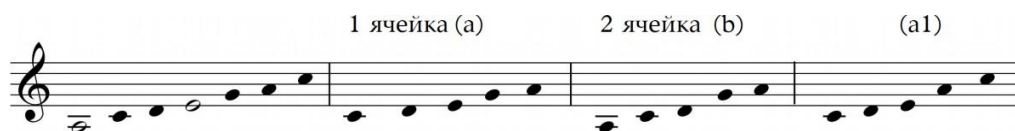
Рассмотрим напев из свадебного обряда. Как сообщил исполнитель Ч. Ганзориг, «на тувинской свадьбе молодежь играет в игру со спрятанным кольцом. По обе стороны комнаты сидят парни и девушки. Водящий прячет у кого-либо из присутствующих в руках кольцо. Тот, кому оно попало, должен исполнить либо песню, либо танец. Во время игры исполняется напев «Ал-дын хүүрей» на слова, которые переводятся как «Золотое кольцо, серебряное кольцо найдете или не найдете» (см. пример 13).

Пример 13. Напев из свадебного обряда в исполнении Ч. Ганзориг
Example 11. A chant from the wedding ceremony performed by Ch. Ganzorig

Отнесем данный напев к *харилцаа ыр*, *кожарлажып ырлаары* (молодежные песни, или диалоговые) [Донгак 2020: 64]: «*Харилцаа ыр* – молодежные песни, исполняемые поочередно девушками и юношами в форме диалога» [Там же: 65]. Данный вид песен исследователь не разделяет по тематике, как лирические песни. Несмотря на обилие широких скачков в мелодии, постепенное движение формирует здесь четкие, волнообразные контуры.

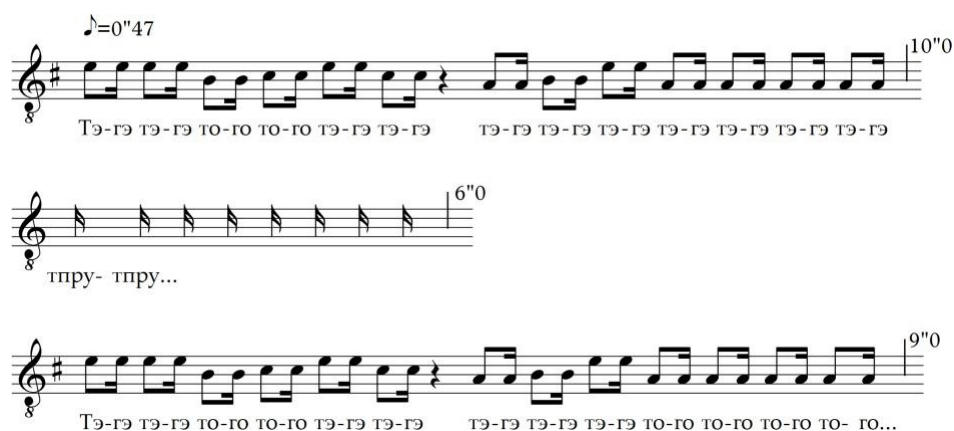
Звукоряд песни составляет гептахорд в дециме. Мелодическая строка делится на две ячейки. Первая ячейка во второй мелодической строке видоизменяется, вторая остается неизменной (см. пример 14).

Пример 14. Основной звукоряд и ладовые ячейки к примеру 13
Example 14. The basic scale and modal cells for example 13

В ходе экспедиции нами зафиксирован скотоводческий заговор овцы *тэгу*, исполненный Б. Попаа. З. К. Кыргыз относит такие «мелодические речитации ... к тувинской народной песенной традиции» [Тувинские... 2015: 36], к приуроченным песням, и приводит название заговора по приучению овцы к ягненку *хой алзыры* [Кыргыз 1992: 23]. К сожалению, нам не удалось выяснить, каким термином обозначают этот обряд сами цэнгэльские тувинцы.

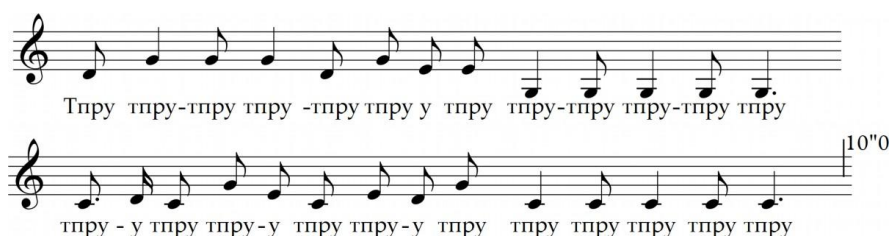
Записанный нами заговор сочетает в себе два тембровых стиля – распевание слогов *тэгу-того* и напевание «фыркающих» звуков. Таким образом, напев делится на две части¹⁰. Весь напев словно «выстроен» из нисходящих и восходящих скачков на терцию, кварту и квинту, однако встречающиеся секундовые ходы выполняют важную роль заполнения скачков в мелодии и «подготавливают» предстоящий широкий ход (см. пример 15).

Пример 15. Фрагмент скотоводческого напева в исполнении Б. Попаа (часть 1)
Example 11. A fragment of a cattle breeding chant performed by B. Popaa (Part 1)

Звукоряд первой части напева представлен тетрахордом в квинте. Мелодическая строка делится на две ячейки, разделенные паузами и представляющие собой вопросо-ответную структуру.

Следующая часть этого напева-заклинания для овцы была исполнена информантом на «фыркающие» звуки *тпру-тпру* и имеет индивидуальную мелодическую схему (см. пример 16). О звуко-символах в заговорах для овцы, исполняемых тувинцами России, пишут Н. М. Кондратьева и А. Х. Кан-оол. А. Х. Кан-оол отмечает звуко-символ *тпроогэт*, *тпроогэт* [тоотпалаар], а Н. М. Кондратьева приводит *тпро* / *тпро-гат* / *тфо* [Кан-оол 2012: 31–35; Кондратьева 1996: 17].

Пример 16. Фрагмент скотоводческого напева в исполнении Б. Попаа (2 часть)
Example 16. A fragment of a cattle breeding chant performed by B. Popa (Part 2)

¹⁰ Подробный анализ этого напева представлен в двух статьях [Кардашевская 2024: 94–104; Кардашевская 2025: 189–200].

Здесь мелодия представлена в широком октавном объеме (пентахорд в октаве); как и в первом разделе напева, встречаются широкие скачки (на кварту, квинту); секундовое движение в мелодии способствует «разбегу» для скачка. Данную мелодическую строку также разделим на две ячейки (см. пример 17).

Пример 17. Основные звукоряды и ладовые ячейки к примерам 15 и 16
Example 17. Basic scales and modal cells for examples 15 and 16

Таким образом, анализ показал, что: 1) в трех народных песнях и свадебном напеве звукорядная организация представлена гептахордом в дециме); 2) песня «Конгурей» исполнена в звукоряде гексахорда в октаве; 3) колыбельный напев в исп. Х. Хохоо и первый раздел скотоводческого напева исполнены в рамках квинтового тетрахорда; 4) «особняком» стоят два напева – это колыбельный напев в исп. Б. Баюрмаа, звукоряд которого можно отметить как гексахорд «с гемитоновым “размывом” пентатоники»¹¹ [Шейкин 2002: 327], и второй раздел скотоводческого напева, который исполнен в звукоряде пентахорда с квартой внизу. В целом, несмотря на пеструю картину звукорядов, можно сделать вывод, что ладовая организация тувинских песен с. Цэнгэл опирается на пентатонику (мажорную сокращенную и преобладающую минорную в расширении вверх на 2–3 ступени). Мелодии характеризуются частыми и структурно значимыми скачками на кварту, квинту и более широкие интервалы (до октавы).

Таблица 1
Table 1

**Мелодико-звукорядная организация песен тувинцев Цэнгэла:
анализ экспедиционных материалов**
**Melodic and sound-based organization of songs by Tsengel Tuvans:
analysis of expedition materials**

№	Название песни	Кол-во мелодических ячеек	Общий звукоряд	Звукоряд в «соль»
1	«Песня про реки» в исп. А. Монгуш, Ч. Ганзориг	4	гептахорд в дециме	$g^1-b^1-c^2-d^2-f^2-g^2-b^2$
2	Народная песня в исп. Х. Хохоо	2	гептахорд в дециме	$g^1-b^1-c^2-d^2-f^2-g^2-b^2$
3	Песня «Конгурей» в исп. А. Монгуш, Ч. Ганзориг	2	гексахорд в октаве	$f^1-g^1-b^1-c^2-d^2-f^2$
4	Народная песня в исп. Ч. Ж. Борхуу Делег, Ч. Ганзориг	4	гептахорд в ноне	$f^1-g^1-b^1-c^2-d^2-f^2-g^2$
5	Колыбельный напев в исп. Б. Баюрмаа	2	гексахорд в сексте	$g^1-a^1-h^1-c^2-d^2-e^2$
6	Колыбельный напев в исп. Х. Хохоо	2	тетрахорд в квинте	$g^1-a^1-h^1-d^2$
7	Напев из свадебного обряда в исп. Ч. Ганзориг	2	гептахорд в дециме	$g^1-b^1-c^2-d^2-f^2-g^2-b^2$

¹¹ Наличие гемитона $h-c$ «размывает» чистую структуру пентатоники и приближает ее к стандартному диатоническому звукоряду, при этом пентатонная основа в мелодических ячейках остается узнаваемой, что и позволяет говорить о звукоряде как о производном от пентатоники.

8	Скотоводческий напев <i>тэгу</i> в исп. Б. Попаа	1 раздел – 2 ячейки, 2 раздел – 2 ячейки	1 раздел: тетрахорд в квинте; 2 раздел: пентахорд в октаве	1 раздел: $g^1-a^1-h^1-d^2$ 2 раздел: $d^1-g^1-a^1-h^1-d^2$
---	---	---	---	--

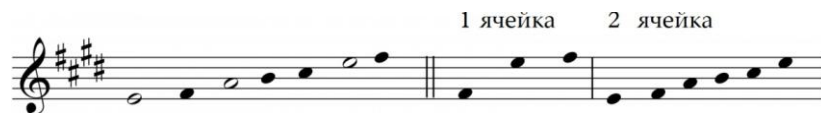
2. Анализ народных песен Республики Тыва

В качестве сравнительного материала привлечем к анализу несколько народных песен из сборника [Ырлажыылы 1959]¹². Для более полной звукоязычной картины тувинских песен примем во внимание образцы песенного фольклора, представленных в монографии А. Н. Аксенова «Тувинская народная музыка».

Песня «Аңчы Арат» («Арат охотник») [Там же: 44] необычна своим началом, которое проходит в высоком регистре (e^2-fis^2) и резким нисходящим скачком в мелодии на м. 7, который затем заполняется в восходящем движении. Звукоязык песни представлен в широком объеме (гептахорд в ноне). Мелодическая строка представлена в переменном размере и может быть разделена на две ячейки (см. пример 18, 19).

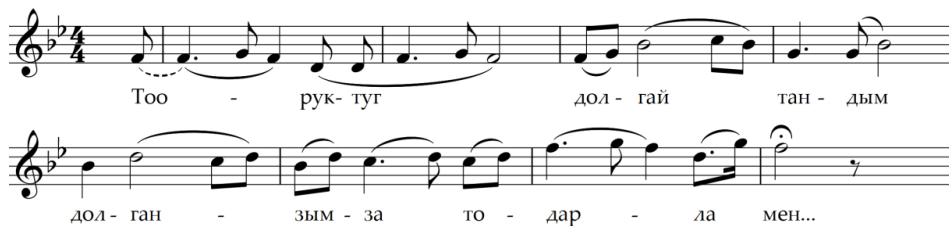

Пример 18. Фрагмент песни «Аңчы Арат» («Арат охотник»)
Example 18. A fragment of the song “Аңчы Арат” (“Arat the Hunter”)

Пример 19. Основной звукоязык и ладовые ячейки к примеру 18
Example 19. The basic scale and modal cells for example 18

В песне «Тооруктуг долгай тандым» («Ореховая моя тайга») [Там же: 51] мелодия словно постепенно «разгоняется» с нижнего регистра f^1-d^1 , достигая высоких f^2-g^2 . Данный песенный образец интересен составом звукоязыка, включающим восемь звуков в объеме ундецимы. Кроме этого, в мелодии песни нет ни одного скачка шире терцового. Напев разделим на две мелодические ячейки (см. пример 20, 21).

Пример 20. Фрагмент песни «Тооруктуг долгай тандым» («Ореховая моя тайга»)
Example 20. A fragment of the song “Тооруктуг долгай тандым” (“My Nut Taiga”)

Пример 21. Основной звукоязык и ладовые ячейки к примеру 20
Example 21. The basic scale and modal cells for example 20

Песня «Чашпы-Хем» («Река Чашпы») [Там же: 134] интересна волнообразным движением мелодии (со скачками на ч. 4, ч. 5, б. 6), каждое предложение начинается секундовым ходом d^1-e^1 , подготавливающим скачок. Восходящий ход на ч. 5 заполняется возвратным нисходящим движением мелодии. Звукоязык песни – гексахорд в октаве. Мелодия напева делится на две ячейки (см. пример 22, 23).

¹² Переводы названий песен выполнил А. Салчак.

Пример 22. Фрагмент песни «Чашпы–Хем» («Река Чашпы»)
Example 22. A fragment of the song “Chashpy–Khem” (“River Chashpy”)

Пример 23. Основной звукоряд и ладовые ячейки к примеру 22
Example 23. The basic scale and modal cells for example 22

Рассмотрев еще несколько примеров народных песен из сборника «Ырлажыылы», мы выявили, что в них наблюдается тенденция к многозвучным звукорядам (гекса-, гептахордам в диапазоне от октавы до децимы), исключением явились песни со звукорядом пентакорда в сексте (с целотоновым фрагментом) и октахорда в ундециме, что свидетельствует о развитой мелодике с широким дыханием. Наиболее типичными в мелодии являются восходящие и нисходящие скачки на ч. 4, ч. 5 и б. 6. Важную ладообразующую роль играет также пентатонная основа (мажорная и минорная, расширенные в основном вниз на 2–3 ступени).

Таблица 2

Table 2

**Мелодико-звукорядные характеристики песен тувинцев Республики Тыва
(по опубликованным источникам)**
**Melodic and acoustic characteristics of the songs of the Tuvans of the Republic of Tuva
(according to published sources)**

№	Название песни	Кол-во мелодических ячеек	Общий звукоряд	Звукоряд в «соль»
1	«Аңчы Арат» («Арат охотник»)	2	гептахорд в ноне	$d^1-e^1-g^1-a^1-h^1-d^2-e^2$
2	«Тооруктуг долгай тандым» («Ореховая моя тайга»)	2	октахорд в ундециме	$h^m-d^1-e^1-g^1-a^1-h^1-d^2-e^2$
3	«Агитатор» («Агитатор»)	4	гексахорд в октаве	$d^1-f^1-g^1-b^1-c^2-d^2$
4	«Кадарчы» («Пастух»)	2	пентакорд в сексте	$e^1-g^1-a^1-h^1-cis^2$
5	«Чашпы-Хем» («Река Чашпы»)	2	гексахорд в октаве	$d^1-e^1-g^1-a^1-h^1-d^2$
6	«Кызыл-Чыраа» («Кызыл-Чыраа»)	2	гептахорд в ноне	$g^1-b^1-c^2-d^2-f^2-g^2-a^2$
7	«Ошкаан болза» («Вот бы поцеловать»)	4	гептахорд в дециме	$d^1-f^1-g^1-b^1-c^2-d^2-f^2$
8	«База катап көрбес мен бе» («Так я с тобой и не сви-жусь»)	2	гептахорд в ноне	$d^1-f^1-g^1-a^1-h^1-d^2-e^2$

Также мы обратили внимание на звукоряды песен из монографии А. Н. Аксенова «Тувинская народная музыка». Данный труд привлекался как вторичный источник для верификации отдельных количественных параметров (объем и количество звуков в звукорядах) и не подвергался в данной статье целостному музыковедческому разбору. В монографии представлены нотировки, выполненные самим автором в 1930–1950-е гг., а также один пример, расшифрованный им с записи Е. Гиппиус и З. Эвальд 1927 г. Из проанализированных 53 образцов в 50 примерах звукоряды оказались ангемитонными, лишь в трех песнях встречается полутон. Мелодии четырех песен основаны на звукоряде тетракорда (3 примера в объеме квинты, 1 песня в амбигусе

кварты), 16 примеров представлены звукорядом пентахорда (7 в сексте, 6 в септимере, 3 в октаве), 15 песен основаны на гексахорде (13 в октаве, 2 в септимере), 14 песен представлены в гептахорде (11 в ноне, 2 в дециме и 1 в октаве), четыре песенных образца построены на звукоряде октахорда (3 в ундециме, 1 в ноне). Таким образом, в рассмотренном нами песенном корпусе из монографии А. Н. Аксенова наблюдается преобладание широкообъемных звукорядов – пентахордов, гексахордов, гептахордов. Об ангемитонном строении, широкообъемности звукорядов тувинских песен, а также преобладании в них 5–6 звуков пишет и А. Д.-Б. Монгуш [Монгуш А. 2013: 173].

Заключение

Сравнительное исследование звукорядной организации народных песен тувинцев Монголии и тувинцев Тувы, несмотря на количественную неравномерность и разновременную фиксацию, обнаруживает глубокое родство и преемственность музыкальной традиции двух групп. Это единство проявляется: 1) в доминировании многозвучных звукорядов: как в Цэнгэле, так и в Туве основу народных песен составляют гекса- и гептахорды в широком амбитусе, что является одной из характерных черт тувинской музыки; 2) в важной роли квартово-квинтовых интонаций в мелодии – широкие скачки на эти и более широкие интервалы формируют мелодический рельеф песен в обеих группах; 3) в общем принципе ладовых ячеек: структура напевов в песнях обеих групп строится на основе 2–4 ладовых ячеек, что соответствует теоретическим положениям, разработанным А. Н. Аксеновым, З. К. Кыргыз.

Несмотря на описанные общие черты, нами выявлено ключевое различие, которое заключается в типе пентатонной организации. Полевые материалы из Монголии демонстрируют в качестве ладового базиса минорную пентатонику в расширении вверх на 2–3 ступени и сокращенную мажорную пентатонику. Анализ песенного материала из Тувы показал в звукорядах песен мажорную и минорную пентатонику в расширении вниз на 2–3 ступени. Обнаруженные региональные особенности представляют собой не следствие распада традиции, а результат ее адаптивной эволюции в разных культурно-исторических условиях, что лишь подчеркивает богатство и внутренний потенциал единого тувинского музыкального языка.

Список литературы

- Аксенов А. Н. Тувинская народная музыка / Под ред. и с предисл. Е. В. Гиппиуса. М.: Музыка, 1964. 254 с.
- Бавуу-Сюрюн М. В. Отражение диалектного членения тувинского языка в фольклорных текстах // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 163–172.
- Галицкая С. П. О ладо-звукорядной структуре монодии // Вестник музыкальной науки. 2020. Т. 8. № 3. С. 104–114.
- Донгак У. А. Жанровые разновидности песен цэнгэльских тувинцев // Цэнгэльские тувинцы: фольклор и литература: коллект. моногр. / У. А. Донгак [и др.]; науч. ред. Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан. Новосибирск: Наука, 2020. 152 с.
- Золбаяр Г. Алдын дагша (Золотая пиала): фольклор цэнгэльских тувинцев Монголии. Кызыл, 1993. 96 с.
- Кан-оол А. Х. Скотоводческие заговоры в традиционной культуре тувинцев Эрзинского кожууна // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 1 (2). С. 31–35.
- Кардашевская Л. И. О бытовании «молочного напева» у тувинцев Баян-Ульгийского аймака Монголии // Электронный научно-исследовательский журнал Сибирского государственного института искусств имени Дмитрия Хворостовского «ARTE». 2024. С. 94–104.
- Кардашевская Л. И. Традиция скотоводческих заговоров у тувинцев Монголии // Фольклорное наследие исчезающих культур: от полевых записей до цифровых архивов: М-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием памяти Юрия Ильича Шейкина (1949–2023), посвященной 75-летию со дня рождения. 16 декабря 2024, Санкт-Петербург, Кунсткамера. СПб.: Лема, 2025. С. 189–200.
- Кондратьева Н. М. Скотоводческие заговоры теленгитов: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 1996. 20 с.
- Кыргыз З. К. Песенная культура тувинского народа. Кызыл: Тув. книж. изд., 1992. 144 с.

- Монгуш А. Д.-Б. Тувинский песенный фольклор: ладозвукорядный аспект. Абакан: Кооператив Журналист, 2013. 200 с.
- Монгуш М. В. Вдали от своих, свои среди чужих. Заметки о тувинцах Монголии и Китая // Проблемы общей и региональной этнографии. К 75-летию А. М. Решетова. СПб., 2007. С. 341–352.
- Монгуш М. В. У тувинцев Цэнгэла // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 26–43.
- Островских П. Е. Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун урянхайской земли // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1898. Т. 34. Вып. 4. С. 424–432.
- Подношение в серебряной чаше: Сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия). Новосибирск: Наука, 2018. 176 с.
- Таубе Э. Изучение фольклора тувинцев Монгольской Народной Республики // Сов. этнография. 1975. № 5. С. 106–111.
- Тиرون Е. Л. Колыбельные тувинцев: по экспедиционным материалам Новосибирской консерватории и Института филологии СО РАН // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (Вып. 43). С. 22–31.
- Тувинские народные песни и обрядовая поэзия / Сост. З. К. Кыргыс. Новосибирск: Сибирская горница, 2015. 432 с.
- Тувинско-русский словарь / Ред. А. А. Пальмбаха. М.: ГИС, 1955. 723 с.
- Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. л-ра, 2002. 718 с.
- Ырлажылы (ырлар чыындызы) / С. Пюрбю чыып тургускан. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1959. 247 ар.

References

- Aksenov A. N. *Tuvinskaya narodnaya muzyka [Tuvan folk music]*. E. V. Gippius (Ed.). Moscow, Muzyka, 1964, 254 p. (In Russian)
- Bavuu-Syuryun M. V. Otrazhenie dialektного chleneniya tuvinskogo yazyka v fol'klornykh tekstakh [Reflection of the dialectal division of the Tuvan language in folklore texts]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2011, no. 4, pp. 163–172. (In Russian)
- Galitskaya S. P. O lado-zvukoryadnoy strukture monodii [On the melodic structure of monody]. *Journal of Musical Science*. 2020, no. 3, vol. 8, pp. 104–114. (In Russian)
- Dongak U. A. Zhanrovye raznovidnosti pesen tsengel'skikh tuvintsev [Genre varieties of songs of Tsengel Tuvans]. In *Tsengel'skie tuvintsy: fol'klor i literatura: kollekt. monogr. [Tsengel Tuvans: folklore and literature: coll. monograph]*. U. A. Dongak et al. (Comps.), G. Zolbayar, B. Bayarsaykha (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 2020, 152 p. (In Russian)
- Kan-ool A. Kh. Skotovodcheskie zagovory v traditsionnoy kul'ture tuvintsev Erzinskogo kozhuuna [Cattle-breeding incantations in the traditional culture of the Tuvans of the Erzin kozhuun]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. 2012, no. 1 (2), pp. 31–35. (In Russian)
- Kardashevskaya L. I. O bytovanii “molochnogo napeva” u tuvintsev Bayan-Ul'giyskogo aymaka Mongolii [On the existence of the “milk tune” among the Tuvans of the Bayan-Ulgii Aimak of Mongolia]. *Elektronnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal Sibirskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv imeni Dmitriya Khvorostovskogo “ARTE” [ARTE, an electronic research journal of the Dmitry Khvorostovsky Siberian State Institute of Arts]*. Krasnoyarsk, 2024, pp. 94–104. (In Russian)
- Kardashevskaya L. I. Traditsiya skotovodcheskikh zagovorov u tuvintsev Mongolii [The Tradition of Pastoral Conspiracies among the Tuva People of Mongolia]. In *Fol'klornoe nasledie ischezayushchikh kul'tur: ot polevykh zapisey do tsifrovyykh arkhivov: M-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem pamyati Yuriya Il'icha Sheykina (1949–2023), posvyashchennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya. 16 dekabrya 2024, Sankt-Peterburg, Kunstkamera [Folklore Heritage of Disappearing Cultures: From Field Records to Digital Archives: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation in Memory of Yuri Ilyich Sheikin (1949–2023), Dedicated to the 75th Anniversary of His Birth. December 16, 2024, St. Petersburg, Kunstkamera]*. St. Petersburg, Lema, 2025, pp. 189–200. (In Russian)

- Kondrat'eva N. M. *Skotovodcheskie zagovory telengitov* [The cattle-breeding incantations of the Telengits]. Abstract of Cand. of Art. sci. diss. Novosibirsk, 1996, 20 p.
- Kyrgys Z. K. *Pesennaya kul'tura tuvinskogo naroda* [Song culture of the Tuvan people]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1992, 144 p. (In Russian)
- Mongush A. D.-B. *Tuvinskiy pesennyy fol'klor: ladozvukoryadnyy aspekt* [Tuvan song folklore: the aspect of musical scale]. Abakan, Kooperativ Zhurnalist, 2013, 200 p. (In Russian)
- Mongush M. V. Vdali ot svoikh, svoi sredi chuzhikh. Zametki o tuvintsakh Mongolii i Kitaya [Far from their own, their own among strangers. Notes on the Tuvans of Mongolia and China]. In Problemy obshchey i regional'noy etnografii. K 75-letiyu A. M. Reshetova [Problems of General and Regional Ethnography. On the 75th anniversary of A. M. Reshetov]. St. Petersburg, 2007, pp. 341–352. (In Russian)
- Mongush M. V. U tuvintsev Tsengela [Among the Tuvans of Tsengel]. *The New Research of Tuva*. 2013, no. 2, pp. 26–43. (In Russian)
- Ostrovskikh P. E. Kratkiy otchet o poezdke v Todzhinskiy khoshun uryankhayskoy zemli [A brief report on a trip to the Todzhinsky hoshun of Uriankhai land]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. 1898, no. 34, vol. 4, pp. 424–432. (In Russian)
- Podnoshenie v serebryanoy chashe: Sbornik fol'klornykh i literaturnykh proizvedeniy tu-vintsev Tsengela (Mongoliya)* [A Gift in a silver cup: A collection of folklore and literary works by the Tuvans of Tsengel (Mongolia)]. Novosibirsk, Nauka, 2018, 176 p. (In Russian)
- Sheykin Yu. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [The history of the musical culture of the peoples of Siberia: Comparative historical study]. Moscow, Vost. lit., 2002, 718 p. (In Russian)
- Taube E. Izuchenie fol'klora tuvintsev Mongol'skoy Narodnoy Respubliki [Study of Tuvan folklore of the Mongolian People's Republic]. *Soviet Ethnography*. 1975, no. 5, pp. 106–111. (In Russian)
- Tiron E. L. Kolybel'nye tuvintsev: po ekspeditsionnym materialam Novosibirskoy konservatorii i Instituta filologii SO RAN [Lullabies of the Tuvans: Based on Expeditionary Materials from the Novosibirsk Conservatory and the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 1 (iss. 43), pp. 22–31. (In Russian)
- Tuvinskie narodnye pesni i obryadovaya poeziya* [Tuvan folk songs and ritual poetry]. Z. K. Kyrgys (Comp.). Novosibirsk, Sibirskaya gornitsa, 2015, 432 p. (In Russian)
- Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvan-Russian Dictionary]. Moscow, GIS, 1955, 723 p. (In Russian and Tuvan)
- Yrlazhyly (yrlar chyindyzy)*. S. Pyurbyu (Ed.). Kyzyl, Tyvanyn nom yndyrer cheri, 1959, 247 p. (In Tuvan)
- Zolbayar G. *Aldyn dagsha (Zolotaya piala): fol'klor czengel'skix tuvincev Mongolii* [Golden bowl: Folklore of the Tengel Tuvans of Mongolia]. Kyzyl, 1993, 96 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.10.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Лиля Ивановна Кардашевская – кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Россия)

Liya I. Kardashevskaya – Candidate of Art History, Associate Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Yakutsk, Russia)

kardmike@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5709-910X>

Варган в культуре обских угров

Г. Е. Солдатова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация

Варган *тумран* – музыкальный инструмент, включенный в систему богатого фоноинструментария хантов и манси. Краткие описания варгана и способа игры на нем содержатся в этнографических и этномузыковедческих трудах, посвященных обским уграм и другим народам Западной Сибири. Однако до сих пор обско-угорский варган не становился предметом отдельного исследования. Автор статьи на основе музейных, полевых и опубликованных данных рассматривает термин, обозначающий обско-угорский варган, его конструкцию, виды, способы игры, выявляет жанрово-тематические разновидности варганных наигрышей, находит параллели тумрану в культурах народов Северной Азии и археологических артефактах.

Ключевые слова

ханты, манси, обские угры, варган, фоноинструменты, идиофоны, музыкальный фольклор, этномузыковедение, этноорганология

Для цитирования

Солдатова Г. Е. Варган в культуре обских угров // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 210–226. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-210-226

Jaw harp in the culture of the Ob Ugrians

G. E. Soldatova

Institute of Philology, SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The jaw harp, known locally as the *tumran*, is a primary musical instrument within the diverse family of phono-instruments used by the Ob-Ugrian peoples (Khanty and Mansi). While ethnographic and ethnomusicological literature has briefly addressed its use among indigenous Siberian groups, the Ob-Ugrian jaw harp has lacked a dedicated, comprehensive study. This article fills that gap, drawing on museum collections, published sources, and the author's field data collected during expeditions to Khanty and Mansi communities in the late 20th and early 21st centuries. The study provides a linguistic interpretation of the term *tumran*, proposing the hypothesis that it originally functioned as a generic term for “musical instrument.” The author details the instrument's construction, manufacturing techniques, and morphological types (smooth, stepped, and bottle-shaped), alongside an analysis of sound production methods and genre-specific variations in repertoire. Furthermore, the research contextualizes the *tumran* through archaeological evidence from the northern Ob-Ugrian settlements and Northern Altai. Comparative analysis identifies cultural parallels across Northern Asia, including the Selkup, Ket, Evenki, Koryak, Ainu, and Nivkh traditions, highlighting the instrument's significance in the broader circumpolar musical landscape.

Keywords

Khanty, Mansi, Ob-Ugrians, jaw harp, phono-instruments, idiophones, musical folklore, ethnomusicology, ethnoorganology

For citation

Soldatova G. E. Vargan v kul'ture obskikh ugrov [Jaw harp in the culture of the Ob Ugrians]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 210–226. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-210-226

© Г. Е. Солдатова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

Введение

Среди многочисленных фоноинструментов хантов и манси особое место занимает варган – один из самых распространенных музыкальных инструментов коренных этносов Сибири и Дальнего Востока. В культуре обских угров известен только пластинчатый варган, именуемый в литературе и в обывденной речи *тумран* – независимо от его принадлежности хантам или манси. Упоминания о тумране неоднократно встречаются в краеведческих и научных трудах, посвященных фольклору, этнографии и музыке народов Югры и Западной Сибири в целом. Краткие описания варгана хантов и манси, приемов игры на нем и функционирования можно найти на страницах работ Г. И. Благодатова, З. П. Соколовой, Э. Эмсгаймера, Е. А. Алексеенко, Ю. И. Шейкина, Г. Е. Солдатовой и др. Однако предметом отдельного этномузыковедческого исследования обско-угорский варган до сих пор не становился. Опираясь на опубликованные данные, сведения из музейных каталогов открытого доступа и на полевые материалы, собранные в конце XX в., автор предпринимает попытку представления обско-угорского варгана с точки зрения музыкальной органологии с учетом культурного контекста. Для этого необходимо выявление терминологии в источниках (опубликованных, музейных, полевых), сравнение конструкции, размеров и материалов варганов, описание репертуара наигрышей, способов звукоизвлечения, особенностей исполнительства.

1. Название варгана

Варган у хантов и манси называется повсеместно словом *тумран* и его близкими вариантами: *томра*, *томре* и т. п., а также (у васюганских хантов) *конкол* – *лонкол* [Лукина 1980: 50; Соколова 1986: 9].

В. Штейниц приводит написание *tāmrz*, *tōmrz*, *tāmrə*, *tōmra*, *tumra* для восточных диалектов хантыйского, *tōmra*, *tāmra* – для западных [DEWOS: 1442]. Поясняя значение слова, «это музыкальный инструмент из кости, на нем играют губами», В. Штейниц добавляет, что его используют для сопровождения пения, при этом певец держит его перед ртом и дергает за веревочку [Там же]. В отдельных локальных группах хантов (шеркальские, казымские, сынские) присутствует дополнительное значение термина *tōmran*, *tūmran*, ассоциированное с названием струнного музыкального инструмента: ‘домра’, ‘Saiteninstrument’, ‘narəs-jūχ’. В. Штейниц считает, что эта лексема восходит к татарскому *dumbra* и приводит его устаревшее значение ‘трехструнная цитра’ [Там же].

В толковании лексемы *tāmrə*, *tōmra* Н. И. Терешкин, автор словаря восточно-хантыйских диалектов, использует слово, идентичное названию струнного музыкального инструмента: ‘домра (мест., обл.), музыкальный инструмент, на котором играют губами’ [Терешкин 1981: 461].

Лексема, оканчивающаяся на *-н*, есть в употреблении у современных приуральских хантов: *тōмран* [Рандымова 2011: 77]; она повсеместно распространена у манси. В. Н. Чернецов зафиксировал мансийский термин *tumra* ‘варган’ и *tumran* ‘музыка’ [Чернецов, Чернецова 1936: 105]. Поскольку «фольклорное самоопределение сибирских культур не знает понятия “музыка”» [Шейкин 2002: 32], можно предположить, что информанты обозначили этим словом еще какой-то музыкальный инструмент, помимо варгана.

Двойственная семантика термина, обозначающего варган, наблюдается у ареально близких обским уграм селькупов: словом *пыныр* названы семиструнный музыкальный инструмент и «женский» варган [Благодатов 1958: 191].

Крайне важное свидетельство – высказывание З. П. Соколовой о народном мастере, знатоке мансийской культуры Петре Шешкине, который «умеет играть ... и на смычковом инструменте типа скрипки *кат-думран*, и на оригинальном губном инструменте *суп-думран*» [Соколова 2016: 514]. Эта цитата ясно подтверждает полисемантичность лексемы *тумран*, обозначающей разные музыкальные инструменты: *кат-думран* – хордофон класса лютневых (букв.: ручной тумран), *суп-думран* – варган (букв.: ротовой тумран).

Возможно, свободный язычок варгана генетически связан со струной. Ю. И. Шейкин, обладавший глубокими знаниями в области музыкальных культур Северной Азии, считал, что

варганы исторически связаны с хордофонами¹. Обско-угорские материалы подтверждают эту гипотезу. Интересные свидетельства в этом плане дают фольклорные тексты.

В мансийском тексте мифологического содержания тумран упоминается как магический инструмент, созывающий своими звуками сонм различных духов: «в тех краях Торума есть самоиграющий тумран. ... Когда начинает играть на тумране, всевозможные крылатые, всевозможные ногастые существа все туда собираются» [Мансийская (вогульская) народная поэзия 2016: 101]. По функции собирания духов мифологический тумран очень напоминает реальный струнный инструмент – цитру (манс. *сауквэлтан* / хант. *нарс-юх*), с помощью которой призывают духов во время шаманского сеанса, а также символически изображают их в разных обрядах и праздниках. Аналогия становится еще очевиднее, когда оказывается, что «в переднем углу ... самоиграющий тумран стоит» [Там же]. Варган невозможно представить стоящим в углу: это маленький «карманный» инструмент, в отличие от струнных, длина которых у хантов и манси составляет около метра.

Сопоставив информацию, полученную из словарей, других публикаций и фольклорных текстов, можно предположить, что лексема *томра* / *тумран* была заимствована у тюрков (татар?)², имевших струнный музыкальный инструмент под сходным названием, и стала употребляться для обозначения музыкального инструмента как родового понятия. Применение одной и той же лексемы и уточняющего определения для наименования разных инструментов – не только угорское явление. Например, струнный инструмент бурят называется *хуур*, а варган – *аман хуур*, бурен коряков – *яйя*, их же варган – *ванни-яйя* и т. п. [Атлас: 149; Шейкин 2002: 475, 482 и др.].

2. Строение тумрана

С точки зрения органологии тумран определяется как рамный идиофлотический варган, индекс 121.21 [Хорнбостель, Закс 1987]. Дуговых варганов в угорской культуре нет. В условной раме, сделанной из кости или дерева, прорезается язычок. Он может быть ровным, плавно сужающимся от основания к кончику, или ступенчатым. О двух характерных для Северной Азии разновидностях рамного варгана – с клинообразным язычком и со ступенчатым – писал Э. Эмсгеймер [1986: 84]. По словам Ю. И. Шейкина, «клинообразный тип встречается у народов Оби (хантов и манси), а ступенчатый – у народов Енисея (кетов и селькупов)» [Шейкин 1991: 16]. В целом это утверждение справедливо, хотя на обширной угорской территории встречаются варганы и других форм (см. п. 3).

К раме-пластине тумрана крепятся две веревочки. Одна (в области корня язычка) служит, чтобы дергать язычок, обеспечивая его колебания, другая (привязанная с противоположной стороны к раме либо пропущенная сквозь отверстие) – образует петлю для удержания инструмента в нужном положении. Ю. И. Шейкин обращает внимание на сходство конструкций варгана народов Западной Сибири и ее Крайнего Северо-Востока: у чукчей, кереков, коряков, чуванцев, ительменов «данный тип инструмента имеет только клинообразный язычок и изготавливается из тонких пластинок кости» [Там же: 17]. Причины сходства пока не установлены, они могут быть связаны как с особенностями этнической истории, так и с путями развития варганных традиций в Сибири (см.: [Никольский и др. 2021]).

3. Виды варганов обских угров

Варганы хантов и манси, известные по публикациям разных лет, экземпляры из музейных каталогов открытого доступа, а также создаваемые мастерами в настоящее время, показывают возможные варианты форм пластины и язычка. Пластина-рама бывает двух видов: 1) прямоугольная – с острыми либо округлыми краями; 2) суженная к одному концу – равномерно либо ступенчато. Форма пластины обычно соответствует форме язычка, который демонстрирует большее разнообразие. Ю. И. Шейкин в типологии сибирских пластинчатых варганов опирался как раз на форму язычка [Шейкин 1991: 15]. Действительно, форм-фактор язычка можно взять за основу систематизации этих инструментов. С точки зрения морфологии обско-угорские варганы

¹ См. раздел «От жилы, лука, варгана к арфе, цитре и лютне» в его книге [Шейкин 2002: 116–166].

² Примечательно с этой точки зрения слово *тумра* (*тамра*) у чувашей – название русской трехструнной балалайки [Атлас 1963: 53].

можно разделить на три группы: с прямым или равномерно суженным язычком (1), со ступенчатым язычком (2) и с бутылевидным (3).

1. Основным и наиболее распространенным видом обско-угорского варгана является инструмент с **прямым (ровным) или суженным** (от корня к кончику) язычком и соответствующей ему по форме пластиной. Стороны язычка либо параллельны друг другу, либо постепенно сходятся, иногда образуя клин. Степень сужения язычка нестабильна, она варьирует от едва заметной до выраженной клиновидной, поэтому нет оснований для деления этой группы на две. Экземпляры прямоугольной и суженной формы обнаружены в разных районах проживания обских угров. У обских хантов и сосвинских манси инструменты имеют преимущественно скошенные или скругленные уголки, которые создаются за счет дополнительной обработки пластины.

В экспедиции 1926–1927 гг. В. Н. Чернецов зафиксировал у манси (вогулов) варган с названием *тумре* [Источники 1987: 35] (рис. 1). Несмотря на схематичность рисунка, вполне понятна форма варгана – пластинка с прорезанным в ней клиновидным язычком и отверстиями, намеченными для облегчения вырезания. Показана веревочка, за которую дергают для создания колебаний язычка, и место фиксации инструмента пальцами другой руки.

Рис. 1. Тумре. Манси Сев. Сосвы, 1926–1927 гг. Соб. В. Н. Чернецов [Источники 1987: 35]³
Fig. 1. Tumre. Mansi of Northern Sosva, 1926–1927. Coll. of V. N. Chernetsov [Sources 1987: 35]

Рис. 2. Хантыйский варган. Соб. В. Штейниц, обские ханты (?), 1935 (?) [Эмсгаймер 1986: 82]
Fig. 2. Khanty jaw harp. Coll. of W. Steinitz, Ob Khanty (?), 1935 (?) [Emsheimer 1986: 82]

Близкий по форме, заметно выгнутый хантыйский варган опубликован Э. Эмсгаймером со ссылкой на частную коллекцию В. Штейница [Эмсгаймер 1986: 82, рис. 1]. Район и время сбора не указано, но известно, что В. Штейниц был в экспедиции в 1935 г. и работал на Оби (Шеркальский сельсовет), поэтому привезенный им варган предположительно принадлежит обским хантам. В коллекции музея пгт Октябрьское (район проживания обских хантов) находится тумран тоже выгнутой формы, изготовленный в 1993 г.⁴

Инструменты манси, обских и сынских хантов, изображенные на рис. 3–6, относятся ко второй половине XX в. и очень похожи друг на друга: язычки у них прямые, с небольшим сужением, уголки немного скошены, а у шеркальского (рис. 4) – округлены. Варганы подобной формы чаще других встречаются в музейных коллекциях и воспроизводятся по сей день.

Рис. 3. Тумран. Ханты, Ханты-Мансийский АО, 1960-е гг. Соб. М. С. Попова. РЭМ 7358-46
Fig. 3. Tumran. Khanty, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, 1960s. Coll. of M. S. Popova. REM 7358-46

Рис. 4. Тумран. Ханты шеркальские, 1987 г. Соб. Ю. И. Шейкин [Коллекция 2024: 16, рег. № 165]
Fig. 4. Tumran. Sherkal Khanty, 1987. Coll. of Yu. I. Sheikin [Collection 2024: 16, reg. no. 165]

³ В оригинале рисунок расположен вертикально.

⁴ <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8962475> (дата обращения – 16.10.2025).

Рис. 5. Тумран. Манси обские, с. Ванзетур, Березовского р-на. Изготовлен И. И. Тасмановой в начале 1980-х гг. Рисунок в полевом дневнике (обводка контура ручкой).

Соб. Г. Е. Солдатова

[ПМА 2000: 46]

Fig. 5. *Tumran*. Ob mansi, village Vanzetur, Berezhovsky district. Made by I. I. Tasmanova in the early 1980s. Drawing from a field diary (ink outline). Coll. of G. E. Soldatova

[PMA 2000: 46]

Рис. 6. Тумран. Ханты р. Сыня, Шурышкарский р-н Ямало-Ненецкого авт. округа. Вторая пол. XX в. Березовский районный краеведческий музей. БКМ-3632, Госкаталог,

№ 42186703

Fig. 6. *Tumran*. Khanty, Synya River, Shuryshkarsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, second half of the 20th century. Berezhovsky District Museum of Local History.

BKM-3632, State Catalog, No. 42186703

Образцы варганов восточных хантов зафиксированы в начале 1990-х гг. (рис. 7, 8). Пластина этих инструментов почти прямоугольная, без закругленных уголков, форма язычка варьирует от немного суженных до клиновидных. Фотография варганов и два наигрыша на тумране, сыгранные С. С. Мултановой (юганская группа), опубликованы на компакт-диске, изданном в Финляндии [The Great awakening 2001].

Рис. 7. Тумран. Юганские ханты, 1992 г. Соб. Я. Ниemi, В. Никифорова и И. Саастамойнен

[The Great awakening 2001, буклет]⁵

Fig. 7. *Tumran*. Eastern Khanty, 1992.

Coll. of J. Niemi, V. Nikiforova, and I. Saastamoinen

[The Great Awakening 2001, booklet]

Рис. 8. Л. И. Сопочина играет на тумране. Сургутский р-н ХМАО, д. Русскинская, нач. 1990-х гг. Госкаталог, № 32995913

Fig. 8. L. I. Sopochina playing the *tumran*. Surgut district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug, village of Russkinskaya, early 1990s.

State Catalog, No. 32995913

2. Вторая разновидность тумрана имеет суженный язычок, стороны которого симметрично образуют ступеньку. Ступенька может быть ровной (прямоугольной) или остроугольной, похожей на букву N или элемент зигзага. **Ступенчатые варганы** обеих разновидностей зафиксированы в единичных экземплярах, хотя такая форма в течение долгого времени воспринималась как характерная для хантов и манси. Обско-угорский варган была известен по статье Г. И. Богдатов [1958: 191], «Атласу музыкальных инструментов народов СССР» [Атлас: 53] и работе Е. А. Алексеенко [1988: 14]. При сопоставлении опубликованных в этих работах рисунков становится очевидным, что авторы исследовали один и тот же варган – экспонат из коллекции МАЭ

⁵ В оригинале рисунок расположен вертикально.

РАН (рис. 9) ⁶. Рама этого инструмента сужается ступенчато, язычок имеет остроугольный уступ. По описанию Г. И. Благодатова, тумран делается из дерева и кости, это «тонкая пластина, в которой вырезан язычок – *нядым*. Обычно к основанию язычка прикрепляется тонкое сухожилие или нитка – *сугом*, на другом ее конце – маленькая палочка» [Благодатов 1958: 191]. Нет информации, из какого материала сделан данный экземпляр – из кости или дерева. Варган атрибутирован как хантыйский ⁷. Однако уверенно согласиться с этим утверждением нельзя: он может принадлежать соседней культуре. Тумран очень близок по форме селькупскому варгану *пынкыр* (рис. 10), поэтому может быть связан не с хантами, которых раньше называли «остяки», а с их соседями селькупками, известными под названием «остяко-самоеды».

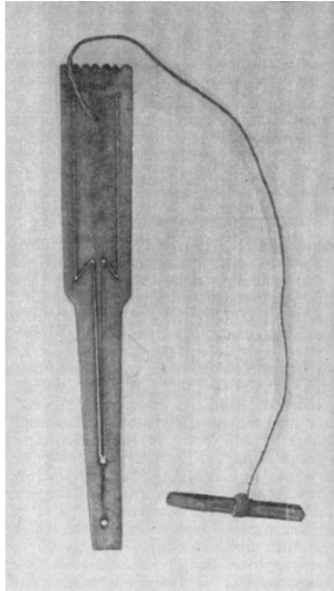

Рис. 9. Варган хантов (?) [Алексеев 1988: 14; Благодатов 1958: 191; Атлас: 53]
Fig. 9. Khanty (?) jaw harp
[Alekseenko 1988: 14; Blagodatov 1958: 191; Atlas: 53]

Рис. 10. Варган селькупов. Соб. Е. Д. Прокофьева [Народы Сибири 1956: 680]
Fig. 10. Selkup jaw harp. Coll. of E. D. Prokofieva
[Narody Sibiri 1956: 680]

«Думран», экспонат Российского этнографического музея (см. рис. 11 на с. 216), привезен С. И. Руденко из экспедиции 1910–1911 гг. В комплекте с ним есть дощечка для хранения, к которой раньше привязывался инструмент во избежание деформации. Корпус и язычок имеют прямоугольную ступеньку. Регион сбора не уточнен, однако известно, что С. И. Руденко работал в том числе у низовых остяков и самоедов, «летние кочевья которых находились между Обской и Тазовской губой» ⁸, т. е. на территории проживания северной группы селькупов.

Из мест проживания селькупов и музейный снимок хантыйской женщины, играющей на томре (см. рис. 12 на с. 216). Инструмент ступенчатый, с нанесенными перед вырезанием метками.

Разумеется, единичные факты не могут дать полную картину бытования ступенчатых варганов у обских угров, но все же стоит обратить внимание на их присутствие в зонах контактов хантов и селькупов.

3. Третий вид тумрана – промежуточный между прямым и ступенчатым. Сглаженная ступенька плавно переходит в тонкую часть язычка, придавая варгану **бутылевидную** форму.

Именно такой инструмент зафиксировал у остяков в конце XIX в. шведский ученый Ф. Мартин [Martin 1897] (см. рис. 13 на с. 216). На рисунке отчетливо видны: плавное сужение по центру варгана, отверстие с веревочкой по центру широкой части язычка и веревочка для держания, зацепленная за раму около кончика язычка.

⁶ Только в статье Е. А. Алексеев указан инв. № данного экземпляра варгана: 5111-127 [Алексеев 1988: 14; рис. 4].

⁷ Возможно, при поступлении в музей он был помечен как остяцкий.

⁸ Комментарий к альбому «С. И. Руденко: экспедиционные фотографии».

<https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2329828> (дата обращения – 16.10.2025).

Рис. 11. Думран. Ханты, Тобольская губ., Березовский уезд, кон. XIX в. – нач. XX в.

Соб. С. И. Руденко. РЭМ 1711-336

Fig. 11. Dumran. Khanty. Tobolsk province, Beresovsky district, late 19th – early 20th century. Coll. of S. I. Rudenko. REM 1711-336

Рис. 12. Остячка В. Могутаева играет на томре. Томская обл., Кargasокский р-он, 1956.

Госкаталог, № 24222565

Fig. 12. Ostyak woman V. Mogutaeva playing the tomra. Tomsk Region, Kargasok District, 1956. State Catalog, No. 24222565

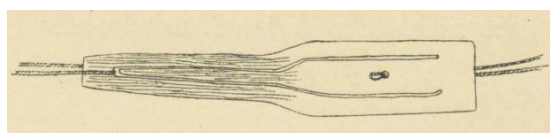

Рис. 13. «Губная гармоника из кости».

Юганские ханты, 1891 [Martin 1897: 18]

Fig. 13. “Bone harmonica”.

Yugan Khanty, 1891 [Martin 1897: 18]

Рис. 14. Томра (хранится в крышке швейной коробки). Ханты, Тюменская губ., Сургутский уезд, сел. Аган, нач. XX в.

Соб. Р. П. Митусова. РЭМ 4047-304

Fig. 14. Tomra. Khanty. Tyumen province, Surgut district, Agan village, early 20th century. Coll. of R. P. Mitusova. REM 4047-304

Аналогичный бутылевидный инструмент под названием *томра*, датируемый началом XX в., обнаружен Р. П. Митусовой у аганских хантов (рис. 14). Он имеет петлю с бусиной для фиксации держащей руки, с другой стороны – отверстие у корня язычка, предназначенное для дергающей веревочки. В описании варгана сказано, что он хранился в крышке швейной коробки. Этот обычай существовал и у манси (см. п. 5).

4. Аналоги тумрана

Пластинчатые варганы как класс распространены довольно широко: они есть во многих странах, на разных континентах. Инструменты, наиболее близкие обско-угорским по конструкции и материалам, обнаруживаются в культурах этносов Сибири и Дальнего Востока: селькупов, кетов, эвенков, удэ, коряков, чукчей, нивхов, айнов и др. (см.: [Атлас; Коллекция 2024; и др.]).

Суженные варганы без ступеньки есть у эвенков. Например, экземпляр из РЭМа (см. рис. 15 на с. 217) довольно близок юганским тумранам (ср. рис. 7–8 на с. 214). Различие состоит только в наличии палочки, привязанной к дергающей веревочке. Нивхские латунные варганы [Мамчева 2005: 273] также похожи на обско-угорские суженные варганы.

Ближайшие аналоги ступенчатого тумрана – деревянные варганы кетов, эвенков и бамбуковые – айнов. Кетский *пымыль* (см. рис. 16 на с. 217; ср. рис. 11), эвенкийский *пангар* [Благодатов 1958: 202, рис. 17] и айнский *муккури* [Мамчева 2025: 464] отличаются от хантыйского только наличием палочки для нити.

Бутылевидные образцы имеют параллели также в культурах коряков (см. рис. 18) и эвенков. Эвенкийский инструмент *кондывкон* из мамонтовой кости (см. рис. 19), привезенный от туруханских эвенков П. Е. Островских, подробно описан В. Б. Малакшановой [Малакшанова 2025: 145–146].

Рис. 15. Эвенкийский варган *кондыпкон*.
Туруханский край, кон. XIX в. – нач. XX в.
РЭМ 4871-200/1

Fig. 15. Evenki vargan *kondyvkon*. Turukhansk region, late 19th – early 20th centuries. REM 4871-200/1

Рис. 16. Кетский варган *пымыль*. РЭМ 13210-1
Fig. 16. Ket jaw harp *pumyl*. REM 13210-1

Рис. 18. *Vaenyanyasan* оседлых коряков.
Кон. XIX в. РЭМ 2246-62
Fig. 18. *Vaenyanyasan* of the sedentary Koryaks.
Late 19th century. REM 2246-62

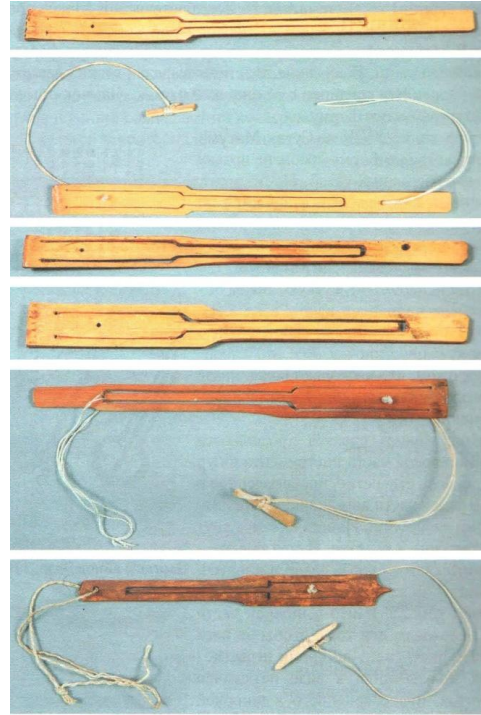

Рис. 17. Варганы айнов [Мамчева 2025: 464]
Fig. 17. Ainu Jaw harps [Mamcheva 2025: 464]

Рис. 19. Эвенкийский *кондыпкон*. Кон. XIX в.
РЭМ 260-8
Fig. 19. Evenki *kondyvkon*. Late 19th century. REM 260-8

На северных территориях Югры, в зоне давних контактов хантов и ненцев, во время археологических раскопок обнаружено несколько пластинчатых варганов. Инструменты из Усть-Войкарского городища (последняя треть XV – сер. XVIII вв., рис. 20 на с. 218)⁹ сделаны из трубчатой кости конечности (метаподия) оленя, имеют ступенчатый язычок. Один из них (см. рис. 20.1 на с. 218) украшен по краям резьбой. Тумраны такой формы обнаруживались в XX в. у селькупов и хантов, живущих на пограничных с ними землях.

При раскопках Надымского городка (территория Ямало-Ненецкого автономного округа), где в XVI–XVIII вв. веках обитали самоеды (ненцы) и остяки, обнаружены варганы – целые и фрагментами, сделанные из реберной кости оленя [Кардаш 2009: 194, 270] (см. рис. 21 на с. 218). Формы их узнаваемые, похожие как на современные инструменты обских угров, так и на варганы других народов Сибири – ступенчатые, того же типа, что и войкарские.

⁹ Датировка дана по: [Гаркуша 2020]. Описания выполнены в дневнике [ПМА 2003: 74] с консультативной помощью трасолога, к.и.н. Н. А. Алексашенко.

20.1

20.2

Рис. 20. Варганы Усть-Войкарского городища (кон. XV – сер. XVIII вв.). Шурьшкарский р-н Ямало-Ненецкого АО. Материалы экспедиции Института истории и археологии УрО РАН (рук. Н. В. Федорова), 2003 (1), 2004 (2). ЯНМ-18618/24 (1), ЯНМ-17585/36 (2)

Fig. 20. Jaw harps of the Ust-Voikar settlement (late 15th – mid 18th centuries). Shuryshkarsky District, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. Materials from the expedition of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (headed by N. V. Fedorova), 2003 (1), 2004 (2). YaNM-18618/24 (1), YaNM-17585/36 (2)

Рис. 21. Варганы Надымского городка (последняя треть XVII – первая треть XVIII вв.)

[Кардаш 2009: 270, рис. 3.74, 8–10]

Fig. 21. Jaw harps of the Nadym settlement (last third of the 17th – first third of the 18th centuries)

[Kardash 2009: 270, Fig. 3.74, 8–10]

В городищах, где они найдены, нет следов других музыкальных инструментов, кроме варганов, которые обнаружены во многих местах [Кардаш 2009: 194]. Значит, варган уже в XVII–XVIII вв. мощно вошел в музыкальную традицию населения низовьев Оби.

Тумран первого типа – ровный, без ступенек – тоже нашел аналогию в прошлом, причем в еще более глубокой ретроспективе. В 2017 г. на севере Алтая (в долине Нижней Катунь) обнаружены костяные варганы и заготовки для них, датируемые III–VI вв. Они конструктивно близки обско-угорским (рис. 22). Полторы тысячи лет – большая глубина, которая может означать место, откуда началось распространение варганов с ровным язычком на север, по Западной Сибири. Это предположение не противоречит версии распространения пластинчатых варганов из натуральных материалов по Сибири и Дальнему Востоку: «органические варганы возникли в районе Алтая / Байкала / Монголии / Приморья в эпоху, предшествовавшую эпохе металла, и распространились на север, юг и запад» [Никольский и др. 2021: 18].

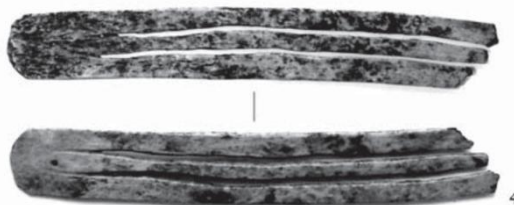

Рис. 22. Варганы с городища Черемшанка (север Алтая), III–VI вв. [Бородовский 2017: 281, рис. 2.4]

Fig. 22. Jaw harps from the Cheremshanka settlement (northern Altai), 3rd–6th centuries

[Borodovsky 2017: 281, Fig. 2.4]

5. Тумран в культуре

Женское / мужское. В культуре обских угров варган является женским инструментом. По словам Н. А. Тынзяновой из юрт Новинских, мастерицы шить, петь и играть на варгане, тумран должна была иметь каждая девушка с подросткового возраста: «в каждой семье, у каждой невесты был тумран» и берестяной короб для рукоделия [ПИМА 2000: 47] (ср. описание рис. 14 на с. 216).

Обычно девушки и женщины делали тумраны сами. Известная исполнительница мелодий на тумране И. И. Тасманова, манси из приобской деревни Ванзетур, вспоминала, что научилась играть на тумране в детстве, лет с шести, и тогда же изготовила маленький деревянный инструмент сама, а в 12 лет сделала уже настоящий взрослый тумран из коровьей лопатки [ПИМА 2000: 40]. Конечно, в шестилетнем возрасте она еще не умела обрабатывать кость, а деревянный тумран сделать было не так сложно и долго по сравнению с костяным. С. С. Мултанова, ханты с р. Большой Юган, сообщила, что делать тумраны ее научила мать [The Great awakening 2001, буклет].

В качестве материала ханты и манси традиционно применяли кость оленя – в основном, лопатку или ребро, позже стали использовать также кость коровы. Тумраны могли делать и мужчины. По свидетельству Якова Тарлина, хантыйского мастера-изготовителя из с. Казым Белоярского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры¹⁰, тумран делали и из ребра, и из костей голени. Если брали берцовую кость, то раскалывали ее повдоль и варили в течение нескольких часов, «чтобы достичь звук». Кость становилась мягкой, и ее обрабатывали, снимая острым ножом слой за слоем, пока она не становилась нужной толщины, затем прорезали язычок. Длина тумрана по разным данным составляет от 10 до 15 см, ширина варьирует от 1,5 до 3 см. Тумран И. И. Тасмановой (см. рис. 5 на с. 214) имеет следующие размеры (в см): длина – 13,7, ширина – 1,8–1,2, язычок – 0,4–0,2, длина язычка – 11,2, петля-держалка в диаметре – 6,5, нить – 33.

Несмотря на женский характер музицирования на тумране, мужчина все же может немного поиграть для развлечения на досуге, но для настоящей игры у него есть струнные инструменты, к которым женщина не прикасается. Разделение групп инструментов по гендерному принципу (струнные – для мужчин, варганы – для женщин) может говорить о былой связи варгана с важными моментами в жизни женщины: периодом девичества и выхода из него, с получением девушкой определенного (взрослого) статуса и, возможно, о роли тумрана во время некогда существовавших обрядов перехода (девичьих инициаций).

В отличие от традиций других народов Сибири, игра на варгане у хантов и манси не связана с шаманской практикой. По словам Я. Тарлина, тумран – инструмент не священный, а чисто женский; священным считается металл, с ним имеет дело только мужчина. Обыденное использование варгана подтверждается и находками в упомянутом выше Надымском городке, где варганы обнаружены «во всех помещениях жилого комплекса и за его пределами» [Кардаш 2009: 194]. Это означает, что варган и триста лет назад был распространенным, не табуированным инструментом.

Звукоизвлечение. Звучание тумрана возникает из-за вибрации язычка, который приводится в движение с помощью нити (веревочки, жилки). Колебания язычка усиливаются с помощью артикуляции, работы органов ротовой полости и области глотки, которые «свободно комбинируются в единую резонаторную систему» [Мазепус 1988: 158]. От изменения объема резонатора зависит качество и высота звука. Инструмент при игре не прижимается к зубам, но может держиваться губами (см. рис. 8 на с. 214), в некоторых местных традициях частично берется в рот (см. рис. 12 на с. 216). В. Н. Чернецов так описал способ игры на тумране (см. рис. 1 на с. 213): «Левой рукой берут за конец (X) и прикладывают к губам. При этом правой рукой держат за веревочку или жилку, привязанную к другому концу, чем достигается вибрация язычка. Слегка вдыхая и выдыхая воздух, можно добиться различных тонов. Вогульская девушка для этого беззвучно произносит слова, определенные для каждого мотива. Так, например: «Гаврике гаврике, вас пырищ! Гаврике вас пырищ! Гаврике вас пырищ, вас пырищ, вас пырищ» [Источники 1987:

¹⁰ Здесь и далее сведения почерпнуты из видеозаписи рассказа Я. Н. Тарлина об изготовлении тумрана. Ссылка на скачивание есть на [форуме сайта «Обертон»](#) (дата обращения – 10.10.2025).

35]. «Гаврике вас пырищ» можно перевести как «Гаврюша-утенок»¹¹. Возможно, эти слова относятся к детскому фольклору – игре или дразнилке.

Критерием хорошей игры служит дыхание. «Кто плохо владеет, у того с дыханием вместе слышно. У меня-то было чисто, сейчас немного слышно – болею», – говорила И. И. Тасманова, будучи в преклонном возрасте прикована к постели [ПМА 2000: 47]. Иными словами, дыхание должно быть «включено» во время игры, но оно не должно быть слышным. Дыхательная техника играет важную роль в звучании: она вовлекает в работу грудной резонатор, за счет чего повышается громкость основного тона [Мазепус 1988: 158].

Нотация. В аудиозаписях наигрышей на тумране слышны два-три слоя музыкальной ткани, у разных музыкантов по-разному. Автор статьи выполнила нотировку наигрыша на тумране, записанного от И. И. Тасмановой, исходя из слышимого материала. В нотировке (пример 1) отражены базовое остинато и мелодическая линия, обертонов нет. Кроме них, на фонограмме периодически уловим звук «щелчков» в надгортанной области, который непросто изобразить на письме, и вряд ли нужно. В записях других исполнителей, например аганских, отчетливо слышен и обертоновый ряд, то есть различимы три фактурных слоя. Как адекватно передать их в нотном письме? В. В. Мазепусом предложен способ нотации, основанный на физических основах образования звука: с использованием нотных головок, буквенным обозначением тембра и вдоха-выдоха [Мазепус 1988: 159–160]. Такая нотировка не сразу считывается, она важна для исследовательских задач. С практической точки зрения подошел к этому вопросу П. П. Оготоев, разработав свою систему нотации для удобства обучения молодых исполнителей игре на якутском хомусе [Оготоев 1988]. Чтобы создать адекватную систему нотирования, важно определиться, с какой целью пишутся ноты и кому они адресованы.

Пример 1. Сава-ойка мань Окчай 'Мужчины Саввы младшая [дочь] Акси́нья'. Наигрыш на тумране.

И. И. Тасманова. Запись и нотировка Г. Е. Солдатовой [ПМА 1991, № 10]

Example 1. Sava-oyka man' Okshchai (Aksinya, the youngest daughter of Sava-oyka). Tumran tune.

I. I. Tasmanova. Recorded and transcribed by G. E. Soldatova [PMA 1991, No. 10]

Жанрово-тематические разновидности наигрышей. Как и в других варганных традициях, репертуар обско-угорских музыкантов включает мелодии песен, существующих как вокальный жанр фольклора. Они переинтонируются с помощью тумрана. Таковы приведенная выше песня «Сава-ойка мань Окчай...» И. И. Тасмановой, песня, сочиненная Н. А. Тынзяновой [ПМА 2000, № 61], шаманская песня отца С. С. Мултановой [The Great awakening 2001, № 16]. В результате «пропевания» получается самостоятельный наигрыш, который не всегда похож на исходную песню. В упомянутом наигрыше (пример 1) узнаваемы лишь отдельные мелодико-ритмические обороты (они обведены красным) при сохраненной в целом композиции строфы: АВВ₁. Таким же образом варьируются ритуальные наигрыши на цитре: копируются не целые мелодии, а только характерные обороты, которые позволяют опознать эту мелодию.

¹¹ Гавр (Кавр) – имя Гаврил, -ке (-кве) – уменьшительно-ласкательные суффиксы, вас 'утка', пырищ (пыгись) 'сынко'.

Другую жанровую разновидность варганной музыки – программно-изобразительный наигрыш – можно услышать в архивных звукозаписях. В Электронном депозитарии размещены юганские наигрыши на тумране А. А. Тайлаковой, записанные Р. И. Ермаковой в 1992 г. Все восемь мелодий являются звукоизобразительными: «Бег оленят», «Звук течения реки», «Кукушка кукует», «Звук плача филина», «Звук бега оленьей упряжки», «Лунк-ики скачет на лошади», «Звук капель дождя», «Звук бега оленей с колокольчиками». На том же ресурсе – наигрыш с говорящим названием «Самолет сел, самолет прилетел» (записан Е. Шмидт от казымской ханты М. Т. Смолиной в 1982 г.).

Есть данные о включении краткого музыкального эпизода, сыгранного на тумране, в сказку. Сказительница М. А. Муратова, начиная сказку, исполняла краткий наигрыш на тумране¹². Возможно, это третья разновидность варганных наигрышей.

Заключение

Варган – особый феномен в культуре обских угров, затрагивающий сразу несколько ее областей, поэтому требует разностороннего подхода к его изучению. Анализ лексики, связанной с варганом, показывает, что слово *тумран* пришло из другой (вероятно, тюркской) культуры и использовалось обскими уграми для обозначения разных музыкальных инструментов.

Органологический аспект исследования позволил выявить три вида тумрана: ровный или суженный – самый распространенный в Югре и имеющий исторический аналог полуторатысчелетней давности на северном Алтае; ступенчатый с двумя подвидами – с прямоугольной ступенькой, отмеченный на северных угорских территориях (в том числе среди археологических варганов XVI–XVIII вв.), и с остроугольной ступенькой – в группах, контактных с селькупам; бутылевидный, зафиксированный у восточных хантов. Все три вида тумрана находят аналогии в культурах сибирско-дальневосточных этносов – кетов, селькупов, эвенков, коряков, чукчей, нивхов, айнов и др.

Тумран высвечивает гендерный срез в культуре: игрой на варгане у обских угров занимаются женщины, изготовлением – тоже преимущественно женщины. Мужское исполнительство связано со струнными инструментами и обрядовой практикой.

На основе небольшого количества образцов, имеющихся в аудиозаписи, можно лишь предполагать наличие трех жанровых разновидностей варганной музыки: инструментальном переинтонировании песенных мелодий, программно-изобразительных композициях и коротких вступлениях к сказкам.

Традиция игры на варгане до сих пор жива, на тумране еще играют представители разных локальных групп обских угров, и поэтому актуальны задачи собирания и введения в научный оборот новых материалов. Следовательно, открываются возможности для изучения репертуара, акустических свойств тумрана, поисков путей отображения его звучания в нотной записи и мн. др.

Список литературы

Алексеев Е. А. Музыкальные инструменты народов севера Западной Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XLII. Материальная и духовная культура народов Сибири. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. С. 5–23.

Атлас – Вертков К. А., Благодатов Г. И., Язовицкая Э. Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М.: Гос. муз. изд-во, 1963. 276 с.

Благодатов Г. И. Музыкальные инструменты народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 187–207.

Бородовский А. П. Костяные варганы и их заготовки гунно-сарматского времени Северного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 279–283.

¹² «Мифы, предания, сказки хантов». Сост. М. А. Лапина (рукопись). Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Гаркуша Ю. Н. К истории археолого-архитектурного изучения городища Усть-Войкарского (север Западной Сибири) // Баландинские чтения: Сб. материалов междунар. науч. конф. Т. XV. Новосибирск, 2020. С.133–143.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.

Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. 360 с.

Коллекция музыкальных инструментов народов Северной Азии профессора Юрия Шейкина: идиофоны (варганы): [база данных] / авт.-сост.: В. Е. Дьяконова, Т. И. Игнатьева, М. В. Слепцова. Якутск: АГИКИ, 2024. 34 с.

Лукина Н. В. О возможности изучения музыкального фольклора восточных хантов // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980. С. 50–60.

Мазепус В. В. О физических основах звукообразования при игре на варганах // Музыкальная этнография Северной Азии: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. И. Шейкин. Новосибирск, 1988 (обл. 1989). С. 155–161.

Малакшианова В. Б. Варганы эвенков в собрании Российского этнографического музея // Фольклорное наследие исчезающих культур: от полевых записей до цифровых архивов: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием памяти Ю. И. Шейкина. СПб.: Лема, 2025. С. 144–150.

Мамчева Н. А. Нивхские варганы // Вестник Сахалинского музея. 2005. № 12. С. 271–284.

Мамчева Н. А. Мир музыки айнов: в 2-х ч. Ч. 1. Южно-Сахалинск: Островная библиотека, 2025. 592 с.

Мансийская (вогульская) народная поэзия: тексты мифологического содержания, молитвы. Собрание и перевод А. Каннисто. Обработка и издание М. Лиимола / сост., транслит. текстов, пер. на рус. яз., паспортиз. текстов Е. И. Ромбандеевой. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2016. 152 с.

Никольский А. В., Алексеев Э. Е., Алексеев И. Е., Дьяконова В. Е. Как, где и когда складывались аутентичные варганные традиции Сибири и Дальнего Востока. Часть 3: Влияние материалов, их доступности и истории развития технологий их изготовления на акустические свойства варгана и тоновую организацию его музыки // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 1 (Вып. 41). С. 9–31.

Оготоев П. П. Проблема нотации якутского хомуса // Музыкальная этнография Северной Азии: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. И. Шейкин. Новосибирск, 1988 (обл. 1989). С. 150–154.

Рандымова З. И. Хантыйско-русский словарь (приуральский диалект). Салехард: Красный север, 2011. 96 с.

Соколова З. П. Музыкальные инструменты хантов и манси: К вопросу о происхождении // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин, 1986. С. 9–21.

Соколова З. П. Этнограф в поле: Западная Сибирь. 1950–1980-е годы: Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки / подг. к публ. З. П. Соколова. М.: Наука, 2016. 942 с.

Терешкин Н. И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 542 с.

Хорнбостель Э. М. фон, Закс К. Систематика музыкальных инструментов // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. М., 1987. Ч. 1. С. 229–261.

Чернецов В. Н., Чернецова И. Я. Краткий мансийско-русский словарь. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 115 с.

Шейкин Ю. И. Типология конструкций варганов народов Сибири // Варган (хомус) и его музыка: Материалы I Всесоюз. конф. (Якутск, 1988). Якутск, 1991. С. 14–22.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

Эмсгаймер Э. Варганы в Сибири и Средней Азии // Проблемы традиционной инструментальной музыки народов СССР: инструмент – исполнитель – музыка. Л.: ЛГИТМИК, 1986. С. 80–93.

DEWOS = *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1988. 1024 pp.

Martin F. R. Sibirica: Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker. Stockholm: Gustaf Chelius in Kommission, 1897. 197 p.

The Great awakening – music of the Eastern Khanty = Великое пробуждение – музыка восточных хантов [Электронный ресурс]: аудиоальбом / Produced by J. Niemi and J.-M. Jukkara. Finland, Global Music Centre, 2001. (GMCD 0107)

Источники

БКМ – Березовский районный краеведческий музей: <https://berezovomuseum.ru/>

Госкаталог – Государственный каталог музейного фонда РФ: <https://goskatalog.ru>

ПМА 1991 – Полевые материалы автора, 1991 г. Дни национальной культуры, д. Ломбовож Березовского р-на Тюменской обл., июль 1991. В. И. Смотров (видео), Г. Е. Солдатова. Аудиозаписи.

ПМА 2000 – Полевые материалы автора, 2000 г. Приполярный этнографический отряд Института археологии и этнографии СО РАН, Шурышкарский р-н Ямало-Ненецкого автономного округа, Березовский р-н Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, июль-август 2000 г. А. В. Бауло, Г. Е. Солдатова. Полевой дневник Г. Е. Солдатовой.

ПМА 2003 – Полевые материалы автора, 2003 г. Приполярный этнографический отряд Института археологии и этнографии СО РАН, Шурышкарский р-н Ямало-Ненецкого автономного округа (в т. ч. на Усть-Войкарском городище), Березовский р-н Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, июль-август 2003 г. А. В. Бауло, Г. Е. Солдатова. Полевой дневник Г. Е. Солдатовой.

РЭМ – Российский этнографический музей. Коллекции онлайн: <https://collection.ethnomuseum.ru/>

Электронный депозитарий – Электронный депозитарий по фольклору обских угров и самодийцев Обско-угорского института прикладных исследований и разработок: <https://folk.oupiir.ru>

ЯНМ – Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского: <https://mvk.yanao.ru/>

Список условных сокращений

Соб. – собиратель; Coll. – collector

References

Alekseenko E. A. Muzykal'nye instrumenty narodov severa Zapadnoy Sibiri [Musical instruments of the peoples of the North of Western Siberia]. In *Sbornik MAE [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Moscow, 1988, vol. 42. Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Zapadnoy Sibiri [Material and spiritual culture of the peoples of Western Siberia], pp. 5–23. (In Russian)

Blagodotov G. I. Muzykal'nye instrumenty narodov Sibiri [Musical instruments of the peoples of Siberia]. In *Sbornik MAE [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Moscow, Leningrad, 1958, vol. 18, pp. 187–207. (In Russian)

Borodovskiy A. P. Kostyanye vargany i ikh zagotovki gunno-sarmatskogo vremeni Severnogo Altaya [Bone jaw harps and their blanks of the Hunno-Sarmatian time of the Northern Altai]. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2017, vol. 23, pp. 279–283. (In Russian)

Chernetsov V. N., Chernetsova I. Ya. *Kratkiy mansiysko-russkiy slovar'* [A concise Mansi-Russian dictionary]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1936. 115 p. (In Russian)

Emsheimer E. Vargany v Sibiri i Sredney Azii [Jaw harps in Siberia and Central Asia]. In *Problemy traditsionnoy instrumental'noy muzyki narodov SSSR: instrument – ispolnitel' – muzyka* [Problems of the Traditional Instrumental Music of the Peoples of the USSR: Instrument – Performer – Music]. Leningrad, LGITMIK, 1986, pp. 80–93. (In Russian)

Garkusha Yu. N. K istorii arkheologo-arkhitekturnogo izucheniya gorodishcha Ust'-Voykarskogo (sever Zapadnoy Sibiri) [On the history of archaeological and architectural study of the Ust-Voykar

settlement (north of Western Siberia)]. In *Balandinskie chteniya: Sb. materialov mezhdunar. nauch. konf.* [Balandin Readings: Proceedings of the International sci. conf.]. Novosibirsk, 2020, vol. 15, pp. 133–143. (In Russian)

Hornbostel E. M. von, Sachs C. Sistematika muzykal'nykh instrumentov [Systematics of musical instruments]. In *Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naya muzyka* [Folk musical instruments and instrumental music]. Moscow, 1987, pt. 1, pp. 229–261. (In Russian)

Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri [Sources on the ethnography of Western Siberia]. Tomsk, Tomsk University Press, 1987, 284 p. (In Russian)

Kardash O. V. *Nadym'skiy gorodok v kontse 16 – pervoy treti 18 v. Istoriya i material'naya kul'tura* [The Nadym town in the late 16th – first third of the 18th century: history and material culture]. Yekaterinburg, Neft'yugansk, Magellan, 2009, 360 p. (In Russian)

Kollektsiya muzykal'nykh instrumentov narodov Severnoy Azii professora Yuriya Sheykina: idiofony (vargany) [baza dannyykh] [Collection of musical instruments of the peoples of North Asia by Professor Yuri Sheykin: idiophones (jaw harps). database]. V. E. D'yakonova, T. I. Ignat'eva, M. V. Sleptsova (Comps.). Yakutsk, ASICA, 2024, 34 p. (In Russian)

Lukina N. V. O vozmozhnosti izucheniya muzykal'nogo fol'klora vostochnykh khantov [On the possibility of studying the musical folklore of the Eastern Khanty]. In *Finno-ugorskiy muzykal'nyy fol'klor i vzaimosvyazi s sosednimi kul'turami* [Finno-Ugric musical folklore and interconnections with neighbouring cultures]. Tallinn, 1980, pp. 50–60. (In Russian)

Malakshanova V. B. Vargany evenkov v sobranii Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya [Evenki jaw harps in the collection of the Russian Ethnographic Museum]. In *Fol'klornoe nasledie ischezayushchikh kul'tur: ot polevykh zapisey do tsifrovyykh arkhivov: mat–ly Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem pamyati Yu. I. Sheykina* [Folklore heritage of disappearing cultures: from field recordings to digital archives: proceedings of the All-Russian scientific and practical conf. with international participation in memory of Yu. I. Sheikin]. St. Petersburg, Lema, 2025, pp. 144–150. (In Russian)

Mamcheva N. A. *Mir muzyki aynov: v 2-kh chch.* [The world of Ainu music: in 2 vols.]. Yuzhno-Sakhalinsk, Ostrovnaya biblioteka, 2025, pt. 1, 592 p. (In Russian)

Mamcheva N. A. Nivkhskie vargany [Nivkh jaw harps]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*. 2005, no. 12, pp. 271–284. (In Russian)

Mansiyskaya (vogul'skaya) narodnaya poeziya: teksty mifologicheskogo sodержaniya, molitvy [Mansi (Vogul) folk poetry: texts of mythological content, prayers]. A. Kannisto (Comp. and transl.), M. Liimola (Proc. and publ.), c E. I. Rombandeeva (Comp., translit. of texts, transl. into Russian, text certification). Khanty-Mansiysk, OOO "Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk", 2016, 152 p. (In Mansi and Russian)

Martin F. R. *Sibirica: Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker*. Stockholm, Gustaf Chelius in Kommission, 1897, 197 p.

Mazepus V. V. O fizicheskikh osnovakh zvukoobrazovaniya pri igre na vorganakh [On the physical foundations of sound generation when playing the jaw harp]. In *Muzykal'naya etnografiya Severnoy Azii* [Musical ethnography of North Asia]. Yu. I. Sheykin (Ed.). Novosibirsk, 1988 (cover 1989), pp. 155–161. (In Russian)

The Great Awakening – music of the Eastern Khanty. (Elektronnyy resurs). Niemi J., Jukkara J.-M. (prod.) Finland, Global Music Centre, 2001. (GMCD 0107).

Nikol'skiy A. V., Alekseev E. E., Alekseev I. E., D'yakonova V. E. Kak, gde i koyda skladyvalis' autentichnye vargannye traditsii Sibiri i Dal'nego Vostoka. Ch. 3. Vliyanie materialov, ikh dostupnosti i istorii razvitiya tekhnologiy ikh izgotovleniya na akusticheskie svoystva vargana i tonovuyu organizatsiyu ego muzyki [How, where and when the authentic jaw harp traditions of Siberia and the Far East were formed. Part 3. The influence of materials, their availability and the history of development of their manufacturing technologies on the acoustic properties of the jaw harp and the tonal organization of its music]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2021, no. 1 (iss. 41), pp. 9–31. (In Russian)

Ogotov P. P. Problema notatsii yakutskogo khomusa [The problem of notation for the Yakut *khomus*]. In *Muzykal'naya etnografiya Severnoy Azii: Sb. st.* [Musical ethnography of North Asia: coll. of art.]. Yu. I. Sheykin (Ed.). Novosibirsk, 1988 (obl. 1989), pp. 150–154. (In Russian)

- Randymova Z. I. *Khantyysko-russkiy slovar' (priural'skiy dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Priural dialect)]. Salekhard, Krasnyy sever, 2011, 96 p. (In Khanty and Russian)
- Sheykin Yu. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of the musical culture of the peoples of Siberia: A comparative historical study]. Moscow, Vos. lit., 2002, 718 p. (In Russian)
- Sheykin Yu. I. Tipologiya konstruktivnykh varganskoy narodov Sibiri [Typology of jaw harp constructions among the peoples of Siberia]. In *Varkan (khomus)i ego muzyka: Materialy I Vsesoyuz. konf. (Yakutsk, 1988)* [Jaw harp (khomus) and its music: Proceedings of the 1st All-Union conf. (Yakutsk, 1988)]. Yakutsk, 1991, pp. 14–22. (In Russian)
- Sokolova Z. P. *Etnograf v pole: Zapadnaya Sibir'. 1950-1980-e gody. Poevye materialy, nauchnye otchety i dokladnye zapiski* [An ethnographer in the field: Western Siberia. 1950s-1980s. Field materials, scientific reports, and memoranda]. Z. P. Sokolova (Ed.). Moscow, Nauka, 2016, 942 p. (In Russian)
- Sokolova Z. P. Muzykal'nye instrumenty khantov i mansi: K voprosu o proiskhozhdenii [Musical instruments of the Khanty and Mansi: On the question of origin]. In *Muzyka v obryadakh i trudovoy deyatel'nosti finno-ugrov* [Music in the rites and labor activity of the Finno-Ugrians]. Tallinn, 1986, pp. 9–21. (In Russian)
- Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin, Akademie Verlag, 1966, 1024 p.
- Tereshkin N. I. *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [Dictionary of Eastern Khanty dialects]. Leningrad, Nauka, 1981. 542 p. (In Khanty and Russian)
- Vertkov K. A., Blagodatov G. I., Yazovitskaya E. E. *Atlas muzykal'nykh instrumentov narodov SSSR* [Atlas of musical instruments of the peoples of the USSR]. Moscow, Gos. muz. izd., 1963, 276 p. (In Russian)

List of sources

- Berezovskiy rayonnyy kraevedcheskiy muzey [Berezovsky District Museum of Local History]. <https://berezovomuseum.ru/>
- PMA 1991 – Dni natsional'noy kul'tury, d. Lombovozh Berezovskogo r-na Tyumenskoy obl., iyul' 1991 [Days of national culture, Lombovozh village, Berezovsky District, Tyumen Region, July 1991]. V. I. Smotrov (Video), G. E. Soldatova (Audio).
- Elektronnyy depozitarnyy po fol'kloru obskikh ugrov i samodiytsev Obsko-ugorskogo instituta prikladnykh issledovaniy i razrabotok [Electronic depository of Ob-Ugric and Samoyed folklore of the Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development]. <https://folk.oupiir.ru>
- Gosudarstvennyy katalog muzeynogo fonda RF [State catalog of the museum fund of the Russian Federation]. <https://goskatalog.ru>
- PMA 2000 – Pripolyarnyy etnograficheskiy otryad Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, Shuryshkarskiy r-n YaNAO, Berezovskiy r-n KhMAO, iyul'–avgust 2000. A. V. Baulo, G. E. Soldatova [Subpolar Ethnographic Detachment of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Shuryshkarsky District, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Berezovsky District, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, July–August 2000. A. V. Baulo, G. E. Soldatova]. Field diary of G. E. Soldatova.
- PMA 2003 – Pripolyarnyy etnograficheskiy otryad Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, Shuryshkarskiy r-n YaNAO (v t. ch. na Ust'-Voykarskom gorodishche), Berezovskiy r-n KhMAO, iyul'–avgust 2003. A. V. Baulo, G. E. Soldatova [Subpolar Ethnographic Team of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Shuryshkarsky District, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (including the Ust-Voikarsky settlement), Berezovsky District, Khanty-Mansi Autonomous Okrug, July–August 2003. A. V. Baulo, G. E. Soldatova]. Field diary of G. E. Soldatova.
- Rossiyskiy etnograficheskiy muzey [Russian Ethnographic Museum]. Online Collections. <https://collection.ethnomuseum.ru/>
- Yamalo-Nenetskiy okruzhnoy muzeyno-vystavochnyy kompleks imeni I. S. Shemanovskogo [Yamalo-Nenets Okrug Museum and Exhibition Complex named after I. S. Shemanovsky]. <https://myk.yanao.ru/>

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
19.11.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Галина Евлампьевна Солдатова – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Российская Федерация)

Galina E. Soldatova – Candidate of Arts, Leading Researcher, Department of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

ge.soldatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1421-6075>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК: 811.51 + 81'34

DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-227-241

Перспективные научные направления в трудах Ираиды Яковлевны Селютиной по фонетике языков народов Сибири и сопредельных регионов

К. Н. Бурнакова¹, А. А. Добрынина²

¹ *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия*

² *Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия*

Аннотация

Доктор филологических наук, профессор Ираида Яковлевна Селютина вносит неоценимый личный вклад в дело фиксации, сохранения и исследования языков коренных народов Сибири и их звуковых систем. Возглавляемый ею коллектив ученых, используя объективные инструментальные научные методы, разрабатывает проблемы фонетической типологии и развивает научные концепции, заложенные основателем Сибирской фонологической школы В. М. Наделяевым. Использование данных экспериментальной фонетики в качестве историко-лингвистического источника позволило коллективу получить новые теоретические результаты, важные с точки зрения фонетической типологии и этнолингвистики.

Ключевые слова

экспериментальная фонетика, исследования языков народов Сибири, типология, фонологическая школа

Для цитирования

Бурнакова К. Н., Добрынина А. А. Перспективные научные направления в трудах Ираиды Яковлевны Селютиной по фонетике языков народов Сибири и сопредельных регионов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 227–241. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-227-241

Promising research directions the works of Iraida Yakovlevna Selyutina on the phonetics of the languages of the peoples of Siberia and adjacent regions

K. N. Burnakova¹, A. A. Dobrynina²

¹ *Moscow City University, Moscow, Russia*

² *Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia*

Abstract

Iraida Yakovlevna Selyutina has made, and continues to make, a substantial personal contribution to the documentation, preservation, and study of the languages of the Indigenous peoples of Siberia, especially in the area of phonetics. Under her leadership, a research team employing objective instrumental methods has investigated key issues in phonetic typology while further developing the scientific concepts of V. M. Nadelyaev, the founder of the Siberian Phonological School. The use of experimental phonetic data as a historical-linguistic source has yielded new theoretical results of significance for phonetic typology and ethnolinguistics. In particular, the principles underlying the structural and taxonomic organization of phonological systems in the Turkic languages of Southern Siberia have been identified. A new type of consonant system, organized according to the functioning of the laryngeal-pharyngeal section of the articulatory apparatus, has been introduced into the typological classification of the languages of Siberia. A comparable typological tendency has also been observed in the vowel systems of the region. Selyutina's work is distinguished by a unique approach that treats the articulatory-acoustic base as a key component of the cultural and linguistic code of an ethnic group. This perspective constitutes an important element of Russia's biological, cultural, and linguistic unity, as it seeks to

© К. Н. Бурнакова, А. А. Добрынина, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

identify invariant features that support the preservation of linguistic and cultural diversity. Her research provides a theoretical foundation for the development of a balanced language policy aimed at harmonizing inter-ethnic relations, addressing humanitarian challenges, and preventing ethnic conflicts within a global multiethnic society.

Keywords

experimental phonetics, research on the languages of the peoples of Siberia, typology, phonological school

For citation

Burnakova K. N., Dobrynina A. A. Perspektivnyye nauchnyye napravleniya v trudakh Iraidy Yakovlevny Selyutinoi po fonetike yazykov narodov Sibiri i sopredel'nykh regionov [Promising research directions in the works of Iraida Yakovlevna Selyutina on the phonetics of the languages of the peoples of Siberia and adjacent regions]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 227–241. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-227-241

Рис. 1. Ираида Яковлевна Селютина, 2017 г.

Fig. 1. Iraida Yakovlevna Selyutina, 2017

30 октября 2025 г. исполнилось 80 лет известному ученому-сибиреведу, языковеду и фонетисту Ираиде Яковлевне Селютиной. Это знаменательное событие для всей отечественной филологии, с ее именем неразрывно связаны самые яркие страницы Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ЛЭФИ ИФЛ СО РАН).

ЛЭФИ была открыта в 1968 г., после того как в августе 1966 г. директор Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР академик А. П. Окладников по рекомендации доктора филологических наук, профессора Е. И. Убрятовой пригласил в новосибирский

Академгородок из ленинградского отделения Института языкознания Владимира Михайловича Наделяева – известного монголиста, тюрколога, специалиста-теоретика общего языкознания, фонетиста-экспериментатора, развивающего идеи и методы своего учителя академика Л. В. Щербы. За годы работы в институте (1966–1985) В. М. Наделяев открыл новое направление в изучении языков и территориальных диалектов Сибири и создал сибирскую фонологическую школу. В русле его теоретических концепций и методологической базы изучались и продолжают изучаться его учениками и последователями, ныне под руководством И. Я. Селютиной, различные аспекты звукового строя бесписьменных и младописьменных языков, диалектов и говоров Сибири и сопредельных регионов.

Ираида Яковлевна Селютина – пример преданности науке: в трудовой книжке после отметки об окончании гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета в 1970 г. стоит всего одна запись о том, что в 1971 г. И. Я. Селютина начала работать в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР и по сей день работает в Институте филологии СО РАН.

Все последующие записи свидетельствуют о ее научных достижениях на основе двух фундаментальных трудов: в 1980 г. состоялась защита кандидатской диссертации «Кумандинский консонантизм (экспериментально-фонетическое исследование)» в Институте языкознания Казахской ССР (г. Алма-Ата); в 2000 г. – защита докторской диссертации «Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвистический источник (экспериментально-фонетическое исследование)» в Институте гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия).

Высочайшей заслугой, своеобразной миссией Ираиды Яковлевны, возложенной ею на себя, является трепетное сбережение и популяризация бесценного творческого наследия основателя ЛЭФИ ИФЛ СО РАН В. М. Наделяева, его уникального вклада в исследование звуковых систем языков коренных народов Сибири и сопредельных регионов. Обладая богатейшим опытом создания таких уникальных трудов, как «Древнетюркский словарь» [ДТС 1969], «Современный

Рис. 2. И. Я. Селютина и В. М. Надеяев
Fig. 2. I. Ya. Selyutina and V. M. Nadelyaev

Рис. 3. Лаборатория экспериментально-фонетических исследований. 1980 г. Слева направо: сидят в нижнем ряду – И. Я. Селютина, В. И. Баринов (зам. директора Института истории, филологии и философии СО АН СССР по административно-хозяйственной части), В. М. Надеяев; стоят в среднем ряду – Б. А. Седельников, С. Ф. Сегленмей, Н. А. Мандрова (Кирсанова), Ю. И. Васильев, К. Н. Бурнакова, Б. Б. Феер, В. Н. Парфирьев; стоят в верхнем ряду – С. П. Соктоева, А. Р. Бадмаев

Fig. 3. Laboratory of experimental phonetic research. 1980. From left to right: seated in the front row, I. Ya. Selyutina, V. I. Barinov (deputy director of the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences for administrative and economic affairs), V. M. Nadelyaev; standing in the middle row, – B. A. Sedelnikov, S. F. Seglenmey, N. A. Mandrova (Kirsanova), Yu. I. Vasilyev, K. N. Burnakova, B. B. Feer, V. N. Parfiryev; standing in the back row, S. P. Soktoeva, A. R. Badmaev

монгольский язык (морфология)» [Надеяев 1988] и др., Владимир Михайлович, талантливый народный педагог, излагал свои научные открытия преимущественно в устной форме, минуя публикационную активность. Его мысли и суждения сохранились в памяти учеников, аспирантов, соискателей, коллег и, частично, в магнитофонных архивных записях лаборатории, а также в статьях и диссертациях его последователей. Благодаря Ираиде Яковлевне, принявшей заведование ЛЭФИ после В. М. Надеяева и проанализировавшей по крупицам весь доступный материал по исчезающим разноструктурным языкам, диалектам и говорам коренных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока, удалось обнародовать стройную систему его научно-теоретических взглядов и внедрить его основные идеи и методы в научный оборот современной фонетической науки. То, что многие новаторские научные идеи В. М. Надеяева продолжают жить и развиваться в современной фонетической, лексической и грамматической научной традиции, большая заслуга Ираиды Яковлевны Селютиной.

Под руководством Ираиды Яковлевны внесены коррективы в типологическую классификацию консонантных систем языков Сибири: выявлены фонологические системы, структурируемые оппозицией единиц по работе гортани. Система такого типа, построенная в шорском языке по трихотомическому принципу (инъективные / статичные / эйективные согласные), может быть квалифицирована либо как наследие кетского субстрата, либо – шире – как отражение палеосибирского состояния. По аналогичному принципу организован консонантизм в языке барабинских татар [Рыжикова 2005], хотя и со своей спецификой. Инструментальные данные свидетельствуют о наличии корреляции между степенью напряженности и фарингализацией согласных [Уртегешев 2002, 2004; Селютина 2002].

Исследования вокальных систем в языках Сибири, проведенные под руководством И. Я. Селютиной, позволяют выделить в южно-сибирских тюркских языках две группы: 1) языки, вокальные фонематические системы которых структурируются с учетом характеристик гласных по глоттализованности / неглоттализованности (тувинский, тофский, туба диалект алтайского); 2) языки, в которых работа фаринкса не является фонематическим признаком. Все вокальные системы определяются оппозициями единиц по артикуляторному ряду, степени подъема, огубленности / неогубленности, краткости / долготы. Структурные и функциональные

характеристики систем гласных фонем позволяют соотнести рассматриваемые тюркские языки Южной Сибири с разными ветвями циркумбайкальского языкового союза [Наделяев 1986б; Селютина 2024: 6].

При общих принципах построения систем гласных фонем, в их субстантных характеристиках обнаруживаются существенные различия. В ареале функционирования южносибирских тюркских языков отмечается тенденция к деполяризации характеристик гласных по параметрам артикуляторного ряда. Функционально твердоядные гласные реализуются, как правило, не в заднерядных, а в более передних – центральнозадних настройках. Вместе с тем в подсистемах мягко-рядного вокализма происходит обратный процесс передвижения гласных назад – процесс активного вытеснения переднерядных гласных центральнозаднерядными (реже – центрально-рядными) настройками. Кроме тотального процесса деполяризации гласных по ряду, можно отметить параллельный процесс стирания различий гласных по степени подъема, зафиксированный в каа-хемском говоре тувинского языка [Селютина 2024: 17].

За годы существования ЛЭФИ подготовлено более пятидесяти кандидатских диссертаций, посвященных различным аспектам звукового строя сибирских языков; из них 11 защищены под руководством Ираиды Яковлевны Селютиной:

Кыштымова Г. В. Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка (экспериментально-фонетическое исследование). Алма-Ата, 1990;

Сарбашева С. Б. Вокализм и консонантизм туба-диалекта алтайского языка. Казань, 2002;

Уртегешев Н. С. Шумный консонантизм шорского языка: к проблеме типологии. Новосибирск, 2002;

Халдояниди А. К. Интонационные показатели тема-рематической организации высказывания (на материале русского языка). Томск, 2002;

Шалданова А. А. Вокализм диалекта алтай-кижи алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2003;

Дамбыра И. Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск, 2003;

Рыжикова Т. Р. Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск, 2003;

Кечил-оол С. В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск, 2004;

Субракова В. В. Консонантизм ниже-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Новосибирск, 2005;

Баданова Т. А. Словесное ударение в алтайском языке в сопоставительном аспекте. Новосибирск, 2007;

Эсенбаева Г. А. Вокализм киргизского языка в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск, 2008.

Защищена в 2021 году докторская диссертация *Уртегешева Н. С.* «Фонико-фонологическая система шорского языка в южносибирском тюркском контексте». Почти все доработанные кандидатские диссертации были изданы¹.

Несомненен организаторский талант Ираиды Яковлевны в деле руководства научными направлениями, разрабатываемыми лабораторией. Она не раз была руководителем и основным исполнителем коллективных, успешно реализованных исследовательских грантов РГНФ, РФФИ, РНФ, интеграционных программ РАН и Президиума СО РАН, мегагранта Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (2019–2021). На средства, полученные лабораторией по грантам, было приобретено современное научное оборудование, необходимое для проведения экспериментов программное обеспечение и материалы, что позволило ЛЭФИ продолжить исследования на современном научном уровне [Селютина 2012].

Бесценен личный вклад Ираиды Яковлевны в дело фиксации, сохранения и изучения живых звуковых систем языков коренных народов Сибири и сопредельных регионов. Усилия возглавляемого ею коллектива фонетистов направлены не только на поддержание и развитие научного

¹ Списки опубликованных монографий, сборников, авторефератов диссертаций, а также научных статей, выполненных в ЛЭФИ, см. на сайте ИФЛ СО РАН: <http://philology.nsc.ru/>.

направления, созданного ее учителем, но и на сохранение и укрепление материально-технической базы лаборатории (в том числе за счет средств, выделяемых по грантам государственными фондами), пополнение фактологической базы новаторских идей, повышение результативности в анализе звуковых систем с использованием объективных инструментальных методов и современных компьютерных технологий, на усиление и продвижение сибирской фонетической научной школы.

К актуальным научным направлениям, разрабатываемым сотрудниками лаборатории во главе с И. Я. Селютиной, относятся, в частности, следующие: общность и специфика артикуляторно-акустических баз языков народов РФ; типология вокальных и консонантных систем; выявление и интерпретация конститутивно-дифференциальных признаков гласных и согласных; проблемы выделения фонем и их аллофонов; палатальность и палатализация как параметры структурирования консонантных систем; артикуляторные и коартикуляторные процессы в речи и их влияние на звуковой облик слова; вопросы палатального сингармонизма в языках различного генезиса; интерпретация соматических и акустических характеристик звуков; установление параметров корреляции акустики, артикуляции и перцепции; особенности фонетических процессов на стыке морфем, слов, фонетические трансформации; вопросы интонации и акцентуации как составляющих элементов артикуляторно-акустической базы, их связь с актуальным членением, синтаксической и лексической организацией высказывания; анализ монологических и диалогических текстов.

Новизну исследования фонетистов ЛЭФИ составляет изучение широкого спектра вопросов, связанных с корреляцией модификаций фонетического строя языков и культурно-цивилизационных трансформаций, а также фонетических явлений в близкородственных и разносистемных языках.

Научная фонетическая школа И. Я. Селютиной поставила перед собой масштабную цель – рассмотреть новые тенденции в изучении звуков речи на материале малоизученных говоров, диалектов и языков Сибири в сравнительно-типологическом отношении.

При изучении фонетических единиц на сегментном и супraseгментном уровне применяются новейшие теоретические концепции и подходы: уже были созданы собственные практические ресурсы (фонетический фонд ЛЭФИ), в настоящее время пополняется научный потенциал фонетических исследований, соответствующий нуждам нормирования орфоэпических норм литературных языков с разными диалектными системами на фонетическом уровне; внедряются достижения фонетической науки, усиливая доказательную базу фактологического материала в доступной форме современными объективными инструментальными экспериментально-фонетическими методами на конкретном материале малоизученных диалектов и языков народов Сибири и сопредельных регионов, а также продвигаются инновационные компьютерные технологии в исследовании звучащей речи исчезающих языков коренных народов РФ в современном языковом и дидактическом пространстве.

Результаты исследований фонико-фонологических систем разноструктурных языков Сибири и сопредельных регионов используются в образовательной деятельности гуманитарных отделений вузов как в Новосибирской области, так и на других территориях Сибири (Новосибирский государственный университет, Горно-Алтайский государственный университет, Хакаский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Тувинский государственный университет, Томский государственный педагогический университет, Новокузнецкий государственный университет и др.). Разработанная на материале сибирских языков новая методика использования экспериментально-фонетических данных для реконструкции истории языков и этносов получила признание и применяется специалистами различных НИИ и вузов при изучении языков различной типологии.

Ираида Яковлевна являлась приглашенным профессором Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, первым среди вузов Центральной Азии вошедшего в Топ-400 лучших университетов мира (по данным QS World University Rankings 2012). Прочитан курс лекций «Фонологические системы тюркских языков Сибири» (68 часов) для преподавателей, аспирантов и магистрантов ².

² <https://www.philology.nsc.ru/departments/lef/peopleselutina.php>

Большое место в работе фонетистов ЛЭФИ занимает разработка универсальной научной теории артикуляционно-акустических баз (ААБ), рассматриваемой В. М. Надеяевым в качестве историко-лингвистического источника изучения древнейших контактов этносов и их языков на территории Сибири [Надеяев 1986а]. Определен объем понятия ААБ, выделены его потенциальные доминанты и представлены в виде формул. Артикуляционно-акустическая база складывается из следующих компонентов: консонантизм – С, вокализм – V, силлабика – S, гармония гласных – Н, акцентуация – А, тональность – Т, ритмомелодика – RМ. Объем понятия ААБ можно представить в виде формулы: ААБ {CVS(Н)A(Т)RМ} [Надеяев 1969, 1986а; Фононовации... 2024].

Перспективны исследования И. Я. Селютиной в области социофонетики и фонетической вариативности. Ираида Яковлевна использует уникальный подход к исследованию ААБ как ключевой составляющей культурно-языкового кода этноса. Выделение доминантной роли ААБ в культурно-языковом контексте подчеркивается особым вниманием к исключительным языковым группам и редким языкам, что представляет собой важную составляющую биологического, культурного и языкового единства в Российской Федерации, поскольку направлено на выявление в них инвариантных черт, способствующих сохранению языкового и культурного многообразия страны. Фиксация и изучение данных по языкам способствует сохранению нематериального культурного наследия народов Сибири и сопредельных регионов, служит базой для изучения динамики языковых процессов. Научные результаты трудов Ираиды Яковлевны являются теоретической основой для выработки рациональной языковой политики, направленной на гармонизацию отношений, на решение гуманитарных проблем, предотвращение этнических конфликтов в мировом полиэтническом сообществе [Фононовации... 2024].

Особое место в ЛЭФИ занимает изучение сегментных и супraseгментных уровней исчезающих малоизученных говоров, диалектов и языков Сибири:

- изучение процессов синтетики глагольных аналитических конструкций как показателей общих для южносибирского региона фонетических трансформаций, выявление в каждом из идиомов уникальности этих преобразований как компоненте культурного кода этноса [Уртегешев и др. 2021];

- возрастание требований к коммуникативному взаимодействию и толерантности членов общества определяют особую актуальность выявления ритмико-мелодической специфики высказываний с различной коммуникативной установкой. Результаты исследования интонационных особенностей спонтанной диалогической речи некоторых этносов отражены в базе данных «Интонация диалогической речи миноритарных народов Новосибирской области и сопредельных регионов» [2025].

Экспериментальная фонетика постоянно находится в поиске методов исследования, которые помогут подробно изучить и описать процессы, происходящие во время производства речи. Такие методы часто заимствуются из других наук, в том числе из медицины. Так, с 2009 г. фонетисты ЛЭФИ вышли на качественно новый методологический и аппаратный уровень исследования языков народов Сибири, используя междисциплинарный системный подход и перспективные многообещающие методы фонетического исследования. Начали применять в работе цифровой рентгенограф, магнитно-резонансный томограф, ширококанальный стандартный бронхоскоп, хотя они имеют и существенные недостатки (высокая стоимость, времяемкость процесса, стационарность установки и т. д.), тем не менее предоставляют обширную и достаточно точную информацию об особенностях артикуляции как в статике, так и в динамике. Были получены на материале языков Сибири новые перспективные результаты по актуальным проблемам типологии артикуляционно-акустических баз и внесены коррективы в представления ученых о принципах системно-структурной организации фоико-фонологических систем [Селютина и др. 2012, 2013].

Под руководством Ираиды Яковлевны в ЛЭФИ постоянно развиваются и совершенствуются приемы научного анализа. В рамках мегагранта стало возможным приобретение специально разработанных приборов для использования в экспериментальной фонетике, которые не требуют медицинского образования для его применения, – это электромагнитный артикулограф, электропалатограф и ультразвуковой шлем. Компактность данных приборов позволяет брать их в экспедиции и использовать в полевых условиях. Заявленная производителем приборов минимальная

подготовка к эксперименту и простая, быстрая и эффективная постобработка полученных данных позволяют экономить время при проведении артикуляторных и звуковых тестов, а также способствуют скорейшему введению полученных данных в научный оборот [Рыжикова и др. 2021, 2024; Тимкин 2023].

Результаты, полученные с применением новейших технологий, позволили сотрудникам ЛЭФИ сформировать базу объективных данных о соматических параметрах звуков речи в языках Сибири, разработать новые методики обработки и интерпретации материалов, поставить задачу построения корреляционной модели, в которой переменными величинами являются артикуляторные и акустические параметры звуков речи.

Для адекватной передачи звуковых систем в языках мира, а также для научного издания фонетических трудов коллективом ЛЭФИ разработан специализированный шрифт LEFI2013 (первым разработчиком в 1996 г. была О. Таборская, в 2013 г. редактирование осуществил Е. Петровский). Шрифт создан на базе универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ) [Наделяев 1960], широко используемой в исследованиях звуковых систем языков народов Сибири и сопредельных регионов. Данный шрифт кардинально отличается от предыдущих тем, что он строго систематичен: сначала идут согласные (спереди назад – от губных к глоточным), потом гласные (от передних к задним), потом диакритика. Благодаря систематичности пользоваться им намного удобнее, хотя и он открыт для доработки³.

Ираида Яковлевна – автор и соавтор 16 монографий, 6 учебных пособий и более 400 научных статей, опубликованных, в том числе, в высокорейтинговых журналах, входящих в международные базы цитирования Web of Science Core Collection и Scopus (индекс Хирша в РИНЦ – 20), редактор более 60 опубликованных монографий и серии сборников научных трудов.

С 1991 г. И. Я. Селютина – член Ученого совета Института филологии СО РАН; в 1993–2000 гг. – ученый секретарь специализированного Совета по защитах кандидатских диссертаций по специальности 10.02.02. «Языки народов Российской Федерации» при Институте филологии ОИИФФ СО РАН; в 2002–2022 гг. – член Диссертационного совета Д 003.040.01 по защитах диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Институте филологии СО РАН; с 2025 г. по настоящее время является членом Диссертационного совета 24.1.142.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по специальности 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки) на базе Института филологии СО РАН.

И. Я. Селютина является членом Российского комитета тюркологов, членом редколлегии журналов «Урало-алтайские исследования», «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Теоретическая и прикладная лингвистика», «Языки и фольклор коренных народов Сибири», «Научное обозрение Саяно-Алтая», «Turkic Studies Journal».

Ираида Яковлевна Селютина удостоена многочисленных государственных наград и наград Новосибирской области:

- 1) Почетное звание «Заслуженный ветеран СО РАН», 1996 г.;
- 2) Почетное звание «Ветеран труда Новосибирской области», 2006 г.;
- 3) Почетный знак «Серебряная сигма» СО РАН. Новосибирск, 2007 г.;
- 4) Памятный знак «За труд на благо города» в честь 115-летия со дня основания города Новосибирска, 2008 г.;
- 5) Памятная медаль «За вклад в развитие Новосибирской области» (75 лет), 2012 г.;
- 6) Памятный знак «За труд на благо города» в честь 120-летия со дня основания города Новосибирска, 2013 г.;
- 7) Почетная грамота городского совета Новосибирска за личный вклад в изучение звуковых систем, языков и территориальных диалектов Сибири и сопредельных регионов и подготовку высококвалифицированных научных кадров и в связи с 50-летием СО РАН, 2007 г.;
- 8) Почетная грамота Президиума Сибирского отделения Российской академии наук за многолетний добросовестный труд, большие достижения в области экспериментальной фонетики, плодотворную научную, педагогическую деятельность и в связи с юбилеем; 30 октября 2015 г.;

³ <https://www.philology.nsc.ru/departments/lef/index.php>

9) Почетная грамота Президиума Сибирского отделения Российской академии наук за большой личный вклад в проведение научных исследований, содействие в выполнении научно-исследовательских работ и в связи с 60-летием Сибирского отделения РАН; 18 мая 2017 г.;

10) Почетная грамота Российской академии наук за многолетний добросовестный труд, большой вклад в развитие отечественной науки в области филологии и в связи с юбилеем; 20 октября 2020 г.;

11) Юбилейная медаль РАН «300 лет Российской Академии Наук». 8 февраля 2024 г.;

12) Почетное звание «Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации». Ведомственная награда Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; 2024 г.;

13) Памятный знак «Золотая сигма» СО РАН, 2025 г.;

14) Почетное звание «Заслуженный деятель науки Сибирского отделения РАН», 2025 г.

Титанический труд Ираиды Яковлевны Селютиной как руководителя ЛЭФИ дает нам право считать ее одним из ведущих специалистов в своей области не только в отечественной, но и в международной экспериментальной фонетике. ЛЭФИ является единственной в России лабораторией, где успешно используются новые методы для комплексного инструментального исследования звуковых систем бесписьменных, младописьменных и новописьменных языков народов Сибири и сопредельных регионов.

Состоявшаяся 28 октября – 1 ноября 2025 г. в «Точке кипения» Академпарк новосибирского Академгородка масштабная всероссийская научная конференция с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» была посвящена 80-летию со дня рождения И. Я. Селютиной и прошла на одном дыхании.

В течение трех дней на семи секционных заседаниях обсуждался широкий круг вопросов, связанных с различными аспектами изучения языков:

- 1) морфологические исследования языков Сибири и сопредельных регионов;
- 2) лексические исследования языков Сибири и сопредельных регионов;
- 3) социолингвистические и сравнительно-исторические исследования языков Сибири и сопредельных регионов;
- 4) лингвокультурологические исследования языков Сибири и сопредельных регионов;
- 5) синтаксические исследования языков Сибири и сопредельных регионов;
- 6) способы выражения сравнения в языках Сибири и сопредельных регионов;
- 7) экспериментально-фонетические исследования языков Сибири и сопредельных регионов.

Традиционно на научной конференции, которая проводится ежегодно, собирается большое количество ученых из различных уголков нашей страны и зарубежья. В этом году в работе научного форума приняли участие 111 докладчиков из 17 городов России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Ижевск, Ханты-Мансийск, Элиста, Улан-Удэ, Новокузнецк, Томск, Новосибирск, Барнаул, Горно-Алтайск, Абакан, Кызыл, Якутск, Благовещенск). Смешанный формат участия позволил выступить с онлайн-докладами коллегам из Астаны, Шымкента (Казахстан) и Ашхабада (Туркменистан). Таковы чисто количественные данные, свидетельствующие о напряженной работе конференции.

В связи с приуроченностью мероприятия к юбилею Ираиды Яковлевны Селютиной, фонетическая проблематика красной нитью пронизывала всю программу конференции. Накануне начала конференции, 28 октября, сотрудники ЛЭФИ провели экскурсию в Институте филологии СО РАН с демонстрацией возможностей нового оборудования, используемого для проведения фонетических исследований.

На открытии конференции 29 октября 2025 г. был представлен фрагмент документального фильма «Ученый, Учитель, Хранитель науки», подготовленного учеником Ираиды Яковлевны, ведущим научным сотрудником, доктором филологических наук Н. С. Уртегешевым, монтаж был выполнен К. А. Сагалаевым – младшим научным сотрудником сектора фольклора Института филологии СО РАН. В фильме Ираида Яковлевна рассказала о своем пути в науку, об истории становления и развития ЛЭФИ им. В. М. Наделяева.

Рис. 4. Участники конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов», 30 октября 2025 г.
Fig. 4. Participants of the conference “Languages of the Peoples of Siberia and Adjacent Regions”,
October 30, 2025

Рис. 5 И. Я. Селютина с участниками фонетической секции, 2025 г. Слева направо: Е. А. Шестера,
Т. В. Тимкин, Н. В. Якимец, Ю. Д. Абаева, И. Я. Селютина, В. В. Субракова, Т. Р. Рыжикова,
К. В. Шиндрова, Н. С. Уртегешев

Fig. 5. I. Ya. Selyutina with participants of the phonetic section, 2025. From left to right: E. A. Shestera,
T. V. Timkin, N. V. Yakimets, Yu. D. Abaeva, I. Ya. Selyutina, V. V. Subrakova, T. R. Ryzhikova,
K. V. Shindrova, N. S. Urtegeshev

Рис. 6. Сотрудники Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева
сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, 2025 г. Слева направо: А. А. Добрынина,
И. Я. Селютина, Т. Р. Рыжикова, Т. В. Тимкин, Н. С. Уртегешев, К. В. Шиндрова, Н. В. Якимец. 2025 г.

Fig. 6. Staff members of the V. M. Nadelyaev Laboratory of Experimental Phonetic Research, Sector of the Lan-
guages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sci-
ences, 2025. From left to right: A. A. Dobrynina, I. Ya. Selyutina, T. R. Ryzhikova, T. V. Timkin,
N. S. Urtegeshev, K. V. Shindrova, N. V. Yakimets. 2025

На пленарном заседании первого дня работы конференции научный сотрудник, кандидат филологических наук Т. В. Тимкин (в соавторстве с Н. Б. Кошкаревой, Н. С. Уртегешевым, Т. Р. Рыжиковой и И. М. Плотниковым) представил коллективный доклад «Фонетика сургутского диалекта хантыйского языка: результаты многоаспектного экспериментального описания». В докладе данные, полученные в ходе предшествующих описаний, объединены в общей фонологической модели, отражающей типологические и диалектные особенности фонетики сургутских говоров. На основании комплекса методик описан ряд явлений из области вокализма и консонантизма языка сургутских хантов: состав системы гласных и согласных по отдельным говорам, характер оппозиции по количеству в подсистеме гласных, изменение фонологического статуса огубленности в системе гласных и согласных, характер подсистем латеральных согласных и заднеязычных согласных.

В завершении первого дня научный сотрудник Национальной библиотеки им. М. В. Чевалкова (г. Горно-Алтайск) кандидат филологических наук, доцент Л. Н. Тыбыкова представила участникам конференции документальный фильм о петроглифах и тюркских рунических надписях Республики Алтай.

На пленарном заседании второго дня выступила зав. отделом урало-алтайских языков Института языкознания РАН, чл.-корр. РАН А. В. Дыбо с докладом «Рефлексы начального **j*- в тюркских языках Южной Сибири», где, в частности, автор сделал заключение о первоначально глайдовом, нежели шумном характере начального **j*-.

В третий день были представлены пленарные доклады «Дискурсивные маркеры в текстах на северном диалекте ительменского языка» заведующего лабораторией исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН, кандидата филологических наук, доцента О. А. Казакевич и доклад «Перспективные научные направления в трудах И. Я. Селютиной по фонетике языков народов Сибири и сопредельных регионов» профессора кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета доктора филологических наук К. Н. Бурнаковой.

Вместе с раздаточными материалами участники конференции получили библиографический указатель трудов И. Я. Селютиной, составленный Н. С. Уртегешевым, в котором наиболее полно и широко отражается масштаб научной и просветительской деятельности ученого. В издании в хронологическом порядке с 1976 по 2025 гг. представлены сведения о более 400 библиографических записей монографий, словарей, статей, рукописей диссертаций, научно-исследовательских отчетов и проектов на русском и других языках.

Сама Ираида Яковлевна на конференции сделала два доклада, в которых освещались актуальные проблемы палатальности и палатализации в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. На пленарном заседании в докладе «Категория фонетической мягкости в языках алтайской общности: стратегии реализации и корреляционные модели» отмечалось, что функционирование корреляционных моделей, детерминированных стратегией реализации моллисности конкретного языка, определяет специфику его сингармонической системы, формирует сингармонические слоговые цепочки и сингармонические звуковые цепи словоформ. Докладчик выявил три стратегии реализации категории фонетической мягкости, выбор которых обусловлен наличием в консонантной системе языка в качестве средств реализации категории мягкости класса среднеязычных согласных фонем или палатализованных консонантов различных артикуляционных рядов. Второй доклад был сделан на секционном заседании на третий день конференции: «Смягченные согласные: палатальные или палатализованные?». Безупречно выстроенная система доказательств основных теоретических положений докладов, заключение о том, что нарушение сингармонизма носителем гармонического языка в принципе невозможно, поскольку законы сингармонизма, свойственные артикуляционно-акустической базе того или иного языка, строго алгоритмичны и автоматически воспроизводятся его носителями, а также предположение о том, что неоднородность тюркской мягкорядной словоформы является рефлексом древнетюркского состояния, вызвали живой интерес лингвистов.

В рамках конференции состоялось заседание круглого стола «Современные экспериментально-фонетические методы в полевой и лабораторной практике». О принципах и подходах к сегментированию речевых сигналов сообщил Н. С. Уртегешев. Об интонационных стратегиях в языках Сибири и Дальнего Востока рассказала д-р филол. наук, профессор, профессор Амур-

ского госуниверситета О. Н. Морозова (г. Благовещенск). Результаты ультразвукового исследования артикуляции согласных в ямальском диалекте ненецкого языка представили сотрудники Института языкознания РАН М. К. Амелина и канд. филол. наук Н. В. Макеева (г. Москва). Активное обсуждение вызвали доклады Г. А. Мороза «Автоматизация фонетического анализа: обзор и практическое применение пакетов на R» и О. В. Гончаровой «PySound: цифровая обработка сигналов».

Интенсивная и содержательная работа проводилась также в рамках заседаний секций. Важно отметить, что заседаниями секций руководили не только организаторы, но и лингвисты из других регионов: Ю. Д. Абаева, Л. Б. Будажапова, Г. А. Дырхеева, Н. И. Данилова, Д. Ш. Харанутова, Б. Д. Цырендоржиева, А. Э. Чумакаев, А. Н. Майзина, Л. Н. Тыбыкова, С. Б. Сарбашева, В. В. Субракова, В. А. Иванов, Е. В. Кашкин. Доклады вызвали большой интерес присутствующих.

Второй день конференции был наполнен поздравлениями и особенной радостью – именно 30 октября исполнилось 80 лет многоуважаемой Ираиде Яковлевне, которая смогла заложить прочный фундамент для развития экспериментальной фонетики в Сибири. Она принимала многочисленные поздравления от коллег и учеников.

Памятный адрес юбиляру, подписанный губернатором Новосибирской области А. А. Травниковым, вручил министр науки и инновационной политики Новосибирской области В. В. Васильев. Начальник отдела общественных и историко-филологических наук Управления организации научных исследований Сибирского отделения РАН Л. А. Курышева вручила нагрудной знак «Золотая сигма» и от лица Президиума СО РАН объявила о присвоении Ираиде Яковлевне Селютиной Почетного звания «Заслуженный деятель науки Сибирского отделения РАН». С поздравлениями выступили директор Института филологии СО РАН, чл.-корр. РАН И. В. Силантьев, а также заведующая сектором фольклора народов Сибири Е. Н. Кузьмина.

Поздравительные адреса в честь замечательной юбилейной даты Ираиды Яковлевны поступили от многочисленных научных коллективов российских институтов и вузов, большинство из представителей которых принимали очное участие в работе конференции и лично поздравили юбиляра: Институт языка, литературы и искусства имени Галимджана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань), Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа), Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова (г. Горно-Алтайск), Горно-Алтайский университет, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (г. Абакан), Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (г. Кызыл), Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (г. Элиста), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск), Амурский государственный университет (г. Благовещенск), Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург).

Все участники конференции от души произносили много теплых слов, поздравлений и благожеланий в адрес нашей дорогой Ираиды Яковлевны, благодарили ее за доброе сердце, за помощь не только в научной деятельности, но и в обычных житейских делах, добросовестный труд, активную научную позицию, творческую энергию и бесценный вклад в процветание российской науки.

Коллеги из Института языкознания им. И. Насими НАН Азербайджана (г. Баку) в своем теплом поздравлении написали: «Человеческая жизнь измеряется не длиной лет, а осмысленной и достойной жизнью. В этом смысле Вам можно только позавидовать ... Богатый путь научного творчества, Ваши ученики, которые Вас любят и развивают Ваши научные идеи, ученые из многих стран мира, которые ценят Ваше творчество и Вашу личность ... Достижения, которыми Вы можете гордиться, оглядываясь на прожитые годы. Все это – золотые буквы, вписанные в Ваше имя, но мы уверены, что Ваши лучшие исследования и достижения еще впереди».

На заключительном заседании конференции, подводя итоги насыщенной и познавательной конференции, выступила заведующая сектором языков народов Сибири д-р филол. наук, профессор Н. Б. Кошкарева, она познакомила участников конференции с некоторыми редкими, новыми и уникальными изданиями. Организаторы мероприятия выразили огромную признательность всем и особенно постоянным участникам конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» и надежду на новую встречу в 2026 г.

Фундаментальные идеи проведенной юбилейной научной конференции, посвященной юбилею Ираиды Яковлевны нам предстоит осмыслить и оценить, принять и активно использовать в исследовательской работе. Заложенные основателем ЛЭФИ В. М. Наделяевым научные направления, связанные с изучением звуковых систем языков Сибири и сопредельных регионов, продолжают развиваться его учениками и учениками учеников под руководством Ираиды Яковлевны Селютиной, а созданная им лаборатория занимает одно из лидирующих мест в стране и за рубежом.

Многолетняя работа И. Я. Селютиной как тонкого знатока особенностей звукового строя говоров, диалектов и языков народов Сибири и сопредельных регионов на уровне мельчайших нюансов звучащей материи, специалиста, вносящего свой вклад в общезвучающую теорию и практику ее применения, авторитетного тюрколога, опытного педагога-наставника, умеющего объяснить самые сложные проблемы начинающему лингвисту, опытного педагога-наставника с широкой душой, вносящего неоценимый вклад в отечественную гуманитарную науку.

Рис. 7. И. Я. Селютина в кругу ближайших коллег и учеников. Слева направо: Н. С. Уртегешев, А. А. Добрынина, Г. А. Эсенбаева, С. Б. Сарбашева, Т. А. Баданова, В. В. Субракова, Т. Р. Рыжикова, Т. В. Тимкин

Fig. 7. I. Ya Selyutina among her closest colleagues and students. From left to right: N. S. Urtegeshev, A. A. Dobrynina, G. A. Esenbaeva, S. B. Sarbasheva, T. A. Badanova, V. V. Subrakova, T. R. Ryzhikova, T. V. Timkin

Ираида Яковлевна является достойным примером для подражания, гордости учеников и коллег. Высокий профессионализм Ираиды Яковлевны, целеустремленность и огромное трудолюбие, замечательные деловые, лидерские и прежде всего человеческие качества всегда были направлены на достижение высоких результатов. Сегодня И. Я. Селютина находится на самом плодотворном жизненном этапе, когда опыт гармонично сочетается с мудростью и знанием

жизни, когда сделано уже многое, а будущее наполнено новыми планами и научными перспективными направлениями с надежной поддержкой учеников и коллег. Так пусть все задуманное осуществляется всегда самым наилучшим образом.

Уважаемой Ираиде Яковлевне желаем крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, бодрости духа, гармонии, счастья, благополучия родным и близким!

Список литературы

- ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 68 с.
- Наделяев В. М. К типологии артикуляционно-акустических баз // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986а. С. 3–15.
- Наделяев В. М. Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. Новосибирск, 1986б. С. 3–4.
- Наделяев В. М. Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск, 1988. 113 с.
- Рыжикова Т. Р. Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2005. 269 с.
- Рыжикова Т. Р., Добрынина А. А., Тимкин Т. В. Изучение прерывистых гласных сургутского диалекта хантыйского языка методом прямой цифровой ларингоскопии: предварительные результаты // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 102–111.
- Рыжикова Т. Р., Добрынина А. А., Шиндрова К. В., Григорьева А. С., Якимец Н. В., Мананков Ю. А. Интонация диалогической речи миноритарных народов Новосибирской области и сопредельных регионов. Новосибирск, 2025. Свидетельство № 2025624136 от 30 сентября 2025 г.
- Рыжикова Т. Р., Тимкин Т. В., Добрынина А. А. Язычные носовые согласные алтайского языка (результаты электропалатографического и ультразвукового исследования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 88. С. 92–110.
- Селютин И. Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Наука, 1983. 184 с.
- Селютин И. Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 184 с.
- Селютин И. Я. Экспериментально-фонетические данные по языкам народов Сибири как историко-лингвистический источник // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 83–102.
- Селютин И. Я. В. М. Наделяев – основатель сибирской фонологической школы // Новые исследования Тувы. 2012. № 3. URL: https://new-tuva.info/issue_15.html (дата обращения: 01.11.2025).
- Селютин И. Я. Вокализм в южносибирских тюркских языках: принципы системно-структурной организации // Вокализм звучащей речи народов России и зарубежья. Благовещенск: АмГУ, 2024. 198 с.
- Селютин И. Я., Уртегешев Н. С., Летягин А. Ю., Шевела А. И., Добрынина А. А., Эсенбаева Г. А., Савелов А. А., Резакова М. В., Ганенко Ю. А. Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 374 с. (Серия: Интеграционные проекты. Вып. 41)
- Селютин И. Я., Уртегешев Н. С., Эсенбаева Г. А., Добрынина А. А., Рыжикова Т. Р. Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири. Новосибирск, 2013. 352 с.
- Тимкин Т. В. Звонкость согласных в сургутском диалекте хантыйского языка по данным электроглоттографии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (Вып. 47). С. 9–25.
- Уртегешев Н. С. Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2002. 304 с.
- Уртегешев Н. С. Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск: Сова, 2004. 240 с.
- Уртегешев Н. С., Селютин И. Я., Добрынина А. А., Рыжикова Т. Р. Фонетические трансформации в аналитических формах тюркского глагола. Новосибирск: Академиздат, 2021. 252 с.

Фононовации в современном языковом и дидактическом пространстве: опыт, проблемы, перспективы. М.: Языки народов мира, 2024. 324 с.

References

- Drevnetyurkskiy slovar'* [Old Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russian)
- Fononovatsii v sovremennom yazykovom i didakticheskom prostranstve: opyt, problemy, perspektivy* [Phonovations in the modern linguistic and didactic space: experience, problems, prospects] Moscow, "Languages of the peoples of the world" Publ., 2024, 324 p. (In Russian)
- Nadelyaev V. M. K tipologii artikulyatsionno-akusticheskikh baz [On the typology of articulatory-acoustic bases]. In *Foneticheskie struktury v sibirskikh yazykakh* [Phonetic structures in Siberian languages]. Novosibirsk, 1986a, pp. 3–15. (In Russian)
- Nadelyaev V. M. *Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkripsii* (UUFT) [Universal Unified Phonetic Transcription (UFT) Project]. Moscow, Leningrad, 1960, 68 p. (In Russian)
- Nadelyaev V. M. *Sovremennyy mongol'skiy yazyk. Morfologiya* [Modern Mongolian language. Morphology]. Novosibirsk, 1988, 113 p. (In Russian)
- Nadelyaev V. M. Tsirkumbaykal'skiy yazykovoy soyuz [Circumbaikal language union]. In *Issledovaniya po fonetike yazykov i dialektov Sibiri* [Research on the phonetics of Siberian languages and dialects]. Novosibirsk, 1986b, pp. 3–4. (In Russian)
- Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Shindrova K. V., Grigoreva A. S., Yakimets N. V., Manakov Yu. A. *Intonatsiya dialogicheskoi rechi minoritarnikh narodov Novosibirskoi oblasti i sopredelnykh regionov* [Intonation of dialogic speech of minority peoples of the Novosibirsk region and adjacent regions]. Novosibirsk, 2025. Certificate No. 2025624136 dated September 30, 2025. (In Russian)
- Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Timkin T. V. Izuchenie preryvistykh glasnykh surgutskogo dialekta khantyyskogo yazyka metodom pryamoy tsifrovoy laringoskopii: predvaritel'nye rezul'taty [Study of interrupted vowels of the Surgut dialect of the Khanty language by direct digital laryngoscopy: preliminary results]. *Bulletin of Ugric studies*. 2021, vol. 11, no. 1, pp. 102–111. (In Russian)
- Ryzhikova T. R. *Konsonantizm yazyka barabinskikh tatar: sopostavitel'no-tipologicheskii aspekt* [Baraba-tatars' consonantism: comparative-typological aspect]. Novosibirsk, SB RAS, 2005, 270 p. (In Russian)
- Ryzhikova T. R., Timkin T. V., Dobrynina A. A. Yazychnye nosovye soglasnye altayskogo yazyka (rezul'taty elektropalatograficheskogo i ul'trazvukovogo issledovaniya) [Lingual nasal consonants of the Altai language (results of electropalatographic and ultrasonic research)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2024, no. 88, pp. 92–110. (In Russian)
- Selyutina I. Ya. Eksperimentalno-foneticheskie dannie po yazykam narodov Sibiri kak istoriko-lingvisticheskii istochnik [Experimental phonetic data on the languages of the peoples of Siberia as a historical and linguistic source]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2002, no. 1, pp. 83–102. (In Russian)
- Selyutina I. Ya. *Kumandinskiy konsonantizm. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie* [Kumandinsky consonantism. Experimental phonetic research]. Novosibirsk, Nauka, 1983, 184 p. (In Russian)
- Selyutina I. Ya. *Kumandinskiy vokalizm. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie* [Kumandinsky vocalism. Experimental phonetic research]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1998, 184 p. (In Russian)
- Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Esenbayeva G. A., Dobrinina A. A., Ryzhikova T. R. *Atlas konsonantnykh artikulyatsii v tyurkskikh yazykakh narodov Sibiri* [Atlas of consonantal articulations in the Turkic languages of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, NSU, 2013, 352 p. (In Russian)
- Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Letyagin A. Yu., Shevela A. I., Dobrinina A. A., Esenbayeva G. A., Savelov A. A., Rezakova M. V., Ganenko Yu. A. *Artikulyatornyye bazy korennykh tyurkskikh etnosov Yuzhnoy Sibiri (po dannym MRT i tsifrovoy rentgenografii)* [Articulatory bases of the indigenous Turkic ethnoses of southern Siberia (MRI and digital radiography)]. Novosibirsk, SB RAS, 2012, 374 p. (Series: Integration projects. Iss. 41) (In Russian)

Selyutina I. Ya. V. M. Nadelyaev – osnovatel' sibirskoi fonologicheskoi shkoly [V. M. Nadelyayev – a founder of Siberian phonology school]. *The New Research of Tuva*. 2012, no. 3. URL: https://new-tuva.info/issue_15.html (accessed 01.11.2025). (In Russian)

Selyutina I. Ya. Vokalizm v yuzhnosibirskikh tyurkskikh yazikakh: printsipi sistemno-strukturnoi organizatsii [Vocalism in the South Siberian Turkic languages: principles of systemic and structural organization]. In *Vokalizm zvuchashchei rechi narodov Rossii i zarubezhya* [Vocalism of the spoken language of the peoples of Russia and abroad]. Blagoveshchensk, AmSU, 2024, 198 p. (In Russian)

Timkin T. V. Zvonkost' soglasnykh v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka po dannym elektroglossografii [Consonants voicing in Surgut Khanty based on electroglottography data]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 9–25. (In Russian)

Urtegeshev N. S. *Maloshumnyy konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale mrasskogo dialekta)* [Low-Noise Consonantism of the Shor Language (on the Material of Mras Dialect)]. Novosibirsk, Sova, 2004, 240 p. (In Russian)

Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Dobrynina A. A., Ryzhikova T. R. *Foneticheskie transformatsii v analiticheskikh formakh tyurkskogo glagola* [Phonetic transformations in the analytical forms of the Turkic verb]. Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 252 p. (In Russian)

Urtegeshev N. S. *Shumnyy konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale mrasskogo dialekta)* [Noisy Consonantism of the Shor Language (on the Material of Mras Dialect)]. Novosibirsk, 2002, 304 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
01.11.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Клара Николаевна Бурнакова – доктор филологических наук, профессор кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Москва, Россия)

Klara N. Burnakova – Doctor of Philology, Professor of English Studies and Cross-Cultural Communication Department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University (Moscow, Russia)

klara_burnakova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-5833-594X>

Альбина Альбертовна Добрынина – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Albina A. Dobrynina – Candidate of Philology, Senior Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

dobrinina@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5841-4714>

Юбилей Светланы Павловны Рожновой

22 ноября 2025 г. исполнилось 90 лет ветерану сибирской фольклористики, лауреату Государственной премии Российской Федерации, переводчику, литературоведу, поэтессе, человеку-легенде Светлане Павловне Рожновой.

Светлана Павловна более 40 лет проработала в Институте филологии СО РАН. Сначала с группой литературоведов она трудилась над созданием двухтомного издания «Очерки русской литературы Сибири». Затем, с 1983 г., ее таланты, силы и энергия оказались связаны с титульным для сибирской фольклористики проектом – академической серией «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Она стояла у его истоков, разрабатывала принципы перевода фольклорных текстов, переводила сама и учила тонкостям этой работы многочисленных авторов томов и молодых коллег. С ее непосредственным участием, отраженным в титулах, вышло 18 томов, другие несут в себе отпечаток ее эрудиции и таланта наставника, всегда готового дать добрый совет. Высокий научный уровень фольклористического перевода памятников, опубликованных в се-

рии, во многом связан с уникальной личностью Светланы Павловны, с ее интеллектом, широчайшим кругозором, тонким художественным вкусом и потрясающим трудолюбием.

В свое время С. П. Рожнова по политическим причинам (она одна из подписантов «Письма 46») не смогла защитить диссертацию и получить ученую степень, однако ее труды были по достоинству отмечены позже. Вместе с группой коллег, создававших серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и работающих над ней, Светлана Павловна Рожнова стала лауреатом Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники 2001 г.

Каждый, кто трудился рядом со Светланой Павловной, хранит в себе не только частичку ее знаний и профессионализма, но и теплый свет ее души. Посылаем свои добрые пожелания нашей дорогой и любимой коллеге и ее замечательной семье!

*Сотрудники сектора фольклора народов Сибири
Коллектив Института филологии СО РАН*

Список томов академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», вышедших с участием С. П. Рожновой как редактора перевода

[2.] Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон». Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 312 с.

[4.] Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилийэ». Новосибирск: ВО «Наука», 1993. 330 с.

[9.] Предания, легенды и мифы саха (якутов). Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1995. 400 с.

-
10. Якутский героический эпос. «Могучий Эр Соготох». Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. 440 с.
15. Алтайские героические сказания. Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. 668 с.
16. Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин». Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. 479 с.
17. Шорские героические сказания. Кан Перген. Алтын Сырык. М.; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с.
18. Фольклор удэгейцев. Ниманку. Тэлунгу. Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1998. 561 с.
19. Фольклор долган. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. 448 с.
20. Бурятские народные сказки. О животных. Бытовые. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 2000. 304 с.
24. Обрядовая поэзия саха (якутов). Новосибирск: Наука, 2003. 512 с.
26. Мифы, сказки, предания манси (вогулов). Новосибирск: Наука, 2005. 475 с.
28. Мифы, легенды, предания тувинцев. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с.
29. Фольклор шорцев. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с.
30. Несказочная проза алтайцев. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с.
31. Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть 1: Семейно-обрядовые песни и причитания. Новосибирск: Наука, 2011. 548 с.
32. Обрядовая поэзия и песни эвенков. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2014. 487 с.
33. Хакасские народные сказки. Новосибирск: Омега Принт, 2014. 770 с.

Публикации о С. П. Рожновой

[Архивная страница С. П. Рожновой](#) на сайте ИФЛ СО РАН.

[Достояние Республики](#). Звания лауреатов Государственной премии России присвоены группе филологов из нескольких институтов СО РАН // № 32–33 (2368–2369), 16 августа 2002 г.

Кузьмина Е. Н. [Талант – быть Человеком](#) (к 85-летию Светланы Павловны Рожновой) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (Вып. 40). С. 128–132.

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ
2025. № 4 (Вып. 56)

В оформлении обложки использована репродукция картины

Любови Арбачаковой «Медвежья песня»

Раздел «Лингвистика»: редактор и оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»: редактор и оператор электронной верстки *К. Д. Козырева*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

ISSN 2712-9608

